

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 23. № 4

2024



ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 23. No. 4

2024



Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**



The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024

Том 23. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024

Volume 23. No. 4

18+



SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024. Vol. 23. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*

(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval,*

I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Aug. 21, 2024.

Date of publication: Dec. 19, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 20.6. Published pages 22.2.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order 107. «C» 32.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024. Т. 23. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 21.08 2024 г.

Дата выхода в свет: 19.12 2024 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,6.
Уч.-изд. л. 22,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).
Заказ 107. «С» 32.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Дмитриева Е.Г.* Эмотивная лексика как средство выражения аксиологических смыслов в житийном тексте 6
- Милованова М.В.* Гендерные стереотипы в толковых и толково-переводных словарях русского языка в аспекте социальной эксклюзии, инклюзии 16
- Стародубцева Н.А., Харченко С.Ю.* Ключевые понятия традиционной духовной культуры и средства их выражения в лексиконе диалектоносителей 31
- Шигуров В.В.* Транспозиция субстантивных словоформ в наречия интервала: ступени, признаки, предел 43
- Юрина Е.А., Шлотгауэр Е.А.* Метафоризация тактильных жестов в русском языке 57

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Астафурова Т.Н., Палашевская И.В.* Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде 70
- Гусейнова И.А., Горозжанов А.И.* Антислова как фактор идеологизации современного политического дискурса Германии [На англ. яз.] 84
- Фадеева М.Ю.* Лингвокультурные закономерности вербализации чужести в оригинале и переводе на примере художественного дискурса 96
- Матыцина М.С., Прохорова О.Н., Чекулай И.В.* Возможности изучения сочетаемости и устойчивости лексических единиц статистическими методами (на примере глагола *take*) 106
- Гуртуева И.А., Каменский М.В.* Интерферированная русская речь носителей кабардино-черкесского языка: экспериментальное исследование 119

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Рацибурская Л.В., Бусарева С.Г.* Поликодовость как проявление креативности современного медийного текста 142
- Ерофеева И.В., Сабирова А.И.* Неузвальное словообразование в поэтическом дискурсе рубежа XX–XXI веков 159
- Гусева А.Д.* Языковое осмысление типажного заимствования «супермен» в русскоязычном медийном дискурсе 171
- Акимова Э.Н., Мочалова Т.И.* Квантитативные характеристики в языковой картине мира диалектоносителя 184

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Dmitrieva E.G.* Emotive Vocabulary as a Means of Expressing Axiological Meanings in a Hagiographic Text 6
- Milovanova M.V.* Gender Stereotypes in Explanatory and Translation Dictionaries of the Russian Language in the Aspect of Categories of Social Exclusion, Inclusion 16
- Starodubtseva N.A., Kharchenko S.Yu.* The Key Concepts of Traditional Spiritual Culture and the Means of Their Expression in the Lexicon of Dialect Speakers 31
- Shigurov V.V.* Transposition of Substantive Word Forms into Adverbs of Interval: Stages, Signs, Limit 43
- Yurina E.A., Shlotgauer E.A.* Metaphorization of Tactile Gestures in Russian 57

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Astafurova T.N., Palashevskaya I.V.* Discourse of Cancel Culture in Anglo-Saxon Academia 70
- Guseynova I.A., Gorozhanov A.I.* Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse 84
- Fadeeva M.Yu.* Linguacultural Patterns of Foreignness Verbalization in Source Text and Its Translation in the Literary Discourse 96
- Matytcina M.S., Prokhorova O.N., Chekulai I.V.* Combinability and Stability Analysis of Lexical Units by Statistical Methods (Exemplified by the Verb *Take*) 106
- Gurtueva I.A., Kamensky M.V.* Interfered Russian Speech of Native Speakers of the Kabardian-Circassian Language: An Experimental Study 119

MATERIALS AND REPORTS

- Ratsiburskaya L.V., Busareva S.G.* Polycodeness as Creativity Manifestation in Modern Media Text 142
- Erofeeva I.V., Sabirova A.I.* Non-Usual Word Formation in Poetic Discourse at the Turn of the 20th – 21st Centuries 159
- Guseva A.D.* Understanding the Typical Borrowing of “Superman” in the Russian-Language Media Discourse 171
- Akimova E.N., Mochalova T.I.* Quantitative Characteristics in the Linguistic Worldview of a Dialect Speaker 184

ДИСКУССИИ

<i>Петрова А.А., Привалова И.В.</i> Развитие когнитивных структур младших и старших подростков в устных спонтанных пересказах [<i>На англ. яз.</i>]	196
<i>Косова М.В., Шептухин М.К.</i> Адресат как фактор адаптации вида документа	209

DISCUSSIONS

<i>Petrova A.A., Privalova I.V.</i> Dynamics of Junior and Senior Adolescents' Cognitive Structures in Oral Spontaneous Recalls	196
<i>Kosova M.V., Sheptukhin M.K.</i> Addressee as a Factor in Document Type Adaptation	209



www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>

UDC 811.161.1'04

LBC 81.411.2-03

Submitted: 25.12.2023

Accepted: 09.04.2024

EMOTIVE VOCABULARY AS A MEANS OF EXPRESSING AXIOLOGICAL MEANINGS IN A HAGIOGRAPHIC TEXT

Evgeniia G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article focuses on the functional and semantic features of the vocabulary of emotions as a means of conveying ideas about spiritual and moral values, the religious and moral ideal. The research is carried out on the material of hagiographic texts of the *Life of Artemy Verkolsky*, which dates back to the turn of the 17th – 18th centuries. The appeal to the analysis of the lexical meaning of emotives in a synchronic and diachronic aspect has enabled the author to identify the stability of semantic features that express two types of assessment: assessment from the position of the subject – ‘the nature of emotion’ (positive / negative / neutral) and assessment from the position of society – ‘assessment of emotional experience’ (approved / disapproved / ambivalent). It was noted that the main emotive lexemes in the *Life of Artemy Verkolsky* perform characterological, text-forming and didactic functions: emotives describe the significant traits of the actors, organize the compositional unity of the text and form the axiological structure of the text, convey value implications. The axiological model of the hagiographic text is constructed as an opposition of good and evil, in which heaven and earth, higher forces and man are involved, and which occurs in the human soul that is struggling with passions. The lexis of emotions expresses the key values for a Christian: attitude to God (love, fear of God) and to people (respect).

Key words: history of the Russian language, lexical semantics, vocabulary of emotions, semantics of assessment, functions of language units, hagiographic text.

Citation. Dmitrieva E.G. Emotive Vocabulary as a Means of Expressing Axiological Meanings in a Hagiographic Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 25.12.2023

Дата принятия статьи: 09.04.2024

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на материале Жития Артемия Веркольского, относящегося к рубежу XVII–XVIII вв., рассматриваются функционально-семантические особенности лексики эмоций как средства передачи представлений о духовно-нравственных ценностях, религиозно-нравственном идеале. В результате

анализа лексических значений эмотивов в синхронно-диахроническом аспекте выявлена устойчивость семантических признаков, выражающих два вида оценки: оценку с позиции субъекта – ‘характер эмоции’ (положительная / отрицательная / нейтральная) и оценку с позиции социума – ‘оценка эмоционального переживания’ (поощряемое / непоощряемое / амбивалентное). Установлены основные для эмотивных лексем в Житии Артемия Веркольского функции – характерологическая, текстообразующая и дидактическая: эмотивы описывают значимые черты действующих лиц, создают композиционное единство жития и формируют аксиологическую структуру текста, транслируя ценностные смыслы. Аксиологическая модель агиографического текста строится как противопоставление добра и зла, в которое вовлечены небо и земля, высшие силы и человек и которое происходит в человеческой душе, борющейся со страстями. Лексика эмоций выражает ключевые для христианина ценности: отношение к Богу (любовь, страх Божий) и к людям (уважение).

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, лексика эмоций, семантика оценки, функции языковых единиц, житийный текст.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Эмотивная лексика как средство выражения аксиологических смыслов в житийном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>

Введение

«Оценка», «оценочность», «ценность» – понятия, соотносимые в исследовательской практике с различными языковыми свойствами и фактами, – уже давно стали предметом постоянных научных дискуссий и разысканий.

Интерес к оценке как семантической категории возник в отечественном языкознании прежде всего в связи с анализом лексического значения слова и семантики высказывания. Е.М. Вольф отмечает: «Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой”» [Вольф, 2002, с. 5–6]. Н.Д. Арутюнова подчеркивает прагматический характер оценки, ее зависимость от контекста, взаимосвязь с жизнедеятельностью человека, социальную обусловленность [Арутюнова, 1988, с. 6–8]. Исследователь указывает на связь оценки с нормой, реляционный характер оценки, отражающей отношение «между миром и его идеализированной картиной» [Арутюнова, 1988, с. 59]. При этом важно, что оценочные суждения способствуют созданию и познанию идеализированной картины мира [Арутюнова, 1988, с. 60]. Т.В. Маркелова уделяет особое внимание различиям между оценочным значением как содержательной языковой категорией, с необходимостью выражающей оценочное суждение, и оценочным значением как коннотацией, осложнением семантических структур высказывания [Маркелова, 1993, с. 47].

Особый интерес вызывает тесная связь оценки и эмоций. Ряд ученых признают, что эмотивность (эмоциональность) и оценочность – это самостоятельные категории. Например, В.К. Харченко обращает внимание на следующий момент: «Так как оценочность представляет собой функциональную категорию, она меньше всего является “созначением” и тем самым отличается от эмоциональности и экспрессии» [Харченко, 1976, с. 67]. Другие ученые считают, что эмотивность (эмоциональность) и оценочность – это взаимосвязанные, но факультативные друг для друга категории. Так, Э.А. Вайгла отмечает: «Вся эмоциональная лексика современного русского языка распадается на две большие группы: слова эмоционально-оценочные и слова, не содержащие оценки» [Вайгла, 1978, с. 4]. Аналогичную позицию по данному вопросу занимает и Е.М. Вольф: «С точки зрения анализа ЭС (эмоциональных состояний. – Е. Д.) очевидно, что оценочные смыслы так или иначе присутствуют как в лексемах, которые связаны с моральными категориями (стыд, гордость и др.), так и в обозначениях собственно эмоций... В то же время имеются предикаты, которые не связаны с определенной оценкой» [Вольф, 1996, с. 152]. Имеются работы, в которых эмотивность (эмоциональность) и оценочность трактуются как нерасторжимые категории, составляющие единый компонент значения слова (см., например: [Коновалова, 2001; Лукьянова, 1986; Маркелова, 1993; Родионова С. Е., Родионова А. Е., 1996; и др.]).

Идеи об оценке как семантической категории получили развитие в рамках нового направления – аксиологической лингвистики, в центре внимания которой находятся ценности – «высшие ориентиры поведения» [Россия лингвистическая..., 2012, с. 161], концентрированное выражение культуры. На базе аксиологической лингвистики появляются смежные дисциплины, например, аксиография (оценочная лексикография) – область общей лексикографии, занимающаяся лексикографическим описанием оценочно маркированной лексики, созданием словарей оценочной лексики [Маркелова, Тихонова, 2017, с. 89].

Оценка, выражающая ценностные ориентиры народа, может отражаться в конкретных языковых единицах, например, в лексическом значении слова или фразеологизма, и в культурно значимых текстах. Исследователи отмечают, что «источки ценностного миропонимания русского человека могут быть обнаружены как в мифологии и фольклоре Древней Руси, так и в памятниках древнерусской письменности, в летописях и житиях, в архитектуре храмов, в иконах и т. д.» [Лукьянов, 2015, с. 8].

Жития, безусловно, относятся к культурно значимым текстам, поскольку их авторы сосредоточены на описании религиозно-нравственного идеала.

Выражение оценки в агиографическом тексте имеет свою специфику. Применительно к агиографическому тексту прежде всего требует корректировки тезис, который сформулирован Е.М. Вольф: предикаты эмоционального состояния оценивают внутреннее состояние субъекта, при этом «никоим образом не значит, что оценивается сам субъект» [Вольф, 2002, с. 230]. Проведенный нами ранее анализ употребления эмотивных глаголов показал, что статус характеризуемого субъекта (святой / обычный человек) – один из важнейших факторов, определяющих выбор предикативной единицы [Дмитриева, 2008, с. 426].

Новые возможности для описания специфики выражения оценки в житии открывает разрабатываемая в аксиолингвистике идея об инвариантной аксиологической модели текста определенного типа (см., например: [Марьянич, 2009]). Как представляется, по отноше-

нию к житию также можно говорить об аксиологической модели текста.

Цель статьи – на основе анализа семантики и функций эмотивов в конкретном житии охарактеризовать их как средство выражения ценностных доминант текста, формирующих его аксиологическую структуру.

Материал и методы

Материалом для исследования послужило Житие Артемия Веркольского в редакции конца XVII – начала XVIII в. [Савельева, 2010, с. 201].

В центре повествования находится крестьянский мальчик, который не проявил себя в традиционном христианском подвиге, потому что погиб в двенадцатилетнем возрасте от удара молнии во время земледельческих работ.

К лику праведников святой Артемий Веркольский был причислен на основании имеющихся сведений о посмертных чудотворениях, поэтому при описании его жизни важно было подчеркнуть ее праведность: благочестие родителей, отказ от детских игр и раннее обращение к Богу.

Л.А. Дмитриев характеризует Житие Артемия Веркольского как «один из образцов того типа севернорусских житий, в котором святым становится не подвижник во славу церкви и религии, а человек из народа, “народный святой”, возбудивший к себе симпатию своей горестной судьбой» [Дмитриев, 1973, с. 249]. Е.А. Рыжова относит Житие Артемия Веркольского к широкой группе житий праведников, отмечая разнообразие таких произведений, не ограничивающихся только сюжетом «святой из гробницы» [Рыжова, 2022, с. 86]. В жанровом отношении жития праведников демонстрируют трансформацию житийного канона и сближаются со сказаниями и повестями о чудотворных иконах [Рыжова, 2023, с. 36].

Бедность событийной основы собственно житийной части в рассматриваемом тексте потребовала от агиографа поиска компенсирующих элементов, которые смогли бы создать образ будущего праведника. Л.А. Дмитриев в этой связи пишет: «Вся эта риторичность, пышность и торжественность более

чем в каком-либо другом житии не соответствует событийной основе памятника. В этом отношении житие Артемия Веркольского является ярким образцом искусственности, нарочитости употребления риторических приемов в угоду требованиям жанровых канонов» [Дмитриев, 1973, с. 255]. Однако «соблюдение жанровых канонов» позволяет автору жития выразить свою аксиологическую программу, в которой одно из важнейших мест отдано эмоциональной сфере.

В центре нашего внимания находятся лексика эмоций, функционирующая в исследуемом житии. Ее анализ опирается на результаты наших предыдущих работ, в которых лексика эмоций понимается как совокупность лексем, служащих для обозначения и описания эмоций и чувств и их внешних проявлений. Эмотивы могут означать процесс эмоционального переживания, следствие эмоционального переживания, эмоциональное воздействие. Реконструкция семантической структуры единиц, входящих в данное лексическое множество, позволила выделить их значимые семантические признаки, к которым прежде всего относятся 'эмоциональное переживание' (маркер принадлежности к группе эмотивов), 'характер эмоции' (положительная / отрицательная / нейтральная), 'интенсивность эмоционального переживания' (высокая / средняя / низкая) [Семантика..., 2015, с. 188], 'оценка эмоционального переживания' (поощряемое / непоощряемое / амбивалентное) [Дмитриева, 2021, с. 58]. Таким образом, оценка дважды отражается в семантике эмотива: как внутренняя характеристика (чувство, соотносимое с удовольствием / неудовольствием субъекта эмоционального переживания) и как внешняя (социальное одобрение / неодобрение).

К основным функциям эмотивной лексики, которые определяют место данной лексической группы в репрезентации представлений о нравственном идеале, относятся: собственно лингвистические – характерологическая, текстообразующая, лингвокультурная и экстралингвистические – сюжетоформирующая, дидактическая, мировоззренческая (подробнее о терминах см.: [Дмитриева, 2020]).

Исследование, результаты которого представлены в статье, проведено в рамках синхронно-диахронического подхода. В качестве

основных в работе использованы методы компонентного, контекстуального и лингвокультурного анализа.

Результаты и обсуждение

В Житии Артемия Веркольского через описания эмоций и чувств определяются существенные свойства всех героев повествования, находящихся на небе и на земле: противостояние добра и зла в мире показано через отношение высших сил к человеку, человека к Богу и к другим людям.

Рассказ об эмоциональных переживаниях создает привычную для читателей этикетную рамку агиографического текста, которая обуславливает использование большого количества цитат, традиционных языковых средств, организованных между собой знакомыми читателю связями. Все это призвано подтвердить незыблемость ценностей. Кроме того, эмотивы выполняют комплекс функций, важнейшими из которых являются характерологическая, текстообразующая и дидактическая.

Во вступительной части жития противопоставлены Святой Дух – утешитель – и падший ангел Сатанаил – гордец, завистник и ненавистник человеческого рода:

(1) Духъ же Святой, **утѣшителю** благий и животворящий, иже от Отца исходяй и на Сыне почи-
ваяй (ЖАВ, л. 262 об.);

(2) И постави же десятому чину воеводу Сатанаила. Сей же своею **гордостью** превознесся... (ЖАВ, л. 262 об. – 263);

(3) И **ненавидяй** добра роду человеку, **завистливый** диявол прелсти их, еже преступити данную имъ заповѣдь (ЖАВ, л. 263).

Существительное *утешитель* является производным от глагола *утешить*, который образован от *тешить* (*тешить* → *утешить* → *утешитель*), этимологически связанного с прилагательным *тихий* (Фасмер, т. 4, с. 54). Предположительно, старшим значением древнего корня, к которому могут быть возведены современные *-теш-* / *-тих-*, было значение «успокаивать», «удовлетворять», «утешать» (Черных, т. 2, с. 243).

В древнерусском языке **ѹтѣшителъ** – «податель утешения, успокоения», «наимено-

вание Святого Духа, Параклит» (Срезн., т. 3, стб. 1325), от *ѹтѣшити* – «утешить, успокоить» (Срезн., т. 3, стб. 1325).

Таким образом, лексема *утешитель* на протяжении древнерусского и старорусского периодов развития русского языка сохраняет в качестве основного значение, выражающее социально одобряемое эмоциональное воздействие, в результате которого объект избавится от отрицательного переживания. Эта лексема в православном христианском сознании прочно связана с именем Святого Духа. Использование данного существительного как характеризующего средства позволяет подчеркнуть внимание и заботу, которыми Бог окружает человека.

В описаниях дьявола устойчивыми можно считать такие характеристики, как гордец, завистник и ненавистник человеческого рода.

М. Фасмер, приводя славянские параллели, не представляет древнейшую семантику корня прилагательного *гордый* (Фасмер, т. 1, с. 440). П.Я. Черных, считая этимологию слова не вполне ясной, приводит точку зрения Ю. Покорного, который считал старшим для общеславянского языка значение «разборчивый», «придирчивый», «привередливый», восходящее к индоевропейской базе «растирать», «изнурять» (Черных, т. 1, с. 204). В «Этимологическом словаре славянских языков» происхождение корня объясняется с учетом взаимосвязи древних значений «гордый, надменный» и «страшный, безобразный», а также балтийских и греческих параллелей как экспрессивная инновация с развитием семантики «застывший, малоподвижный» → «чопорный, гордый» (ЭССЯ, вып. 7, с. 207).

В «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» прилагательное *гърдѣти* зафиксировано в следующих значениях: «непокорный, дерзкий», «высокомерный, надменный; кичливый», «жестокий», губительный», «суровый, безжалостный», «славный, выдающийся» (СДЯ, т. 2, с. 409), существительное *гърдость* толкуется как «непокорность, дерзость», «высокомерие, надменность» (СДЯ, т. 2, с. 408). И.И. Срезневский основным для него называет значение «гордость, хвастливость» (Срезн., т. 1, стб. 613).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *гордость* имеет также два значе-

ния – «гордость, высокомерие, надменность» и «дерзость» (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 82).

Глагол *завидовать* восходит к *видеть* и, возможно, связан с представлением о «дурном глазе» (Фасмер, т. 2, с. 72). При этом в качестве старшей формы и старшего значения указывается *завидѣти* – «видеть издали», «начать видеть», «засмотреться», суффикс *-ова-* маркирует появление нового значения «смотреть, засматриваться недоброжелательно, косо или зло», «видеть искаженно» и устраняет омонимию (Черных, т. 1, с. 313).

В древнерусском языке прилагательное *завистливѣти* («завистливый») было однозначным (СДЯ, т. 3, с. 287), в старорусском оно становится многозначным, реализуя значения «завистливый», «скупой, ревниво охраняющий что-либо от других, не желающий делить что-л. с кем-л.» (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 151).

Глагол *ненавидеть* образован при помощи приставки со значением отрицания от отсутствовавшей уже в древнерусском языке лексемы **навидѣти* «охотно смотреть, навещать» (Фасмер, т. 3, с. 63; Черных, т. 1, с. 569).

В древнерусском языке глагол *ненавидѣти* выступает как моносемант со значением «ненавидеть, испытывать отвращение» (СДЯ, т. 5, с. 306), от него образовывалось существительное *ненавистникъ* – «тот, кто исполнен ненависти, ненавистник», «тот, кого ненавидят» (СДЯ, т. 5, с. 306–307).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *ненавистникъ* отмечается в двух значениях: «тот, кто ненавидит (кого-, что-л.), ненавистник, враг» и «недовольный» (СРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 181).

Лексикографические источники позволяют проследить историю слов *гордость*, *ненавистник*, *завистливый*: в течение древнерусского и старорусского периодов они выступали как обозначения исключительно социально неодобряемых эмоций. Устойчивость отрицательной оценки, ее однозначность позволяли рассматриваемым языковым единицам выступать в житийном тексте характерологическим средством, фиксирующим представления об антиценности.

Таким образом, антагонизм высших сил, эксплицирующийся в тексте жития через

противопоставление положительных и отрицательных эмоций, ценностей и антиценностей, задает аксиологическую структуру житийного текста. Эмотивы, выражающие ключевую оппозицию добра и зла, реализуют, помимо характерологической, текстообразующую и дидактическую функции.

Важное место занимает лексика эмоций и в описании отношений человека к Богу и святым:

(4) Адам же изыде из Рая, и начат труд творити – землю дѣлати, по словеси Господню, и питатися от нея, и **славити** Бога (ЖАВ, л. 263);

(5) Добро есть и полезно, еже **славити** Бога без престани и поклонятися в Троицы **славимому** Господу нашему Иесу Христу, еже показа намъ свѣтильника сего, праведнаго и непорочнаго чюдотворца Артемия (ЖАВ, л. 263);

(6) Воистину убо богоблаженнаго сего достойно **прославити** и пѣти усердно, образу его молитися, творящаго многа и **преславная** чюдеса и исцѣления больным... (ЖАВ, л. 263 об.).

Основной лексемой здесь выступает глагол *славити* (*прославити*), восходящий к индоевропейской основе, той же, что и у *слыть*, *слово*, *слух*, *слышать* (Черных, т. 2, с. 173) и однокоренные образования с близкой семантикой.

Авторы «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» фиксируют для глагола **славити** семь значений: «уважать, признавать, высказывать почтение», «ниспосылать блага, успех, высокое положение, славу», «распространять славу, делать известным», «прославлять, восхвалять», «утверждать, провозглашать (что-л.), учить», «почитать в религиозном смысле», «быть сторонником» (СДЯ, т. 11, с. 276–278), при этом анализ приводимых контекстов показал, что использование данной лексемы с существительными, называющими Бога и святых, характерно для значения «прославлять, восхвалять». Это значение является основным для глагола **прославити** (СДЯ, т. 9, с. 164). Прилагательное **преславныи** используется в древнерусских текстах в значениях «пользующийся великой славой, в высшей степени достойный славы; весьма почитаемый» и «удивительный, необычайный; замечательный, необыкновенный» (СДЯ, т. 8, с. 277–278).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *славити* фиксируется как многозначная: 1) «прославлять, восхвалять, хвалить», «почитать, чтить», «называть кем-л., прославлять в качестве кого-л.»; 2) «распространять слухи, какие-л. сведения о ком-, чем-л.»; 3) «ходить во время праздника Рождества по домам верующих с крестом, иконами и пением гимнов, восхваляющих Христа»; 4) «полагать, считать; верить» (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 56–57).

Помимо *славити*, в житии представлены и другие глаголы, например, *возлюбити* – «полюбить, принять» (СДЯ, т. 2, с. 80), «полюбить, возлюбить» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 294):

(7) Бѣ же отроча пяти лѣтъ, и начат лишатися дѣтскаго обычая, и возненавидѣв игры дѣтския, **возлюбил** Бога. И начат трудъ творити, зѣмное дѣло, и питатися от нея по Господню словеси... (ЖАВ, л. 264).

Лексемы *славити*, *прославити* и *возлюбити*, выражая положительные, социально одобряемые чувства (или их проявления), описывают значимые, устойчивые ценности и реализуют характерологическую функцию.

Важным в этой связи оказывается в рассматриваемом тексте мотив страха:

(8) И бысть облакъ темень с небеси аки ночь, изо облака же дождю многу, и громъ велий, и молния неизреченная **страшна**. Якоже Давыдъ глаголет во Псаломстѣи книги: «Собираяй яко мѣх воды морския, полагаяй во сокровищихъ бездны. Да **убоит** же **ся** Господа вся земля, от негоже подвижатся вси живущи по вселеннѣи» (ЖАВ, л. 264 об. – 265);

(9) Блаженный же **ужасеся**, и от того великаго **ужаса** и грому испусти духъ, и предасть душу свою в руцѣ Господеви. Якоже самъ рече Господь: «Бѣжите от гнѣва Господня». И паки рече: «Аще гнѣвъ Божий, или молния и громъ поразит человека, и азъ сам сужду рабу моему» (ЖАВ, л. 265).

Страх в контексте житийного повествования это не только страх Божий как воплощение христианской добродетели, но и причина смерти будущего святого. Как отмечает Е.А. Рыжова, «умершие внезапной смертью составляли, согласно христианскому мировоззрению, особый разряд: они не могли погребаться по христианскому обряду, по-

скольку не успели исповедаться, получить отпущение грехов и причаститься» [Рыжова, 2023, с. 39]. В житиях святых, умерших внезапной смертью, нередко возникала необходимость прокомментировать почитание подвижника, удостоившегося «злообразной» кончины [Рыжова, 2023, с. 38]. В рассматриваемом тексте таким комментарием становится цитата из Жития Андрея Юродивого.

Для описания отношения святого к другим людям агиограф выбирает глагольные лексемы, характеризующие глубокое уважение:

(10) Сей праведный Артемий работая отцу своему и **послушая** его во всем неотложно... (ЖАВ, л. 264);

(11) Праведный же отрок **почитая** отца своего и мать свою, и любя Господа Бога, и моления творя многа, и милости от него прося (ЖАВ, л. 264 об.).

Глагол *послушати* в значении «послушаться, повиноваться» (СДЯ, т. 7, с. 253), «повиноваться; (по)слушаться кого- или чего-л., последовать совету, указанию» (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 190) представляет собой результат семантического развития и переосмысления перцептивной лексемы с семантикой слухового восприятия. Глагол *почитати*, восходящий к тому же корню, что и *честь*, *читать* (Черных, т. 2, с. 393), имел значение «читать, почитать» (СДЯ, т. 7, с. 403), «проявлять внимание, уважение, почтение; чтить» (СРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 76).

Обе лексемы характеризуют положительное, социально одобряемое эмоциональное отношение, проявляющееся как ценность, – уважение.

Выводы

Лексемы, выбранные агиографом для описания эмоциональных переживаний, характеризуются устойчивостью семантических признаков, связанных с оценкой: ‘характер эмоции’, ‘оценка эмоционального переживания’. Данное их свойство прослеживается как в синхроническом плане (в текстах XVII в.), так и в диахроническом (этимология и развитие значений в древнерусском и старорусском периодах). Думается, использование этих языковых единиц позволяет автору четко и однозначно передать христианские ценностные ориентиры,

охватывающие представления о добре и зле, об отношении к Богу и другим людям.

В Житии Артемия Веркольского лексика эмоций реализует три основных функции:

– характерологическую, называя значимые, сущностные ключевые черты носителей эмоциональных переживаний, а также субъектов эмоционального воздействия;

– текстообразующую, поскольку данные эмотивы, четко разделяясь на отрицательные, социально порицаемые и положительные, социально одобряемые, задают оценочную рамку повествования, в конечном итоге определяя композицию, построение текста, опирающееся на противопоставление добра и зла;

– дидактическую, так как агиограф дает своему читателю четкую установку, формирующую представления о религиозно-нравственном идеале.

Бедность событийной основы проанализированного жития позволяет увидеть определяющее значение эмотивной лексики в построении аксиологической структуры агиографического текста, тесно связанной с житийным каноном, и, следовательно, реализующей аксиологическую модель жития. Значимость эмотивной составляющей в данной модели позволяет поставить вопрос о жанрообразующей роли лексики эмоций в агиографическом произведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Вайгла Э. А., 1978. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 21 с.
- Вольф Е. М., 1996. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М. : ИЯЗ. С. 137–167.
- Вольф Е. М., 2002. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС. 280 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.
- Дмитриев Л. А., 1973. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XII–XVII вв. Л. : Наука. 303 с.

- Дмитриева Е. Г., 2008. Эмотивная глагольная лексика как средство создания образа святого в старорусских житиях // Мир Православия. Волгоград : Изд-во ВолГУ. Вып. 7. С. 424–436.
- Дмитриева Е. Г., 2020. Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. № 19. С. 41–52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Дмитриева Е. Г., 2021. Лексика эмоций в житиях святых для детей: функциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 6. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>
- Коновалова Н. И., 2001. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира Екатеринбург : Изд-во Дома учителя. 150 с.
- Лукьянов В. Г., 2015. Русская религиозная аксиология. [Б. м.] : Алетейя. 135 с.
- Лукьянова Н. А., 1986. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск : Наука. 230 с.
- Маркелова Т. В., 1993. Семантика оценки и средств ее выражении в русском языке. М. : МПУ. 123 с.
- Маркелова Т. В., Тихонова М.А., 2017. Словарная статья «Словаря оценочной лексики русского языка» как функционально-семантическое поле оценки в миниатюре // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 8, № 1. С. 89–96. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96
- Марьянчик В. А., 2009. Событие как элемент аксиологической структуры медиа-политического текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 54–58.
- Родионова С. Е., Родионова А. Е., 1996. Эмоционально-оценочное значение пренебрежительности и средства его выражения в современном русском языке // Исследования по семантике : Семантические категории в русском языке. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та. С. 84–96.
- Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда, 2012. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 389 с.
- Рыжова Е. А., 2022. К проблеме жанровой интеракции: севернорусские агиографические памятники о явленных иконах и святых // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 44, № 5. С. 85–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.791
- Рыжова Е. А., 2023. Тема божественного промысла в агиографической традиции и житиях праведников Русского Севера // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. № 1–2. С. 34–49. DOI: 10.34130/2306-8450-2023-1-2-34
- Савельева Н. В., 2010. Сказания XVII века о святых, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб. : Изд-во Олега Абышко. 448 с.
- Харченко В. К., 1976. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. № 3. С. 66–71.

ИСТОЧНИК

ЖАВ – Житие Артемия Веркольского // Савельева Н. В. Сказания XVII века о святых, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2010. С. 202–242.

СЛОВАРИ

- СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–13. – М. : Рус. яз. ; Азбуковник, 1988–2023.
- Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Репринт. изд. М. : Знак, 2003. 3 т.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М. : Наука, 1975–2023.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Терра-Азбука, 1996. 4 т.
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2002. 2 т.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39. М. : Наука, 1974–2014.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Vaigla E.A., 1978. *Emotsionalnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka i problemy ee perevoda (na russko-estonskom materiale): avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Emotional Vocabulary of the Modern Russian Language and the Problems of Its Translation (Based on

- Russian-Estonian Material). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 21 p.
- Wolf E.M., 1996. Funktsionalnaya semantika. Opisanie emotsionalnykh sostoyaniy [Functional Semantics. Description of Emotional States]. *Funktsionalnaya semantika: otsenka, ekspressivnost, modalnost* [Functional Semantics: Evaluation, Expressiveness, Modality]. Moscow, IYaZ, pp. 137-167.
- Wolf E.M., 2002. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ. 280 p.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V., Sheptukhina E.M., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Dmitriev L.A., 1973. *Zhitiynye povesti russkogo Severa kak pamyatniki literatury XII–XVII vv.* [Hagiographic Stories of the Russian North as Literary Monuments of the 12th–17th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ. 303 p.
- Dmitrieva E.G., 2008. Emotivnaya glagolnaya leksika kak sredstvo sozdaniya obraza svyatogo v starorusskikh zhitiyakh [Emotive Verbal Vocabulary as a Means of Creating the Image of a Saint in Old Russian Lives]. *Mir Pravoslaviya* [World of Orthodoxy]. Volgograd, Izd-vo VolGU, iss. 7, pp. 424-436.
- Dmitrieva E.G., 2020. Funktsii emotivnoy leksiki kak sredstva realizatsii religiozno-nravstvennogo ideala v zhitiyakh tekstakh XVIII–XX vekov [Functions of Emotive Vocabulary as a Means of Pursuing Religious and Moral Ideal in the Hagiographic Texts of the 18th–20th Centuries]. *Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica*, no. 19, pp. 41-52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Dmitrieva E.G., 2021. Leksika emotsiy v zhitiyakh svyatykh dlya detey: funktsionalnyy aspekt [Vocabulary of Emotions in Hagiographies for Children: Functional Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 6, pp. 56-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>
- Konovalova N.I., 2001. *Narodnaya fitonimiya kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Folk Phytomy as a Fragment of the Linguistic Picture of the World]. Yekaterinburg, Izd-vo Doma uchitelya. 150 p.
- Lukyanov V.G., 2015. *Russkaya religioznaya aksiologiya* [Russian Religious Axiology]. S.I., Aletya Publ. 135 p.
- Lukyanova N.A., 1986. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive Vocabulary of Colloquial Usage (Problems of Semantics)]. Novosibirsk, Nauka Publ. 230 p.
- Markelova T.V., 1993. *Semantika otsenki i sredstv ee vyrazhenii v russkom yazyke* [Semantics of Evaluation and Means of Its Expression in the Russian Language]. Moscow, MPU. 123 p.
- Markelova T.V., Tikhonova M.A., 2017. Slovarnaya statya «Slovarya otsenchnoy leksiki russkogo yazyka» kak funktsionalno-semanticheskoe pole otsenki v miniatyure [Dictionary Entry of the “Russian Language Evaluation Dictionary” as a Functional-Semantic Evaluation Field in Miniature]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 8, no. 1, pp. 89-96. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96
- Maryanchik V.A., 2009. Sobytie kak element aksiologicheskoy struktury media-politicheskogo teksta [Event as an Element of the Media-Political Text’s Axiological Structure]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], no. 3, pp. 54-58.
- Rodionova S.E., Rodionova A.E., 1996. Emotsionalno-otsenchnoe znachenie prenebrezhitel’nosti i sredstva ego vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke [Emotional and Evaluative Meaning of Neglect and the Means of Its Expression in Modern Russian]. *Issledovaniya po semantike: Semanticheskie kategorii v russkom yazyke* [Research on Semantics: Semantic Categories in the Russian Language]. Ufa, Izd-vo Bashkir. un-ta, pp. 84-96.
- Rossiya lingvisticheskaya: nauchnye napravleniya i shkoly Volgograda* [Linguistic Russia: Scientific Directions and Schools of Volgograd], 2012. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 389 p.
- Ryzhova E.A., 2022. K probleme zhanrovoy interaktsii: severnorusskie agiograficheskie pamyatniki o yavlennykh ikonakh i svyatykh [Issue of Genre Interaction: Northern Russian Hagiographic Monuments about Miraculously Revealed Icons and Saints]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 44, no. 5, pp. 85-96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.791
- Ryzhova E.A., 2023. Tema bozhestvennogo promysla v agiograficheskoy traditsii i zhitiyakh pravednikov Russkogo Severa [Theme of Divine Providence in the Hagiographic Tradition and the Lives of the Righteous in the Russian North]. *Vestnik*

Syktvykarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk [Bulletin of Syktvykar University. Humanities Series], no. 1-2, pp. 34-49. DOI: 10.34130/2306-8450-2023-1-2-34

- Savelyeva N.V., 2010. *Skazaniya XVII veka o svyatynyakh, svyatykh i podvizhnikakh Russkogo Severa: Pinega i Mezen* [Legends of the 17th Century About Shrines, Saints and Ascetics of the Russian North: Pinega and Mezen]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko. 448 p.
- Kharchenko V.K., 1976. Razgranichenie otsenchnosti, obraznosti, ekspressii i emotsionalnosti v semantike slova [Differentiation of Evaluativeness, Imagery, Expression and Emotionality in the Semantics of the Word]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 3, pp. 66-71.

SOURCE

- Zhitie Artemiya Verkolskogo [Hagiography of Artemy Verkolsky]. Savelyeva N.V. *Skazaniya XVII veka o svyatynyakh, svyatykh i podvizhnikakh Russkogo Severa: Pinega i Mezen* [Legends of the 17th Century About Shrines, Saints and Ascetics of the Russian North: Pinega and Mezen]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2010, pp. 202-242.

DICTIONARIES

- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. 1–13* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries). Vol. 1–13]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Azbukovnik Publ., 1988–2023.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t. Reprint. izd.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in Written Manuscripts. In 3 Vols. Reprint Edition]. Moscow, Znak Publ., 2003.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–32* [Dictionary of the Russian Language (11th–17th Centuries). Iss. 1–32]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2023.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. In 4 vols.]. Saint Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1996.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2002.
- Trubachev O.N., Zhuravlev A.F., eds. *Etimologicheskii slovar slavyanskih yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund], iss. 1–39. Moscow, Nauka Publ., 1974–2014.

Information About the Author

Evgeniia G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.2>

UDC 811.161.1'374.3

LBC 81.411.2-4

Submitted: 19.02.2024

Accepted: 13.05.2024

**GENDER STEREOTYPES IN EXPLANATORY
AND TRANSLATION DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE
IN THE ASPECT OF CATEGORIES OF SOCIAL EXCLUSION, INCLUSION**

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of gender stereotypes objectification in the Russian language of various chronological periods, which occurs within the categories of social exclusion and social inclusion and is exemplified by the concepts “man” and “woman”. The study was carried out based on lexicographic sources. The corresponding lexemes: *man*, *woman* and the units that identify the attribute of the designated concept: *male*, *female* are considered as key representatives of these concepts. Regarding the period of the 11th – 17th centuries, the lexemes *husband*, *wife* are also considered. As a result of a definitional analysis of key lexemes denoting these concepts, changes within the “man – woman” opposition are identified, namely its specification and addition of new features. It has been established that in the period of the 11th – 14th centuries, the concept “woman” used to reveal the ambivalence within the framework of reflecting gender stereotyping. Up to the 19th century, this concept objectified the category of social exclusion, while in illustrating contexts a shift in the axiological parameter was revealed: from negative characteristics to the positive ones. The concept “man” consistently demonstrates the representation of positive characteristics and objectifies the category of social inclusion. It has been determined that in the materials of dictionaries of the modern Russian language, the most significant markers of the “man – woman” opposition are not social differences, but the natural ones. The conclusion is made about the peculiarities of gender stereotyping processes in the semantics of the lexemes *man* and *woman*, which can be socially- and nature-oriented.

Key words: gender, gender stereotypes, social exclusion, social inclusion, “man – woman” opposition, lexicographic source.

Citation. Milovanova M.V. Gender Stereotypes in Explanatory and Translation Dictionaries of the Russian Language in the Aspect of Categories of Social Exclusion, Inclusion. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 16-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.2>

УДК 811.161.1'374.3

ББК 81.411.2-4

Дата поступления статьи: 19.02.2024

Дата принятия статьи: 13.05.2024

**ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТОЛКОВЫХ
И ТОЛКОВО-ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА
В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ, ИНКЛЮЗИИ**

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена характеристике объективации в русском языке различных хронологических периодов гендерных стереотипов в рамках категорий социальной эксклюзии, социальной инклюзии на примере понятий «мужчина» и «женщина». Исследование выполнено на материале лексикографических источников. В качестве ключевых репрезентантов указанных понятий рассматриваются одноименные лексемы *мужчина*, *женщина*, применительно к периоду XI–XVII вв. также лексемы *муж*, *жена*, и единицы, идентифицирующие признак обозначаемого понятия: *мужской*, *женский*. В результате дефиниционного анализа ключевых лексем выявлено развитие оппозиции «мужчина – женщина»: ее конкретизация, дополнение новыми признаками. Установлено, что в период XI–XIV вв. понятие «женщина» обнаруживает амбивалентность в рамках отражения гендерной стереотипизации; вплоть до XIX в. данное понятие объективирует категорию социальной эксклюзии, при этом в иллюстрирующих контекстах отмечено изменение

аксиологического параметра: от негативных квалификаций – к положительным. Понятие «мужчина» последовательно демонстрирует представленность положительных характеристик и объективирует категорию социальной инклюзии. Определено, что в материалах словарей современного русского языка к ведущим признакам оппозиции «мужчина – женщина» относятся не социальные различия, а природные. Сделан вывод об особенностях отражения в семантике лексем *мужчина* и *женщина* процессов гендерной стереотипизации, которые могут быть социально-ориентированными и природно-ориентированными.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, социальная эксклюзия, социальная инклюзия, оппозиция «мужчина – женщина», лексикографический источник.

Цитирование. Милованова М. В. Гендерные стереотипы в толковых и толково-переводных словарях русского языка в аспекте социальной эксклюзии, инклюзии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 16–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.2>

Введение

Гендерная лингвистика как отдельное направление междисциплинарных исследований начала развиваться с середины XX в. в зарубежном языкознании, в трудах отечественных лингвистов проблема отражения гендера в языке активно обсуждается с конца XX века. Понятие гендера тесно связано с понятием биологического пола, однако большинство ученых, говоря о соотношении пола и гендера, подчеркивают конвенциональность и общественный характер последнего (см., например: [Абдувахабова, 2019; Войченко, 2009; Elsen, 2018]).

В зарубежной лингвистике проблема гендера рассматривается в социолингвистическом и прикладном аспектах: гендерного неравенства [Bošković, 2023] и дисбаланса [Lewis, Luryan, 2020], гендерной дискриминации [Sczesny, Formanowicz, Moser, 2016], межперсональной коммуникации [Lindvall-Östling, Deutschmann, Steinvall, 2020] и в контексте обучения языку [Elsen, 2018]. В центре внимания отечественных ученых, занимающихся разработкой проблематики гендера, находится прежде всего изучение вербализации социальных, культурных, аксиологических характеристик понятий «мужское», «женское» [Абдувахабова, 2019; Войченко, 2009], а также анализ речевого поведения, письменного языка мужчин и женщин [Горошко, 1999; Токарева, 2005]. При этом авторы, рассматривая диаду «мужское – женское», оперируют разными терминами: «мужественность» и «женственность» [Абдувахабова, 2019; Войченко, 2009], «мужчина» и «женщина» [Ефремов, 2016].

Сопоставление языков с позиции отражения в них гендерных различий позволило ученым обосновать понятие гендерного стереотипа. В настоящий момент существует много работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, посвященных изучению гендерной стереотипизации. Обобщая различные определения понятия «гендерный стереотип», можно выделить следующие его признаки: культурная и социальная обусловленность [Кирилина, 1999; Шевченко, 2009; Elsen, 2018]; обобщенность (упрощенность, схематизированность) представлений, убеждений о лицах разного пола [Кирилина, 1999; Шевченко, 2009; Коноплева, 2002; Lewis, Luryan, 2020] или образах мужчины, женщины [Клецина, 2001]; эмоциональная окрашенность [Ефремов, 2016; Клецина, 2001].

В некоторых работах гендерные стереотипы рассматриваются как стереотипы маскулинности и феминности [Абдувахабова, 2019], в составе гендерных стереотипов выделяются бинарные оппозиции «мужское – женское» [Шевченко, 2009], применительно к поведению, социальным ролям, сферам деятельности [Клецина, 2001]. При этом в качестве востребованных единиц анализа выступают различные устойчивые сочетания, в том числе фразеологизмы, паремии (поговорки) как одного языка, так и нескольких языков [Дарбанова, Ильин, 2016]. Большое количество трудов посвящено изучению гендера в разных видах дискурса, прежде всего политического (см., например: [Шустова, 2013; Naoyun, Xiaodong, 2014]).

Отдельное место занимают работы, в которых исследуется отражение гендера в различных словарях. Так, представи-

Материал и методы

тель отечественной гендерной лингвистики В.А. Ефремова подробно рассматривает ядерные вербализаторы концептов «мужчина» и «женщина» в русском языке, привлекая материал словарных дефиниций. Ученый выделяет следующие способы функционирования стереотипов в словаре: «через систему помет, иллюстративный материал, отбор лексем, традицию дефинирования» [Ефремов, 2016, с. 100]. При этом В.А. Ефремов поднимает актуальную проблему объективного отражения языкового материала в словаре, акцентируя внимание не только на гендерных стереотипах, сложившихся в обществе, но и на гендерных стереотипах коллективного мышления лексикографов [Ефремов, 2016, с. 108].

На наш взгляд, проблема гендерных стереотипов связана с такой актуальной для общества проблемой, как социальная эксклюзия – социальная инклюзия. Как мы уже отмечали в предыдущих работах, «социальная инклюзия предполагает включение определенного лица (лиц) в социальные отношения, а эксклюзия, в отличие от нее, направлена не во внутрь чего-то, а за его пределы и означает исключение определенного лица (лиц) из социальных отношений в различных сферах» [Шамне, Милованова, 2023, с. 64].

Объективация гендерных стереотипов в языке может демонстрировать разнообразные проявления социальной эксклюзии и инклюзии, что находит отражение в различных видах дискурса (политическом, художественном и др.), а также в лексикографических источниках, в частности толковых и толково-переводных словарях. Заметим, что несмотря на большое количество работ в области изучения гендерной стереотипизации в языке, характеристики особенностей вербализации гендерных различий, аспекты отражения гендерных стереотипов в лексикографических источниках остаются недостаточно разработанными.

Лексикографический материал играет важнейшую роль в процессе исследования, поскольку является своего рода «первоисточником» при толковании значения той или иной языковой единицы. Гендерные стереотипы, отраженные в словарях, могут формировать у носителя языка определенные гендерные предубеждения, что в свою очередь может приводить к гендерной дискриминации.

В современный период развития общества факторами социальной эксклюзии (далее – СЭ) и социальной инклюзии (далее – СИ) становятся и общественно одобряемые / осуждаемые стили жизни и ценности, в том числе и в рамках гендера. Выявление закономерностей языковой реализации социального исключения и социального включения с позиций гендера в лексикографической практике, отражающей различные периоды развития языка, позволяет описать определенные социальные установки, сложившиеся в обществе на том или ином этапе его развития применительно к социальным ролям «мужчина», «женщина» и соответственно охарактеризовать проблему гендерного равенства / неравенства.

Материалом исследования послужили толково-переводные и толковые словари русского языка, фиксирующие состояние его лексической системы в различные хронологические периоды: древнерусский (XI–XIV вв.), старорусский (XIV–XVII вв.), начальный период национального развития русского языка (середина XVII в. – до А.С. Пушкина), период современного русского литературного языка (традиционно – от А.С. Пушкина до наших дней, мы выделяем в нем отрезки: XIX в., XX в., XXI в.). В работе использованы: «Материалы для словаря древнерусского языка...» И.И. Срезневского (СС), «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (СДРЯ), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (СРЯ), «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. (САР 1789–1794), «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» 1806–1822 гг. (САР 1806–1822), «Словарь церковнославянского и русского языка...» 1847 г. (СЦРЯ), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСУ), «Словарь современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС), «Большой академический словарь русского языка» под редакцией К.С. Горбачевича (БАС), «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова (СО), «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (СОШ), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева (ТСРЯ).

Анализ словарных данных осуществлялся нами не только с опорой на толкование лексической единицы в том или ином словаре, но и на приведенный в них иллюстративный материал.

В центре нашего внимания находятся лексемы *мужчина* и *женщина*, а также *муж*, *жена* (не в значении «супруг», «супруга»), прилагательные *мужской*, *женский*, выявляется специфика объективации данными лексемами одноименных ключевых гендерно-ориентированных понятий в разные периоды развития языка с точки зрения отражения категорий социальной эксклюзии, социальной инклюзии. Мы не рассматриваем отдельно стилистически окрашенные единицы (сниженные, типа *мужик*, *баба* и др.), это может быть представлено на следующем этапе исследования с привлечением дополнительных источников материала.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – элементы метода компонентного анализа, дефиниционного, структурно-семантического, контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Лексемы *мужчина* и *женщина* зафиксированы в языке в старорусский период. Как отмечает В.В. Колесов, «слово *женщина* (как и *мужчина* – несколько позже) относительно новое, появилось в XVI в., первоначально было обозначением женщины низкого звания (так и в “Домострое”). В “Сказании о Гришке Отрепьеве” Марину Мнишек именуют высоким словом *жена*, а ее служанок – *женчинами* да *девками*. В словаре конца XVIII в. *мужчина* – житель сельский, то есть мужик. Только в пушкинское время вошли эти слова в литературный язык, но в единственном значении: *женщина* – лицо, противопологаемое по полу мужчине» [Колесов, 2006, с. 311].

Первоначально лицо мужского пола обозначала единица *муж*. В СС к лексеме *мѣжь* (*мѣжь*) приводятся два латинских аналога: *homo* (человек) и *vir* (мужчина). Анализ примеров в словарной статье «*мѣжь*» позволил выделить следующие характеристики обозначаемого понятия (СС, т. 2, стб. 189–191): квалитативность: *зѣловѣрѣньи*,

нѣнѣшнии, *правдивѣ*, *милостивѣ*, *добрини*, *зѣло богащасѣ Бога*, *силенѣ*, *помощникѣ*, как видим, преобладают положительные качества; социальный статус: *свободни*, *цесарѣ мѣжь*, *княжи мѣжь*, *Вльгова* – в рамках данной характеристики прослеживается более высокий социальный статус мужа (мужчины) по сравнению, например, с тиуном (княжеским слугой); локативность (принадлежность к определенной местности): *Вышегородскыѣ*, *новгородскыѣ*; притяжательность – включение в личную сферу: *свои*, *твои*, *мои*, *наши*; социальная активность, которую актуализируют глаголы активных действий: *познать*, *оубѣеть*, *сѣ борѣта* (борются), *оударить*, *выступити*, *посла*, *посади*. Отмечено также устойчивое сочетание, выражающее положительную оценку: *бѣгити за один мѣжь* (быть в согласии).

Отдельно приводится в СС значение «именитый, почтенный человек», именитость подчеркивается синонимичными прилагательными: *мѣжи большии*, *вяуѣшии* (знатные, родовитые), *добрыи*, *лѣуѣшии*, *моложьшии* и (более низкие с точки зрения именитости, по сравнению с *старѣишии*), *нароуитѣи* (известные), *переднии* (знатные), *старѣишии*. В контекстах, иллюстрирующих это значение, речь идет, как правило, об общественно значимых событиях, военных действиях, что подчеркивают глагольно-именные сочетания, глаголы движения: *приѣ градѣ*, *вѣзѣ градѣ*, *входѣть в городѣ*, *обложи городѣ*, *выѣхали изѣ*, *ѣдѣть к...* и др.

В словаре приводятся различные производные единицы от лексемы *мѣжь*. Остановимся на некоторых из них. Значение «имеющий отношение к мужчине» обозначает прилагательное *мѣжьскыѣ*, при котором в качестве объектов выступают существительные, указывающие на родственные связи: *дѣурѣ*, *жена*; абстрактные объекты: *полѣ*, *похотѣ*; «высокие» объекты: *подвижи*, *повѣдѣты*, *дѣло*, *доуша*, *образѣ* (СС, т. 2, стб. 192–193).

Представления о «мужском» отражает и существительное *мѣжьство*, которое, во-первых, объективирует оппозицию «женский пол – мужской пол» (противопоставление единице *женѣство*), во-вторых, обозначает зрелость (взрослость) и доблесть (*кормѣщи стѣна своего до мѣжьства*; *мѣдрость раждактѣ моуѣство*) (СС, т. 2, стб. 193).

Понятие «женщина» в словаре И.И. Срезневского представлено двумя ключевыми единицами – **жена** и **женьщина**. К словарной статье «**жена**» в рамках первого значения «женщина» приводятся латинские аналоги *femina* (всякое существо женского пола) и *mulier* (взрослая женщина, в том числе незамужняя). Второе значение лексемы **жена**, приведенное в словаре, совпадает со значением в современном русском языке – «жена, супруга» (в латинском – *uxor*). Нас интересует первое значение. В приведенных примерах к первому значению понятие «женщина» представлено через следующие характеристики (СС, т. 1, стб. 856): волшебство, чародейство (**волхвѣють жены**), причем данные характеристики могут быть негативными, что связано с бесом: **волхвѣють вѣсовьскыи козньми, вѣсь жену прелсти**; качественность; приводятся негативные качественные характеристики: **К женамъ нкѣпымъ** (непристойным), **подобенъ есть женѣ злѣи язгыунѣи** (злоречивая); женское поведение выступает причиной несправедливого отношения к мужчине (в результате он несет незаслуженное наказание – **въ темницѣ затворенъ бысть**).

Хотелось бы обратить внимание на пример из Русской правды: **оже кто оубькѣт жену, то тѣмъ же соудомъ судити, яко же (и) моужа**. В данном случае можно говорить о том, что понятие «женщина» является маркированным в рамках оппозиции «мужчина – женщина», поскольку изначально закон устанавливал наказание, если объектом выступал мужчина.

В словарной статье «**женьщина**» приведена одна иллюстрация, не раскрывающая значение понятия: **Дзъ есмъ женщина** (СС, т. 1, стб. 860).

Остановимся на отдельных производных от **жена**: уменьшительные **женька**, **жонка** (СС, т. 1, стб. 859) приводятся в контексте с глаголами **виютса**, **даванте причастье... у другихъ дверей** (подчеркивается более низкий социальный статус женщины по сравнению с мужчиной – причащаться не у алтарных дверей). При относительном прилагательном **женьскыи** (лат. *muleris*) отмечены имена существительные, номинирующие такие объекты, как **естьство**, **манастырь**, **злова**, **поль** (СС, т. 1, стб. 859–860), при притяжательном

прилагательном **женьнии** (*feminae*) (СС, т. 1, стб. 859) приведены следующие объекты: **дъуерь**, **сестра**, **газыкъ** (в последнем случае выражена негативная характеристика: **языку бо женню не вѣрци**).

Таким образом, в СС объективация понятий «мужчина» и «женщина» позволяет говорить об их гендерной маркированности. В частности, **жена** (*женщина*) представлена прежде всего как лицо, которое занимает более низкое положение по сравнению с **мужем** (*мужчиной*), она обладает даром волшебства (что идет от беса), а также отличается неподобающим поведением. Муж (*мужчина*), напротив, отличается святостью, умом, порядочностью, социально значимой активностью, он связан с «высокими» делами. Соответственно мы можем говорить о том, что единица **жена** (в значении «женщина») отражает категорию социальной эксклюзии (женщина исключается из социально значимых сфер жизни, ей отводится более низкая социальная роль), а лексема **мужъ** (в значении «мужчина») – социальной инклюзии, что объясняется характерными для данного периода патриархальными отношениями.

Обратимся к «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)». В словарной статье «**мужъ**» в качестве первого значения также приводится «мужчина». По сравнению со СС здесь представлена более подробная квалификация обозначаемого понятия, в частности, можно выделить следующие характеристики: материальный достаток – **богатъ**, **богати вельми**, **нищъ**, **но мудр(ъ)**; морально-нравственные принципы: **праведенъ**, **богоуствитын**, **божьствын**, **лоукавъ**, **мл(с)тивъ**, **моуалнвъ**, **сѣмѣреник**, **простость**; физические и физиологические параметры: **слѣпъ**, **сильнъ**, **голооусть**, **уернъ**, **пыганъ**; локативность – **мужи новгородци**. В качестве единиц-репрезентантов действий приводятся глаголы и глагольно-именные сочетания со значением речевой и интеллектуальной деятельности (нравственной направленности): **много бесѣдовавъ**, **наоучи цѣломоудрствоу**, в единичных случаях – глагольно-наречные сочетания, выражающие безнравственное поведение: **оупившесѣ**, **плашѣтъ срамно** (особо отметим, что в последней иллюстрации речь идет как о муж-

чинах, так и о женщинах). Отмечены также устойчивые сочетания как позитивной, так и негативной окрашенности: **БЫТИ ЗА ОДИНЪ МОУЖЬ, МОУЖЬ ЖЕЛАННА** (достойный любви), **МОУЖЬ КРЪВЕ** (убийца) (СДРЯ, т. 5, с. 38–39).

Прилагательное **МОУЖЬСКЫИ** (имеющий отношение к мужчине) в словаре приводится с существительными (преимущественно положительной окрашенности), обозначающими как конкретные, так и абстрактные объекты: **ПОЛЬ, ДУША, ДЪЛО, ОБРАЗЪ, СУЩЕСТВО, СЕМА, ЛЮБОВЬ, ПОХОТЬ, ОДЪННА** (СДРЯ, т. 5, с. 40).

Обратимся к словарной статье «жена» – в качестве первого значения приводится «женщина» (СДРЯ, т. 3, с. 244). Данное понятие, в отличие от понятия «мужчина», в большей степени представлено через действия и состояния номинируемого лица и в меньшей степени – через качественные характеристики.

Анализ словарной статьи позволяет выделить следующие характеристики: физические особенности: **СОУХОРОУКАТА**; внешность: **КРАСНА**; особые возможности: **УАРОДЪНЦА**; морально-нравственные признаки: **ЦЪЛОМОУДРНА** (однако в примере этот признак выражен как следствие изгнания бесов); практические навыки: **МУЖЬСКАЯ ДЕЛА ТВОРЯТЬ**. Отметим, что последняя нетипичная для женщины характеристика приведена из Лаврентьевской летописи 1377 г., при этом в словаре дается минимальный контекст, однако в отрывке их самой летописи речь идет о другом народе – гилии (скифское племя), то есть данная характеристика не относится к древнерусскому обществу, однако расширяет объем понятия «женщина».

Объективацию понятия «женщина» посредством глагольных единиц можно условно разделить на две группы с точки зрения субъектно-объектных ролей. Для глаголов, объединенных в первую группу, **ЖЕНА** (женщина) выступает субъектом, глагольно-именные сочетания в этом случае характеризуют ее как существо, действующее, исходя из своих интересов: **ОТЪВРАШТАЮТЬ СЪМЫСЛЬНЫМ** (отвлекают мудрых), **ТВОРАТЬ УТО ЛЮБО, КЪ ВЪ ЛУВАМЪ НЕСОУТЬ, А НЕ КЪ ПОПОВИ**. Более низкое, по сравнению с мужчиной, положение в обществе подчеркивает пример: **НЕ ПОДОВАКТЬ ВЪ ОЛТАРЬ ВЪХОДИТИ**. Отличаются примеры из летописных источников, о которых мы уже

говорили, в них женщина описывается как носитель активных социальных действий и отношений, занимая равное мужчине положение: **ВРЮТЬ, ЗИЖЮТЬ ХРАМИ, МУЖЬСКАЯ ДЕЛА ТВОРЯТЬ**.

Для глаголов второй группы **ЖЕНА** (женщина) выступает объектом (обратим внимание, что мужчина в качестве объекта представлен значительно реже), прослеживается связь женщины и беса, который выступает в качестве субъекта воздействия: **ВЪСЪ ЖЕНУ ПРЕЛСТИ, Ш(Т) ЖЕНУ Ш(Т)ВЪГШОУ ВЪСОУ, ВЪСЪ ШСТАВШОУ ЖЕНОУ**, поэтому следует воздержаться от бесед с женщиной и не возделеть ее (**НЕ ПОХОЩЕТЪ ЕЯ**); женщина может быть также жертвой насилия: **ОУУНИТИ НАСИЛЬЕ НАДЪ ВОЛНОЮ ЖЕНОЮ**; поцелуи женщины сравниваются со змеиным ядом. Как и в СС, в СДРЯ приведен аналогичный пример из Русской правды, в котором говорится об одинаковом наказании за убийство мужчины или женщины. Прослеживается также четкое различие гендерных ролей: **НИКОМУ ЖЕ МУЖЕВИ В ЖЕНЬСКЮ ОБЛАУТИСЯ ОДЕЖУ, ЛИ ЖЕНЕ В МУЖЬСКИЯ**.

Лексема **ЖЕНЬЩИНА** в данном словаре отсутствует.

Производные прилагательные от **ЖЕНА** в значении «женщина»: **ЖЕНЬСКИИ** и **ЖЕНЬНИИ**. При прилагательном **ЖЕНЬСКИИ** отмечены имена существительные, номинирующие объекты, в большинстве своем рисующие образ коварного существа (СДРЯ, т. 3, с. 249): **ЖЕНЬСКИИ ГОЛОСЪ** (которым говорят демоны), **ПРЕЛЕСТЬ** (синонимичным прилагательным выступает **ЗМИИНА**), **ПОХОТЬ** (которой был побежден Владимир), **ДОБРОТА** (в которой многие заблудились), **ЗЛОБА, СЛАВОСТИ, ХОТЪНИК, ГРЪХЪ, ОБРАЗЪ, ПРЕЛЩЕННИК, НЕМОЩЬ, ЛОЖЕ, ЛИЦО, ПРЕВЪВАНЬК**. Представлены также другие объекты – **ОДЪННА, ПЛАТЪ** (платок), **КРАШЕНИК** (украшение), **МАНАСТЫРЬ**. Подчеркнуты гендерные роли: **НЕ МОЗИ... ВЪЗВЕСТИ ГЛАВЪ ЖЕНЬСКИ ВЪШЕ МУЖИИ**.

При прилагательном **ЖЕНЬНИИ** в качестве объекта указано существительное **ПРЕЛЩЕНИЕ**, которое стоит в одном ряду с другим существительным – **ДЪВАОЛЪ: ЗАВИСТЮ ДЪВАОЛА И ЖЕНЬНИ(М) ПРЕЛЩЕНЬЕ(М)** (СДРЯ, т. 3, с. 248).

Таким образом, в СДРЯ мужчина предстает как субъект, наблюдающий опреде-

ленные нравственные нормы, материально обеспеченный, глубоко верующий, в редких случаях отличается несправедным поведением, соответственно данное понятие отражает категорию социальной инклюзии. Женщина, напротив, напрямую связана с дьяволом (бесом), она отличается коварством, ей нельзя доверять, однако в определенных случаях она может выполнять мужскую работу и быть сильной духом (включена в социально значимые сферы), то есть понятие «женщина» уже отражает не только категорию гендерной социальной эксклюзии, но и инклюзии.

СРЯ XI–XVII вв. охватывает несколько хронологических периодов, однако поскольку интересующие нас лексемы иллюстрируются примерами из текстов XIV, XVI, XVII вв., мы рассматриваем данный источник в рамках старорусского периода. В СРЯ XI–XVII вв. в словарной статье «мужъ» так же, как и в предыдущих источниках, в качестве первого значения указывается «мужчина»; при этом прослеживается оппозиция с точки зрения возраста: «юноша – мужъ»; *до мужа есмь доросль...* (иллюстрируется примерами из текстов XIV, XVII вв.); в рамках значения «мужчина» отмечено также значение «человек вообще», которое иллюстрируется устойчивым сочетанием *книжный мужъ* (грамотный, ученый). Второе значение лексемы *мужъ* – «свободный человек, почтенный, именитый». Можно говорить о том, что данное значение «социально» окрашено, поскольку речь идет об общественно значимых делах, военных действиях и т. п. Здесь отмечены квалификаторы, аналогичные тем, которые выделены на материале предыдущих источников, при этом социальные роли отражены более детально (СРЯ, вып. 9, с. 300–301).

В словаре представлен широкий ряд производных единиц. Прилагательные *мужской* (*мужьский*) приводятся с именами существительными, указывающими на родственные связи, предметы быта, церковное учреждение: *жена, дочь, одъжа, монастырь*; существительные могут обозначать зрелость (возраст), пол; указывать на положительное качество, силу духа: *подвизи, побъда, душа, храбрость*, либо на негативные характеристики: *похоть, сором* (СРЯ, вып. 9, с. 305).

Собственно лексема *мужчина* (*мущина*) также представлена в словаре, однако очень кратко, приводятся контексты XVI–XVII вв., например: *Они же со женою, а не с мущиною стоят; И даль ему сто фунтовъ пенязей за то, чтобъ Тарсы ни единъ мущина не узрълъ* (СРЯ, вып. 9, с. 305–306).

В словарной статье «жена» в качестве первого значения приводится, как и в других рассмотренных словарях, «женщина» (СРЯ, вып. 5, с. 87–88). Данное понятие иллюстрируется в словаре не так подробно, как понятие «мужчина». Жена (женщина) описывается, как *чародъица, одъна в багъряницу*, она занимается домашней работой (*шити, брати*). В качестве синонима в словаре приводится лексема *женка* (*жонка*), которая помимо значения «женщина» имеет другие значения – «наложница, любовница», «из простого народа, холопка, крепостная», устойчивое сочетание *въщая женка* – колдунья. Уменьшительное *женочка* (*жоночка*) описывается посредством единиц *уродливая, для потъхи, вынята по челобитью*, то есть в данном случае речь идет о простой женщине, из народа (СРЯ, вып. 5, с. 89).

В качестве производных приводятся прилагательные *женний* (от лексемы *жена* в обоих значениях – «женщина», «супруга») и *женский*. При прилагательном *женский* отмечены имена существительные, обозначающие как конкретные, так и абстрактные объекты: *сынъ, тълъ; слабость; монастырь, тюрьма; женский полъ, родъ, чинъ* (линия) (СРЯ, вып. 5, с. 89–90); при прилагательном *женний* – существительные, указывающие на сферу имущественных отношений: *наслъдникъ, часть* (имущество), сферу чувств: *любы* (СРЯ, вып. 5, с. 89).

Лексема *женщина* (*женчина*) представлена в словаре кратко, приводятся примеры из текстов XVI–XVII вв.: *рукодълна, тотарское имя Акбикен, ляховка* (СРЯ, вып. 5, с. 90), в которых содержится указание на бытовую сферу, национальность, географическую местность.

Таким образом, понятие «мужчина» в словаре объективируется более подробно, чем понятие «женщина». Как и в ранее рассмотренных источниках, прослеживается оппозиция с точки зрения гендера, однако данная оппозиция уточняется, поскольку в рамках

понятия «мужчина» появляется новая характеристика, связанная с возрастом, – зрелость. Мужчина представлен как субъект зрелого возраста, которого отличает сила духа и который участвует в общественно значимых делах. Женщина описывается как лицо, склонное к волшебству (однако здесь уже отсутствует негативная окраска данной характеристики и не прослеживается связь с дьяволом) и занимающееся преимущественно бытом. Результаты анализа материала показали, что в данном источнике сохраняется следующая закономерность: в понятии «женщина» находит отражение преимущественно категория социальной эксклюзии (социальные сферы и социальные роли ограничены), в понятии «мужчина» – социальной инклюзии (социально значимые сферы и роли).

Период XVIII в. охарактеризуем с использованием данных «Словаря Академии Российской» 1789–1794 года. Обратимся к лексеме *муж*. В словарной статье подчеркивается, что муж – это взрослое существо мужского пола, в частности приводятся такие характеристики, как *вышедший из юношеских лет, достигший совершенного возраста*; одарен особыми качествами: *или отменными качествами одаренный*. Данные характеристики сопровождаются прилагательными *благоразумный, мудрый, почтенный* (САР 1789–1794, т. 4, стб. 321–322), таким образом, иллюстрации указывают прежде всего на интеллектуальные качества.

При прилагательном *мужеский* отмечены имена существительные, обозначающие объекты, связанные с душевными силами и зрелостью: *крепость, возраст* (САР 1789–1794, т. 4, стб. 323), то есть производные единицы прежде всего связаны с такой качественной характеристикой, как «храбрость, доблесть, душевные силы», а также с признаком зрелости, ср. *мужественный*: «взрачный, видный, доблестный, храбрый, твердый духом» (САР 1789–1794, т. 4, стб. 323).

Лексема *мужчина* приводится без контекстов и определяется как «человек мужеского пола» (САР 1789–1794, т. 4, стб. 324). В отличие от более ранних источников, представлены лексема *мужи́к* с пометой «умал.» и производное *мужи́коватый* (грубый, неучтивый) (САР 1789–1794, т. 4, стб. 324–325), однако

стилистически окрашенные единицы (сниженные), как мы уже говорили, нами отдельно не рассматриваются.

В рамках словарной статьи «жена» также в качестве первого значения приводится «женщина», но уже с пометой «высокий слог», в приводимых контекстах отмечены существительное *слава*, краткое прилагательное *благословенна* и глаголы *плачеша, ищеша* (САР 1789–1794, т. 2, стб. 1104).

В толковании лексемы *женщина* прежде всего подчеркивается социальный статус (по сравнению, например, с *девой*) – находящаяся или бывшая в замужестве; в качестве характеристик приводятся адъективы, существительные, указывающие на черты характера – *честная, добрая, порядочная, скромность, стыдливость*; возраст – *пожилая* (САР, т. 2, стб. 1106), то есть, в отличие от мужчины, женщина описывается преимущественно с точки зрения нравственной сферы. Синонимичная единица *женщица* имеет окраску уничижительности (отягощена грехами).

Производное прилагательное *женский* дается со следующими объектами, которые относятся к бытовой сфере, сфере чувств: *покрой, рукоделье, платье, влася, локон, баня, портной, башмачник, припадки, прихоти* (САР 1789–1794, т. 2, стб. 1105).

Таким образом, лексемы, номинирующие оба рассматриваемых понятия в САР, окрашены положительно, женщина характеризуется прежде всего посредством нравственных признаков, мужчина – интеллектуальных; в данном источнике о гендерном социальном исключении, включении мы можем говорить только по отношению к тому, что женщина описывается преимущественно в рамках бытовой сферы.

В лексикографических источниках XIX в. наблюдается аналогичная картина – как и в САР (см., например: (САР 1806–1822; СЦРЯ)).

Обратимся к материалам толковых словарей современного периода – хронологические отрезки XX, XXI веков. В ССРЛЯ лексема *муж* (первое значение «супруг») в качестве второго значения имеет «мужчина», однако с пометой «в торжественной речи» и обозначает возраст зрелости (*почтенный, умудренный*, здесь отражена оппозиция «мальчик – муж»); в качестве третьего зна-

чения – «мужчина-деятель на каком-либо общественном научном поприще» (*ученый муж, государственный муж*; устойчивые сочетания *муж науки, муж разума*) (ССРЛЯ, т. 6, стб. 1340). Аналогичная картина представлена в других словарях, указанная лексема приводится с пометами «устаревшее», «высокое», либо «книжное», «поэтическое».

Отметим, что в названном источнике рассматриваемые понятия мужчина / женщина определяются через биологическую (природную) оппозицию. Лексема *мужчина* имеет два значения: 1) лицо, противоположаемое по полу женщине; в качестве иллюстрации приводятся квалификаторы внешности (с гендерными маркерами – борода): *бледноватый, с плохую рыжею бородой*, а также возраста: *18-25 лет*. При этом прослеживается актуализация гендера: *кто родился мужчиной, тому рожаться в юбку странно и напрасно*; отдельно подчеркивается такой признак, как твердость, мужество: *Будьте мужчиной!; мужчина, боец*; 2) взрослый человек, в данном случае также представлена оппозиция «мальчик – мужчина»: *уехал мальчиком, вернулся молодцом-мужчиной* (ССРЛЯ, т. 6, стб. 1349).

При прилагательном *мужской* в первом значении «относящийся к мужчине» отмечены имена существительные, номинирующие различные объекты как конкретного, так и абстрактного характера: *работа, линия, пол, родня, общество, пальто, шляпа, камера, школа, гимназия, походка, пожатие* (ССРЛЯ, т. 6, стб. 1348). Прилагательное *мужественный* квалифицирует признак по отношению к внешним и внутренним качествам субъекта: *сердце, суровое лицо, фигура, что-то мужественное, крепкое*, причем возможна такая квалификация по отношению к женщине – *мужественный нрав жены*.

Понятие «женщина» в ССРЛЯ передается несколькими синонимичными лексемами: одноименной *женщина, жена, женка*. Слова *жена* и *женка* приводятся с пометой «устар.», при них отмечены квалификаторы *слабая, неведомая, крестьянская* (то есть женщина из народа, простая) (ССРЛЯ, т. 4, стб. 76, 78). В других словарях современного русского языка *жена* во втором значении также обозначает женщину с пометой «устаревшее», либо «высокое».

Женщина определяется как лицо, противоположаемое по полу мужчине. При этом отмечены, во-первых, качественные квалификаторы, в составе которых – имена со значением положительного качества: *нежна, мягкость, ласковое внимание* (преимущественно указывающие на природные данные); во-вторых – квалификаторы возрастного параметра, в числе которых единицы со значением развития, изменения, прослеживается оппозиция «девушка – женщина» (ССРЛЯ, т. 4, стб. 82). Обратим внимание, что в качестве первой иллюстрации приводится идеологически (в соответствии с эпохой) окрашенный контекст: *Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях...* (в данном случае отражены процессы социальной инклюзии). Однако отметим, что такого рода примеры отсутствуют в словарной статье «мужчина», что по-прежнему свидетельствует о гендерной маркированности понятия «женщина».

В качестве производных прилагательных отмечены два – *женский, женственный*. Лексема *женский* обозначает различные аспекты отношений: 1) принадлежность (*сердце, украшение*); 2) свойство (*чарующая мягкость*); 3) качество (*благонаравие, изящество*); 4) часть целого (*родня, половина*); приводятся устойчивые сочетания *женский вопрос, пол, род, женская логика* (ССРЛЯ, т. 4, стб. 80).

При прилагательном *женственный* отмечены имена существительные, номинирующие следующие объекты: *стремление подчиниться мужчине; робость, фигура, благоухание, застенчивость, личико*; прилагательные *нежный, изящный, стройный, мягкие (черты лица)* (ССРЛЯ, т. 4, стб. 81). Приведенные единицы положительно окрашены, ведущими являются характеристики мягкости, нежности и в определенной степени слабости (в сравнении с мужчиной).

Таким образом, мы можем говорить о том, что ССРЛЯ отличается в представлении понятия «женщина», по сравнению с ранее рассмотренными источниками. Здесь женщина описывается возвышенно, ведущие качества – это мягкость и нежность, производные единицы вносят уточнения, добавляя к этому характеристику сдержанной манеры поведения и слабости (в сравнении с мужчиной), при этом подчеркивается социальное равенство с

мужчиной. Мужчина, как и в лексикографических источниках предыдущих периодов, характеризуется с точки зрения зрелости, силы духа, однако уточняется общественно значимая деятельность – это сфера науки, более широко представлена оппозиция «мальчик – мужчина». Мы можем говорить о том, что в данном случае категории социальной эксклюзии, социальной инклюзии находят отражение в рамках указания на сферы деятельности мужчины – работа, наука, в отличие от женщины; здесь выражаются природно-ориентированные гендерные стереотипы: противопоставляются мягкость, слабость и сила духа, зрелость, ум.

В словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСУ) «женщина» и «мужчина» также определяются как противоположные понятия. В словарной статье «мужчина» приводятся следующие характеристики: внешность – *красивый*, возраст / опыт – *зрелый*, твердость – *настоящий* (ТСУ, т. 2, стб. 275). При прилагательном *мужской* приведены имена существительные, обозначающие объекты социальной сферы – *компания, общество, костюм, персонал*, объекты, указывающие на интеллектуальные и физические качества – *ум, ловкость*, либо на биологический признак – *пол* (ТСУ, т. 2, стб. 275). Прилагательное *мужественный* квалифицирует объекты сфер поведения и внешности: *характер, поведение, жест, наружность* (ТСУ, т. 2, стб. 274).

В рамках словарной статьи «женщина» отмечены следующие характеристики: духовно-нравственные качества – *чуткость*; оппозиция «женщина – девочка (девушка)» – *замужняя, стала женщиной*; легкое поведение – *кокетка; прислуга* (ТСУ, т. 1, стб. 858). При прилагательном *женский* отмечены имена существительные, номинирующие объекты преимущественно бытовой и поведенческой сфер: *обувь, труд, линия, хитрость, нежность, ум, прихоти, почерк*; в словарной статье «женский» приводятся также устойчивые сочетания с различными стилистическими пометами *женская логика, женская болезнь, женский пол, женский вопрос* и др. (ТСУ, т. 1, стб. 858). Прилагательное *женственный* определяется через единицы *изящный, нежный (натура)* (ТСУ, т. 1, стб. 858).

МАС толкует понятия «женщина» и «мужчина» аналогично ТСУ – через противопоставление. В словарной статье «мужчина» прослеживаются, во-первых, оппозиции «незрелое лицо – зрелое лицо» (*взрослый, бодрый*), «мужчина – женщина» (*с рыжей бородой*), во-вторых, объективирована характеристика твердости, стойкости: *будь мужчиной* (МАС, т. 2, с. 309). Прилагательное *мужской* приводится с именами существительными, обозначающими конкретные и абстрактные объекты, в том числе расширенного характера: *население, общество, превосходство, школа, платье, сердце, руки, шаг, пол; мужественный – народ, фигура* (МАС, т. 2, с. 308–309).

В словарной статье «женщина» подчеркивается оппозиция «девушка – женщина» с точки зрения возрастного параметра, либо семейного статуса: *молодая, замужняя, средних лет, состоящая в браке* (МАС, т. 1, с. 478). В качестве типичных качеств приводятся *красивые движения, кокетство*. Прилагательное *женский* иллюстрируется через объекты, относящиеся к следующим сферам: бытовой, поведенческой, чувств – *руки, родня, одежда, лукавство, любопытство, нежность* (отмечен также объект социальной сферы – *отделение*); устойчивые сочетания аналогичны словарной статье в ТСУ; *женственный* (объекты поведенческой сферы) – *простота, мягкость манер, грация* (МАС, т. 1, с. 478).

В БАС в словарной статье «мужчина» аналогично МАС представлена оппозиция «мужчина – женщина» и также объективирована квалификация «твердость» (БАС, т. 10, с. 479). Прилагательные *мужской* и *мужественный* обнаруживают сходство с трактовкой в МАС, однако *мужественный* имеет расширенный список объектов, обозначенных именами существительными: *характер, нрав, сердце, профессия, лицо, красота, фигура* (БАС, т. 10, с. 478–279, 474). Дефиниция понятия «женщина» во многом совпадает с материалами МАС. В качестве отдельных различий можно привести такую характеристику, как наблюдательность (*замечает мелочи*) и устойчивое сочетание *деловая женщина* (БАС, т. 5, с. 612). При прилагательном *женский* отмечен более широкий круг имен существительных, номинирующих объекты: *доля, голос, сердце, работы, кокетство, лукавство, воспитание,*

мягкость, болтовня, гимназия, школа, одежда, зал, украшения, родня, половина (БАС, т. 5, с. 610–611). *Женственный* – аналогично МАС.

В толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой 1992 г. (СОШ), по сравнению с БАС и МАС, в словарной статье «женщина» выделяется такая характеристика, как «мать», и приводятся глагольно-именные сочетания, выражающие природно-ориентированные стереотипы – *рожает детей, кормит грудью*; в словарной статье «мужчина» акцент делается на поведенческом аспекте (*вести себя, как мужчина*) (СОШ, с. 167, 306). Однако в последних изданиях словаря С.И. Ожегова (под ред. Л.И. Скворцова) (СО) в словарной статье «женщина» гендерные маркеры отсутствуют, данное понятие трактуется через оппозиции «мужчина – женщина» и «женщина – девушка (девочка)» (СО, с. 166).

В толковом словаре Д.В. Дмитриева ярко проявляется гендерная маркированность, в частности понятие «женщина» описывается через оценку мужчины, приводится следующая иллюстрация: «Красивая женщина с добрым сердцем, умница и хорошая хозяйка – идеал многих мужчин» (ТСРЯ, с. 328).

Таким образом, в лексикографических источниках современного русского языка женщина описывается как лицо, имеющее определенные душевные качества, но которая может отклоняться от принятых норм поведения; определяющая характеристика – это нежность, изящество, грация; мужчина описывается через красоту, зрелость, интеллект, твердость, социальность. В результате мы можем говорить о том, что в рамках современного периода применительно к понятию «женщина», с одной стороны, находит отражение категория социальной инклюзии, так как подчеркивается социальное равенство с мужчиной (однако это прослеживается не во всех рассмотренных источниках), с другой – категория социальной эксклюзии, поскольку женщина описывается преимущественно через сферу чувств, поведения, а также через восприятие ее мужчиной. Понятие «мужчина» демонстрирует отражение социальной инклюзии.

Заключение

Результаты анализа представленности в толково-переводных и толковых словарях

русского языка различных хронологических периодов понятий «мужчина», «женщина» показали особенности отражения в лексикографических источниках категорий социальной эксклюзии, социальной инклюзии в рамках гендерного аспекта, что напрямую связано с процессом гендерной стереотипизации, а также позволили более детально охарактеризовать семантику одноименных лексем (и их отдельных производных) на основе выделения в их структуре ряда семантических квалифицирующих признаков.

Фактический материал исследования показал развитие оппозиции «мужчина – женщина». Значительные изменения претерпела трактовка понятия «женщина». В период XI–XIV вв., согласно иллюстративным словарным материалам, женщина представлялась преимущественно в негативном ключе, как лицо, подверженное влиянию дьявола, следовательно, склонное к колдовству, и находящееся на более низкой социальной ступени, по сравнению с мужчиной. Однако отмечена также определенная амбивалентность в объективации рассматриваемого понятия, поскольку приводится единичная иллюстрация, характеризующая женщину как лицо, обладающее мужскими качествами. В целом в данный хронологический период понятие женщины преимущественно отражает категорию социальной эксклюзии, поскольку женщина исключается из значимых социальных сфер. Понятие «мужчина», напротив, окрашено положительно, это лицо с морально-нравственными принципами, отличающееся умом и социальной активностью, то есть в данном понятии находит отражение категория социальной инклюзии.

В последующий период (XIV–XVII вв.) оппозиция «мужчина – женщина» конкретизируется. Понятие «женщина» в основном описывается в рамках бытовой сферы, понятие «мужчина» дополняется признаком «зрелость» (мужчина – юноша), а также в большей степени находит объективацию сфера значимых деяний (подвиги), то есть в данный период более четко прослеживается гендерная маркированность с точки зрения категорий социальной эксклюзии (женщина), социальной инклюзии (мужчина).

В лексикографическом материале периодов XVIII, XIX вв. отражены изменения:

понятие «женщина» описывается положительно, появляется новый признак «зрелость» (по сравнению с девушкой), однако по-прежнему представлена преимущественно бытовая сфера; в рамках понятия «мужчины» отмечен новый признак – «одаренность». В данный период гендерная маркированность с точки зрения социальной эксклюзии, инклюзии находит отражение в рамках сфер (бытовая, общественная).

Однако с резкими изменениями социально-экономических, культурно-исторических условий изменяется и гендерная окрашенность анализируемых понятий и прежде всего – понятия «женщина». В материалах словарей XX в. в рамках оппозиции «мужчина – женщина» в большей степени подчеркивается природная составляющая данных понятий. Так, ведущими признаками в понятии «женщина» становятся мягкость, нежность, изящество, слабость, а также материнство, в понятии «мужчина» – зрелость, ум, твердость, активность. Можно говорить о том, что в предыдущие периоды развития языка в толковых словарях процесс отражения гендерных стереотипов был преимущественно социально-ориентированным, а в современный период – природно-ориентированным.

Словари XXI в. демонстрируют отражение гендерной стереотипизации, в том числе и в аспекте социальной эксклюзии, причем гендерно маркированным оказывается понятие «женщина», которое иллюстрируется, например, посредством мужского восприятия (соответствующие внешность, характер, способности, сфера), то есть женщине «приписываются» определенные качества и социальные роли. Что касается мужчины, то он традиционно связывается с твердостью характера (*Будь мужчиной*).

Таким образом, поскольку словари отражают сложившийся лексикон того или иного хронологического периода, они выступают как актуальные источники объективации сформированных на том или ином этапе развития общества представлений о гендере, что, в свою очередь, позволяет охарактеризовать процессы гендерной стереотипизации применительно к социальной эксклюзии, социальной инклюзии, которые напрямую связаны с такой актуальной для общества проблемой, как гендерное равенство / неравенство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдувахабова М. А., 2019. К вопросу об отражении гендерных стереотипов в языке // Наука, техника и образование. № 3 (56). С. 71–73.
- Войченко В. М., 2009. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1. С. 64–70.
- Горошко Е. И., 1999. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. М. : МГЛУ. Вып. 446. С. 28–41.
- Дарбанова Н. А., Ильин П. Ю., 2016. Гендерные стереотипы во фразеологизмах русского и китайского языков: сопоставительный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. № 1. С. 20–26.
- Ефремов В. А., 2016. Гендерные стереотипы и русская лексикография // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. № 6 (34). С. 100–111. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.08
- Кирилина А. В., 1999. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН. 180 с.
- Клецина И. В., 2001. Развитие гендерных исследований в психологии на Западе // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований. № 3. Минск : БГПУ. С. 18–21.
- Колесов В. В., 2006. Гордый наш язык. СПб. : Авалон : Азбука-классика. 352 с.
- Коноплева Н. А., 2002. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов. М. : Информация – XXI век. С. 65.
- Токарева Е. Н., 2005. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 204 с.
- Шамне Н. Л., Милованова М. В., 2023. Особенности объективации категорий социальной эксклюзии – социальной инклюзии в русском языке (на примере понятий «глубинка» и «глушь») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 62–75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>
- Шевченко М. Н., 2009. Гендерные исследования в лингвистике // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 44. С. 131–133.
- Шустова И. Н., 2013. Использование гендерных стереотипов в языке политики (на материале английского языка) // Известия Воронежского государственного педагогического универ-

- ситета. Гуманитарные науки. № 2 (261). С. 221–222.
- Bošković V., 2023. Language and Gender: Attitudes Towards the Use of Gender-Sensitive Language Among Students of Sports // *Teme – Časopis za Društvene Nauke*. Vol. 47, № 3. P. 701–715.
- Elsen H., 2018. Das Tradieren von Genderstereotypen – Sprache und Medien // *Interculture Journal: Online-Zeitschrift für interkulturelle Studien*. Vol. 17, № 30. P. 41–61. DOI: 10.5282/ubm/epub.57250
- Haoyun D., Xiaodong X., 2014. Sexism in News: A Comparative Study on the Portray of Female and Male Politicians in The New York Times // *Open Journal of Modern Linguistics*. Vol. 4, № 5. P. 709–719. DOI: 10.4236/ojml.2014.45061
- Lewis M., Lupyan G., 2020. Gender Stereotypes are Reflected in the Distributional Structure of 25 Languages // *Nature Human Behaviour*. № 4. P. 1021–1028.
- Lindvall-Östling M., Deutschmann M., Steinvall A., 2020. An Exploratory Study on Linguistic Gender Stereotypes and their Effects on Perception // *Open Linguistics*. Vol. 6, № 1. P. 567–583. DOI: 10.1515/opli-2020-0033
- Sczesny S., Formanowicz M., Moser F., 2016. Can Gender-Fair Language Reduce Gender Stereotyping and Discrimination? // *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00025
- СЛОВАРИ**
- БАС* – Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича. Т. 5. М. : Наука, 2006, 693 с. ; Т. 10. М. : Наука, 2008, 571 с.
- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 4 т.
- САР 1789–1794* – Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб. : При Императ. Акад. наук, 1789–1794. 6 т.
- САР 1806–1822* – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 т. СПб. : При Императ. Акад. наук, 1806–1822.
- СДРЯ* – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. Т. 3. М. : Рус. яз., 1990, 511 с. ; Т. 5. М. : Рус. яз., 2002, 647 с.
- СО* – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М. : АСТ : Мир и Образование, 2021. 736 с.
- СОШ* – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992. 960 с.
- СРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М. : Наука, 1978, 392 с. ; Вып. 9. М. : Наука, 1982, 357 с.
- СС* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. акад. Наук. 1893–1902. 3 т.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. 17 т.
- СЦРЯ* – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук : в 4 т. СПб. : [б.и.], 1847. 4 т.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : Астрель, 2003. 989 с. (Словари Академии Российской).
- ТСУ* – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. 4 т.
- REFERENCES**
- Abdovakhabova M.A., 2019. K voprosu ob otrazhenii gendernykh stereotipov v yazyke [On the Issue of Reflecting Gender Stereotypes in Language]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie* [Science, Technique and Education], no. 3 (56), pp. 71-73.
- Voychenko V.M., 2009. Otrazhenie gendernykh stereotipov v yazyke i kulture [Reflection of Gender Stereotypes in Language and Culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1, pp. 64-70.
- Goroshko E.I., 1999. Osobennosti muzhskogo i zhenskogo stilya pisma [Features of Male and Female Writing Styles]. *Gendernyi faktor v yazyke i kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Gender Factor in Language and Communication. Collection of Scientific Papers]. Moscow, MGLU, iss. 446, pp. 28-41.
- Darbanova N.A., Ilyin P.Yu., 2016. Gendernye stereotipy vo frazeologizmax russkogo i kitaiskogo yazykov: sopostavitelnyi analiz [Gender Stereotypes in Russian and Chinese Phraseologisms: Comparative Analysis]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk, literatura, kultura* [Bulletin of Buryat State University. Language. Literature. Culture], no. 1, pp. 20-26.
- Efremov V.A., 2016. Gendernye stereotipy i russkaya leksikografiya [Gender Stereotypes and Russian Lexicography]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University

- Bulletin], vol. 6, no. 6 (34), pp. 100-111. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.08
- Kirilina A.V., 1999. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic Aspects]. Moscow, Izd-vo In-ta sotsiologii RAN. 180 p.
- Kletsina I.V., 2001. Razvitie gendernykh issledovaniy v psikhologii na Zapade [Development of Gender Studies in Psychology in the West]. *Inoy vzglyad. Mezhdunarodnyy almanakh gendernykh issledovaniy* [Different Look. International Almanac of Gender Studies], no. 3. Minsk, BGPU, pp. 18-21.
- Kolesov V.V., 2006. *Gordyi nash yazyk* [Our Proud Language]. Saint Petersburg, Avalon Publ., Azbuka-klassika Publ. 352 p.
- Konopleva N.A., 2002. Gendernye stereotipy [Gender Stereotypes]. *Slovar gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow, Informatsiya – XXI vek Publ., p. 65.
- Tokareva E.N., 2005. *Spetsifika vyrazheniya otsenki v gendernom diskurse (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Specifics of Expressing Evaluation in Gender Discourse (Based on the Material of Modern English). Cand. philol. sci. diss.]. Ufa. 204 p.
- Shamne N.L., Milovanova M.V., 2023. Osobennosti obyektivatsii kategorii sotsialnoi eksklyuzii – sotsialnoi inklyuzii v russkom yazyke (na primere ponyatiy «glubinka» i «glush») [Objectification Features of Social Exclusion and Social Inclusion Categories in the Russian Language (Exemplified by “Glubinka” and “Glush” Concepts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 62-75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>
- Shevchenko M.N., 2009. Gendernye issledovaniya v lingvistike [Gender Studies in Linguistics]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Amur State University. Humanitarian Sciences], no. 44, pp.131-133.
- Shustova I.N., 2013. Ispolzovanie gendernykh stereotipov v yazyke politiki (na materiale angliyskogo yazyka) [Use of Gender Stereotypes in the Language of Politics (Based on the English Language Material)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University. Humanitarian Sciences], no. 2 (261), pp. 221-222.
- Bošković V., 2023. Language and Gender: Attitudes Towards the Use of Gender-Sensitive Language Among Students of Sports. *Teme – Časopis za Društvene Nauke*, vol. 47, no. 3, pp. 701-715.
- Elsen H., 2018. Das Tradieren von Genderstereotypen – Sprache und Medien. *Interculture Journal: Online-Zeitschrift für interkulturelle Studien*, vol. 17, no. 30, pp. 41-61. DOI: 10.5282/ubm/epub.57250
- Haoyun D., Xiaodong X., 2014. Sexism in News: A Comparative Study on the Portray of Female and Male Politicians in The New York Times. *Open Journal of Modern Linguistics*, vol. 4, no. 5, pp. 709-719. DOI: 10.4236/ojml.2014.45061
- Lewis M., Lupyán G., 2020. Gender Stereotypes Are Reflected in the Distributional Structure of 25 Languages. *Nature Human Behaviour*, no. 4, pp. 1021-1028.
- Lindvall-Östling M., Deutschmann M., Steinvall A., 2020. An Exploratory Study on Linguistic Gender Stereotypes and their Effects on Perception. *Open Linguistics*, vol. 6, no. 1, pp. 567-583. DOI: 10.1515/opli-2020-0033
- Sczesny S., Formanowicz M., Moser F., 2016. Can Gender-Fair Language Reduce Gender Stereotyping and Discrimination? *Frontiers in Psychology*, vol. 7. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00025

DICTIONARIES

- Gorbachevich K.S., ed. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka: v 30 t.* [Large Academic Dictionary of the Russian Language. In 30 Vols.], vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 2006; vol. 10. Moscow, Nauka Publ., 2008.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian Language Dictionary. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.
- Slovar Akademii Rossiyskoy: v 6 t.* [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Vols.]. Saint Petersburg, Pri Imperat. Akad. nauk, 1789–1794.
- Slovar Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhenny: v 6 t.* [Dictionary of the Russian Academy, Arranged in Alphabetical Order. In 6 Vols.]. Saint Petersburg, Pri Imperat. Akad. nauk, 1806–1822.
- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries). In 10 Vols.], vol. 3. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1990; vol. 5. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2002.
- Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AST Publ., Mir i Obrazovaniye Publ., 2021. 736 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az Publ.,

1992. 960 p.
Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language (11th – 17th Centuries)], iss. 5. Moscow, Nauka Publ.; 1978; iss. 9. Moscow, Nauka Publ., 1982.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t.* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments. In 3 vols.]. Saint Petersburg, Izd. Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperat.akad. nauk, 1893–1902.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948–1965. 17 vols.
- Slovar cerkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoy Akademii Nauk: 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian Languages, Compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, s. n., 1847.
- Dmitriev D.V., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 989 p. (Slovari Akademii Rossiyskoy [Dictionaries of the Russian Academy]).
- Ushakov D.N., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Gos. in-t «Sov. encikl.», OGIZ, Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940.

Information About the Author

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Информация об авторе

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.3>

UDC 81'28:39
LBC 81.006.35

Submitted: 26.02.2024
Accepted: 13.05.2024

THE KEY CONCEPTS OF TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE AND THE MEANS OF THEIR EXPRESSION IN THE LEXICON OF DIALECT SPEAKERS¹

Natalya A. Starodubtseva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Svetlana Yu. Kharchenko

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper presents a study of dialect speakers' lexicon excerpt correlated with the sphere of traditional spiritual culture. A classification of an extensive array of facts recorded whilst surveying the informants in the points of mixed residence in Volgograd region is proposed. The research is carried out in line with the established methodological principles of linguistic units interpretation, and is based on the material extracted from the speech recordings of native speakers of the Don and Ukrainian dialects. The study focused on the key concepts in the spiritual culture of the Russian-Ukrainian population of the region. The concepts are verbalized in the speech of dialect speakers, whose way of life, traditions and customs reflect the life of a nationally heterogeneous continuum. The lexical units relevant for the transition of culturally significant information are defined. It is revealed regarding the content-and-semantic principle of detailing information in the text (within the framework of themes and microthemes) and the semantic-and-categorical means of representing ethnocultural meanings in context (within situations and micro-situations). For residents of mixed settlements, the topics "Ethnic identification of dialect speakers", "Kinship. Family. Kinship and family relations, traditions", "Calendar and folk rituals, customs and beliefs", "Leisure amusements, folk games, fun", "Nature in traditional spiritual culture", "Folk medicine, healing", "Folk etiquette, moral norms of behavior in society, community" are noted to be significant. The article describes the procedure for segmenting an excerpt of dialect speakers' lexicon into individual topics that reflect traditional culture in its spiritual component; it shows the lexical content of microthemes recorded in the stories of Russian- and Ukrainian-speaking informants; and provides the description of lexical means significant for the realization of these ethno-cultural meanings.

Key words: ethnolinguistics, Don and Ukrainian dialects of the Volgograd region, lexicon, traditional spiritual culture, interdialect interaction.

Citation. Starodubtseva N.A., Kharchenko S. Yu. The Key Concepts of Traditional Spiritual Culture and the Means of Their Expression in the Lexicon of Dialect Speakers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 31-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.3>

УДК 81'28:39
ББК 81.006.35

Дата поступления статьи: 26.02.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В ЛЕКСИКОНЕ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ¹

Наталья Анатольевна Стародубцева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Светлана Юрьевна Харченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В работе представлены результаты исследования фрагмента лексикона диалектоносителей, соотносимого со сферой традиционной духовной культуры. В русле сложившихся методологических принципов интерпретации языковых фактов на материале, извлеченном из записей речи носителей донских и украинских говоров, охарактеризованы лексические средства, зафиксированные при опросе информантов в пунктах смешанного проживания населения Волгоградской области. Предметом исследования послужили вербализованные в речи диалектоносителей ключевые понятия духовной культуры русско-украинского населения региона, быт, традиции и обычаи которого отражают жизнь национально неоднородного континуума. Определены релевантные лексические единицы, с помощью которых передается культурно значимая информация, выявляемая с учетом содержательно-смыслового принципа ее детализации в тексте (в рамках тем и микротем) и семантико-категориального способа репрезентации этнокультурных смыслов в контексте (в рамках ситуаций и микроситуаций). Установлено, что для жителей поселений со смешанным составом значимы «Этническая идентификация диалектоносителей», «Родство. Семья. Родственные и семейные отношения, традиции», «Календарная и народная обрядность, обычаи и верования», «Досуговые увеселения, народные игры, забавы», «Природа в традиционной духовной культуре», «Народная медицина, врачевание», «Народный этикет, нормы нравственного поведения в социуме, общине». Приведено описание процедуры сегментации фрагмента лексикона диалектоносителей по отдельным темам, отражающим традиционную культуру в ее духовной составляющей; показано лексическое наполнение микротем, зафиксированных в рассказах русско- и украиноговорящих информантов, дана инвентаризация лексических средств, используемых для реализации названных этнокультурных смыслов.

Ключевые слова: этнолингвистика, донские и украинские говоры Волгоградской области, лексикон, традиционная духовная культура, междиалектное взаимодействие.

Цитирование. Стародубцева Н. А., Харченко С. Ю. Ключевые понятия традиционной духовной культуры и средства их выражения в лексиконе диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 31–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.3>

Введение

Исследования сферы «языкового отражения (выражения) этнического мирозерцания» [Виноградов, 1997, с. 647] в последние три десятилетия проводятся весьма часто, что обусловлено экстралингвистическими факторами (прежде всего, социально-демографическими и миграционными процессами) и продолжающей возрастать необходимостью сохранения этнической самобытности. Идея глобализации, распространившаяся на вопросы развития языковых систем, постепенно вытесняется идеей сбережения национальной культуры традиционного типа.

Наблюдения над процессом постижения тем или иным этносом реалий окружающего мира и создания его вербальных интерпретаций проводились учеными с конца XIX в. и послужили основой для выделения как самостоятельного направления в языкознании неогумбольдтианства, одна из ветвей которого (этнолингвистика) занималась изучением взаимоотношений языка и культуры. Опираясь на работы ряда исследователей (см., например: [Сводеш, 1960; Сепир, 1993; Уорф, 1960;

Thomas, 1985]), этнолингвисты не только описывали вещный мир, воспринимаемый представителями определенного этноса, но и выявляли этнокультурные коннотации, влияющие на номинативные процессы. Цель нашей работы – установление на основе языковых данных тех понятий духовной культуры, которые продолжают оставаться актуальными для диалектоносителей, проживающих на полиэтнических территориях.

Как отмечает Н.И. Толстой, до начала XX в. ученые-слависты исходили из положения о том, что «народная духовная культура вкупе с элементами включенной в нее материальной культуры представляют собой единое целое» [Толстой, 2013, с. 12], позже в этнолингвистике традиционно стали выделять две сферы: материальной культуры (описание предметов, их признаков, совершаемых действий) и духовной культуры (описание межличностных отношений, устройства миропорядка в определенных человеческих общинах, результатов «деятельности человеческого духа... передающихся от поколения к поколению ценностей, посредством которых... обозначаются приоритеты» (Баранов, с. 865)).

С позиции этнолингвистики разграничение материальной и духовной культуры представляется нам не вполне четким, так как словесное описание, например, того или иного обряда включает номинации предметов, вещей, используемых в обряде; места, территории, на которых совершается обряд; природных явлений, сопутствующих обряду, и т. д. Некоторые исследователи выделяют в обрядовой лексике группы слов и словосочетаний, характеризующих духовную культуру: названия заговоров, молитв, причитаний и др.; наименования обрядовых блюд, одежды, культовых предметов; обозначение природных реалий, связанных с конкретным обрядом [Филатова, 1994, с. 81]. Н.И. Толстой считает обряд «текстом, выраженным семиотическим языком культуры» [Толстой, 2013, с. 14] и выделяет в нем три кодовые структуры – вербальную, реальную и акциональную, понимая под ними слова, предметы и действия.

В целом принимая разграничение сфер материальной и духовной культуры, отметим их тесную взаимосвязь, которая особенно отчетливо обнаруживается при описании феноменов, относящихся к духовной культуре. На наш взгляд, при этнолингвистическом подходе фрагменты материальной культуры совмещаются с фрагментами культуры духовной, рассматриваются вкуче с ними, в некоторых случаях обретают функциональную значимость.

Различия в динамике материальной и духовной культуры заключаются в том, что в развитии первой из них наблюдается смена, замещение форм (например, меняются типы построек, утварь и т. д.), а вторая при изменении «в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым, наслаивает одно на другое» [Толстой, 1999, с. 37], в чем и проявляется системная память культуры [Вендина, 2016, с. 17].

Самым чувствительным индикатором культуры, по образному выражению Т.И. Вендиной, выступает лексика, с помощью которой передаются «глубинные смыслы» каждого конкретного языка. Понимание той или иной культуры возможно только при обращении к языковым средствам, выражающим основные понятия духовной сферы [Вендина, 2016, с. 12–13].

Составители Программы собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров» еще три десятилетия назад отмечали, что «понятия, образы, лексические средства, связанные с темой традиционной народной культуры, во многом уже вышли из употребления» [Программа..., 1994, с. 101], тем не менее созданная культурой предков среда чрезвычайно важна для последующих поколений, необходима для их нравственной жизни, «духовной оседлости», привязанности к родному дому, нравственной самодисциплины и социальности [Лихачев, 1984, с. 54].

Исследование ключевых понятий духовной культуры, находящих отражение в лексиконе диалектоносителей, позволяет выявить восприятие этносом материального мира и осознание своего места в нем, что говорит об актуальности рассматриваемого в статье вопроса.

Материал и методы

Источниками для выборки эмпирического материала послужили записи речи донских казаков и потомков украинских переселенцев, осуществленные во время проведения полевых диалектологических экспедиций с 2009 по 2023 г. в Волгоградской области. Корпус фиксированных аудиоматериалов (общее время звучания составляет около 5000 минут) включает автобиографические рассказы информантов, неформальные беседы с носителями говоров на бытовые темы, воспоминания о значимых событиях в истории страны, региона, семьи. К числу обследуемых относятся села, станицы и хутора Киквидзенского, Иловлинского, Михайловского и Урюпинского районов Волгоградской области, которые отличаются неоднородным этническим составом. На этих территориях можно наблюдать тесное переплетение материальной и духовной культуры донских казаков и потомков украинских переселенцев, что находит отражение в их лексиконе [Брысина, Супрун, 2021; Стародубцева, 2015; Супрун, 2017; Тупикова, 2013; Харченко, 2014].

Лексикон диалектоносителей, с учетом этнолингвистического аспекта проводимого исследования, понимается как «динамическая подсистема, реализуемая в текстах, зафиксиро-

ровавших функционирование языка в его региональном варианте, включающая лексику и фразеологию общенародного национального языка, в том числе элементы традиционных диалектов, обиходно-разговорной сферы общения, индивидуальное словоупотребление, подверженная изменению под влиянием литературной речи и в условиях межъязыковых (междиалектных) контактов, опосредованно отражающая этнокультурную информацию при обозначении реалий окружающей действительности (лиц, предметов, явлений, процессов, признаков)» [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 51].

Материалом для исследования послужил фрагмент лексикона диалектоносителей, фиксирующий средства выражения понятий и образов традиционной духовной культуры.

На основе содержательно-смысловой сегментации эмпирического материала тематической области «духовная культура» выявляются темы и микротемы, соотнесенные с этнокультурной информацией в лексиконе диалектоносителей (см. об этом: [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 52–53]). В темах отражается инвариантность взаимосвязанных «отрезков действительности» или представлений о них в сознании носителей языка, а микротемы содержат дифференциальные признаки того или иного фрагмента темы, то есть обозначают то или иное звено предметного или духовного мира и соответствующих этому звену наименований лиц, предметов, их признаков и совершаемых ими действий. Микротемы могут быть связаны с набором ситуаций, репрезентирующих типовые модели употребления языковых единиц, которые характеризуют лица, обстоятельства, условия, отношения и т. п. Ситуации, как правило, реализуются в микроситуациях, фиксирующих тот или иной этап ситуации, ее результаты, различия в участниках, разную трактовку символов и ритуальных действий и т. д.

Например, тема «Родство. Семья. Родственные и семейные отношения, традиции» представлена микротемами 'кровное родство, родственные отношения в казачьей, украинской / хохлацкой, смешанной русско-украинской семье'; 'родство / статус по браку / супружеству, супружеские отношения в казачьей, украинской / хохлацкой, смешанной русско-украин-

ской семье'; 'родство по брачной связи (свойство), отношения между свойственниками в казачьей, украинской / хохлацкой, смешанной семье'; 'духовное (искусственное) родство, статус по ритуальному родству, отношения духовного (искусственного) родства в казачьей, украинской / хохлацкой, смешанной семье'; 'семейные традиции донских казаков, украинцев / хохлов'; 'семейные взаимоотношения в казачьей, украинской / хохлацкой, смешанной семье'. Последняя из названных микротем проявляется, в частности, в ситуациях «взаимоотношения супругов», «отношение детей к родителям», «отношение родителей к детям», «взаимоотношения детей» и др. Ситуация «отношение детей к родителям» реализуется в исследуемом материале, например, в микроситуациях: «почитать родителей» (1), «исполнять родительскую волю» (2) и др.; а ситуация «отношение родителей к детям» – в микроситуации «воспитывать детей тем или иным способом» (3):

(1) Нужна с децтва всё эта приучать, а ни када он вырастит, начинаит то атца пасылать куда-та, драца, кидата. Нужна фсигда пачитать (ст-ца Преображенская, Киквидзенский р-н);

(2) И Боже избавь чё-эт ни нарушить. Если вот приказали с утра зделать там-вот: аґарот палить, дивья насажали, яблань, – палить их нада (х. Калачёвский, Киквидзенский р-н);

(3) Ну, мать мая никада на миня руку ни паднимала. А дефкам даставалась... (пос. Реконструкция, Михайловский р-н).

Изучение языковых средств, связанных с понятиями традиционной духовной культуры, позволяет установить способы фиксации значений и смыслов, указывающих на сохранение и закрепление многовекового опыта конкретного этноса в используемых элементах.

Результаты и обсуждение

Понятие «духовная культура» объединяет в себе представления о системе организации общества, о ценностно-важных результатах жизнедеятельности человека, о совокупности передающихся от поколения к поколению аксиологических приоритетов (Баранов, с. 865). Для донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) в пунктах совмест-

ного проживания значимыми оказываются темы «Этническая идентификация диалектоносителей», «Родство. Семья. Родственные и семейные отношения, традиции», «Календарная и народная обрядность, обычаи и верования», «Свадьба. Свадебные обряд, традиции», «Родильно-крестильный обряд», «Досуговые увеселения, народные игры, забавы», «Природа в традиционной духовной культуре», «Народная медицина, врачевание», «Народный этикет, нормы нравственного поведения в социуме, общине».

Лексикон диалектоносителей в части отражения явлений традиционной духовной культуры характеризует понятия, соотносящиеся с ценностными ориентирами жителей обследованных населенных пунктов. Разные варианты этнокультурных представлений, как показано Е.Л. Березович на другом материале, «могут существовать в социуме параллельно друг другу и даже уживаться в сознании одного носителя» [Березович, 2007, с. 9].

Календарная обрядность для носителей донских и русско-украинских говоров остается актуальной и в настоящее время, так как сохранение веками сложившихся исторических традиций, связанных с годовым циклом, и в русской, и в украинской культурах всегда было значимо. Прежде всего, структурирование календарного года ориентировалось на православные праздники, что нашло отражение в языковых единицах, соотносящихся в лексиконе диалектоносителей с микротемой 'христианский календарь, обрядовые функции и символика'. Применение компонентного анализа позволяет на семантическом уровне разграничить ситуации и микроситуации. Например, ситуация «празднование Рождества Христова» вербализуется при выражении типового значения 'торжественное отмечание кем-либо где-либо согласно установленным церковным канонам религиозного праздника в честь рождения Иисуса Христа', которое представлено интегральными признаками (характер празднования, субъект(-ы) празднования, место, соответствие канонам, причина) и набором дифференциальных признаков. В анализируемых контекстах рассматриваемая ситуация воплощается в ряде микроситуаций, например «посещать церковь», «славить Христа»:

(4) Атец было́ как начнёт рассказывать, у няво на глазах слёзы фсеугда, как жили. Ну, обычаи какие у казакоф? Празники... Справляли фсе! Православныи... Начинай как Раждество Христова, и пашло, и пашло... Фсе празники хадили ф церькафь, эта была так завидино, шли семьями, и дитей вили, и фсех приучали Боу малица и Боу веравать (х. Казаринский, Киквидзенский р-н);

(5) Мы у нас ф Казарни там христаславили, Ражество читали, эт я помню... как вайдёшь ф хату, христаславишь, дадут чё... Кутью эт перит Раждеством (х. Песчановка, Киквидзенский р-н).

Названная выше микротема тесно связана с микротемой 'обрядовая пища, пищевая символика, ритуальные функции пищи', которая реализуется в ситуациях «приготовление обрядовой пищи» (микроситуация «готовить рождественские блюда»), «ритуальные действия с обрядовой пищей» (микроситуация «угощать рождественскими блюдами») и др.:

(6) Ну, ушник у нас был самый казачий яда, лишь мы ели на Ражество и на Пасху. Курицу рубят самую харошую, жирную, атваривают её харашо, густа атваривают и делают лапшу на одном яйце. Ни капли вады ни падливааеть, на одном яйце, вот эта у нас называлась ушник. Очинь фкусный (х. Калачёвский, Киквидзенский р-н);

(7) Празники – Раждество, кутью носят: «Батькó и матэ прислали вам вечёря». Каша с пшеницы с яравой, талчёная, там изюм, мёт, всё. Прихадили, пели, Христа славили (с. Сидоры, Михайловский р-н).

Языковыми средствами выражения значимых для жителей региона культурных смыслов духовной сферы в приведенных высказываниях выступают как литературные слова с религиозной семантикой (*кутья, церковь, православный, молиться, верить*), так и лексические единицы с этнокультурным компонентом, например диалектное донское *ушник* 'суп из курицы, утки или гуся с домашней лапшой' (СДГВО, с. 619); представленные в диалектных словарях донских говоров обрядовые глаголы *славить* 'ходить по дворам с рождественским песнопением, колядовать' (СДГВО, с. 550) / *христославить* 'ходить по дворам с рождественским песнопением; то же, что славить' (СДГВО, с. 635); а также фразеологические сочетания, например *Христа славить* 'в дни Рождества: ходить по домам с пением церковных песен, прославляя Хрис-

та, поздравляя хозяев', фиксируемое в словаре с пометой *устар.* (ТСРЯ, с. 894), *читать Рождество, носить кутью*; фонетические диалектизмы: *Рождество, Рожаство* (СДГВО, с. 519). В речи потомков украинских переселенцев отмечено употребление слова *вечёра* 'ужин', используемого информантом для обозначения рождественской кутьи, которую дети разносят по домам родственников и соседей в рождественский сочельник. В лексикографических источниках оно дается как диалектное донское (БТСДК, с. 75) или как украинизм (РУУРС, с. 297).

Актуализации транслируемых аксиологических понятий в речи носителей говоров способствуют прием лексического повтора глаголов и союзов (*и пошло, и пошло*), употребление определительного местоимения *все* с семантикой интенсивности, использование оценочных прилагательных и наречий (*очень вкусный, самый казачий, самая хорошая*), глагольные цепочки (*приходили – пели – Христа славили*).

Ситуации, связанные с описанием религиозных праздников и обрядов – Пасхи, Троицы, Покрова, Успения и др. – отражают значимость для диалектоносителей особого пласта лексики, включающего обозначения участников обрядов, ритуальных предметов, праздничных блюд, особых признаков или свойств субъектов действия / используемых предметов, описание действий и отношений:

(8) А на Пасху... Борщ варю всигда, штоб гости ж прийдуть. З курицей или з уткой. Ну ще якэ мясо есть. Блинцив напичу. Барща наварю. Ну а тоди розаньцев до чаю наварю. Як приедуть гости, так хорошо поядять. А, пасху печу, яичко красю... Мы в цэркву ходыли, а типерь я туды не дойду. Так я утром встаю, отрижу паскы, яйичек покладу, сальца там покладу, яки есть, и выношу солички, и вынесу на улицу на постое. Вроде яки посвятуться. Ну, кажуть же, што все кругом святитья, як святуть пасхи (с. Семёновка, Киквидзенский р-н);

(9) Рядам жил у нас сасед, дедушка, и он с вайны пришёл биз наги, хади на диривянной. И у них рос большой-большой вязок. И вот на Троицу, на народный праздник, фсе хадили к ним, и вот он ветки атрубал нам, дитваре, атрубал и давал, штобы украсить дома. На Троицу наряжали (ст-ца Преображенская, Киквидзенский р-н);

(10) И кагда Троица. Ой, как я любила этот праздник! Щас пачему-та так ни делают. Троица – над окнами фсигда клён, палки мы наламаим, ве-

тачки-ветачки, и павесим над окнами. И сходим в балку, нарвём чёбр. Ой, растелишь, в доме чёбром памоишь, пахнет так всё, зайдёшь, вот чуда, так чуда! (пос. Реконструкция, Михайловский р-н);

(11) До Пакрова за красивава, багатава, а посла Пакрова хоть за старца, тильки в дефках ни астаца. На Пакрова зариве дифка, как карова. На Пакров до обид лито, а посла обид зима (с. Сидоры, Михайловский р-н);

(12) Успение кагда была, пристольный праздник, ф калхозы резали быка и па бригадам раздавали (с. Сидоры, Михайловский р-н).

В результате анализа лексики, зафиксированной в рамках микротемы 'народный календарь, обрядовые функции и символика', выявлены группы понятий, указывающие на значимые для жителей исследуемых территорий реалии: 1) названия календарных праздников и периодов (*Новый год, Щедрец / Щедрый вечер, Масленица / Маслин, Жаворонки / Сороки, Красная горка, Иван Купала* и др.); 2) наименования обрядовых действий (*колядовать, щедровать, кидать / подбрасывать (жаворонков), пускать (венки по воде), обходить (поля с иконой), жечь (костры), прыгать (через костры)* и др.); 3) названия обрядовых атрибутов / символов (*костёр, венок, чучело (Масленицы), жаворонки, блины, палочки из теста* и др.) (см. об этом: [Архипенко, 2009, с. 440–441]);

(13) Жаваронки. Да. Празник такой есть, знаете? ... Жаваронки. Кагда их бапки испякаит, прям пахоже на жаваронку, эта встреча зимы с висной. И кидает их: «Жаваронок, жаваронок, приняси нам вёсну, зима надаела, фсю сену паела, ўот салому даедай» (х. Ширяевский, Иловлинский р-н);

(14) Как же раньше ни апыляли хлеб?! Вот претки маи вон сколько хлеба, батюня уаварил, сеяли, триста крууоф, а сколько в крууу, я ни знаю, и фсе вручную убирали, и ничем ни апыляли. Хадили па палям с иконами, с малитвами, прасили Госпада Боуа, и фсе эта паубало, фся тварь, а хлеб радилси – и хлеба сколько было в России, а? (х. Казаринский, Киквидзенский р-н);

(15) А тут у них щедровать хадили, я ни хадила, канешна, а ани тут: «Щедрый вечер, добрый вечер, вам защедрюим». Тут так. Эт на старый новый гот. Щедрый вечер, добрый вечер (х. Песчановка, Киквидзенский р-н).

Исследуемый эмпирический материал подтверждает слова Т.И. Вендиной о том, что

«русская традиционная культура – это культура, прежде всего, хозяйственной деятельности, основой созидательных ценностей которой является труд» [Вендина, 2022, с. 75], поэтому мы полагаем правомерным отнесение ситуации «отношение к труду, работе» к микротеме, выделяемой в рамках темы «Народный этикет, нормы нравственного поведения в социуме, общине».

Анализ высказываний как донских казаков, так и потомков украинских переселенцев, проживающих на территории Волгоградской области, показывает, что умение усердно работать считалось важнейшей составляющей социальной и личностной характеристики человека – и мужчины, и женщины. В речи диалектоносителей нередко подчеркивается, что при выборе жены всегда ориентировались на способность девушки не только вести домашнее хозяйство, но и на ее пригодность к изнурительным полевым работам:

(16) Ну, што тут, у ацца на ўлазах слёзы были, дюжэ яму мать мая панравилаась, ана была бальшая такая, стройная и рабатыа была (х. Казаринский, Киквидзенский р-н);

(17) А матэ така была сераўлазынька, нивзрачнынька, но вэсла и мастеровата, вэс умила, вэс дилала (с. Мачеха, Киквидзенский р-н).

Для жителей поселений со смешанным составом актуальными лексическими единицами и словосочетаниями, соотносящимися с микротемой 'нормы нравственности, поведения донских казаков, украинцев / хохлов в общине, социуме', являются следующие имена существительные: *труд*, разг.-прост. *трудяги, работяга*, антонимичные им *лентяй*, разг. *лодырь*; имена прилагательные: *трудолюбивый*, разг. *работящий, ленивый, мастеровитый*; глаголы: *делать*, прост. *ишачить, приучать (к труду), обрабатывать, работать, трудиться, уметь* и др.; наречия: *целиком, полностью*.

(18) Аґарод был, сат. Да, абрабатывала я цыликом и полнастьо фсё сама. И сено сама касила, па-казачьи фсё. А он варонишскай мужик был. Я сама абрабатывала (х. Казаринский, Киквидзенский р-н);

(19) Дефки адбирают на падушки, приданнае сибе ґатовить. Вот убирём эти пёрышки. Шылушаем. Бывало, сидишь, аш пальцы фсе стёрты. И вот и

фсё, лазила агародничать. И вот так вот. Трудились. Трудились люди раньше. Не то, што сена заґатафь, друуое заґатафь. Фсё эта руками, фсё эта сваим трудом. Трудяги (пос. Иловля, Иловлинский р-н);

(20) Вот люди, да и маи претки, и тут зажитачных мноґа было, ани работали как быки, хлеп сеили (х. Казаринский, Киквидзенский р-н).

Приведенные выше слова, а также зафиксированные в речи сочетания и сравнительные обороты (*все руками; все своим трудом; работали как быки; сидишь (за работой), аж пальцы стёрты; целиком и полностью сама* и др.) подчеркивают ценностную значимость труда как основы бытия человека, которая не только обеспечивает ему существование, но и служит культурной нормой жизни, формирует его личность и определяет положение в обществе.

В речи носителей донских говоров отмечено также использование окказионального *ляґаж*, соотносимого с диалектными лексемами *лягам* 'ленивый человек; лентяй, лежебока' (СРНГ, с. 254), *лягавый* 'Бран. Лентяй' (СРДГ, с. 126).

Как видим, важными для диалектоносителей являются речевые средства, семантика которых указывает на высокую степень вкладываемых индивидом усилий для выполнения каких-либо физических работ или, наоборот, на порицание и в конечном итоге отвержение того, кто этому не следует.

Жители Нижнего Дона чередовали тяжелую работу и различные развлечения. Результаты анализа массива фактов показывают, что глубинные смыслы, связанные с темой «Досуговые увеселения, народные игры, забавы», раскрываются в речи носителей говоров с помощью диалектных слов *песнячай(ка)* 'человек, который любит петь, хорошо поет казачьи песни; хороший исполнитель песен, песенник' (СДГВО, с. 417), *улица* 'собрание жителей, гулянье на улице (чаще молодежи)' (СДГВО, с. 610), *вечер* 'вечернее собрание молодежи; то же, что посиделки, сиделки' (СДГВО, с. 73), *клекан / клёк* '1) игра в «попа», при которой выбивают вертикально поставленную чурку, 2) чурочка, которой пользуются при игре в «попа»' (БТСДК, с. 218). Отмечено также использование общеупотребительной лексики, входящей в данное тематическое множество, которая характеризует место проведения до-

суговых занятий: *клуб, площадка, грейдер, дом культуры, улица*; работников сферы досуга *гармонист, завклубом, избач, киномеханик* и др.; исполнителей досуговых развлечений: *дети, детвора, молодежь, ребята*; формы досуга и сопутствующие инструменты: *игра, кино, песня, танец, фильм, балалайка, гармония* и др.; действия, связанные с досугом и развлечением: *гулять, играть, петь, перепеть, припевать, плясать, танцевать*, а также окказиональное *клековать* и др.

(21) Не была клуба. Был, но плоханийкий. А маладэжи в эта время была не то, што сичас.. Страсть было... Фсе на улице были. Я ходила-та сама па этим улицам, припевали... И мы патом, после этава чая идём па улице и казачьи песни паём, вичирами... И вот улица сходица: Хамутофская, вот эта называлась адна... Эта улица, эти к этаму клубу. Вот я прям тут, помню, на сиридинке сходились и кто больше пирипаёт, чья улица. И пели да утра (с. Завязка, Киквидзенский р-н);

(22) Пашли, там уармония, там ноуи намазали от так урязью в виде тапачик и пашли. На дароуе пляшим, танцуим, тауда висилей былó, чем сичас. Сичас жэ ў клуб, там плащатка, а тауда уармония была, вышли на уредере, там ни асфальта, ничо, ўбили землю и пришли деўки. «Ой, деўки, какие у вас тапачки!» А мы урязью панамажим, абуваца ш не ва што была, а на улицу хочеца фсе равно, малады ш были (х. Дьяконовский, Урюпинский р-н).

Названные лексические средства играют ключевую роль в ситуациях, когда информанты вспоминают свои детские годы и молодость. При этом песенная традиция была особенно значима и для донского казачества, и для украинских переселенцев и их потомков.

(23) Я чистая казачка. У вас пражила пидсят лет. Никто мне ни тронул, ничауо. И паю вашим голасам. Вот песни я паю па-хахлячьи. Но гаварю па-казачьи. А вот па-хахлячьи не магу разгаваривать! (с. Сидоры, Михайловский р-н);

(24) Я люблю украинские песни, я тибе магу пакакому сказать. [А дома папанька разгаваривал поукраински?] Нимношка. А песни любил петь – што ты! (с. Большая Ивановка, Иловлинский р-н).

Исследуемый материал позволяет получить развернутое описание различных культурных реалий духовной сферы, которые постепенно уходят в прошлое. Например, в лексиконе диалектоносителей отме-

чены варианты названия детской игры *клекан* и *клёк*, в которую играли и казаки, и хохлы. Житель украинского поселения дает следующее пояснение:

(25) [А во что в детстве играли?] Клёк. В клёка. Эта палки вот такой талщины, длины такой. Трое в линии устраиваютца. Клёк ставица. Эта выпиленый из дерива. Ну, патоньше, паменьше такой. Ну, палка. И рисуца вот так вот квадрат, а ат квадрата усы в разные стороны. И вот сначала брасают, кто же кликавать будет, на клёку стаять будит здесь. На ноги каждый палку сваю берётъ и кто дальше бросить, ближе, вирнее, бросит, тот начинаит кликавать. Первый раз брасают фсе с третьей линии. Кто папал, на фтарую линию пириходит. А кто кликуит, должен этат клёк выбить. Он и на метр, и на 5 метраф может, схватить ево назат. Астальные тоже, ударил – бигут за сваими палками, вазвращаюца назад. Да фтарой, да первой линии, вот так вот (с. Сидоры, Михайловский р-н).

Высказывания информантов свидетельствуют о том, что традиционные народные развлечения (гуляния, игры, забавы), которые ранее проводились, как правило, на открытом пространстве в кругу односельчан, постепенно уступали место иным досуговым формам (посещение клуба, просмотр кинофильмов и т. п.), однако воспоминания о первых еще сохраняются в народном сознании и служат значимым элементом, маркирующим этнокультурные границы.

Специфика духовно-культурной картины мира жителей региона заключается в том, что важными этноидентифицирующими признаками донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) являются уклад жизни, система народных и религиозных воззрений, а также соотносимые с ними обычаи, традиции, обряды. В исследуемом лексиконе диалектоносителей наблюдается аккумуляция средств, вербализующих результаты практической деятельности человека, связанной с духовной составляющей его жизни.

Заключение

Интерес к изучению гуманистических возможностей традиционной духовной культуры различных этнических общностей обусловлен в настоящее время активно происходящими в современном мире процессами глобали-

зации и урбанизации сельского населения, социально-демографическими изменениями, в том числе в области миграционной политики.

Результаты анализа фрагмента лексикона диалектоносителей, отражающего смысло-организующие ценности и идеалы донских казаков и украинских переселенцев (их потомков), позволили выявить релевантные понятия народной духовной культуры различных этнических групп, длительное время проживающих на одной территории и сохраняющих свои традиционные аксиологические установки, которые служат средством нравственной ориентации этноса, с одной стороны, определяя его духовную уникальность, а с другой – обеспечивая консолидацию внутри социума, что в конечном итоге способствует сохранению культурной преемственности и национально-культурной идентификации индивида.

Использование приемов содержательно-смысловой сегментации массива фактов дало возможность определить границы тематической области «духовная культура», разграничить в ней темы и микротемы, установить признаки релевантных для них ситуаций и микроситуаций, соотнесенных с этнокультурной информацией в данных сегментах лексикона диалектоносителей.

Рассмотренные в исследовании основополагающие константы традиционной духовной культуры и средства их выражения, воплощенные в устной речи носителей донских и украинских (хохлацких) говоров, выступают инструментом, определяющим специфику лексикона, выявляющим доминантные черты мировоззренческих установок, традиций, обычаев, ценностных приоритетов, раскрывающим этнокультурную идентичность в сформировавшемся поликультурном социуме. Характеристика ключевых нравственных понятий и идеалов не только обнаруживает вертикальные связи, отражающие преемственность поколений внутри одного этноса, но и расширяет границы исследования в горизонтальном плане за счет обращения к процессам взаимообогащения и взаимовлияния соседствующих культур.

Изучение языкового материала с указанных позиций стимулирует поиск новых мотивационных признаков в слове, где культурная семантика переплетается с языковой, что способ-

ствует выражению самобытности и культурно-языковой уникальности и маркирует в речевом континууме принадлежность к традиционной народной культуре определенного этноса.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Этнолингвистическое исследование лексикона диалектоносителей на территориях бытования донских говоров Волгоградской области в пунктах смешанного проживания русских и украинцев»).

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Ethnolinguistic study of the lexicon of dialect speakers in the territories of the Don dialects of the Volgograd region in the places of mixed residence of Russians and Ukrainians»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипенко Н. А., 2009. Традиции и новации в обрядности и терминологии донского народного календаря // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. С. 438–445.
- Березович Е. Л., 2007. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования. М. : Индик. 599 с.
- Брысина Е. В., Супрун В. И., 2021. Духовная культура казачества: язык и образы. Волгоград : ПринТерра-Дизайн. 336 с.
- Вендина Т. И., 2016. Слово в языке русской традиционной духовной культуры // Мир русского слова. № 4. С. 12–18.
- Вендина Т. И., 2022. Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН. С. 72–94.
- Виноградов В. А., 1997. Этнолингвистика // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа. С. 647–649.
- Лихачев Д. С., 1984. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М. : Сов. Россия. 64 с.
- Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров / отв. ред. И. А. Попов. СПб. : НеГА, 1994. 336 с.
- Сводеш М., 1960. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов (На материале племен эскимосов и северо-

- американских индейцев) // Новое в лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит. Вып. 1. С. 23–53.
- Сепир Э., 1993. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс : Универс, 1993. 656 с.
- Стародубцева Н. А., 2015. Субстантивные средства выражения родства в лексиконе диалектоносителей (на материале речи жителей полиэтнических территорий Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 16–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.2>
- Супрун В. И., 2017. Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 335–337.
- Толстой Н. И., 1999. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Избранные труды. Т. 3. М. : Яз. рус. культуры. С. 31–39.
- Толстой Н. И., 2013. Язык и культура // Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Ин-т славяноведения РАН. С. 7–19.
- Тупикова Н. А., 2013. Основные подходы к структурированию лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания населения // Известия Южного федерального университета. Серия «Филологические науки». № 4. С. 36–42.
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2023. Лексикон диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте: проблемы, задачи, методы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 48–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Уорф Б., 1960. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит. Вып. 1. С. 169–183.
- Филатова В. Ф., 1994. Семантика предметной обрядовой лексики // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1993 / ред. А. С. Герд, А. И. Попов. СПб. : НеГА. С. 81–91.
- Харченко С. Ю., 2014. Ядерные и периферийные ЛСГ прилагательных в лексиконе диалектоносителей (на материале речи жителей поселений со смешанным составом) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (23). С. 37–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.4>
- Thomas J., 1985. Linguistique, ethnologie, ethnolinguistique (la pratique de l'Anthropologie Aujourd'hui). Louvain : Peeters. 252 p.

СЛОВАРИ

- Баранов* – Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М. : Изд-во ЭТС, 2002. 1200 с.
- БТСДК* – Большой толковый словарь донского казачества. М. : Астрель, 2003. 608 с.
- РУУРС* – Ганич Д. И., Олейник И. С. Русско-украинский, украинско-русский словарь. 7-е изд., доп. и переработ. Київ : А.С.К., 1998. 560 с.
- СДГВО* – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.
- СРДГ* – Словарь русских донских говоров. В 3 т. Т. 2 / отв. ред. В. С. Овчинникова. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1976. 228 с.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 17. Л. : Наука, 1981. 384 с.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

REFERENCES

- Arkhipenko N.A., 2009. Traditsii i novatsii v obryadnosti i terminologii donsogo narodnogo kalendarya [Traditions and Innovations in the Ceremonial and Terminology of the Don National Calendar]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 1, pp. 438-445.
- Berezovich E.L., 2007. *Yazyk i traditsionnaya kultura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ. 599 p.
- Brykina E.V., Suprun V.I., 2021. *Dukhovnaya kultura kazachestva: yazyk i obrazy* [Spiritual Culture of the Cossacks: Language and Images]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ. 336 p.
- Vendina T.I., 2016. Slovo v yazyke russkoy traditsionnoy dukhovnoy kultury [Word in the Language of Russian Traditional Spiritual Culture]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], no. 4, pp. 12-18.
- Vendina T.I., 2022. Dialektnoe slovo v kulturno-yazykovom kontekste [Dialect Word in Cultural and Linguistic Context]. Myznikov S.A., ed. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2022* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2022]. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 72-94.

- Vinogradov V.A., 1997. Etnolingvistika [Ethnolinguistics]. Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ., Drofa Publ., pp. 647-649.
- Likhachev D.S., 1984. *Zametki o russkom* [Notes About Russian]. Moscow, Sov. Rossiya Publ. 64 p.
- Popov I.A., ed., 1994. *Programma sobiraniya svedeniy dlya leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov* [Program of Collecting Information for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects]. Saint Petersburg, NeGA Publ. 336 p.
- Svodesh M., 1960. Leksikostatisticheskoe datirovanie doistoricheskikh etnicheskikh kontaktov (Na materiale plemen eskimosov i severoamerikanskikh indeytsev) [Lexico-Statistical Dating of Prehistoric Ethnic Contacts (Based on the Material of the Eskimo and North American Indian Tribes)]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., iss. 1, pp. 23-53.
- Sepir E., 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ. 656 p.
- Starodubtseva N.A., 2015. Substantivnye sredstva vyrazheniya rodstva v leksikone dialektonositeley (na materiale rechi zhiteley polietnicheskikh territoriy Volgogradskoy oblasti) [Substantive Linguistic Means Expressing Kinship in the Lexicon of Dialect Speakers (Based on the Speech of Residents from Multi-Ethnic Areas of Volgograd Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (28), pp. 16-24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.2>
- Suprun V.I., 2017. Ukraintsy Volgogradskoy oblasti [Ukrainians of the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 335-337.
- Tolstoy N.I., 1999. Etnogeneticheskiy aspekt issledovaniy drevney slavyanskoy dukhovnoy kultury [Ethnogenetic Aspect of the Ancient Slavic Folk Culture Research]. *Izbrannye trudy. T. 3* [Selected Works. Vol. 3]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 31-39.
- Tolstoy N.I., 2013. Yazyk i kultra [Language and Culture]. Tolstyey N.I. and S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Theoretical Issues]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, pp. 7-19.
- Tupikova N.A., 2013. Osnovnye podkhody k strukturirovaniyu leksikona dialektonositeley v punktakh smeshannogo prozhivaniya naseleniya [Basic Approaches to Structuring the Lexicon of Dialect Speakers in Settlements with Mixed Population]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki»* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no. 4, pp. 36-42.
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2023. Leksikon dialektonositeley v etnolingvisticheskom aspekte: problemy, zadachi, metody issledovaniya [Lexicon of Dialect Speakers in the Ethnolinguistic Aspect: Problems, Methods, Research Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 48-61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Uorf B., 1960. Nauka i yazykoznanie [Science and Linguistics]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., iss. 1, pp. 169-183.
- Filatova V.F., 1994. Semantika predmetnoy obryadovoy leksiki [Semantics of the Subject Ritual Vocabulary]. Gerd A.S., Popov A.I., eds. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 1993* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 1993]. Saint Petersburg, NeGA Publ., pp. 81-99.
- Kharchenko S.Yu., 2014. Yadernye i periferiyne LSG prilagatelnykh v leksikone dialektonositeley (na materiale rechi zhiteley poseleniy so smeshannym sostavom) [Nuclear and Peripheral LSGs of Adjectives in the Lexicon of Dialect Speakers (Based on the Speech of Residents Living in Settlements with Mixed Population)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (23), pp. 37-45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.4>
- Thomas J., 1985. *Linguistique, ethnologie, ethnolinguistique (la pratique de l'Anthropologie Aujourdhui)*. Louvain, Peeters. 252 p.

DICTIONARIES

- Baranov O.S. *Ideograficheskii slovar russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo ETS, 2002. 1200 p.
- Bolshoy tolkovyy slovar donskogo kazachestva* [Large Explanatory Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 608 p.
- Ganich D.I., Oleynik I.S. *Russko-ukrainskiy, ukrainsko-russkiy slovar* [Russian-Ukrainian,

- Ukrainian-Russian Dictionary]. Kyiv, A.S.K. Publ., 1998. 560 p.
- Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I., eds. *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 704 p.
- Ovchinnikova V.S., ed. *Slovar russkikh donskikh govorov. V 3 t. T. 2* [Dictionary of Russian Don Dialects. In 3 Vols. Vol. 2]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1976. 228 p.
- Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. *Slovar russkih narodnyh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects], iss. 17. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 384 p.
- Shvedova N.Yu., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Information About the Authors

Natalya A. Starodubtseva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_starodubceva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

Svetlana Yu. Kharchenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, syu_harchenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9231-184X>

Информация об авторах

Наталья Анатольевна Стародубцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_starodubceva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-8230>

Светлана Юрьевна Харченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, syu_harchenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9231-184X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.4>

UDC 811.161.1'367.624
LBC 81.411.2-2



Submitted: 17.01.2024
Accepted: 09.04.2024

TRANSPOSITION OF SUBSTANTIVE WORD FORMS INTO ADVERBS OF INTERVAL: STAGES, SIGNS, LIMIT¹

Victor V. Shigurov

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia

Abstract. This study presents the experience of calculating the differential features of substantive word forms that explicate in speech different degrees of functional and functional-semantic convergence with the class of adverbs of interval. Using the example of the instrumental case form *poroj* (*sometimes*), the combinatorics and proportion of features of nuclear and peripheral nouns, as well as nuclear substantive adverbs, that explicate different stages of adverbialization in typical contexts, are demonstrated. The application of oppositional analysis in the study of different conditions for the use of the instrumental case form made it possible to identify the main stages of its adverbialization – the starting and final points of transposition, as well as the zone of peripheral nouns. The absence of intermediate (hybrid) structures and peripheral, functional proper adverbs in the transition zone between the nuclear noun and the nuclear adverb is substantiated. The dynamics of semantic and grammatical features of the substantive word form *poroj* (*sometimes*) are analyzed in different contexts in modern Russian language. The adverbial transposition of the word form under consideration is established to have a functional and semantic character. It is associated with the loss of semantic and grammatical features of a noun and the acquisition of categorical properties of adverbs, as well as with violation of the semantic identity of the original substantive lexeme and the formation of not only a grammatical, but also a lexical homonym, which is included in the subclass of adverbs of an interval exceeding a certain situational norm. The conclusion is relevant for the general theory of transitivity and syncretism in the field of semantics and grammar.

Key words: Russian language, grammar, transposition, noun, adverb, scale of transitivity, core, periphery.

Citation. Shigurov V.V. Transposition of Substantive Word Forms into Adverbs of Interval: Stages, Signs, Limit. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 43-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.4>

УДК 811.161.1'367.624
ББК 81.411.2-2

Дата поступления статьи: 17.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

ТРАНСПОЗИЦИЯ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОФОРМ В НАРЕЧИЯ ИНТЕРВАЛА: СТУПЕНИ, ПРИЗНАКИ, ПРЕДЕЛ¹

Виктор Васильевич Шигуров

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Россия

Аннотация. В статье обобщен опыт исчисления дифференциальных признаков субстантивных словоформ, эксплицирующих в речи разные степени функционального и функционально-семантического сближения с классом наречий интервала. На примере формы творительного падежа *poroj* продемонстрированы комбинаторика и пропорция признаков ядерных и периферийных существительных, а также ядерных отсубстантивных наречий, выражающих в типовых контекстах разные стадии адвербиализации. Применение методики оппозиционного анализа при исследовании условий употребления формы творительного падежа позволило выявить основные этапы ее адвербиализации – исходный и конечный пункты транспозиции, зона периферийных существительных. Обоснована мысль об отсутствии в переходной зоне между ядерным существительным и ядерным наречием промежуточных (гибридных) структур и периферийных, собственно функциональных наречий. Показана динамика семантико-грамматических признаков субстантивной слово-

формы *порой* в разных условиях ее употребления. Установлено, что адвербиальная транспозиция рассматриваемой словоформы имеет функционально-семантический характер. Она сопряжена с утратой семантико-грамматических признаков существительного и приобретением категориальных свойств наречий, с нарушением смыслового тождества исходной субстантивной лексемы и образованием не только грамматического, но и лексического омонима, входящего в подкласс наречий интервала, превышающего некую ситуативную норму. Полученные результаты актуальны для общей теории переходности и синкретизма в сфере семантики и грамматики.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, существительное, наречие, шкала переходности, ядро, периферия.

Цитирование. Шигуров В. В. Транспозиция субстантивных словоформ в наречия интервала: степени, признаки, предел // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 43–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.4>

Введение

Роль и место механизма транспозиции на разных уровнях языковой системы издавна интересует ученых (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, Е.В. Урысон, Г.И. Кустова, Е.С. Кубрякова, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова, Е.П. Калечиц, М.Ф. Лукин и др.). Транспозиционные процессы, связанные с взаимодействием языковых единиц в рамках семантико-грамматических классов, межклассных семантико-синтаксических подклассов предикативов и вводно-модальных слов и словоформ, исследовались лингвистами с использованием таких терминов, как транспозиция, трансляция, лексическая и синтаксическая деривация, конверсия, трансформация и т. п. (Ш. Балли, Е. Курилович, Л. Теньер, А. Сеше, Н. Marchand, М. Eihinger Ludwig, E. Hilke, P. Stekauer и др.). Феномен адвербиальной транспозиции слов и словоформ, связанный с их обособлением от парадигм исходных лексем и возможностью лексикализации [Норман, 2016, с. 108], изучался на материале разных языков: русского, татарского, башкирского, удмуртского и др. (см., например, диссертационные работы О.С. Орловой, Л.А. Халваши, О.Н. Калякиной, М.Т. Джабборовой, А.А. Байгариной, Э.А. Сайдашевой, А.А. Шибанова и др.). Отметим также работы сопоставительного характера, выполненные в русле теории конверсии и грамматикализации (диссертационные исследования, в которых сравниваются процессы адвербиализации в типологически разных языках – русском и французском [Кравцов, Голубева, 2016], немецком и английском [Авагян, 2021]).

Разные аспекты проблемы адвербиализации существительных, в частности критерии перехода в наречия, степень онаречивания, изменения на уровне лексического и категориального значений, грамматических категорий и парадигм, морфемного состава и др., обсуждались в работах таких исследователей, как А.А. Потемня, А.М. Пешковский, Е.М. Галкина-Федорук, В.В. Виноградов, Л.Л. Буланин, Т.С. Тихомирова, М.В. Филипенко, В.Б. Евтухин, Д.В. Сичинава, В.В. Бабайцева, Р. Вихованец, А. Красновольски и др.

В то же время остаются не до конца изученными виды адвербиализации, функциональный и функционально-семантический характер данного процесса, разные стадии (степени, степени), признаки и предел адвербиализации конкретных субстантивных словоформ с предлогами и без предлогов, критерии разграничения ядерных и гибридных, субстантивно-адвербиальных образований, а также периферийных структур, функционирующих в зонах существительных и наречий и др. При исследовании ступенчатой природы адвербиализации существительных мы исходим из признания функционального сходства понятий «степень», «ступень», «стадия». О смежности понятий «степень» и «ступень» пишет в другой связи Ю.Л. Воротников, согласно которому при использовании префикса *по-* в компаративах типа *побольше* (≈ ‘чуть больше’), *поменьше* (≈ ‘чуть меньше’) можно наблюдать «поэтапное возрастание или убывание степени проявления признака по отношению к его исходному уровню» [Воротников, 2003, с. 89].

Наиболее активно и в разной степени адвербиализуются формы творительного падежа существительного. Опираясь на исто-

рические разыскания А.А. Потебни [1958], В.В. Виноградов утверждал, что существительные в форме творительного падежа в функции сравнения и образа действия (*не стись стрелой* и т. п.) находятся на полпути к наречиям, а в функции обстоятельства времени (*летом, вечером, ночью уехать куда-то*) располагаются еще ближе к наречиям [Виноградов, 1986, с. 315–316]. В академической «Грамматике русского языка» говорится о наличии в русском языке большого количества «переходных, промежуточных случаев, отражающих колебание форм между функциями существительного и наречия... Таковы случаи употребления творительного падежа со значением уподобления, сравнения, например, *смотреть волком, сыпаться градом, лететь стрелой*» [Грамматика русского языка, с. 629]. Что касается одиночных словоформ *ночью, утром, вечером, зимой, весной*, то они отнесены здесь к обстоятельственным наречиям времени [Грамматика русского языка, с. 609]. Образование таких наречий связано здесь с обособлением падежных форм существительного от парадигмы категории падежа, их изоляцией и превращением флексии в суффикс. Данный процесс, по мнению авторов указанной грамматики, сопровождается семантико-грамматическим переосмыслением субстантивных словоформ и переходом их в наречия [Грамматика русского языка, с. 611].

На наш взгляд, многие слова при адвербиализации, действительно, демонстрируют в тех или иных контекстах разную степень отхода от существительных и приближения к наречиям. Есть основание полагать, что одни из них эксплицируют в соответствующих условиях речи зону периферийных существительных с флексиями *-ом, -ой* (в составе оборотов типа *этим летом, ранней весной*), другие – зону гибридных, субстантивно-адвербиальных структур с синкретичными, флексийно-суффиксальными морфемами *-ом, -ой* (ср., например, метафору, развившуюся на основе скрытого сравнения с предметом: *не стись пулей ≈ как пуля*), третьи – зону периферийных наречий с суффиксами типа *-ом, -ой*, сохраняющих семантическое тождество исходных субстантивных лексем (ср.: *Ночь сменяется утром → Утром мы отправляемся в поход*). Справедливость выводов

А.А. Потебни и В.В. Виноградова о переходном характере адвербиализующихся беспредложных и предложно-падежных форм существительных в функции обстоятельства подтверждается исследованием многих фактов ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в наречия. Наречия, по наблюдениям А.К. Коневецкого, образовывались в истории поэтапно, что находило отражение в постепенной утрате языковой единицей признаков исходной части речи и приобретении признаков наречия: степень адвербиализации конкретных словоформ в связи с этим неодинакова, некоторые из них «переживают» стадию так называемых функциональных наречий, не порывая еще семантической связи с исходными субстантивными лексемами [Коневецкий, 1977, с. 29–30].

Целью данной работы является комплексная характеристика субстантивных словоформ с временной семантикой, представляющих разные стадии перехода в класс наречий. Актуальность исследования обусловлена все более возрастающим вниманием ученых к проблеме взаимодействия грамматического и лексического в структуре языковых единиц, в разной степени подверженных транспозиционным преобразованиям. В современном языке усиливается значимость качественных компонентов характеристики высказывания при синтаксическом и несинтаксическом использовании адвербиальной лексики (об этих типах употребления словоформ см., например: [Пеньковский, 2004, с. 220–224; Филипенко, 2003; Циммерлинг, 2021, с. 218]).

В настоящем исследовании на примере формы творительного падежа без предлога *порой* установлены дифференциальные признаки зон ядра и периферии существительных, склонных к адвербиализации, а также зоны ядерных отсубстантивных наречий.

Материал и методы

Объект анализа в работе – механизм транспозиции русских существительных в наречия, осмысляемый на синхронном срезе языка – в динамическом и статическом аспектах, предмет рассмотрения – ступени, при-

знаки и предел транспозиции субстантивных словоформ в разряд наречий интервала.

Материал исследования – типовые контексты употребления словоформы *порой*, демонстрирующие разные степени адвербиализации, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также собственные примеры автора (авторская картотека, далее – АК). В работе применялись метод оппозиционного анализа и основанная на нем шкала переходности, а также лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного и компонентного анализа.

Степень адвербиализации субстантивных словоформ определялась пропорцией признаков существительного и наречия в их структуре, что зафиксировано в разных типах контекстов. Данные контексты дифференцируются в зависимости от того, в какой мере рассматриваемые словоформы отдалены в них от исходного звена адвербиализации, то есть от ядерных существительных, и приближены к классу ядерных наречий.

Исследование типовых контекстов адвербиализации темпоральных субстантивных словоформ типа *весной, осенью, утром, вечером, порой* свидетельствует о том, что их транспозиция в разряд наречий имеет градуальный (ступенчатый) характер. Стадии адвербиализации допускают графическую экспликацию в виде звеньев (ступеней) на шкале переходности: **С(ущ)** (ядро существительных) → **С(ущ) н(ареч)** (периферия существительных) → **с(ущ) Н(ареч)** (периферия наречий) → **Н(ареч)** (ядро наречий) (о методике оппозиционного анализа и шкалы переходности при изучении разных типов транспозиции языковых единиц см., например: [Бабайцева, 2000; Высоцкая, 2006; Калечиц, 1990; Шигуров, 2009; 2016; 2020а; 2020б]).

Результаты и обсуждение

В результате исследования установлено, что одни темпоральные существительные перемещаются в обстоятельственные наречия со значением даты – времени года или части суток (*зимой, летом, ночью, утром* и т. п.), другие – в наречия со значением интервала, выше некоей условной нормы (*порой, часом, временем / временами*) (см. о них:

[Теория функциональной грамматики..., 1987, с. 147–149]).

Количество стадий адвербиализации у образований с семантикой неограниченной кратности *порой, часом, временем / временами*, указывающими на то, что интервал между повторяющимися действиями выше некоей нормы, неодинаков. Если словоформа *часом* сразу, как бы скачкообразно трансформируется в рассматриваемый подкласс наречий, то *порой* и *временем* обнаруживают в современном языке несколько стадий адвербиализации, хотя все эти образования в конечном счете сопряжены со смысловой и грамматической изоляцией формы творительного падежа. Ср. контексты употребления лексико-грамматических омонимов, где в (1) ядерное существительное в значении ‘временной промежутков, равный 60 минутам’, а в (2) ядерное наречие в значении ‘иногда’:

(1) Мы наслаждались каждым выделившимся **часом** для отдыха (АК);

(2) **Часом** с квасом, а порою с водой (НКРЯ: В. Даль. Посл.).

Существительное в творительном беспредложном падеже *порой* представляет в современном русском языке три этапа (ступени) транспозиции в обстоятельственные наречия интервала: **С(ущ)** (ядро существительных) → **С(ущ) н(ареч)** (периферия существительных) → **Н(ареч)** (ядро наречий). Гибридных, субстантивно-наречных форм [на ступени **с(ущ) н(ареч)** шкалы переходности] и периферийных наречий [на ступени **с(ущ) Н(ареч)**], соотносительных с существительным *порой*, не обнаружено.

Зона ядра существительных на шкале адвербиализации

Степень **С(ущ)** на шкале адвербиализации демонстрируют контексты употребления существительного *пора* (*порой*) в первичных синтаксических функциях подлежащего и дополнения. По семантике и грамматическим свойствам оно принадлежит к разряду синкретичных, абстрактно-конкретных существительных, так как обозначает какой-либо период, время, срок (Ожегов, Шведова, 2006, с. 563), не сочетается с количественными чис-

лительными (**две, три поры...*), но имеет категорию числа (при некоторой дефектности парадигмы во множественном числе; ср. возможность форм *поры, пор, порам* при проблематичности или невозможности **порами, *о порах*). В силу сказанного существительное *пора (порой)* считается ядерным (прототипическим) лишь условно. В этом плане с ним сопоставимы другие синкретичные, абстрактно-конкретные темпоральные существительные вроде *зимой, вечером, ночью*, которые в семантическом отношении также входят в группу абстрактных слов (обозначения временных отрезков), но по грамматическим свойствам относятся к конкретным: изменяются по числам, и, в отличие от существительного *пора*, сочетаются с количественными числительными; ср.: *вечер / вечера; зима / зимы; два, три вечера* и т. п.

Лексическое значение существительного *пора (порой)* ‘период времени’ является более отвлеченным, чем лексические значения слов, представляющих части суток и времена года (*зимой, весной, утром, вечером* и т. п.), что, по оценке некоторых исследователей, облегчает транспозицию формы творительного падежа *порой* в наречие с семантикой неограниченной кратности ‘иногда’ (см., например: [Орлова, 1961, с. 165]). Будучи лексическим и грамматическим омонимом существительного (*летней*) *порой*, отсубстантивное наречие *порой (порою)* устанавливает синонимические отношения не только с наречием *иногда*, но и с наречиями, возникшими в результате функционально-семантической адвербиализации других форм беспредложного творительного падежа – *часом, временем / временами*. Ср. примеры из кандидатской диссертации О.С. Орловой [1961, с. 166–167]: *Порою между тучами являлась испуганная луна* (М. Горький. Мордовка); *Часом густо, а часом и пусто* (В. Даль. Посл.); *Временем и ломоть за целый хлеб* (В. Даль. Посл.).

Прототипическому существительному *пора (порой)* свойственны такие дифференциальные признаки исходного класса слов, как: а) категориальное (частеречное) значение предмета (в широком смысле слова); б) отнесенность к лексико-грамматическим разрядам нарицательных, неодушевленных, абст-

рактно-конкретных существительных; в) словоизменительные категории падежа и числа и классификационная категория рода; г) парадигмы категорий падежа и числа (ср.: *пора, поры, поре...*; *поры, пор, порам...* – при конкретизации лексического значения во множественном числе).

Для ядерного существительного *пора (порой)* характерны первичные синтаксические функции подлежащего (3), (4) и дополнения (5)–(7):

(3) Настала осень, школьная **пора**. Алечку пришлось отдать в ясли (НКРЯ: В. Токарева. Своя правда // Новый Мир, 2002);

(4) Период юношеской социализации Никиты совпал с бракоразводной **порой**, растянувшейся на годы... (НКРЯ: А. Бузулукский. Пальчиков // Волга).

Существительное *порой* может быть в синтаксической позиции именного компонента составного сказуемого:

(5) У каждого человека есть своя особая **пора** жизни, в которую он себя полнее всего проявил... **Такой порой** у иных **бывает** даже детство – и тогда люди на всю жизнь остаются детьми... (НКРЯ: А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // Новый Мир, 1990);

(6) Осень уже **не казалась** мне больше **унылой порой**, хотя я никогда не любила это мокрое и скользкое от гниющей листвы и сопливых носов время года (НКРЯ: Е. Панкратова. Ангел чердачного окна, 2015);

(7) Детство всегда **кажется самой лучшей порой**... (НКРЯ: В. Попов. Очаровательное захолустье, 2001);

(8) ...Все это **называется счастливой порой**: серость, вождление, энтузиазм... Плохо дело, подумал он (НКРЯ: А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Гадкие лебеди, 1967).

Типичным для ядерного существительного *пора (порой)* является и его синтаксическое окружение (9)–(11) – зависимые слова в виде адъективных и субстантивных распространителей (в формах косвенных падежей имени):

(9) Была **морозная осенняя пора с ярким солнцем** (НКРЯ: Л. Толстой. Крейцера соната, 1890);

(10) В марте восемнадцатого, когда румыны вошли в Аккерман, молодожены уехали в Марамоновку, в село, где родился и провел детство Рекемчук... Не это ли **было самой светлой порой их жизни?** (НКРЯ: А. Рекемчук. Мамонты, 2006);

(11) ... Два века Великого Халисуна **были** поистине золотым временем, **порой изобилия и безопасности**, когда к могучей державе не смел подступить ни один враг (НКРЯ: М. Семенова. Волкод: Знамение пути, 2003).

Грамматические формы рода и числа ядерного существительного *пора* в функции подлежащего могут получать синтагматическую актуализацию через предложенческую подчинительную связь координация – при помощи знаменательных глаголов в прошедшем времени и сослагательном наклонении (12), а также глагольных связок в структуре именного предиката (13) или через присловную связь согласование – посредством адъективных слов (14):

(12) **Пришла пора** Страшного Суда, тысячелетние истины были объявлены заблуждениями (НКРЯ: В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1960);

(13) Вереницы европейских туристов хлынули сюда, это **была пора** так называемого ностальгического **туризма**: приезжали в основном те, кто раньше жил здесь... (НКРЯ: О. Глушкин. Признание, 1990–1999);

(14) **Летняя пора** не за горами (АК).

Формы словоизменительных категорий ядерного существительного *пора* могут быть подчеркнуты синтаксически дважды – в присловной связи согласования и предложенческой связи координации:

(15) В жизни наших героев **наступила хмурая, дождливая осенняя пора** (НКРЯ: Е. Велтистов. Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников, 1985).

Ядерная форма творительного падежа без предлога в функции дополнения находится в обязательной предсказуемой присловной подчинительной связи сильного управления: она требуется главным компонентом словосочетания, например:

(16) Периоды удач **сменялись порой** мучительных страданий (АК).

В класс наречий интервала существительное *пора* транспонируется в форме творительного падежа в обстоятельственном значении времени; ср. примеры функционально-семантических омонимов из «Словаря грамматических омонимов русского языка» О.М. Ким и И.Е. Островкиной: *Ее отрочество было*

порой мечтательной, а юность – порой становления характера (существительное в значении ‘период’); *Порой в ущелии шакал кричал и плакал как дитя* (Лермонтов) (отсубстантивное наречие со значением ‘иногда’) [Ким, Островкина, 2004, с. 553].

В качестве варианта рассматриваемого наречия выступает словоформа *порою* (см. также: (Ефремова, 2004, с. 488–489)): *Порою же мелькнут над отблеском болотца семь-восемь сосенок причудливой чредой* (АК: Набоков).

Для сравнения укажем, что в синтаксической позиции главного члена безличной конструкции субстантивная словоформа *пора* транспонируется в межчастеречный семантико-синтаксический разряд оценочных темпорально-модальных предикативов, обозначающих наступление такого периода времени, когда необходимо совершить какое-либо действие.

Ср. контексты употребления типичного существительного (17) и отсубстантивного предикатива (18):

(17) Пришла желанная **пора** (АК);

(18) Тебе давно **пора** было самому делать выводы (АК).

В контексте (18) предикатив употреблен в значении ‘давно пришло время, когда необходимо делать выводы’ (подробно см.: [Шигуров, 2016, с. 619–652]).

Аналогичный характер имеет отсубстантивный предикатив *время*:

(19) **Время** подумать о будущей профессии (АК);

(20) Сейчас **не время** говорить об этом (АК).

Зона периферии существительных на шкале адвербиализации

Ступени **С(ущ) н(ареч)** на шкале перекодности соответствует зона периферии существительных: ее представляют типовые контексты употребления беспредложной формы творительного падежа существительного *порой* в синтаксической функции обстоятельства времени. Обязательным для периферийного существительного является использование с зависимыми словами, «удерживающими» его в пределах исходного класса слов.

Речь идет, прежде всего, об адъективных распространителях, которые оттеняют его формы рода, числа и падежа. Формы творительного падежа и единственного числа у *порой* в зоне периферии существительных характеризуются фиксированным употреблением.

В качестве адъективных компонентов при периферийном существительном выступают чаще всего указательные местоимения-прилагательные *этот, тот*, прилагательные *счастливый, прекрасный, унылый, утренний, вечерний, ночной, ранний, поздний, зимний, весенний, летний, грибной, дождливый* и т. п. Например:

(21) Мечтая об этом, я, как часто со мной случалось той **счастливой порой**, крепко фантазировал (НКРЯ: А. Лиханов. Кикимора, 1983);

(22) ...Подружка его укатила с известной личностью **вечерней порой** (НКРЯ: А. Слаповский. Висельник, 1994);

(23) Плохо, конечно, что он съездил туда всего один раз и то **зимней порой** (НКРЯ: В. Быков. Болото, 2001);

(24) Особенно хорош был дворик **весенней порой**, когда на лужайках возле покосившихся сараюшек пробивалась трогательная, робкая травка, желтели непритязательные, скромные одуванчики (НКРЯ: Е. Маркова. Чужой звонок, 1990–2000).

Периферийное существительное *порой* в функции обстоятельства времени находится в слабой синтаксической связи с главным словом словосочетания. Творительный падеж примыкает к главному слову словосочетания, в отличие от управляемого творительного падежа ядерного существительного *порой*, который предсказывается, «диктуется» главным словом словосочетания. Связь падежное примыкание у *порой* в зоне периферии существительных имеет необязательный, коммуникативно обусловленный характер. Ср. контексты употребления ядерного (25) и периферийного существительного (26):

(25) Мы буквально наслаждались этой безмятежной **порой** в лагере (АК);

(26) Он иногда рыбачил летней **порой** на берегу этой маленькой речушки (АК).

Функция обстоятельства времени реализуется у периферийного существительного *порой* при его использовании с предикативными (финитные формы), полупредикативными

(деепричастия), атрибутивными (причастия) и субстантивными формами глаголов (инфинитивы) (27), а также с отглагольными существительными со значением отвлеченного действия (28); ср.:

(27) «Растет камышинка, горька сиротинка», – выдохнула песнопевица с той неизъяснимой тоской, коя свойственна лишь давно и много страдающей женщине да птицам, в чужедальние страны **отлетающим осенней порой** (НКРЯ: В. Астафьев. Обертон, 1995–1996);

(28) Любимым занятием последних стало **растаскивание ночной порой** камней, которые днем укладывали строители (НКРЯ: Е. Хаецкая. Хальдор из светлого города, 1997).

Возможно употребление периферийного существительного *порой* и в роли темпорального детерминанта, например:

(29) **Апрельской порой**, в солнечный день, где-нибудь в стороне от человеческого жилья наткнешься на поляну одуванчиков – глазам больно: золото их светит и сплит (НКРЯ: Б. Екимов. Память лета, 1999).

Однако в функции обстоятельства времени, в том числе детерминантного типа, периферийное существительное *порой* не сочетается с субстантивными распространителями в формах косвенных падежей с предлогами или без предлогов, в отличие от ядерного существительного *порой* (30) и периферийных существительных, обозначающих времена года и части суток типа *зимой, летом, осенью, утром, вечером* (31), (32):

(30) Мне казалось, что я прощаюсь со всею прошлым и еще близкою ко мне **порой детства, порой** тихой, светлой **любви**... (НКРЯ: С. Славутинский. Читальщица // Русский вестник, 1858, № 10);

(31) Почему-то вдруг вспомнили все разом, что и восстание загорелось именно в Луговском, потом пошло и пошло по Нагорной и Понизовской степям, **осенью прошлого года** перекинулось в Верстово, а ранней весной – в Соленую Падь... (НКРЯ: С. Залыгин. Соленая Падь, 1967);

(32) **Вечером того же дня** я читал в университетской газете «Ежедневный медведь» слезливые откровения немолодого уже агента Центрального разведывательного управления, «инфильтрованного» еще в 1968 году в студенческое «фратернити» (НКРЯ: В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // Новый Мир, 1976).

Наличие присубстантивного распространителя в виде адъективного согласованного компонента служит фактором, сдерживающим дальнейшее продвижение периферийного существительного в функции обстоятельства по направлению к ядерным наречиям:

(33) Обычно, когда **летней порой** я приезжаю на хутор к своему товарищу... в первый день, с вечера, мы ставим сетчонку (НКРЯ: Б. Екимов. На хуторе // Новый Мир, 2002);

(34) Случилось это в ротной канцелярии **ночной порой** (НКРЯ: О. Павлов. Степная книга, 1990–1998);

(35) Костя помог им, он рыбачил здесь из года в год, ставил сети зимой и летом, и через серую воду видел все: займище... прежнее русло Дона, по которому **весенней порой** тянула рыба на икромет... (НКРЯ: Б. Екимов. Высшая мера, 1995);

(36) Действительно, однажды **мартовской порой**, в библиотеку институтскую спеша, надеясь учебник нужный до закрытия с железной полки получить, студент первого курса инженерно-экономического факультета Южносибирского горного института Анатолий Ефимович Кузнецов, лишился мотивации внезапно... (НКРЯ: С. Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева, 1991–1995).

При использовании без зависимых адъективных слов словоформа *порой* в функции обстоятельства времени является темпоральным наречием (а не существительным, эксплицирующим, например, зоны ядра и периферии данной части речи), которое, что особенно важно подчеркнуть, утратило смысловую связь с исходной субстантивной лексемой *пора* (*порой*). Ср. контексты употребления лексико-грамматических омонимов *порой* (существительное в значении ‘период’) (37) и *порой* (наречие в значении ‘иногда’) (38):

(37) Эти слова о приближении неизбежного и милого труда, связанного у Бунина с **летней порой**, «**порой** облаков», «**порой** дождей», «**порой** цветения» (НКРЯ: К. Паустовский. Золотая роза, 1955);

(38) На почве безумной, **порой** нечистой, а **порой** подлой надежды возникла покорность, соответствующая этой надежде, – жалкая, а **порой** и подлая (НКРЯ: В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1960).

Собственно грамматических омонимов, функционирующих в пределах семантической зоны исходной лексемы *порой*, не существует. В этом состоит отличие лексико-грамма-

тических омонимов *порой* (существительное) и *порой* (наречие) от собственно грамматических омонимов вроде *летом* (существительное) (39) и *летом* (отсубстантивное наречие) (40), не нарушающих смыслового тождества исходной лексемы; ср.:

(39) Весна благополучно сменилась **летом**, настали прекрасные солнечные времена (НКРЯ: Н. Абгарян. Всё о Манюне (сборник), 2012);

(40) **Летом** за ягодами в Боговизну приходили бабы, но собирали их там, где было посуше, в трясину не лез никто (НКРЯ: В. Быков. Болото, 2001).

Как показывает исследование, из зоны периферийных существительных словоформа *порой* при адвербиализации сразу переходит в зону ядерных наречий, минуя стадии гибридных, субстантивно-адвербиальных образований (ср. гибриды в метафорическом употреблении: *Она промчалась стрелой*) и периферийных наречий (ср. наречие, функционирующее в семантической зоне существительного *весна*: *Весной цветут сады*); ср. также примеры из НКРЯ:

(41) С этими мыслями **пулей** вылетаю на улицу (НКРЯ: И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда, 2006);

(42) **Весной** в стране произошло знаменательное событие, отмеченное торжественным колокольным звоном, оживленным гомоном на ярмарках, возвышенными тостами в трактирных застольях (НКРЯ: В. Быков. Лесное счастье, 1985–1995).

Зона ядерных отсубстантивных наречий

Степень **Н(ареч)** на шкале адвербиализации эксплицирует зону ядра наречий. К ней относится и прототипическое наречие интервала *порой*, возникшее вследствие функционально-семантической адвербиализации беспредложной формы творительного падежа исходного существительного.

Исследуемое наречие фиксируется в толковых словарях русского языка. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» (1960, с. 1386) наречие *порой* (вариант: *порою*) рассматривается в рамках отдельной словарной статьи со значением ‘Иной раз, иногда’. Например: *Порой в ущелии Шакал кричал и плакал, как дитя* (М. Лермонтов. Мцыри). Аналогичным об-

разом трактуется это наречие в «Словаре русского языка» (1984, с. 304). За пределами исходного существительного *пора*, как самостоятельное адвербиальное слово дается наречие *порой* со значением 'иногда' и в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (2006, с. 564). В словарной статье на наречие *порой* «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» (2007, с. 700) добавлено, что оно восходит к существительному *пора*. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2000, с. 926) находим то же, только при толковании лексического значения наречия использовано еще и выражение *иной раз*. Например: *Порой нельзя понять, что он говорит; Порой бывает нелегко*. Получает фиксацию рассматриваемое наречие и в словарях специализированного типа. В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2004, с. 488) отмечается, что *порой / порою* – это обстоятельное наречие времени, употребляемое в разговорной речи со значением 'иногда'. В «Словаре грамматических омонимов русского языка» О.М. Ким и И.Е. Островкиной [Ким, Островкина, 2004, с. 553] приводятся грамматические омонимы: *порой / порою* как существительное в форме творительного падежа (*Ее отрочество было порой мечтательной, а юность – порой становления характера*) и *порой / порою* как отсубстантивное наречие (*Порою же мелькнут над отблеском болотца семь-восемь сосенок причудливой чредой* (Набоков)).

Представляя конечный результат функционально-семантической адвербиализации творительного падежа существительного, наречие *порой (порою)* со значением 'иногда' характеризуется широкой сочетаемостью с глаголами разных семантических групп при экспликации неограниченно-кратных ситуаций. Например:

(43) Строгая хозяйка Виталия Гордеевна **порой** бывала даже сурова, поскольку сопротивления от квартирантов нигде и ни в чем не встречала, но скоро помягчела нравом (НКРЯ: В. Астафьев. Пролетный гусь, 2000);

(44) Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на зали-

вающуюся лаем собаку, а **порой** и подразнивает ее (НКРЯ: В. Астафьев. Васюткино озеро, 2015);

(45) Совсем недавно Ламзин прочел в книге, написанной известной спортивной журналисткой, очень точную фразу: «В фигурном катании по тем временам триумф **порой** отделял от трагедии единственный (зачастую проплаченный) судейский голос» (НКРЯ: А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1, 2014).

Данное наречие встречается при глаголах в разных формах грамматической репрезентации. Ср. типовые контексты с глаголами в предикативных (финитных) (43)–(45), полупредикативных (деепричастных) (46)–(48), атрибутивных (причастных) (49)–(52) и субстантивных (инфинитивных) формах (53), (54):

(46) Бывало, по вечерам в кухне или на веранде собирались молодые чегемцы, и Деспина с удовольствием с ними болтала по-русски или по-турецки, **порой** безудержно **хохоча** шуткам чегемских парней... (НКРЯ: Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2), 1989);

(47) Потокин знал эту слабость сошедших с летной работы кадровых военных: продолжая службу в новом качестве, они с неслабеющим вниманием следят за успехами в воздухе, особенно в пилотаже, знакомых и не знакомых им летчиков, **терзаясь порой** скрытой, затаенной и потому особенно жгучей ревностью (НКРЯ: А. Анфиногенов. А внизу была земля, 1982);

(48) Собственно, чтение этих трудов и подвигнуло меня отправиться во Францию, и я всегда откровенно говорила с Коммином, **подсказывая** ему **порой** то, что он сам же напишет (НКРЯ: Н. Нестерова. Избранник Евы, 2006);

(49) В такие часы он любил все, что несло в себе очевидную и безотносительную к **надоедавшей порой** политике ценность (НКРЯ: Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1), 1989);

(50) Разыгрались невиданные собрания, **длiviшиеся порой** до утра, где одни нападали, а другие, борясь за место в жизни, отчаянно, но неумело защищались... (НКРЯ: В. Дудинцев. Белые одежды. Третья часть, 1987);

(51) Жил он тем, что регулярно рассуждал в письменном виде, реагировал своевременной, а **порой** и **упреждающей** острой фразой на мировые колыхания (НКРЯ: А. Снегирев. Вера, 2015);

(52) Собственно говоря, никакой задачи у меня даже вовсе и нет, я просто вспоминаю отдельные моменты наших с ним отношений, не всегда самые важные и **порой** даже не очень **связанные** между собой (НКРЯ: В. Войнович. Москва 2042, 1986);

(53) Ты молод, стал хорошо играть, стал блестяще **порой играть**, ждешь от старой музыки многого для себя (НКРЯ: В. Орлов. Альтист Данилов, 1980);

(54) Он до сих пор принужден был **порой играть** роль в этой неприглядной истории, впрочем утешая себя тем, что, нарушая законы дружбы, действует по законам родства (НКРЯ: Н. Гейнце. Дочь Великого Петра, 1913).

Употребляется рассматриваемое наречие и при безлично-предикативных словах (предикативах) (55)–(58), прилагательных в полной и краткой формах (59)–(65), наречиях (66), (67), существительных (68)–(72), местоимениях-числительных (73):

(55) За эти мысли ей **порой было стыдно**, но прогнать их не получалось (НКРЯ: В. Валеева. Ско-рая помощь, 2002);

(56) Я ведь чувствую, тебе **порой** очень **тяжело**, но ты сам выбрал этот путь, у тебя есть цель... (НКРЯ: Н. Дежнев. Год бродячей собаки, 2002);

(57) Одного его пальца **порой было достаточно**, чтобы, опираясь на палку, пересечь комнату (НКРЯ: И. Грекова. Перелом, 1987);

(58) Смешные, улыбающиеся, кое-как одетые люди, которым **порой хуже**, чем мне (НКРЯ: Н. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // Волга, 2015);

(59) Впрочем, по обе стороны жил народ, не лишенный озорной жилки и **склонный порой** к ночным похождениям, – то есть удобные перелазы давным-давно были разведаны (НКРЯ: М. Семенова. Волкодав: Знамение пути, 2003);

(60) Ему был свойствен тот неподдельный романтизм, который заставляет с восхищением – **порой тайным**, бессознательным даже, – жадно переживать новизну любого события (НКРЯ: М. Веллер. Апельсины, 1988);

(61) Он был осведомлен во множестве неврачебных областей, так что понятным делалось **некачественное порой** медицинское обслуживание на бывшей родине (НКРЯ: А. Кучаев. Незнакомые грибы // Октябрь, 2003);

(62) Смотрю, иногда улыбнусь, вспоминая, а смеяться и тем паче насмеяться над деревенскими фотографиями не могу, как бы они **порой нелепы** ни были (НКРЯ: В. Астафьев. Последний полон, 1968–1991);

(63) Я так никогда не делала, но мне рассказывали, что помогает, и даже сама Зоя Михална была **порой благодарна** дружескому тумачу, спасшему ее от непоправимых последствий (НКРЯ: Д. Симонина. Половецкие пляски, 2002);

(64) Я и сам **порой готов** в темноте заплакать (НКРЯ: И. Абузоров. Бытовая экология // Октябрь, 2013);

(65) Он **порой похож** на поле, покрытое сорняками (НКРЯ: Ю. Коваль. На барсучьих правах, 1981);

(66) Усову было известно, что его будущий коллега по характеру человек грубый, в отношениях с людьми ведет себя фамильярно, **порой покровительственно**, но сразу, при первом знакомстве, такого обращения он, естественно, не ожидал (НКРЯ: И. Кононенко. Бюро Янке, 1978);

(67) Майор Проскуряков еще раз подивился и подосадовал на то, как быстро и легко стали печь у нас командиров, как просто и **порой задарма**, за красивые патриотические слова и умение выслуживаться начали давать награды... (НКРЯ: В. Астафьев. Трофейная пушка // Знамя, 2001);

(68) И пусть взрослому они кажутся мелкими и незначительными, но для ребенка – они **порой ад** (НКРЯ: К. Непома. Там-машин // Волга, 2014);

(69) Люди ведут честную игру, ставят бабки на кон, старательно бьют, переживают, изнашивают сердца, все идет хоть и в горячке, в спорах, **порой с потасовками**, но удача зависит от меткости, умения, сноровки... (НКРЯ: В. Астафьев. Последний поклон, 1968–1991);

(70) В старой отцовской или материнской обуви, **порой без чулок**, малыши размахивали драными полевыми сумками, парусиновыми портфельчиками, связками книг и весело кричали еще издали (НКРЯ: И. Меттер. Директор, 1979);

(71) А насколько, при всей своей твердости, **порой и властности**, была она женственной, была женщиной, поистине прекрасной, с головы до ног, обаятельной, даже больше, обладающей той особой притягательностью, за которой встает тайна (НКРЯ: В. Алейников. Тадзимас, 2002);

(72) То из одного угла, то из другого раздавался сочный голос Павлуши, **порой с хохотком**, но мрачным (НКРЯ: Ю. Мамлеев. Конец света // Крутые встречи, 1975–1999);

(73) Описывались правила проведения боя, его продолжительность (**порой до нескольких часов!**) (НКРЯ: К. Тахтамышев. Айкара, 2002).

Приведенные контексты демонстрируют случаи употребления ядерного наречия *порой*, представляющего ступень **Н(ареч)** на шкале переходности. На этой стадии адвербиализации наречие *порой* выступает в качестве лексико-грамматического омонима по отношению к исходной субстантивной словоформе *порой*, эксплицирующей зону ядра существительного [ступень **С(ущ)**]. Следует добавить, что собственно грамматическую омонимию словоформы *порой* в зонах ядра или периферии существительного [ступень **С(ущ) н(ареч)**],

с одной стороны, и ядра наречия [**Н(ареч)**] – с другой, не образуют. Формальным критерием адвербиальности словоформы *порой* в значении интервала, превышающего некую ситуативную норму, можно считать отсутствие при нем синтагматических показателей существительного, актуализирующих частеречную семантику предмета и средства ее выражения – грамматические категории рода, числа и падежа, то есть согласуемых адъективных слов (слева) и управляемых форм косвенных падежей существительных (справа), ср.: *беззаботной порой детства*.

Следствием адвербиализации словоформы *порой* является, с одной стороны, утрата ею основных категориальных характеристик существительного, а именно семантики предмета, категорий рода числа и падежа, парадигм категорий падежа и числа, отнесенности к лексико-грамматическим разрядам нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных слов, первичной синтаксической функции дополнения, управления как способа присловной подчинительной связи с главным словом словосочетания. С другой стороны, словоформа *порой* приобрела при адвербиализации категориальные признаки наречия – частеречную семантику признака (вторичного признака), неизменяемость, отнесенность к подклассу обстоятельственных наречий времени, первичную адвербиальную функцию обстоятельства, иной способ связи с другими словами – примыкание (в рамках словосочетания). На стадиях ядра и периферии существительного, а также ядра наречия происходит постепенное изменение характера синтаксической связи словоформы *порой* с главными словами словосочетания: связь управление (*Детство **сменяется порой** юношества* – ядерное существительное в функции дополнения) заменяется на связь падежное примыкание (*Прогулка по лесу **осенней порой** полезна* – периферийное существительное с адъективным распространителем), которая, в свою очередь, трансформируется в связь примыкание (*Такие игры **порой небезопасны*** – одиночное ядерное отсубстантивное наречие). Подобно периферийному существительному, ядерный адвербиал *порой* может быть использован в функции детерминантного компонента высказывания (***Порой** шли затяжные дожди*).

При отсутствии распространителей словоформа *порой* в значении ‘иногда’ оказывается изолированной от парадигм словоизменения исходного существительного. Подвергаясь десубстантивации, она «застывает» в функции обстоятельства, что приводит к сдвигам в ее морфемной структуре: флексия *-ой* перерождается в суффикс *-ой*, демонстрируя увеличение состава основы слова. Изменению подвергается также синтаксическая и лексическая дистрибуция *порой*, равно как и характер ее присловных связей с главными и зависимыми компонентами словосочетаний; ср., например: *Приятно было наслаждаться безмятежной порой детства* (чем? какой?) и *Порой бывало нелегко* (когда?). В отличие от отсубстантивных наречий типа *летом, утром*, пределом адвербиализации которых служит зона периферии класса наречий, словоформа *порой* достигла предела в адвербиальной транспозиции существительного, демонстрируя образование не только грамматического, но и лексического омонима. По степени адвербиализации, то есть утраты свойств существительного и приобретения признаков наречия, *порой* может быть поставлено в один ряд с наречиями, утратившими соотносительные формы исходных существительных (типа *пешком*). Ср.:

(74) **Порой** дожди шли целыми днями (АК);

(75) До ближайшего села добираться пришлось **пешком** (АК).

В то же время наличие омонима-существительного *порой* никоим образом не свидетельствует о том, что возникшее на его базе наречие *порой* является в меньшей степени адвербиализованным существительным.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что субстантивная словоформа *порой* обнаруживает в современном русском языке разные степени адвербиализации. На стадии периферийных существительных она демонстрирует собственно синтаксическое движение в сторону наречий, что проявляется прежде всего в использовании с зависимыми словами в роли обстоятельства. Способ присловной подчинительной связи с главным компонентом словосочетания у периферийного существительного –

падежное примыкание. Дальнейшее перемещение *порой* по направлению к наречиям интервала происходит как бы скачкообразно: она минует стадии гибридности и функциональных, собственно грамматических наречий, сразу перерождаясь в ядерное наречие, функционирующее за пределами семантической зоны исходного существительного. Следствием данного типа функционально-семантической адвербиализации стали такие изменения, как полная утрата семантико-грамматических свойств существительного, в том числе сдвиги на уровне морфемной структуры слова, с одной стороны, и приобретение дифференциальных свойств адвербиального класса – частеречной семантики признака признака, неизменяемости, первичной функции обстоятельства, примыкания как способа подчинительной связи с главным словом и т. п. – с другой.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при дальнейшей индексации разных зон транспозиции субстантивных словоформ в наречия интервала и более точного, с учетом количественных параметров анализа установления степени соответствия словоформ прототипическим представителям исходного и конечного звеньев адвербиализации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

The study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00674 “The Study of Adverbialization as a Type of Stepwise Transposition of Substantive Word Forms in the System of Parts of Speech of the Russian Language”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авагян А. А., 2021. Феномен грамматикализации знаменательных частей речи (на материале английского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Бабайцева В. В., 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа. 640 с.
- Виноградов В. В., 1986. Русский язык : Грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк. 640 с.
- Воротников Ю. Л., 2003. Слово и время. М. : Наука. 168 с.
- Высоцкая И. В., 2006. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М. : Изд-во МПГУ. 304 с.
- Грамматика русского языка. В 2 т. Т. 1, 1960. М. : Изд-во АН СССР. 719 с.
- Калечиц Е. П., 1990. Взаимодействие слов в системе частей речи: межкатегориальные связи. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 160 с.
- Ким О. М., Островкина И. Е., 2004. Словарь грамматических омонимов русского языка. М. : Астрель ; АСТ ; Ермак. 842 с.
- Конеveckий А. К., 1977. История наречий в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов. 44 с.
- Кравцов С. М., Голубева А. Ю., 2016. Конверсия в словообразовании: узус иokkaциональность. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ. 170 с.
- Норман Б. Ю., 2016. Жизнь словоформы. М. : Флинта. 216 с.
- Орлова О. С., 1961. Формирование наречий, соотносительных с творительным падежом имени в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Рязань. 272 с.
- Пеньковский А. Б., 2004. Очерки по русской семантике. М. : Яз. слав. культуры. 464 с.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз. 536 с.
- Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис, 1987. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние. 348 с.
- Филипенко М. В., 2003. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М. : Азбуковник. 304 с.
- Циммерлинг А. В., 2021. От интегрального к аспектному. М. ; СПб. : Нестор-История. 652 с.
- Шигуров В. В., 2009. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (материалы к транспозиционной грамматике русского языка). М. : Academia. 464 с.
- Шигуров В. В., 2016. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи : Теория транспозиционной грамматики русского языка. М. : Наука. 702 с.
- Шигуров В. В., 2020а. «Судя по» в контексте модалитации и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 79, № 6. С. 42–55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2
- Шигуров В. В., 2020б. Исчисление ступеней модалитации финитных глаголов в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 2. С. 20–30. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.2>

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorgpora.ru/>

СЛОВАРИ

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М. : Астрель ; АСТ, 2004. 814 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. доп. М. : ИТИ Технология, 2006. 944 с.
- Словарь русского языка. Т. 3. П–Р / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1984. 752 с.
- Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 10. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 1774 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82000 слов и фразеологических выражений) / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

REFERENCES

- Avagyan A.A., 2021. *Fenomen grammatikalizatsii znamenatelnykh chastei rechi (na materiale angliyskogo i nemeckogo yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phenomenon of Grammaticalization of Significant Parts of Speech (Based on English and German Languages). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 20 p.
- Babaytseva V.V., 2000. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ. 640 p.
- Vinogradov V.V., 1986. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language: Grammar Word Theory]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 640 p.
- Vorotnikov Yu.L., 2003. *Slovo i vremya* [Word and Time]. Moscow, Nauka Publ. 168 p.
- Vysotskaya I.V., 2006. *Sinkretizm v sisteme chastei rechi sovremennogo russkogo yazyka* [Syncretism in the System of Parts of Speech of the Modern Russian Language]. Moscow, Izd-vo MPGU. 304 p.
- Grammatika russkogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Grammar of Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1], 1960. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 719 p.
- Kalechits E.P., 1990. *Vzaimodeystvie slov v sisteme chastei rechi: mezhkategorialnye svyazi* [Interaction of Words in the System of Parts of

- Speech: (Cross-Category Communication)]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural un-ta. 160 p.
- Kim O.M., Ostrovkina I.Ye., 2004. *Slovar grammaticheskikh omonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Grammatical Homonyms of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., Yermak Publ. 842 p.
- Konevetskiy A.K., 1977. *Istoriya narechiy v russkom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [History of Adverbs in Russian. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Saratov. 44 p.
- Kravtsov S.M., Golubeva A. Yu., 2016. *Konversiya v slovoobrazovanii: uzus i okkazonalnost* [Conversion in Word Formation: Usage and Occasionality]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuFU. 170 p.
- Norman B. Yu., 2016. *Zhizn slovoformy* [Life of a Word Form]. Moscow, Flinta Publ. 216 p.
- Orlova O.S., 1961. *Formirovanie narechiy, sootnositelnykh s tvoritelnykh padezhom imeni v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Formation of Adverbs Correlative with Instrumental Case of a Name in Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Ryazan. 272 p.
- Penkovskiy A.B., 2004. *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian Semantics]. Moscow, Yaz. slav. culture Publ. 464 p.
- Potebnya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1–2* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 1–2]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 536 p.
- Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis], 1987. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ. 348 p.
- Filipenko M.V., 2003. *Semantika narechiy i adverbialnykh vyrazheniy* [Semantics of Adverbs and Adverbial Expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ. 304 p.
- Cimmerling A.V., 2021. *Ot integralnogo k aspektivnomu* [From Integral to Aspective]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ. 652 p.
- Shigurov V.V., 2009. *Interyektivatsiya kak tip stupenchatoy transpozitsii yazykovykh edinit v sisteme chastei rechi (materialy k transpozitsionnoy grammatike russkogo yazyka)* [Interjectivation as a Type of Stepwise Transposition of Linguistic Units in the System of Parts of Speech. Materials for the Transpositional Grammar of the Russian Language]. Moscow, Academia Publ. 464 p.
- Shigurov V.V., 2016. *Predikativatsiya kak tip stupenchatoy transpozitsii yazykovykh edinit v sisteme chastei rechi: Teoriya transpozitsionnoy*

DICTIONARIES

- grammatiki russkogo yazyka* [Predicativeness as a Type of Stepwise Transposition of Linguistic Units in the System of Parts of Speech. Theory of the Transpositional Grammar of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ. 702 p.
- Shigurov V.V., 2020a. «Sudya po» v kontekste modalizatsii i prepozitsionalizatsii: k ischisleniyu indeksov transpozitsii [“Judge by” in the Context of Modulation and Propositionalization: On Indices of Transposition]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 79, no. 6, pp. 42-55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2
- Shigurov V.V., 2020b. Ischislenie stupenej modalizatsii finitnykh glagolov v russkom yazyke [Calculation of Stages of Finite Verbs Modulation in the Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 20-30. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.2>
- SOURCE**
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://www.ruscorpora.ru/>
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Efremova T.F. *Tolkovyy slovar sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Functional Parts of Speech Language]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2004. 814 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, ITI Tekhnologiya Publ., 2006. 944 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. T. 3. P–R* [Russian Language Dictionary. Vol. 3. P–R]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984. 752 p.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 10* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 vols. Vol. 10]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. 1774 p.
- Shvedova N.Yu., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vkhlyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov (82000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy)* [Dictionary of the Russian Language Including Etymological Information (82000 Words and Phraseological Expressions)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Information About the Author

Victor V. Shigurov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language, National Research Mordovian State University named after. N.P. Ogarev, Bolshevistskaya St, 68, 430005 Saransk, Russia, dep-general@adm.mrsu.ru, shigurov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4898-6484>

Информация об авторе

Виктор Васильевич Шигуров, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская, 68, 430005 г. Саранск, Россия, dep-general@adm.mrsu.ru, shigurov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4898-6484>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.5>

UDC 81'221.2:81'373.612.2
LBC 81.006.154



Submitted: 15.12.2023
Accepted: 09.04.2024

METAPHORIZATION OF TACTILE GESTURES IN RUSSIAN¹

Elena A. Yurina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Elena A. Shlotgauer

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the study of processes involved in the formation and representation of ideas about tactile gestures in language. These gestures, being a part of a person's physical experience, convey communication-relevant information, and are known as physical communication signals. The article examines models for figurative interpretations of situations involving physical interaction, which are expressed in a language through verbs with the semantic meaning of physical impact, as well as various linguistic units that reflect the results of physical perception. The study considers the cases of metaphorical usage of verbs denoting physical contact (*trogat'* (touch), *gladit'* (stroke), *teret'* (rub), *shlepat'* (slap), etc.), verbs derived from them, words of other parts of speech (*schekotlivyi* (ticklish), *tsarapina* (a scratch)), as well as the semantics of the phraseological expressions that include the above mentioned units (*gladit' po sherstke* (stroke the fur), *trogat' za dushu* (touch the soul) etc.). The material is organized according to the lexico-phraseological field of "Tactility", which is divided into subfields based on the type of physical contact: touch, movement on a surface, forceful action, irritating effect, and compressive effect. Within each subfield, the elements are connected through derivational and motivational relationships. As a result, specific spheres of metaphorical mapping, such as "Human", "Society", and "Material world", are identified and described. It has been determined that the cognitive foundation for metaphorical mappings is based on the nature of physical interactions (compression, sliding, pressure, irritation, etc.). The evaluative component of physical metaphors stems from associations with pleasant or unpleasant physical and emotional experiences that arise during or as a result of the interaction between subjects.

Key words: figurative language, cognitive metaphor, tactile interaction, tactile gesture, lexico-phraseological field, cognitive-and-pragmatic analysis.

Citation. Yurina E.A., Shlotgauer E.A. Metaphorization of Tactile Gestures in Russian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 57-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.5>

УДК 81'221.2:81'373.612.2
ББК 81.006.154

Дата поступления статьи: 15.12.2023
Дата поступления статьи: 09.04.2024

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТАКТИЛЬНЫХ ЖЕСТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Елена Андреевна Юрина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Елена Александровна Шлотгауэр

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов формирования и отражения в языке представлений о тактильных жестах, которые, будучи частью тактильного опыта человека, передают коммуникативно значимую информацию, выражая тактильные коммуникативные сигналы. В работе описаны модели образной интерпретации ситуаций, которые обозначены в языке глаголами с семантикой тактильного воздействия, а также различными номинативными единицами, отражающими результаты тактильного восприятия. Рассмотр-

рены случаи метафоризации глаголов тактильного воздействия (*касаться, трогать, задевать, гладить, тереть, толкать, хлопать, шлепать* и др.), производных от них глаголов (*пригладить, пошлепать, затереть, сжаться* и др.), слов других частей речи (*щекотливый, шлепок, царатина, гладко*); а также семантика включающих данные единицы фразеологизмов (*гладить по шерстке, трогать за душу* и др.). Материал систематизирован по принципу лексико-фразеологического поля «Тактильность», субполя которого разграничены в зависимости от специфики тактильного воздействия на следующие группы жестов: касания, перемещения по поверхности, силового воздействия, раздражающего воздействия, компрессионного воздействия. Элементы каждого субполя связаны деривационно-мотивационными отношениями. Выявлены и выделены целевые сферы метафорических проекций: «Человек», «Социум» и «Материальный мир». Установлено, что когнитивными основаниями метафорических проекций является характер тактильного воздействия (компрессионный, касательный, скользящий, силовой, раздражающий и др.). Показано, что аксиологическая составляющая тактильных метафор обусловлена ассоциациями с приятными / неприятными физическими и эмоциональными ощущениями, возникающими в процессе или результате взаимодействия субъектов.

Ключевые слова: образный язык, когнитивная метафора, тактильное взаимодействие, тактильный жест, лексико-фразеологическое поле, когнитивно-прагматический анализ.

Цитирование. Юрина Е. А., Шлотгауэр Е. А. Метафоризация тактильных жестов в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 57–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.5>

Введение

Интерес к человеческому фактору в языке актуализировал внимание лингвистов к отражению телесного опыта в семантике и формах языковых знаков. Осознание является одним из наиболее древних телесно-ориентированных способов восприятия информации об окружающем мире. Неслучайно тактильная модальность становится предметом междисциплинарных исследований XXI в., в которых взаимодействуют методы естественных и гуманитарных наук: биологии и нейрофизиологии (А.А. Варламов, Ф. McGlone, Н. Olausson и др.), невербальной семиотики (Г.Е. Крейдлин, Е.А. Гришина, С.И. Переверзева и др.), лингвосенсорики (А.В. Нагорная, В.К. Харченко, О.В. Чалей и др.).

Собственно лингвистические работы этого направления в области русистики посвящены прежде всего изучению языковых способов отражения тактильного восприятия в художественных текстах [Грудева, Соловьева, 2016; Крюкова, Двизова, 2011; Мельникова, 2010]; анализу лексики восприятия и ее метафорического переосмысления в диалектной речи [Земичева, 2015]. В ряде работ объектом изучения становится тактильная признаковая метафора [Брагина, Кузьмина, 2019; Елисеева, 2015; Илюхина, Чаусова, 2021; Мукина, 2018]. В исследованиях авторов данной статьи [Шлотгауэр, 2022; 2023а; 2023б; Шлотгауэр, Юрина, 2023; Юрина, Шлотгауэр, 2023;

2024] было положено начало комплексного когнитивно-семантического и лингвопрагматического изучения вербализации и метафоризации коммуникативных сигналов, выраженных средствами русского языка. В указанных публикациях была представлена методика анализа коммуникативно-прагматических и семиотических аспектов тактильного взаимодействия, рассмотрено понятие тактильного коммуникативного сигнала (далее – ТКС), выявлены и описаны ТКС различных способов тактильного воздействия; охарактеризованы механизмы и направления метафоризации ситуаций определенных тактильных контактов (касания, поглаживания, болевого воздействия).

В фокусе предложенной авторами лингвистической модели репрезентации тактильного взаимодействия в языке находится описание фреймовой структуры, предполагающей отправление тактильного коммуникативного сигнала активным субъектом (тактильное воздействие) и получение, декодирование тактильного сигнала пассивным субъектом (тактильное восприятие). В результате осуществления тактильного жеста в рамках данной модели происходит изменение физического / психологического состояния субъектов тактильного взаимодействия. Таким образом, сам тактильный контакт можно рассматривать как коммуникацию, состоящую во взаимодействии отправителя тактильного жеста с внешним по отношению к нему объектом или субъектом.

Основным критерием отделения жеста от обычных физиологических движений тела человека является его знаковый характер. Под тактильным жестом, вслед за А.А. Варламовым и др., мы понимаем «коммуникативный знак, имеющий определенное означающее и означаемое, при этом форма жеста представляет собой движение человеческого тела или его части, имеющее основной целью физический контакт с партнером по коммуникации, частью собственного тела или другим объектом, а значение жеста зависит не только или не столько от воспринимаемой зрительной формы движения, но и от характера физического контакта» [Варламов и др., 2020, с. 84]. Сообщение, передаваемое субъектом при помощи тактильного жеста, может быть интерпретировано как тактильный коммуникативный сигнал [Варламов и др., 2020, с. 82]. Например, посредством жеста *хлопок по спине* субъект воздействия отправляет ТКС ‘похвала, поощрение’ в стремлении ободрить своего собеседника: *Аспиранты хлопают меня по спине. – Молодец!* (В. Аксенов).

Одной из актуальных задач состоит в описании языка тактильности, представленного номинациями тактильных жестов, тактильных коммуникативных сигналов, а также сенсорных ощущений и чувственно-эмоциональных состояний, обусловленных тактильным контактом. Решение данной задачи предполагает выявление языковой номенклатуры жестов, изучение семантики данных языковых единиц, лингвокогнитивное описание фреймовых структур, отображенных в их языковых значениях и дальнейший анализ текстового материала, демонстрирующего дискурсивную реализацию лексикона тактильности. Под тактильностью понимаются контакты с окружающим миром и другими людьми через прикосновения [Варламов и др., 2020]. Данный подход позволяет наиболее полно рассмотреть языковое отображение представлений носителей русского языка о процессе и результате тактильного воздействия как части осязательного опыта.

При этом многие аспекты отражения тактильного опыта в языке требуют дальнейшего более глубокого и полного изучения. К числу таких вопросов относится системное и комплексное описание образных средств русского языка, демонстрирующих различные аспекты

и направления метафоризации тактильных жестов. Данная проблематика находится в фокусе рассмотрения представленной статьи.

Анализ полной выборки контекстов, в которых используется лексикон тактильности, показал большое количество употребления номинаций тактильных жестов в переносно-образных метафорических значениях. В этой связи насущной задачей является изучение тактильной метафоры, под которой понимается концептуальная модель осмысления различных феноменов действительности по аналогии с осязательным опытом человека [Юрина, Шлотгауэр, 2023, с. 83]. Цель данного исследования – представление результатов анализа метафорического переосмысления различных ситуаций тактильного взаимодействия на обширном текстовом материале, иллюстрирующем современные дискурсивные практики использования лексикона и метафоры тактильности.

Материал и методы

Эмпирический материал исследования включает две группы языковых единиц: лексику и фразеологию с семантикой тактильности, контекстный материал, иллюстрирующий случаи словоупотребления данных единиц.

Первая группа представлена словами, словосочетаниями, высказываниями, которые в русском языке называют процесс тактильного взаимодействия, являясь обозначениями тактильных жестов (*гладить, щекотать, царапать, тереть* и др.) или тактильных ощущений (*гладкий, щекотно, царапучий* и др.). При этом за рамками исследования оказались несколько глаголов болевого и силового воздействия (*бить, душить, хватать* и др.). Вся совокупность выявленных единиц составляет лексико-фразеологическое макрополе «Тактильность» и включает 763 языковых репрезентаций, в числе которых 295 прямых номинаций и 468 единиц, имеющих переносно-образные метафорические и фразеологические значения. Лексические единицы в прямых значениях выражают следующие группы жестов: касания (*трогать губы*), перемещения по поверхности (*тереть затылок*), силового воздействия (*толкать в грудь*), раздражающего и болевого воздействия (*расца-*

рапать лицо), компрессионного воздействия (*сжимать руку*).

Источником материала послужили «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова, «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, «Словарь языка русских жестов» С.А. Григорьевой, Н.В. Григорьева, Г.Е. Крейдлина, «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова, «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В.Н. Телия.

Вторая группа материала представлена фрагментами текстов, иллюстрирующих употребление лексики и фразеологии с семантикой тактильности. В качестве источника контекстного материала использовался Национальный корпус русского языка. Каждый контекст был проанализирован на предмет реализации прямого и переносно-образного значения. Фонд отобранных контекстов, представляющих метафору тактильности в дискурсивных практиках на русском языке, насчитывает 2630 единиц. Анализ собранных контекстов позволил выявить не зафиксированные в словарях образные значения рассматриваемых единиц.

Для систематизации материала использовался метод структурирования лексико-семантического поля (далее – ЛСП) (И.В. Арнольд, А.В. Бондарко, И.М. Кобозева, В.М. Павлов, И.А. Стернин и др.). В зависимости от характера тактильного воздействия выделяются субполя, соответствующие определенному типу тактильного жеста (касательный, скользящий, силовой, раздражающий, компрессионный и др.). Далее каждое субполе с учетом мотивационно-деривационных связей языковых единиц структурируется в словообразовательные гнезда (*тереть* – *затереть*, *перетереть*, *трение* и др.; *гладить* – *погладить*, *загладить*, *гладко* и др.; *щипать* – *ущипнуть*, *щипаться*, *щипок* и т. д.). Затем формируется комплексная единица, обозначенная как мотивационно-образная парадигма (далее – МОП), объединяющая исходную и производную лексику тактильности в прямых и переносных значениях, а также фразеологизмы и поговорки, включающие данные единицы [Юрина, 2003, с. 202]. В составе мотивационно-образных парадигм находятся различные по структуре и семантике образные средства языка: языковые и речевые метафоры (*трогательный* ‘вызывающий умиление, способный разжалобить, растрогать’), метафорические дериваты, или собственно образные слова (*жмот* ‘скряга, скупой человек’), устойчивые образные сравнения (*как выжатый лимон* ‘об уставшем, обессиленном человеке’), идиомы (*точка соприкосновения* ‘что-л. общее, взаимно связывающее кого-, что-л.’). Например, МОП глагола *тереть* ‘нажимая, водить взад и вперед по какой-л. поверхности, очищая, натирая, растирая и т. п. что-л.’ (*тереть виски*), насчитывает 68 образных единиц, среди которых 53 языковые метафоры: *подтереть* ‘зачистить, удалить’ (*подтерли комментарии*); *затереть* ‘делать менее заметным, выраженным’ (*затереть ценного сотрудника*); *затереться* ‘войти в какую-л. группу, проникнуть’ (*затерся в компанию*) и др.; 15 фразеологизмов: *вытирать / обтирать ноги о кого / что* ‘унижать, оскорблять, выражать неуважение, глумиться’; *тертый калач* ‘о человеке с богатым опытом, которого трудно провести, обмануть’ и др.

Такое объединение позволяет выявить полный состав репрезентантов тактильной метафоры для дальнейшего описания общих и частных когнитивных метафорических моделей. Например, глагол *втирать* обозначает ситуацию внедрения некоторой субстанции внутрь объекта за счет давления и перемещения по ограниченному участку поверхности (*втирать мазь в кожу, порошок легко втирается*). В процессе метафоризации модель исходной ситуации интенсивного физического воздействия переносится на иные сферы человеческого опыта: пространственное расположение объектов (*автомобиль втерся в колонну самосвалов*, где глагол *втереться* выражает значение ‘с трудом занять место в ряду других объектов’); межличностные отношения (*втереться в доверие* ‘хитростью, уловками расположить к себе кого-л.’); речевую деятельность (*втирать чушь*, где глагол *втирать* означает ‘настойчиво убеждать кого-л. в чем-л.’).

Поскольку тактильная метафора вербализуется прежде всего процессуальной лексикой, оптимальной когнитивной моделью представления знания здесь выступает фрейм,

под которым понимается типовая модель той или иной ситуации. В связи с этим оптимальной методикой анализа глагольной семантики является пропозиционально-фреймовый анализ [Бабушкин, 1996; Кубрякова, 1992; Лебедева, 1999; Филлмор, 1988]. Фреймы, представленные семантикой рассматриваемых глаголов, включают следующие элементы прототипических ситуаций: (1) тактильное действие; (2) действующий субъект; (3) объект воздействия; а также обстоятельства совершения данного процесса, такие как (4) локализация, (5) инструмент и (6) цель. Приведем в качестве примера фреймовые структуры ситуации «Тереть», представляющей тактильные жесты перемещения по поверхности (табл. 1).

Процесс метафоризации предполагает когнитивную проекцию фреймовой структуры исходной ситуации на образно концептуализируемую результирующую ситуацию из области-мишени [Lakoff, Johnson, 1980]. Например, тактильный жест, обозначенный глаголом *тереть* и его производными в исходном первичном значении, модель которого представляет субфрейм 1, в различных средствах русского языка используется для обозначения различных эмоциональных состояний человека: *потирать руки* – выражать радость, удовлетворение злорадство; *тереть затылок* – задумываться, недоумевать. Субфрейм 2, моделирующий ситуацию удаления загрязнений и нежелательных вкраплений с поверхности путем трения, проецируется на процессы,

Таблица 1. Фреймовая структура ситуации «Тереть»

Table 1. Frame structure of the situation “Rub”

Слот	Субфрейм			
	1. Перемещать руку по поверхности объекта из стороны в сторону, надавливая и сохраняя плотный контакт	2. Очищать поверхность объекта, совершая движения из стороны в сторону плотно прижатым к ней предметом, используемым в качестве инструмента (рукой, щеткой, губкой и т. п.)	3. Наносить на поверхность объекта какое-л. вещество, совершая движения из стороны в сторону плотно прижатыми к ней рукой или инструментом	4. Измельчать какой-л. продукт, плотно прижимая к поверхности специального инструмента (терка, ступка) и перемещая по нему вверх-вниз или из стороны в сторону
Субъект	человек			
Действие	многократно перемещать что-л. из стороны в сторону, плотно прижимая к поверхности чего-л.			
Инструмент перемещения	рука			
Инструмент воздействия на поверхность	–	щетка, губка, ткань и т. п.	–	–
Средство воздействия на поверхность	–	моющие, чистящие средства	раствор, крем, мазь и т. п.	–
Объект воздействия со стороны поверхности	–	–	–	продукты, требующие измельчения (продукты питания и т. п.)
Инструменты с воздействующей поверхностью	–	–	–	терка, ступка и пест
Локализация воздействия на объект	поверхность объекта, кожа определенной части тела человека			
Объект, на который оказывает воздействие субъект действия	предмет / человек	загрязненная поверхность объекта / кожи определенной части тела адресата	поверхность объекта / кожи определенной части тела адресата	твердый продукт
Цель	уголение физиологических потребностей, выражение эмоционального состояния	очистка поверхности	внедрение вещества в структуру поверхности	измельчение продукта о поверхность предмета

относящиеся к физиологической (*фруктовая кислота, отшелушивая роговой слой эпидермиса, «стирает» пигментные пятна*), психологической (*никакая заграница не в силах стереть мою печаль*), ментальной (*стереть все неприятное из памяти*) и социальной (*инцидент постараются затереть, замять*) сферам человеческого опыта. Слоты субфрейма 3 проецируются на образную характеристику ситуаций, связанных с речевым и эмоциональным воздействием адресата с целью убеждения, манипуляции сознанием (*втирать чушь*). Когнитивная структура субфрейма 4 используется для метафорической интерпретации ситуаций межличностных конфликтов, выяснений отношений (*между ними терки, стереть в порошок*), а также для описания интенсивной мыслительной деятельности, тщательного обдумывания и обсуждения информации (*перетереть этот вопрос*).

Результаты и обсуждение

Метафоризация тактильных жестов в русском языке

В результате структурно-семантического и когнитивно-прагматического исследова-

ния метафоризации глаголов и производной отглагольной лексики с исходной семантикой тактильного воздействия описано 12 мотивационно-образных парадигм, составляющих лексико-фразеологическое поле «Тактильность». Количественный состав образных слов и выражений, метафорически мотивированных номинациями тактильных жестов разных групп, представлен в таблице 2.

Наиболее активны в деривационном и метафорическом отношении оказались глаголы, называющие жесты перемещения по поверхности *гладить* и *тереть*, на базе которых образовано максимальное число языковых метафор (63 и 53 соответственно) и фразеологизмов (17 и 15). К этой группе близка по частотности МОП глагола *толкать*, на базе которого образовано 50 языковых метафор, 16 фразеологизмов, 1 образное сравнение. К числу факторов, определяющих метафорическую активность данных глаголов, относятся значительный объем и глубина их словообразовательных гнезд, включающих большое количество приставочных дериватов (*загладить* ‘исправить, искупить или смягчить последствия негативных воздействий’, *проталкивать* ‘лоббировать, ускорять осу-

Таблица 2. Количественный состав образных средств русского языка, отражающих когнитивную метафору тактильного воздействия

Table 2. The quantitative composition of figurative means of the Russian language, which reflect the cognitive metaphor of tactile effect

Группы тактильных жестов, вершины МОП	Количество образных единиц в составе парадигм	Языковые метафоры / метафорические дериваты	Фразеологизмы / образные сравнения	Всего
Касательные	касаться	25	7	32
	трогать	37	8	45
	задевать	10	5	15
Перемещения по поверхности	гладить	63	17	80
	тереть	53	15	68
Резкого силового воздействия	толкать	50	16/1	67
	хлопать	14	10	24
	шлепать	19/1	4	24
Раздражающего воздействия	щипать	19/1	0	20
	щекотать	27	1	28
	царапать	20	1	21
Компрессионные	жать	32/1	9/1	43

Примечание. Цвет дифференцирует единицы по их деривационной активности: розовый – наиболее активные, далее по убыванию желтый, зеленый, голубой, оранжевый.

Note. The colour differentiates the units by their derivational activity: pink denotes the most active ones, then yellow, green, blue, and orange are listed in descending order.

шествление, решение чего-л., используя знакомство, связи'), производных других частей речи (*гладкость* 'грамматическая и стилистическая правильность, отсутствие языковых погрешностей'); а также разнообразие частных когнитивных метафорических моделей, в которых прототипические ситуации тактильного воздействия служат источником для характеристики множества ситуаций из других категориальных сфер: речевая деятельность (*стирать пыль с затертых фраз и понятий*), интеллектуальная деятельность (*подталкивать к размышлению*), межличностные отношения (*столкнули лбами соседней*), торгово-экономические отношения (*сглаженная динамика импорта*), политика (*столкнуться между собой Россию и Австрию*) и т. д.

На втором месте по метафорической активности находятся МОП глаголов группы касания *трогать* (45 образных единиц) и *касаться* (32), а также глагола компрессионного воздействия *жать* (43). На примере глаголов этой группы продемонстрируем, как различные слоты исходных фреймов проецируются на результирующие области означивания и актуализируются в контекстах.

Через ситуацию прикосновения образно выражаются явления физической сферы (повреждение, разрушение объектов – *металлические изделия, едва тронутые ржавчиной*; приведение в движение транспортного средства – *Андрей Николаевич тронул трактор и поехал*); психологической сферы (переживание чувств и эмоций, воздействие на эмоциональное состояние – *чувство скуки коснулось его; фильм меня очень тронул*); социальной сферы (коммуникация и межличностное взаимодействие – *я соприкоснулся с очень одаренными, талантливыми детьми*); ментально-речевой сферы (мыслительный процесс – *я не хотел прикасаться к воспоминаниям о собственном прошлом*; речевая деятельность – *вы меня такими словами не трогайте*).

По аналогии с компрессионным воздействием образно выражаются следующие ситуации, представленные в контекстах: неприятные ощущения от температурных воздействий: *И – морозы день за днем, ночь за ночью стеклянные, изнурительные, хоть и сидишь в тепле, но как-то жмут, угнета-*

ют (А. Твардовский); болезненные ощущения в теле, вызванные эмоциональными переживаниями: *Страх сегмент за сегментом сжимал мою кожу: если я сейчас не пошучу, все рухнет* (В. Аксенов); негативное психологическое состояние человека в трудных жизненных обстоятельствах *Правда, иногда он приходил на спектакль весь измочаленный и выжатый, как лимон* (В. Давыдов); социальные ограничения: *Это и есть сэндвич-поколение – так его окрестили – среднее, стержневое, зажатое между детьми и престарелыми родителями* (А. Салуцкий); конкурентная борьба в социальной сфере: *Политических взглядов у нее не было совсем: она полагала, что в мире есть пятьдесят оттенков серого, отжимающих друг у друга власть* (В. Пелевин).

На третьем месте по частотности образных единиц и метафорической активности находятся МОП глаголов силового *хлопать*, *шлепать* и раздражающего характера *щекотать*, *щипать*, *царапать*. На примере данной группы представим, как характер тактильного жеста влияет на передачу эмоциональных оценок посредством метафоры.

Поскольку глаголы данной группы обозначают ситуации силового и раздражающего тактильного воздействия, которое, как правило, сопровождается болевым эффектом и воспринимается получателем негативно, в процессе метафоризации актуализируются резкий, интенсивный, деструктивный характер воздействия, а образно описываемые ситуации получают негативно-оценочную эмоциональную характеристику. Так, глаголы *хлопнуть* и *шлепнуть*, а также производные от них номинации используются в значениях 'лишить жизни кого-л.' (*да я таких, как ты, шлепал на счет «три»!*) и 'прекратить существование, уничтожить что-л.' (*прихлопнут тогда нашу лавочку*), при этом в контекстах часто актуализируется ситуация уничтожения насекомых (*как моль / муху / таракана / клопов*): *Посмотрим, что ты запоешь, когда прихлопнут твои кооперативы, как клопов* (М. Гиголашвили).

Интенсивность тактильного воздействия ассоциативно связывается с внезапным наступлением какой-л. неблагоприятной ситуации (*в 1998 в стране хлопнул дефолт*), про-

изводством чего-л. в большом количестве без должного старания и заинтересованности в качестве результата (*нашлепали кучу ошибок; кое-как нашлепал объявления*).

Глаголы болевого раздражающего воздействия *щипать, царапать, щекотать* и их производные используются для метафорического обозначения неприятных и болезненных эмоциональных ощущений (*ноющая царапина на душе; щекотать нервишки*); резких критических высказываний (*ущипнуть за самолюбие; щипать словами*); межличностных конфликтов (*выцарапать глаза; щекотать ахиллесовы пятки друг другу*). Глаголы *щипать* и *щекотать* в уголовном жаргоне используются в значении 'грабить' (*щекотать туристов; щипач с бритвой в переполненном автобусе*).

Данные примеры наглядно показывают, как специфика тактильных ощущений напрямую влияет на эмоционально-оценочный компонент метафорической интерпретации обозначаемых явлений. Среди всех обозначений тактильных жестов положительная эмоциональная оценка максимально проявлена в МОП *гладить*, единицы которой образно выражают представления о благоприятных обстоятельствах жизни. Например, приятное физическое или психологическое воздействие ассоциируется с поглаживанием (*волны гладили тело; музыка гладила слух*), легкое спокойное осуществление процесса ассоциируется с чем-либо гладким (*все прошло гладко*). Метафорический образ поглаживания ассоциируется с нормализацией межличностных отношений, урегулированием конфликтных ситуаций (*загладить острые углы; сгладить отсутствие настроения*); улучшением коммуникативных качеств устной и письменной речевой деятельности (*погладить шероховатости текста; добиться гладкости речи*); положительным эмоциональным воздействием (*загладить досаду; гладить по головке; гладить по шерстке*).

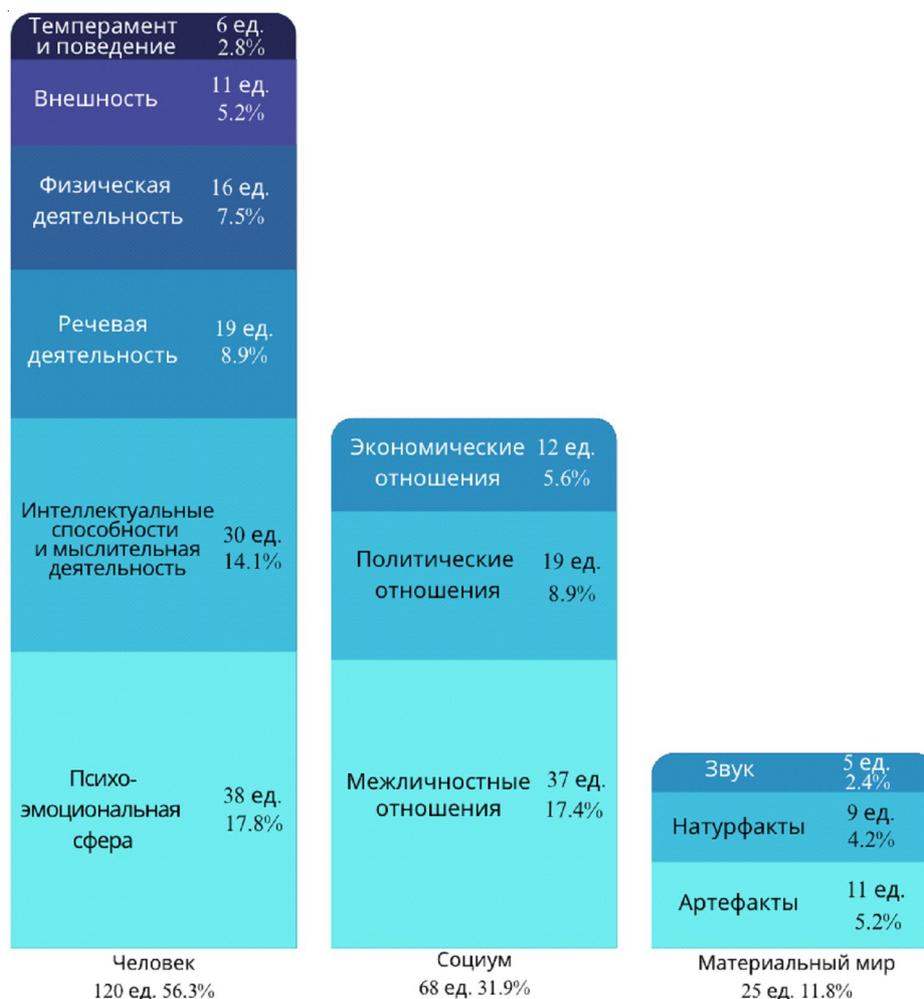
Наименее частотными оказались единицы МОП *задевать*. Это объясняется словообразовательными особенностями данной лексемы, которая является приставочным дериватом со связанным корнем, и в исходном тактильном значении используется только с приставкой *за-*. Кроме того, прямое значение этого слова имеет отличие от синонимичных

касаться и *трогать*, так как отражает представление преимущественно о случайном, непреднамеренном установлении кратковременного физического контакта. Метафорические проекции данной ситуации направлены в ментально-речевую, эмоционально-психологическую и социальную сферы. Вторичные номинации выражают следующие переносно-образные значения: 'коснуться чего-л. в изложении, в разговоре, в размышлении' (*эта тема задета мимоходом*), 'взволновать, обеспокоить; возбудить какое-л. чувство' (*мое самолюбие было задето*), 'обидеть, оскорбить' (*дразнить и при любом удобном случае стараться задеть побольше*). Активно в дискурсивных практиках используются фразеологизмы *задеть за живое / больное (место); задеть струны (души) / чувства* 'сильно, глубоко волновать, вызывать эмоциональные переживания'; *задеть воображение* 'способствовать мысленному представлению, воспроизведению в фантазии'.

Таким образом, когнитивными основаниями метафорических проекций является характер тактильного воздействия (компрессионный, касательный, скользящий, силовой, раздражающий и др.). При этом учитывается положительная или отрицательная оценка тактильного контакта со стороны субъекта или объекта взаимодействия. Аксиологическая составляющая тактильных метафор обусловлена ассоциациями с приятными / неприятными физическими и эмоциональными ощущениями, возникающими в процессе или результате взаимодействия субъектов.

Исследование показало, что через образы тактильного взаимодействия находят метафорическое отображение различные явления окружающей действительности, которые могут быть разделены на три группы: «Человек», «Социум» и «Материальный мир». Количественная представленность денотативных сфер тактильной метафоры показана на рисунке [Шлотгауэр, 2023а, с. 159].

Максимально представлена сфера-мишень «Человек», в которой посредством тактильной метафоры характеризуются темперамент и поведение, внешность, физическая, речевая, интеллектуальная, деятельность психоэмоциональные состояния. В сфере «Социум» образные характеристики получают межличностные



Количественное распределение образных средств языка по сферам-мишеням метафорических проекций
 Quantitative distribution of figurative language means by target areas of metaphorical projections

Примечание. Цвет дифференцирует сферы-мишени в каждой категории по количеству единиц с метафорической семантикой от большего к меньшему, где светло-голубым выделена сфера с наибольшим количеством образных единиц, темно-фиолетовым – с наименьшим.

Note. The colour differentiates target areas in each category by the number of units with metaphorical semantics in descending order, where light blue refers to the areas with the highest number of figurative units, while dark purple indicates the areas with the lowest number.

отношения, экономика и политика. В меньшей степени тактильная метафора задействована в образной интерпретации сферы «Материальный мир», где выражаются представления о натурфактах (*щипучий мороз, солнце гладит землю*), артефактах (*улица зажата между двумя зданиями*) и звуках окружающего мира (*царапать слух*).

Заключение

Системное лингвистическое описание образных средств русского языка, основанных

на метафорическом переосмыслении тактильных жестов и вызываемых ими ощущений, позволило выявить направления когнитивных проекций исходных ситуаций в результирующие сферы, аспекты образной интерпретации и основания ассоциативных сближений.

Тактильная метафора базируется на одном из самых древних телесных форм человеческого опыта, в основе которого лежит осязание. Данная концептуальная сфера выступает источником образного переосмысления множества различных областей человеческой жизни. Основными целевыми сферами тактильной

метафоры выступают объекты и явления, относящиеся к категориям «Человек» (56,3 %), «Социум» (31,9 %) и «Материальный мир» (11,8 %). Как правило, при метафоризации ситуаций тактильного взаимодействия наблюдается концептуальный сдвиг в иные области означивания, однако в редких случаях денотативная область метафорического выражения остается в рамках тактильности (*ветер щекочет шею; листья гладили кожу*). Образная интерпретация охватывает все элементы (слоты) фреймовой структуры различных ситуаций тактильного взаимодействия.

Важную роль при метафоризации играют тип тактильного воздействия: касательный (*прикоснуться к мечте*), скользящий (*загладить острые углы*), силовой (*оттолкнуться от мысли*), раздражающий (*цепляться за жизнь*), компрессионный (*сжать волю в кулак*); а также характерный для каждого типа воздействия результат (*царапина на душе; выжимка из текста; прихлопнуть организацию* и т. д.). Положительная или негативная оценка обусловлена ассоциациями с приятными или неприятными физическими ощущениями от тактильных контактов между субъектом и объектом взаимодействия, которые оказываются значимыми и в выражениях метафорического типа (*гладкость речи; нашлапать статей; нацарапать письмо*). Подобные ассоциации также определяются положительными или отрицательными эмоциональными ощущениями, возникающими в процессе или результате воздействия (*гладить по головке; сжимающая боль; царапание в горле; щекотный смешок*).

Перспективы работы составляют анализ мотивационно-образных парадигм глаголов, обозначающих тактильные жесты, не рассмотренные в рамках данной статьи (*бить, душить, хватать* и др.), а также лексикографическое представление материала и результатов проведенного исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ, соглашение № 075-15-2022-1139, проект «Тактильная дефензивность и способы ее преодоления: влияние тактильных контактов на психоэмоциональное и социальное развитие человека».

The study was supported with a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, agreement No. 075-15-2022-1139, project “Tactile Defensiveness and Ways to Overcome It: The Impact of Tactile Contacts on the Psychoemotional and Social Development of a Person”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкин А. П., 1996. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 104 с.
- Брагина Н. Г., Кузьмина А. Н., 2019. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке // Русская речь. № 5. С. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170005688-5
- Варламов А. А., Кравченко А. Н., Горбачева А. В., Осадчий М. А., 2020. Язык прикосновений: биологические аспекты тактильного восприятия и особенности тактильных коммуникативных сигналов // Вопросы языкознания. № 2. С. 75–92. DOI: 10.31857/S0373658X0008857-1
- Грудева Е. В., Соловьева С. А., 2016. Перцептивный модус и его синтаксическая реализация в прозе Б. Пастернака // Вестник Череповецкого государственного университета. № 6 (75). С. 66–69.
- Елисеева О. А., 2015. Концептуализация тактильных ощущений, связанных с восприятием поверхности объекта : дис. ... канд. филол. наук. М. 240 с.
- Земичева С. С., 2015. Обозначения тактильных свойств в лексиконе диалектной языковой личности // Коммуникативные исследования. № 3 (5). С. 162–174.
- Илюхина Н. А., Чаусова О. В., 2021. Семантический потенциал осязательной метафоры (на материале слов, именующих свойство мягкости) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 6. С. 64–74. DOI: 10.37482/2687-1505-V143
- Крюкова Л. Б., Двизова А. В., 2011. Семантическая модель тактильного восприятия и ее реализация в поэзии Б. Пастернака // Вестник Томского государственного университета. № 352. С. 22–26.
- Кубрякова Е. С., 1992. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка : Модели действия. М. : Наука. С. 84–90.
- Лебедева Н. Б., 1999. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск : Изд-во Том. ун-та. 262 с.
- Мельникова Е. В., 2010. Перцептивная картина мира И.А. Бродского (лингвокогнитивный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда. 24 с.

Мукина О. Г., 2018. Феномен синестезии как стили-образующий элемент поэтического текста // *Язык и мышление : Психологические и лингвистические аспекты : материалы XVIII Междунар. науч. конф. (Орехово-Зуево, 16–18 мая 2018 г.)* / отв. ред. А. В. Пузырёв. М. : Ин-т языкознания РАН ; Орехово-Зуево : Гос. гуманитар.-технол. ун-т : Психол. ин-т Рос. акад. образования. С. 134–136.

Филлмор Ч., 1988. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 52–92.*

Шлотгауэр Е. А., 2022. Репрезентация тактильных коммуникативных сигналов в лексической системе русского языка (на примере лексико-семантического поля «Гладить») // *Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. № 3. С. 18–23.*

Шлотгауэр Е. А., 2023а. Вербализация и метафоризация тактильных коммуникативных сигналов в русском языке: комплексное описание : дис. ... канд. филол. наук. М. 191 с.

Шлотгауэр Е. А., 2023б. Коммуникативный потенциал раздражающего тактильного воздействия (на примере концептов «Щекотать», «Щипать», «Царапать») // *III Костомаровский форум. Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24 мая 2023 г.). М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. С. 711–717.*

Шлотгауэр Е. А., Юрина Е. А., 2023. Метафоризация глаголов раздражающего тактильного воздействия в русском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16, № 1. С. 164–170. DOI: 10.30853/phil20230013*

Юрина Е. А., 2003. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля // *Вестник Томского государственного университета. № 277. С. 198–204.*

Юрина, Е. А., Шлотгауэр Е. А., 2023. Русская тактильная метафора в аспекте эмотивности (на материале лексико-фразеологического поля «Гладить») // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 1. С. 81–96. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7*

Юрина Е. А., Шлотгауэр Е. А., 2024. Метафоризация тактильного жеста касания в образной системе русского языка // *XV Конгресс МАПРЯЛ : избр. докл. СПб. : МАПРЯЛ. С. 1721–1726.*

Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago : The University of Chicago Press. 256 p.

ИСТОЧНИК

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

СЛОВАРИ

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.

Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. А–Й / под. ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1999. 698 с.

Словарь языка русских жестов / под ред. С. А. Григорьевой, Н. В. Григорьевой, Г. Е. Крейдлина. М. : Яз. слав. культуры ; Вена : Вен. славист. альм., 2001. 257 с.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : АСТ : Астрель, 2008. 878 с.

REFERENCES

Babushkin A.P., 1996. *Typy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of Concepts in the Lexico-Phraseological Semantics of the Language]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. 104 p.

Bragina N.G., Kuzmina A.N., 2019. *Taktilnye metafory i ikh funktsionirovanie v sovremennom rusском yazyke* [Tactile Metaphors and Their Functioning in Modern Russian]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 5, pp. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170005688-5

Varlamov A.A., Kravchenko A.N., Gorbacheva A.V., Osadchiy M.A., 2020. *Yazyk prikosnoveniy: biologicheskie aspekty taktilnogo vospriyatiya i osobnosti taktilnykh kommunikativnykh signalov* [Language of Touch: Biological Aspects of Social Touch Perception and the System of Tactile Communicative Signals]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 75–92. DOI: 10.31857/S0373658X0008857-1

Grudeva E.V., Solovyeva S.A., 2016. *Pertseptivnyi modus i ego sintaksicheskaya realizatsiya v proze B. Pasternaka* [Perceptual Mode and Its

- Syntactic Implementation in the Prose of B. Pasternak]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 6 (75), pp. 66-69.
- Eliseeva O.A., 2015. *Kontseptualizatsiya taktilnykh oshchushchenii, svyazannykh s vospriyatiem poverkhnosti obyekta: dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptualization of Tactile Sensations Associated with the Perception of the Surface of an Object. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 240 p.
- Zemichcheva S.S., 2015. Oboznacheniya taktilnykh svoystv v leksikone dialektnoy yazykovoy lichnosti [Designations of Tactile Properties in the Lexicon of a Dialectal Linguistic Personality]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 3 (5), pp. 162-174.
- Ilyukhina N.A., Chausova O.V., 2021. Semanticheskiy potentsial osyazatelnoy metafory (na materiale slov, imenuyushchikh svoystvo myagkosti) [Semantic Potential of Tactile Metaphors (Based on Words Naming the Property of Softness)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], no. 6, pp. 64-74. DOI: 10.37482/2687-1505-V143
- Kryukova L.B., Dvizova A.V., 2011. Semanticheskaya model taktilnogo vospriyatiya i eye realizatsiya v poezii B. Pasternaka [Semantic Model of Tactile Perception and Its Realization in the Poetry of B. Pasternak]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 352, pp. 22-26.
- Kubryakova E.S., 1992. Glagoly deystviya cherez ikh kognitivnye kharakteristiki [Action Verbs Through Their Cognitive Characteristics]. *Logicheskii analiz yazyka: Modeli deystviya* [Logical Language Analysis. Action Models]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-90.
- Lebedeva N.B., 1999. *Polisituativnost glagolnoy semantiki (na materiale russkikh prefiksnykh glagolov)* [Polysituational Verbal Semantics (Based on Russian Prefixed Verbs)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 262 p.
- Melnikova E.V., 2010. *Pertseptivnaya kartina mira I. A. Brodskogo (lingvokognitivnyy aspekt): avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Perceptual Picture of the World by I. A. Brodsky (Linguo-Cognitive Aspect). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Vologda. 24 p.
- Mukina O.G., 2018. Fenomen sinestezii kak stileobrazuyushchiy element poeticheskogo teksta [Phenomenon of Synesthesia as a Style-Forming Element of a Poetic Text]. Puzyrev A.V., ed. *Yazyk i myshlenie: Psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf. (Orehovo-Zuevo, 16–18 maya 2018 g.)* [Language and Thinking. Psychological and Linguistic Aspects. Proceedings of the 18th International Scientific Conf. (Orehovo-Zuevo, May 16–18, 2018)]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN; Orekhovo-Zuevo, Gos. gumanit.-tehnol. un-t, Psikhol. in-t Ros. akad. obrazovaniya, pp. 134-136.
- Fillmor Ch., 1988. Freymy i semantika ponimaniya [Frames and the Semantics of Understanding]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive Aspects of the Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 52-92.
- Shlotgauer E.A., 2022. Rerezentatsiya taktilnykh kommunikativnykh signalov v leksicheskoy sisteme russkogo yazyka (na primere leksiko-semanticheskogo polya «Gladit») [Representation of Tactile Communicative Signals in the Lexical System of the Russian Language (Lexical and Semantic Field “Stroke” Case Study)]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom* [International Post-Graduate Student Bulletin. Russian Language Abroad Journal], no. 3, pp. 18-23.
- Shlotgauer E.A., 2023a. *Verbalizatsiya i metaforizatsiya taktilnykh kommunikativnykh signalov v russkom yazyke: kompleksnoe opisanie: dis. ... kand. filol. nauk* [Verbalization and Metaphorization of Tactile Communicative Signals in the Russian Language: A Comprehensive Description. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 191 p.
- Shlotgauer E.A., 2023b. Kommunikativnyy potentsial razdrzhayushchego taktilnogo vozdeystviya (na primere kontseptov “Shchekotat”, “Shchipat”, “Tsarapat”) [Communicative Potential of Irritating Tactile Effects (On the Example of the Concepts “Tickle”, “Pinch”, “Scratch”)]. *III Kostomarovskiy forum. Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 24 maya 2023 g.)* [The 3rd Kostomarovsky Forum. Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Gos. in-t rus. yaz. im. Pushkina, pp. 711-717.
- Shlotgauer E.A., Yurina E.A., 2023. Metaforizatsiya glagolov razdrzhayushchego taktilnogo vozdeystviya v russkom yazyke [Metaphorization of Verbs of Irritating Tactile Effects in the Russian Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 16, no 1, pp. 164-170. DOI: 10.30853/phil20230013.

- Yurina E.A., 2003. Leksicheskaya struktura assotsiativno-obraznogo semanticheskogo polya [Lexical Structure of the Associative-Figurative Semantic Field]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 277, pp. 198-204.
- Yurina E.A., Shlotgauer E.A. 2023. Russkaya taktilnaya metafora v aspekte emotivnosti (na materiale leksiko-frazeologicheskogo polya «Gladit») [Russian Tactile Metaphor in Terms of Emotiveness (A Study of the Lexico-Phraseological Field Gladit)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 1, pp. 81-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7>
- Yurina E.A., Shlotgauer E.A., 2024. Metaforizatsiya taktilnogo zhesta kasaniya v obraznoy sisteme russkogo yazyka [Metaphorization of the Tactile Gesture of Touch in the Figurative System of the Russian Language]. *XV Kongress MAPRYaL: izbr. dokl.* [The 15th Congress of MAPRYaL. Selected Papers]. Saint Petersburg, MAPRYaL, pp. 1721-1726.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, The University of Chicago Press. 256 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

DICTIONARIES

- Kuznecov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Teliya V.N., ed. *Bolshoy frazeologicheskii slovar russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kulturologicheskii kommentariy* [Big Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Culturological Commentary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2006. 784 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 1. A–Y* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1. A–Y]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 698 p.
- Grigoryeva S.A., Grigoryeva N.V., Kreydlin G.E., eds. *Slovar yazyka russkikh zhestov* [Dictionary of the Russian Gestures]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ.; Viena, Ven. slavist. alm. Publ., 2001. 257 p.
- Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological Dictionary of the Russian Language: About 13,000 Phraseological Units]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2008. 878 p.

Information About the Authors

Elena A. Yurina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, yourina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-1488>

Elena A. Shlotgauer, Candidate of Sciences (Philology), Research Laboratory Assistant, Laboratory of Tactile Communication Research, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, elenashlotgauer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9979-3108>

Информация об авторах

Елена Андреевна Юрина, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, yourina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-1488>

Елена Александровна Шлотгауэр, кандидат филологических наук, лаборант-исследователь, лаборатория исследования тактильной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, elenashlotgauer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9979-3108>



МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.6>

UDC 81'42:004.738.5
LBC 81.055.1



Submitted: 10.02.2024
Accepted: 13.05.2024

DISCOURSE OF CANCEL CULTURE IN ANGLO-SAXON ACADEMIA

Tatiana N. Astafurova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Irina V. Palashevskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article analyses linguo-pragmatic characteristics of cancel discourse, which reflects and develops cancel culture, considered to be public disapproval and rejection of a social subject who has committed an offensive and unacceptable act, causing intolerance and wide discussion in digital, network and real public space. Cancel culture in different spheres of social life, including academic area, is considered from various perspectives. Linguistic means of cancelling (deplatforming, blacklisting, trolling, cyber-bullying, boycott, ostracism, etc.) in on-line and off-line cancel discourse, its communicative situations and topics, discursive practices and strategies, intentions and outcomes of participants' interaction are studied. The topics causing the most severe cancelling in the academia environment (racial, gender, religious, social discrimination, etc.) are identified. Different types of administrators' responses to faculty and student cancelling practices are revealed. It is argued that emphasizing offensive facts and rhetoric in the name on social justice, political correctness, and tolerance has become the new norm of Western university discourse, generating restrictions of ideas and speech freedom, which have traditionally been values developed in academia in young people. The study indicates that the discourse of cancellation unfolds around the accusatory ascriptive, which is accompanied by ridiculing/mocking the opponent, belittling their status, discrediting and defaming them, attributing to them infernal characteristics, silencing or canceling their presence in the information space.

Key words: cancel culture, linguistic means of canceling, discursive practices of canceling, Internet communication, academia, new values.

Citation. Astafurova T.N., Palashevskaya I.V. Discourse of Cancel Culture in Anglo-Saxon Academia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 70-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.6>

УДК 81'42:004.738.5
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 10.02.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

ДИСКУРС КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Татьяна Николаевна Астафурова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Владимировна Палашевская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена лингвопрагматическим особенностям дискурса отмены, в котором отражается и развивается «культура отмены», понимаемая как общественное неодобрение и неприятие личности, совершившей оскорбительный и неприемлемый поступок, вызывающий нетерпимость и широкое обсуждение в коммуникационном цифровом и реальном публичном пространстве. Рассматриваются точки зрения на культуру отмены в разных сферах публичного пространства, в том числе академической. Изучаются способы канселинга / исключения (деплатформинг, блэклистинг, троллинг, кибербуллинг, бойкот, остракизм) онлайн и офлайн дискурса отмены, его коммуникативные ситуации и темы, стратегии и практики, цели и результаты взаимодействия участников. Определяются темы, провоцирующие наиболее жесткий канселинг в академической среде со стороны студентов (расовая, гендерная, религиозная, социальная и прочая дискриминация). Выявляются ответные реакции администрации на практику канселинга преподавателей и студентов. Утверждается, что акцентирование внимания на оскорбительных фактах и риторике во имя социальной справедливости, политкорректности и толерантности стало новой нормой дискурса западных университетов, приводящей к ограничению свободы мысли и слова, которые представляют собой ценности, традиционно формируемые в академической среде у молодежи. Исследование показывает, что дискурс отмены разворачивается вокруг обвинительного аскриптива, который сопровождается высмеиванием / осмеянием оппонента, принижением его статуса, его дискредитацией и диффамацией, замалчиванием или отменой его присутствия в информационном пространстве.

Ключевые слова: культура отмены, языковые средства канселинга, дискурсивные практики канселинга, интернет-коммуникация, академическая среда, новые ценности.

Цитирование. Астафурова Т. Н., Палашевская И. В. Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 70–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.6>

Введение

Обращение к понятию культуры отмены / исключения сегодня особенно актуально в свете сложившихся социокультурных, геополитических и информационно-технологических реалий изменившегося мира.

Цифровые коммуникационные платформы и социальные сети, ставшие неотъемлемой частью жизни миллионов людей, открыли возможность для глобальной социальной коллаборации, стремительного распространения объединяющих идей и их влияния на развитие современного общества. Используя эту возможность, любой обыватель вправе обратиться к широкой аудитории с вопросами социальной справедливости и безопасности, вынести информацию о социально-значимых действиях других субъектов, случаях нарушения правовых и этических норм в публичную сферу для открытого обсуждения.

Изначально эти дискурсивно-оценочные инициативы преследовали благие цели, были направлены на формирование глобального этического «экорегулятора» социума и преодоление недостатков важных процессов общественной жизни. Однако множественные практики массовой этической оценки вреда или угрозы его причинения, исходящей от действий того или иного социального субъекта, породили культуру отмены (cancel culture / call-out culture), выработали систему отрицательных дискурсивных реакций на предосудительные, с точки зрения доминирующей морали, поступки, принимаемые решения, высказываемые суждения в ситуациях социального взаимодействия.

Привлекательность коммуникационных форм, возможность репликации высказываний и их комментирования на социальных медиаплатформах таких как, YouTube, TikTok, Twitter (X) и Instagram *, Facebook ** и др., спо-

* Instagram принадлежит компании Meta Platforms, Inc., включенной в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

** Facebook принадлежит компании Meta Platforms, Inc., включенной в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

собствует стремительному вовлечению заинтересованных пользователей в производство дискурсивных практик отмены, объединению множества коммуникативных действий в масштабные кампании соучастного гражданского реагирования на недопустимые поступки в отношении тех или иных социальных групп.

Дискурс отмены характеризуется репрессивной и стигматизирующей направленностью составляющих его речевых действий, семантически соотносимых с наказанием. Ключевым исторически обусловленным смысловым признаком слова *cancel* является 'помещение за черту, границу'. История происхождения рассматриваемой языковой единицы связана с латинской лексемой *cancelli*, диминутивной формой существительного *cancer* (лат. 'ограждение из перекрещенных прутьев, решетка'), которое, в свою очередь, возникло в результате фонематических, диссимилятивных преобразований *carcer* (лат. 'барьер, ограждение', но также 'тюрьма, место заточения') (CODOEE, p. 70). В ранней адаптации к английскому языку латинизм *cancel* (лат. *cancellare*) воспринимался буквально, в значении 'сделать решетку, вычеркнуть, провести линии через написанное' (CODOEE, p. 60). В результате семиотических и семантических экстраполяций на культурные и исторические контексты графический жест вымарывания высказываний и имен стал ассоциироваться с символической смертью, исчезновением из коллективной памяти.

На протяжении истории культура отмены проявляет себя в различных формах и способах социального влияния и отчуждения, отражающих недовольство одних субъектов действиями или позиций других. К одной из наиболее распространенных практик, занимающих особое место в развитии социально-политических систем, историки и правоведы относят остракизм. Согласно исследованиям, превентивная процедура остракизма, характерная для Древних Афин и других эллинских полисов, предполагала голосование демоса с помощью остраконов (глиняных черепков) при вынесении коллективного решения об опасности для общества тех или иных выдающихся, влиятельных граждан и отправлении их в изгнание на фиксированный срок [Бойкина, 2019]. В качестве примера культуры отмены ученые также на-

зывают ритуал *Damnatio memoriae* (лат. «Проклятие памяти»), применяемый к представителям государственной власти после их смерти, в рамках которого уничтожались упоминания о них в летописях, переплавлялись монеты, с фресок удалялись лица, разбивались статуи, что приводило к публичному забвению этих деятелей [Ильинская, 2024]. Реализацией культуры отмены можно считать и отлучение от церкви. В Средние века ему был подвергнут английский король Генрих VIII, названный римско-католической церковью раскольником, еретиком и мятежником за утверждение ряда антипапских мер, в том числе, развод, признание короля главой протестантской церкви, чтение Евангелия в церквях на родном английском языке, ликвидацию (секуляризацию) монастырских земель и церковной собственности (подробно см.: [Letters and Papers..., 1862]). Генриху VIII было отказано в праве возвращения в лоно римско-католической церкви, пока он смиренно не покорится папе и не признается в своих прошлых ошибках [Dowling, 1999].

В Средние века люди благородного происхождения (*gently-born*) также могли быть отвергнуты при дворе за несоблюдение надлежащих норм поведения, равно как и монахи могли быть изгнаны из своих капитулов за нарушение обетов, ношение светской одежды и связь с женщинами, но аббата или епископа сместить было практически невозможно [Crouch, 2021]. Насколько трудно было отменить сильных мира сего, настолько легко было изгнать бессильных: прокаженные, нищие, больные и инвалиды в Средние века входили в число социально исключенных, хотя и не по своей вине, кроме прокаженных, изгоняемых из-за страха заразиться.

В настоящее время культура отмены в целом характеризуется тем, что отстаивает социальную справедливость, толерантность и разнообразие, но в результате порождает повышенную бдительность и неослабное внимание к высказываниям, коллективную обиду, ненависть и месть; защита слабых и меньшинств постепенно переходит в репрессию тех, кого прежде относили к сильным и большинству. В современном глобальном социуме, особенно его евроатлантической части, человек все чаще опасается (из-за риска под-

вергнуться «идеологическому преследованию» и «отмене») высказывать мнение, отличное от общепринятого, что приводит к заметному сужению дискуссионного и полемического пространства публичного дискурса, идеологическому диктату, господству ангажированного экспертного знания и иллюзии общественного согласия.

В современном варианте культуры отмены наблюдается жесткий подход к персональной и национальной изоляции при помощи информационных технологий, ориентированных на якобы «социальную справедливость» и манипулирование общественным мнением [Симхович, 2022], покушение на свободу слова, право выражения своего мнения в публичном пространстве, право сохранения традиционных ценностей, уникальности социальных институтов и подлинности истории. Культура отмены создает условия, способствующие агрессивным и деструктивным действиям по отношению к тем, кто рассматривается как «враг», рассчитанным, в том числе, на его физическое уничтожение. Так, в XXI в. коллективный Запад «отменяет» победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, неонацисты Украины разрушают памятники Александру Невскому, Суворову, Кутузову, героям Великой Отечественной войны, уничтожают русское население Донбасса и сторонников Русского мира.

Парадоксальными представляются попытки отменить русскую культуру на Западе, так как наследие великих русских писателей, композиторов, художников является значительной частью мировой культуры. С осуждением «культуры отмены» выступил президент Российской Федерации В.В. Путин: «Сегодня пытаются отменить целую тысячелетнюю страну, наш народ... все, что связано с Россией... При полном попустительстве, а иногда и при поощрении правящих элит. “Культура отмены” превратилась в “отмену культуры”» (Путин: На западе...). Отмена культуры выражается, прежде всего, в уничтожении духовного наследия этноса, его письменного слова (например, публичные сжигания Талмуда католической церковью в Средние века в Европе, книг антифашистских авторов в нацистской Германии, а также русскоязычных книг в современной Украине), кардинальном иде-

ологическом изменении и обеднении литературных, философских, исторических канонов и практик посредством исключения из них определенных точек зрения и высказываний.

Культура отмены отличается отраслевой локализацией, проникая в политику, религию, экономику, спорт, шоу-бизнес, образование и пр. Субъект отмены всегда анонимный, безличный, им может стать любой человек, написавший в социальной сети пост с вирусным контентом (то есть получившим широкое распространение), значительно повышающим показатели вовлеченности: количество лайков, комментариев, репостов. Объектом «отмены» может стать любой человек, обладающий определенным авторитетом в той или иной сфере. Как заметил Ф.К. Зальцман, заслуженный профессор антропологии Университета Макгилла (McGill University) в Монреале, это объясняется тем, что механизмы физического устранения чужой культуры и ее носителей трансформировались (из-за сложности реализации) в символическое удаление нежелательных ценностей и норм из социокультурного пространства и навязывание угодных (Saltzman, 2021). В качестве центральных, широко пропагандируемых ценностей культуры отмены выступают социальная справедливость, политкорректность и толерантность, которые находят наиболее отчетливое проявление в академической среде (см. об этом: (Applebaum, 2021; Roberts, 2020)).

Акцентирование внимания на оскорбительных фактах и риторике во имя социальной справедливости и толерантности стало новой нормой дискурса западных университетов и колледжей. Если философские, политические, культурологические и социальные аспекты «культуры отмены» получили широкое научное освещение [Багдасарян и др., 2023; Былевский, Цацкина, 2022], то лингвистический аспект канселинга, сущностные признаки данного явления и составляющие его элементы, играющие ключевую роль в построении и развертывании речевых практик отмены, все еще требует пристального внимания ученых.

Материалы и методы

Как отмечают исследователи, культура отмены – явление отнюдь не новое «и дей-

ствия, направленные на исключение нежелательных элементов чужой культуры, неудобных высказываний общественных деятелей или предание забвению определенных личностей или целых культур, всегда были на вооружении господствующих элит. Сегодня механизм культуры отмены успешно действует в качестве особого инструмента разрушения публичных репутаций в современных информационных войнах, и его можно назвать идеологическим» [Ильинская, 2024, с. 213].

В коммуникативной лингвистике под культурой отмены подразумевается привлечение публичных лиц к ответственности за их высказывания и действия, приводящие к значительным финансовым, репутационным, личным и иным потерям [Мелина, 2023, с. 61]. О.Ф. Семенова рассматривает этот феномен как «наступательную, активную коммуникацию, привлекающую внимание аудитории... активизирующую аудиторию, заставляя эмоционально встать на сторону одного из оппонентов, сопереживать событиям, активно включаясь в них» [Semenova, 2023, p. 14].

Зарубежные авторы связывают культуру отмены со стремительным распространением цифровых платформ и сетей [Trigo, 2020], социальным расслоением общества [Bhat, Klein, 2020], его политической поляризацией [Lukianoff, Haidt, 2020]. Кембриджский сетевой словарь определяет культуру отмены как “a way of behaving in a society or group, especially on social media, in which it is common to completely reject and stop supporting someone because they have said or done something that offends you” (COD) (способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и поддерживать кого-то, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбило)¹.

Изучение культуры отмены как речекоммуникативного поведения в цифровом, сетевом и реальном публичном пространстве проводилось нами в лингводискурсивной парадигме, позволяющей представить исследуемый феномен как сложный лингвопрагматический объект, который характеризуется специфическими языковыми средствами, коммуникативными ситуациями и темами, дискурсивными практиками и стратегиями, целями и резуль-

татами взаимодействия участников в устном и/или письменном форматах.

Таким образом, как сложное коммуникативное явление, дискурс отмены включает, кроме текста, экстралингвистические, социокультурные и коммуникативно-ситуативные факторы, необходимые для понимания порождаемых текстов. Изучение дискурса отмены основано на использовании системного и холистического подходов, то есть на систематизации его составляющих и исследовании любой составляющей через культуру в целом.

Методологически исследование опирается на семантический анализ, интерпретативный и критический дискурс-анализ.

Материалом работы послужили англоязычные тексты за 2020–2023 гг., отобранные способом сплошной выборки из англоязычных научных, экспертно-аналитических электронных изданий и социальных медиа, отражающие различные интерпретации культуры отмены в разных сферах социальной жизни, в том числе в академической среде (Minding the Campus; USA Today; Forbes; The Atlantic; X).

Процедура семантического анализа дискурса отмены включает:

- выявление языковых и дискурсивных маркеров культуры отмены, генерирующей действия неодобрения, исключения из публичного сетевого или реального пространства личностей, совершивших неприемлемые поступки;
- раскрытие речекоммуникативных особенностей дискурса отмены в англоязычной академической среде;
- определение и анализ конститутивных элементов ситуаций дискурса отмены в академической среде, в том числе участников и их интенции, степень агрессии действий и реакций на разных уровнях актуализации культуры отмены.

Результаты и обсуждение

Дискурс культуры отмены выступает в качестве средства и способа ее существования, сохраняя и развивая ее благодаря актуализации соответствующих языковых средств. Базовые лексемы культуры отмены обозначают действия неодобрения, исключения из публичного сетевого или реального простран-

ства личностей, совершивших неприемлемые действия или выступивших с высказываниями, которые не одобряются общественностью. В этих лексемах отражается последовательность оскорбительной агрессивной деятельности, включающей четыре уровня канселинга (лексические значения единиц приводятся по (Vocabulary)):

– запрет на размещение информации в сетях, на платформах и составление списка людей, которых следует считать неблагонадежными и исключить из общения (*deplatforming*; *blacklisting*): *deplatforming is an Internet censorship of an individual or group by preventing them from posting on the platforms to share their information, which typically involves outright or shadow banning* (деплатформинг – интернет-цензура, когда человек или группа не могут размещать информацию на платформах, используемых ими для обмена информацией, обычно в виде прямого или теневого запрета); *blacklisting is making a list of people that are regarded as untrustworthy and should be excluded or avoided* (внесение в черный список неблагонадежных людей, которых следует исключить или избегать);

– троллинг и кибербуллинг участников сетевого и реального общения (*trolling*; *cyberbullying*): *trolling is when someone deliberately tries to upset others online and posts online, deliberately provoking an emotional argument* (троллинг – намеренная попытка расстроить людей в сети, намеренно публикуя информацию, провоцирующую эмоциональный конфликт); *cyberbullying is bullying or harassment using electronic means, usually among teenagers and adolescents, due to their increased use of social media* (кибербуллинг – травля или преследование с использованием электронных средств, обычно среди подростков в связи с их активным использованием социальных сетей);

– резкую критику, унижение и стремление опозорить статусных публичных персон (*shaming*; *shunning*, *rejection*): *shaming is the act or activity of subjecting a person to shame, disgrace, humiliation by public exposure or criticism* (посрамление – действие, при котором человек подвергается стыду, позору, унижению, особенно в результате публичного ра-

зоблачения или критики); *shunning is act of social rejection, or emotional distance* (изгнание – публичный отказ или эмоциональное дистанцирование); *social rejection occurs when a person or group deliberately avoids association with, and keeps away from an individual or group* (социальное отторжение происходит, когда человек или группа сознательно избегают общения с человеком или группой и держатся от них на расстоянии);

– бойкот и остракизм отдельных участников онлайн и офлайн коммуникации (*boycott*; *ostracism*): *boycott is nonviolent, voluntary abstention from a person, organization, country as an expression of protest for moral, social, political or environmental reasons* (бойкот – прекращение отношений с человеком, организацией, страной в знак протеста по моральным, социальным, политическим или экологическим причинам); *ostracism is used for various forms of shunning, as a way of neutralizing someone thought to be a threat to the public, though in many cases popular opinion often informed the expulsion* (остракизм используется для различных форм гонения / изгнания, как способ нейтрализации человека, считающегося угрозой для общества).

Ситуации дискурса культуры отмены включают участников, темы, речекommunikативную деятельность по осуждению, оценочно-дискурсивные практики и стратегии, а также цели и результаты взаимодействия участников.

Участники дискурса: обидчик (*alleged offender*); жертва, пострадавший (*alleged victim*); инициатор отмены / исключения, моральный агент, «воин социальной справедливости» (*social justice warriors, civil rights activist*), берущий на себя право говорить за жертву и движимый стремлением защитить угнетаемые малочисленные социальные группы; сочувствующие, отзывчивые реципиенты (*empathetic, compassionate recipients*), присоединяющиеся к обличительным действиям в порядке подражания, коммуникативного отклика, реализующего моральное требование.

Следует заметить, что в американских и британских академических кругах существует негласный запрет на «обвинение жертвы» (*blaming the victim*), считается неприемлемым подвергать сомнению искренность эмоциональных переживаний постра-

давшего, особенно если его эмоции связаны с групповой идентичностью. Чувства обиды (*I'm offended*) достаточно для запуска процедуры канселинга.

Декларируемые цели культуры отмены в академической среде – эмоциональное благополучие обучающихся, защита от нанесения психического вреда, превращение университетских кампусов в «безопасные места» (*safe spaces*), где молодые люди ограждаются от идей, слов и действий, которые могут доставить им ту или иную степень эмоционального дискомфорта, вызвать стресс и именуется как нежелательные (*unwelcome speech*).

Тематический охват дискурса отмены раскрывает широкую палитру навязываемых ценностей и смыслов, которые управляют социальным действием и актуализируются в ситуациях их нарушения. Темы характеризуются социальной проблемностью, неприемлемые действия соответственно включают множественные виды дискриминации. В академической среде культура отмены в основном сосредоточена на тех или иных аспектах гендерных, расовых и этнических проблем [Kosicova-Giurgiu, 2021], и нападки студенческой «толпы» на преподавателей по базовым и сопутствующим темам канселинга становятся все интенсивнее. За период с 2019 по 2023 г. в Североамериканских университетах зафиксирован 301 случай «отмены» сотрудников по различным основаниям².

Оценочно-дискурсивные практики канселинга связаны с установлением новых социальных норм и формированием моделей коллективных реакций, социального отклика (*response*) на их нарушения. Актуализация внедряемых культурных представлений обеспечивается с помощью организованного или спонтанного вовлечения отдельных или коллективных субъектов в коммуникативные практики отмены. Культура исключения характеризуется «эмоциональной заряженностью», проявляет себя в аскриптивных речевых актах (вменения в вину, порицания и осуждения), выражающих коллективное возмущение недолжным, неприемлемым поведением.

Дискурс отмены разворачивается вокруг обвинительного аскриптива – оценочного высказывания, в котором субъект оценки относительно системы ценностей и норм приписывает вину

за их нарушение определенному лицу, погружая его действия в контекст ответственности.

Практики отмены представляют собой ритуал изобличения лица, привлекаемого к моральной ответственности, исключают возможность альтернативного мнения, состязательности идей, разрушают многовековую культуру академического спора, аргументированной дискуссии. «Отменяемый», как правило, выступает в качестве игнорируемого наблюдателя, «зрителя» публичного действия своего изобличения. Ему отведена роль «злодея», отрицающего реальность уязвимости и страданий других. Он неизбежно подвергается общественному порицанию и вынужден понести наказание. В своем крайнем проявлении культура отмены направлена на полное социальное уничтожение личности, без какого-либо права на апелляцию и возможности публичного извинения.

Широкий общественный охват, интенсивность и повторяемость (воспроизводимость) данной процедуры в академической среде превращают ее в мощный институциональный инструмент контроля социокультурных изменений, закрепления их в массовом сознании.

Ответные реакции (санкции) на действия преподавателя-нарушителя включают:

– изменение или отмену академических курсов, методических материалов, научных мероприятий и публикаций (*forced to revise course syllabus; event canceled; article retracted*);

– замечание и выговор (*reprimand – verbal and / or written: reprimanded by Board of Trustees; given official warning*);

– временное отстранение от занимаемой должности (*interim suspension: suspended without pay*), включающее запрет на нахождение на территории кампуса (*suspended and ban from campus*), занятие профессиональной деятельностью и публичные выступления (*ban on professional activities, public speeches*);

– прекращение трудовых отношений по окончании учебного курса (*termination*) или досрочное расторжение договора с преподавателем (*dismissal*);

– принудительный отпуск (*placing on administrative leave*), вынужденный уход на пенсию (*forced retirement*).

Ответные реакции (санкции) на действия студента-нарушителя включают:

– принудительное прохождение курсов по развитию эмпатии и социальной чувствительности (*mandatory sensitivity training at the university's mental-health center*);

– предупреждение (*warning – verbal and / or written*);

– академическую пробацию, предполагающую наблюдение и формирование нравственного поведения студента (*academic probation*);

– принудительное изменение студенту направления подготовки (специальности) или формы обучения в рамках образовательного учреждения, или его перевод в другое учебное заведение (*disciplinary transfer*);

– лишение предоставленных университетом преимуществ (*restriction of contracts*);

– отчисление, прекращение оказания студенту образовательных услуг (*expulsion*).

В сетевом пространстве отмена предполагает немедленное приостановление действия учетной записи без возможности возобновления.

Медиа-источники содержат большое количество сообщений о преподавателях, обвиненных в социальной нечувствительности и подвергшихся принудительным мерам воздействия: *condemned and pressured to resign* – осужден и вынужден уйти в отставку, *denied tenure* – отстранен от занимаемой должности; *removed from teaching duties* – не допущен к выполнению своих трудовых обязанностей, *banned from campus* – лишен права посещать кампус; *placed under investigation* – находится под следствием, *terminated* – уволен и т. п. (The College Fix).

Институциональная культура формирует новый модальный образ представителя высшей школы, следование которому стимулируется шкалой наказаний, варьирующихся от устного порицания до полного разрушения профессиональной карьеры и репутации. Так, в докладе на научной конференции (Беркшир, июнь 2023 г.), историк, профессор Южно-Каролинского университета Л. Баннер (Lois Banner), специалист по гендерной проблематике, автор популярных книг

(«American Beauty», 1983; «Women in Modern America: A Brief History», 1974; «Marilyn: The Passion and the Paradox», 2012 и др.) заметила, что ей было бы легче сделать карьеру, будь она чернокожей (*I have had an easier career if I were black*). Фраза вызвала множество отрицательных откликов и комментариев в социальной сети Twitter; ее сочли неприемлемой, расово бестактной / неуважительной (*racially insensitive*), а оргкомитет конференции выступил с официальным заявлением о своем неодобрении неподобающих слов мастера пера и настоятельным требованием воздержания от подобных изречений в будущем.

Судьба У. Моравица (W. Moravits), офицера полиции в отставке, профессора политологии в колледже Св. Филиппа в Сан-Антонио, сложилась иначе. У. Моравиц выстраивал свои занятия в форме дискуссий: «Classroom is a place where all opinions are welcomed and encouraged, but not required» (Faculty Issues) (Аудитория – это место, где приветствуют и поощряют все мнения, но не предполагают обязательного выражения). Однако ряд тем (жестокость полиции, раннее сексуальное образование, ЛГБТК+ ***, растление малолетних, преступления педофилии) вызвала у некоторых студентов отторжение и психологический дискомфорт. Преподаватель был уволен.

В июне 2023 г. К. Цукер (Kenneth Zucker), профессор, главный редактор журнала «Archives of Sexual Behavior», был обвинен в гендерной предвзятости, поскольку разместил на страницах данного научного издания статью С. Диас и М. Бейли «Rapid onset gender dysphoria: parent reports on 1655 Possible Cases», в которой отстаивается мнение, что гендерная дисфория во многих случаях является результатом социального давления, калечащего личность ребенка. Открытое письмо научного сообщества к редакционному совету призывало к отстранению доктора К. Цукера от занимаемой им должности главного редактора и отозванию данной статьи из журнала: «In recent years, Archives of Sexual Behavior has routinely published articles on LGBTQ+ topics that

*** Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения включены в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данных организаций запрещена на территории Российской Федерации.

in our view did not adhere to the highest standards of intellectual integrity and publication ethics, raising concerns over editorial bias. As a result, we have lost confidence in the journal's editor, Dr Kenneth Zucker» (The College Fix) (В последние годы в журнале регулярно публиковались статьи, посвященные проблематике ЛГБТК+, которые, по нашему мнению, не соответствовали самым высоким стандартам интеллектуальной порядочности и публикационной этики, что вызывает обеспокоенность по поводу предвзятости редакционной политики журнала. В результате мы утратили доверие к редактору журнала, доктору Кеннету Цукеру). Настояния были частично удовлетворены, статью сопроводили дисклеймером, то есть письменным отказом от ответственности за возможные последствия поступка.

Очевидно, что практики осуждения недопустимого поведения и последующего устранения из академического пространства создают культуру вербального сдерживания: каждый должен подумать, прежде чем высказываться, чтобы не столкнуться с обвинениями в социальной нечувствительности, агрессии, способствовании созданию враждебной среды. Причем «внесудебный» характер расправы над жертвами, групповой самосуд предполагают отсутствие справедливости для обвиняемых [Holman, 2020, p. 11]. Дж. Терли, адвокат, ученый-правовед, профессор юридического факультета Университета Джорджа Вашингтона, пишет: «Indeed, in thirty years of teaching, I have never seen this level of intimidation of faculty in terms of what they say on social media or even in their classrooms. The almost universal silence of other faculty to support their colleagues has turned this chilling effect into a perfectly glacial condition for free speech and academic freedom» (Turley, 2020) (За тридцать лет преподавания я еще никогда не видел такого уровня запугивания преподавателей по поводу того, что они говорят в социальных сетях или в своих аудиториях. Почти всеобщее молчание других преподавателей, поддерживающих своих коллег, превратило «охлаждающий эффект» неловкости в совершенно леденящее душу состояние свободы слова и академической свободы).

Т. Симпсон, доцент кафедры философии и государственной политики Оксфордского

университета, отмечает: «An online culture allows the views of a minority to exert disproportionate influence on administrators and other academics» (Simpson, 2021) (Онлайн-культура позволяет взглядам меньшинства оказывать непропорционально большое влияние на администрацию и других ученых). «Высшей точкой» в дебатах на эту тему стало открытое письмо, подписанное 153 общественными деятелями, с аргументами против нетерпимости к противоположным взглядам, моды на публичный позор, унижение и остракизм, а также тенденции размывать сложные политические вопросы слепой моральной уверенностью (Brown, 2020; McWhorter, 2020). Однако некоторые преподаватели считают, что в действительности самые большие угрозы академической свободе и свободе слова исходят не от так называемой культуры отмены, а от попыток министров контролировать темы, языковые средства и дискурсивные стратегии, которые, по их мнению, допустимы в кампусе, полагая, что преподаватели не способны самостоятельно с этим справиться [Grady, 2022]. С данной позиции культура отмены является формой властного контроля и управления академическим сообществом, принадлежность к которому означает приверженность определенным ценностям и взглядам. Демонстративное обличение и исключение из профессиональной страты инакомыслящих выступает жестом идеологической солидаризации с властными структурами и имеет политическое значение.

Заключение

Практики отмены служат идеологическим инструментом власти подавления и принуждения, основанной на практике угроз и наказаний и требующей постоянного контроля за высказываниями с целью удержания субъектов в состоянии подчинения. Дискурс отмены разворачивается из ценностно-идеологической интерпретации и акцентуации тех или иных социально значимых поступков как неприемлемых, оскорбительных, маргинальных и влечет исключение данных действий, а также лиц, их совершивших, из публичной сферы (и цифровой, и реальной). Для культуры отмены характерны растворение сложных социальных воп-

росов в моральном контексте ценностной поляризации, нетерпимость к противоположным взглядам, аскриптивность, негативная эмоциональность, градуальность оскорбительной агрессивной реакции на действия нарушителя, включающей четыре уровня интенсификации: 1) deplatforming, blacklisting; 2) trolling, cyberbullying; 3) shaming, shunning, rejection; 4) boycott, ostracism; принципиальная доступность данных дискурсивных практик: право на осуждение и отмену предоставлено каждому, кто посчитает это необходимым.

«Культура отмены», сформировавшаяся под лозунгом защиты социальной справедливости и разнообразия, неизбежно влечет подавление разнообразия и любых альтернатив. Его осуществлению способствуют следующие стратегии / способы: аргументированное опровержение действий, применяемое при достаточной уверенности субъекта в своей правоте; проявление неуважения через высмеивание / осмеяние оппонента с целью потери им статуса коммуникативного лидера; дискредитация и диффамация как распространение недостоверных сведений, которые разрушают репутацию и умаляют достоинство представителя альтернативного мнения; игнорирование и отмена нежелательного социального субъекта из информационного пространства, что в последствии лишает его реального бытия. В культуре отмены предпочтение отдается агрессивным деструктивным дискурсивным действиям, ведущим к разрушению позитивного социального образа субъекта (как индивидуального, так и коллективного), утрате доверия к нему со стороны других субъектов, разрушению его репутации и социального статуса.

Многочисленные примеры репутационных потерь и разрушенной карьеры, устойчивой предельно негативной оценки преподавателя, на которую направлена информационная атака, клеймо позора за сказанное, суд толпы, то есть цензура студентов и администрации, свидетельствуют о намеренном ограничении свободы мысли и слова. Однако именно эти ценности традиционно формируются у молодежи в академической среде и лежат в основе развития и самовыражения каждого человека как творческой личности. Именно они имеют исключительное значение для установления

истины путем активного обсуждения альтернативных способов решения проблемы, а не одностороннего отражения реальности, дающего зачастую ложное представление об изучаемых явлениях.

Для отечественного академического сообщества важны осознание разрушительных последствий «культуры отмены» и «отмены культуры», захвативших западную университетскую, интеллектуальную жизнь, и непреклонное следование базовым принципам современного образования в России, включающим раскрытие творческого потенциала личности в социально-экономических условиях меняющегося мира и одновременную ориентированность на культуру своей страны, ее смысло-жизненные ценностные ориентиры, многие века составлявшие основу общественной морали и духовно-нравственного развития человека.

Культура существует в прошлом и настоящем, передает ценностные установки новым поколениям для существования в будущем. При этом понимание и выстраивание собственной культуры происходит через диалог с другими культурами, через восприятие «инаковости». Связь времен, преемственность ценностно-духовного опыта, и диалогичность имеют экзистенциальное значение для любого общества, игнорирование и искоренение этих связей приводят к его распаду и исчезновению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод с английского наш.

² Из 301 случая отмены сотрудников 29 основаны на обвинении в трансфобии и гомофобии, 189 – расизме, 27 – сексизме и мизогинии, 1 – злоупотреблении властью и запугивании студентов, 7 – тяге к мести через судебные тяжбы с учебным заведением, 25 – скептицизме в отношении COVID-19 и вакцинации, несоблюдении ограничительных мер, приверженности конспирологическим теориям о пандемии, 25 – поддержке селекционных евгенических методов (стерилизации, стимулирования рождаемости у определенных групп), подходов либеральной евгеники (liberal eugenics), в частности идей «дизайнерских детей» и «генетического супермаркета», дискриминации в отношении физической и интеллектуальной ограниченности; 2 – одобрении полицейского произвола в отношении афроамериканцев и насилия в ходе мирных протестов [Acevedo, 2023].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багдасарян В. Э., Василик В. В., Иерусалимский Ю. Ю., Лантратова Я. В., Мякшев А. П., Хазанов А. М., Якунин В. И., 2023. «Культура отмены»: феномен цивилизационного ostracism : материалы эксперт. круглого стола // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. № 4. С. 6–35. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-6-35
- Бойкина Е. Э., 2019. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. Т. 9, № 3. С. 127–140. DOI: 10.17759/psylaw.2019090310
- Былевский П. Г., Цацкина Е. П., 2022. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2 (857). С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Ильинская Е. А., 2024. Культура отмены как механизм социального и культурного забвения // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Междунар. Лихачев. науч. чтения. СПб. : СПбГУП. С. 212–213.
- Мелина А. Ю., 2023. О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. № 8 (876). С. 59–65. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_8_876_59
- Симхович В. А., 2022. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Новые вызовы и перспективы развития современного социума : материалы I Междунар. науч.-методол. междисциплинар. семинара. Минск : БГУ. С. 212–219.
- Acevedo D., 2023. Tracking Cancel Culture in Higher Education // The National Association of Scholars. URL: <https://www.nas.org/blogs/article/tracking-cancel-culture-in-higher-education>
- Bhat P., Klein O., 2020. Covert Hate Speech : White Nationalists and Dog Whistle Communication on Twitter // Twitter, the Public Sphere, and the Chaos of Online Deliberation. Cham : Palgrave Macmillan. P. 151–172.
- Crouch D., 2021. The Chivalric Turn // A Journal of Medieval and Renaissance Studies. Vol. 52. P. 238–240.
- Dowling M., 1999. Fisher of Men : A Life of John Fisher, 1469–1535. L. : Macmillan Press LTD. P. 159–176.
- Grady J., 2022. General Secretary of National Union of Students. URL: <https://www.nus.org.uk/articles/nus-response-to-government-s-proposals-on-free-speech-at-universities>
- Holman K. J., 2020. Can You Come Back from Being Cancelled? A Case Study of Podcasting, Cancel Culture, and Comedians During #MeToo. Omaha : University of Nebraska at Omaha. 170 p.
- Kocurova-Giurgiu I., 2021. Cancel Culture as Perceived and Encouraged in Academia. An Exploration of How Mob Attitudes on Social Media Promote Censorship and the End of Open Dialogue. URL: <https://www.researchgate.net/publication/354893759>
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VII, 1862. L. : Oxford University Press. Vol. 8. P. 287–345. URL: <https://archive.org/details/letterspapersfor11hond>
- Lukianoff G., Haidt J., 2020. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas are Setting Up a Generation for Failure. N. Y. : Penguin Publishing Group. URL: <https://www.researchgate.net/publication/335092457>
- Semenova O. F., 2023. Cancel Culture – The Speech Behavior of Modern Society // Review of Business and Economics Studies. № 11 (1). P. 13–18. DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-13-18
- Trigo L. A., 2020. Cancel Culture : The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // opMeC Research Blog. URL : <https://www.researchgate.net/publication/344512933>

ИСТОЧНИКИ

- Путин: На Западе процветают «культура отмены», остракизм и замалчивание фактов // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/03/25/putin-vozmutilsia-popytkoj-zapada-otmenit-rossii.html>
- Applebaum A. The New Puritans // The Atlantic. 2021. URL: https://www.realclearpolicy.com/2021/09/02/the_new_puritans_792693.html
- Brown D. Twitter’s Cancel Culture : A Force for Good or a Digital Witch-Hunt? The Answer is Complicated // USA Today. 2020. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/2020/07/17/hastwitter-cancel-culture-gone-too-far/5445804002/>
- Forbes. URL: <https://www.forbes.com>
- Faculty Issues // Inside Higher Ed. URL: <https://www.insidehighered.com/news/faculty-issues/>
- McWhorter J. Academics are Really, Really Worried about their Freedom // The Atlantic. 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/>
- Minding the Campus : Reforming Our Universities. URL: <https://www.mindingthecampus.org/>
- Roberts T. J. Cancel Culture : Its Causes and Its Consequences // The Advocates for Self-

- Government. 2020. URL: www.theadvocates.org/2020/02/cancel-culture-its-causes-and-its-consequences/
- Saltzman Ph. C. Why Professors are Cancelled// Minding the Campus. 2021. URL: <https://www.Mindingthecampus.org/2021/09/20/why-professors-are-canceled/>
- Simpson T. Universities Could Be Sued for Cancelling Speakers And ‘No Platforming’ Academics Under English Free Speech Plans // Forbes. 2021. URL: <https://www.forbes.com/sites/roberthart/2021/02/16/universities-could-be-sued-for-cancelling-speakers-and-no-platforming-academics-under-english-free-speech-plans/>
- The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/>
- The College Fix. Higher-Education News Website. URL: <https://www.thecollegefix.com/>
- Turley J. White Lives Don’t Matter : Cambridge Defends Professor After Inflammatory Tweets. 2020. URL: <https://jonathanturley.org/2020/07/06/>
- USA Today. URL: <https://www.theusaday.com/>
- X. URL: <http://x.com/>
- Bylevskiy P.G., Tsatskina E.P., 2022. Fenomenologicheskii analiz yavleniya «kultura otmeny» [Phenomenological Analysis of the Notion “Cancellation Culture”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 2 (857), pp. 162-169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Ilyinskaya E.A., 2024. Kultura otmeny kak mekhanizm sotsialnogo i kulturnogo zabveniya [Cancellation Culture as a Mechanism of Social and Cultural Oblivion]. *Dialogi i konflikty kultur v menyayushchemsya mire: XXI Mezhdunar. Likhachev. nauch. chteniya* [Dialogues and Conflicts of Cultures in a Changing World. The 21st International Likhachev Scientific Readings]. Saint Peterburg, SPbGUP. P. 212-213.
- Melina A. Yu., 2023. O vozmozhnosti vliyaniya na protsessy «kultury otmeny» pri pomoshchi lingvisticheskikh sredstv [Prospects of Impacting Cancel Culture with Linguistic Means]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 8 (876), pp. 59-65. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_8_876_59
- Semenova O.F., 2023. Cancel Culture – The Speech Behavior of Modern Society. *Review of Business and Economics Studies*, no. 11 (1), pp. 13-18. DOI: 10.26794/2308-944X2023-11-1-13-18
- Simkhovich V.A., 2022. Kultura otmeny kak instrument manipulirovaniya obshchestvennym mneniem [Cancel Culture as a Tool for Public Opinion Manipulating]. *Novye vyzovy i perspektivy razvitiya sovremennogo sotsiuma: materialy I Mezhdunar. nauch.-metodol. mezhdistsiplin. seminara* [Developing Modern Society: New Challenges and Prospects. Proceedings of the 1st International Scientific and Methodological Interdisciplinary Seminar]. Minsk, BGU, pp. 212-219.
- Acevedo D., 2023. Tracking Cancel Culture in Higher Education. *The National Association of Scholars*. URL: <https://www.nas.org/blogs/article/tracking-cancel-culture-in-higher-education>
- Bhat P., Klein O., 2020. Covert Hate Speech: White Nationalists and Dog Whistle Communication on Twitter. *Twitter, the Public Sphere, and the Chaos of Online Deliberation*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 151-172.
- Crouch D., 2021. The Chivalric Turn. *A Journal of Medieval and Renaissance Studies*, vol. 52, pp. 238-240.
- Dowling M., 1999. *Fisher of Men: A Life of John Fisher, 1469–1535*. London, Macmillan Press LTD, pp. 159-176.
- Grady J., 2022. *General Secretary of National Union of Students*. URL: <https://www.nus.org.uk/>

СЛОВАРИ

- COD – Cambridge Online Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/discourse/>
- CODOEE – Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1996. 552 p.
- Vocabulary – Vocabulary.com : Dictionary. URL: https://www.vocabulary.com/dictionary/cancel_culture/

REFERENCES

- Bagdasaryan V.E., Vasilik V.V., Ierusalimskiy Yu. Yu., Lantratova Ya.V., Myakshhev A.P., Khazanov A.M., Yakunin V.I., 2023. «Kultura otmeny»: fenomen tsivilizatsionnogo ostrakizma: materialy ekspert. kruglogo stola [“Cancel Culture”: The Phenomenon of Civilizational Ostracism. Proceedings of the Expert Round Table]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences], no. 4, pp. 6-35. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-6-35
- Boykina E.E., 2019. Ostrakizm i rodstvennyye fenomeny: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Ostracism and Related Phenomena: Review of Foreign Studies]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], vol. 9, no. 3, pp. 127-140. DOI: 10.17759/psylaw.2019090310

- articles/nus-response-to-government-s-proposals-on-free-speech-at-universities
- Holman K.J., 2020. *Can You Come Back from Being Cancelled? A Case Study of Podcasting, Cancel Culture, and Comedians During #MeToo*. Omaha, University of Nebraska at Omaha. 170 p.
- Kocurova-Giurgiu I., 2021. *Cancel Culture as Perceived and Encouraged in Academia. An Exploration of How Mob Attitudes on Social Media Promote Censorship and the End of Open Dialogue*. URL: https://www.researchgate.net/publication/354893759_Cancel_culture_as_perceived
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII*, 1862. London, Oxford University Press, vol. 8, pp. 287-345. URL: <https://archive.org/details/letterspapersfor11lond>
- Lukianoff G., Haidt J., 2020. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York, Penguin Publishing Group. URL: <https://www.researchgate.net/publication/335092457>
- Trigo L.A., 2020. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters. *PopMeC Research Blog*. URL: <https://www.researchgate.net/publication/344512933>
- Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/>
- Faculty Issues. Inside Higher Ed*. URL: <https://www.insidehighered.com/news/faculty-issues/>
- McWhorter J. Academics Are Really, Really Worried About Their Freedom. *The Atlantic*. 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/>
- Minding the Campus: Reforming Our Universities*. URL: <https://www.mindingthecampus.org/>
- Roberts T.J., 2020. Cancel Culture: Its Causes and Its Consequences. *The Advocates for Self-Government*. URL: www.theadvocates.org/2020/02/cancel-culture-its-causes-and-its-consequences/
- Saltzman Ph.C. Why Professors Are Cancelled. *Minding the Campus*, 2021. URL: <https://www.mindingthecampus.org/2021/09/20/why-professors-are-canceled/>
- Simpson T. Universities Could Be Sued for Cancelling Speakers And ‘No Platforming’ Academics Under English Free Speech Plans. *Forbes*, 2021. URL: <https://www.forbes.com/sites/roberthart/2021/02/16/universities-could-be-sued-for-cancelling-speakers-and-no-platforming-academics-under-english-free-speech-plans/>
- The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/>
- The College Fix. Higher-Education News Website*. URL: <https://www.thecollegefix.com/>
- Turley J. *White Lives Don't Matter: Cambridge Defends Professor After Inflammatory Tweets*, 2020. URL: <https://jonathanturley.org/2020/07/06/>
- USA Today*. URL: <https://www.theusatoday.com/>
- X. URL: <http://x.com/>

SOURCES

- Putin: Na Zapade procvetayut «kultura otmeny», ostrakizm i zamalchivanie faktov [Putin: “Cancel Culture”, Ostracism and Suppression of Facts Flourishing in the West]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette]. URL: <https://rg.ru/2022/03/25/putin-vozmutilsia-popytkoj-zapada-otmenit-rossii.html>
- Applebaum A. The New Puritans. *The Atlantic*, 2021. URL: https://www.realclearpolicy.com/2021/09/02/the_new_puritans_792693.html
- Brown D. Twitter’s Cancel Culture: A Force for Good or a Digital Witch-Hunt? The Answer Is Complicated. *USA Today*, 2020. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/2020/07/17/has-tweets-cancel-culture-gone-too-far/5445804002/>

DICTIONARIES

- Cambridge Online Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/discourse/>
- Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford, New York, Oxford University Press, 1996. 552 p.
- Vocabulary.com: Dictionary*. URL: https://www.vocabulary.com/dictionary/cancel_culture/

Information About the Authors

Tatiana N. Astafurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, english@volsu.ru; Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Irina V. Palashevskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, english@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Астафурова, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, english@volsu.ru; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Ирина Владимировна Палашевская, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, english@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.7>

UDC 811.112.2'42:32
LBC 81.432.4-51

Submitted: 06.02.2024
Accepted: 13.05.2024

UN-WORDS AS A FACTOR OF IDEOLOGIZATION IN THE MODERN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Innara A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Alexey I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The research attempts to establish the content component of un-words that have recently entered the modern political discourse of Germany, represented by a corpus of texts from federal and regional media that form a negative agenda, from the point of view of the difficulties they present for their interpretation by the reader. These include: the problem of terminological ambisemy, neologisms that are multi-component words, evaluative vocabulary containing negative connotations in relation to representatives of other cultures of migrant origin, as well as catchwords and expressions that include a retro component. The lexemes *Remigration*, *Heizungs-Stasi*, *Doppelwumms*, *Kriegstüchtigkeit*, *Gamechanger*, *Sondervermögen*, *Stolzmonat*, *Technologieoffenheit*, *Klimakleber*, etc. have been examined. The lexical-semantic method with elements of discourse and content analysis, contextual analysis, as well as elements of word-formation analysis were used during the study. Such a complex combination of various methods is due to the fact that the analyzed language units are not recorded in lexicographic sources, glossary dictionaries and reference literature. It was stated that the most popular topics that form a negative agenda are the problem of migration, environmental and environmental-social problems associated with a decrease in the standard of living of German citizens, unsuccessful rhetoric of the political elite containing statements that affect the implementation of Germany's internal and foreign policy.

Key words: un-word, political discourse, Germany, interlingual communication, intercultural communication, ideological component.

Citation. Guseynova I.A., Gorozhanov A.I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 84-95. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.7>

УДК 811.112.2'42:32
ББК 81.432.4-51

Дата поступления статьи: 06.02.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

АНТИСЛОВА КАК ФАКТОР ИДЕОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ

Иннара Алиевна Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Алексей Иванович Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка установить содержательный компонент немецких антислов, вошедших в последнее время в современный политический дискурс ФРГ, представленный корпусом текстов федеральных и региональных СМИ, формирующих негативную повестку дня, с точки зрения трудностей, которые они представляют для интерпретации читателем. К таковым относятся: проблема терминологической ам-

бисемии, неологизмы, представляющие собой многокомпонентные слова, оценочная лексика, содержащая негативные коннотации по отношению к представителям иных культур, имеющих мигрантское происхождение, а также крылатые слова и выражения, включающие ретрокомпонент. Рассмотрены лексемы *Remigration*, *Heizungs-Stasi*, *Doppelwumms*, *Kriegstüchtigkeit*, *Gamechanger*, *Sondervermögen*, *Stolzmonat*, *Technologieoffenheit*, *Klimakleber* и др. В исследовании применены лексико-семантический метод с элементами дискурсивного и контент-анализа, контекстуальный анализ, а также элементы словообразовательного анализа. Такое сложное сочетание различных методов обусловлено тем, что изучаемые языковые единицы не зафиксированы в лексикографических источниках, словарях глоссарного типа и справочной литературе. Установлено, что наиболее популярными темами, формирующими негативную повестку дня, выступают проблема миграции, экологические и эколого-социальные проблемы, связанные со снижением уровня жизни граждан Германии, неудачные высказывания политической элиты, содержащие влияющие на реализацию внутренней и внешней политики Германии.

Ключевые слова: антислово, политический дискурс, Германия, межъязыковая коммуникация, межкультурная коммуникация, идеологический компонент.

Цитирование. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Антислова как фактор идеологизации современного политического дискурса Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 84–95. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.7>

Introduction

The aim of our research is to study modern German un-words from the point of view of the ideological component formation in the political discourse of the Federal Republic of Germany.

The research subject is a corpus of lexemes included in the list of words in 2023, which in the German-speaking society was called *Unwort des Jahres* (Eng. unpopular word of the year / un-word – here and below the translation is made by the authors. – I. G., A. G.). Following the work of L.N. Grigorieva [Grigoryeva, 2021] we define the un-word as a lexeme that has an evaluative meaning that varies and depends on the context. At the same time the nominative aspect of this word, at first glance, does not contain negative connotations, but acquires them in the discourse of the media, taking into account historical realities.

From a corpus with a total of 2301 applications containing proposals for choosing the most unpopular lexeme, a total of 710 words and expressions were mentioned, of which 110 items met the criteria for selecting the most unpopular word. A list of words that form a negative agenda was formed on the basis of unpopular word selected by the expert commission in 2023. This list includes the following words and phrases: *Doppelwumms* (12), *Gamechanger* (11), *Klimakleber* (20), *Kriegstüchtigkeit* (71), *kulturelle Aneignung* (12), *Nachhaltigkeit* (10), *Remigration* (27), *Sondervermögen* (62), *Stolzmonat* (982), *Technologieoffenheit* (78)

(URL: <https://www.unwortdesjahres.net/presse/aktuelle-pressemitteilung>).

Although these un-words have been described and commented somehow on the above mentioned website, their analysis has not yet been carried out from the point of their cultural interpretation considering a broad social and historical context, which indicates the scientific novelty of our work.

We will dwell on the meaning of the listed lexical units below in the course of their linguistic analysis from the standpoint of interlingual and intercultural communication. In addition to the above lexemes, the words that form the negative agenda include concepts that require a separate description and discursive analysis. They are: *Remigration* (*Zwangsausweisung*, *Massendepportationen*, *menschenunwürdige Abschiebe- und Deportationspraxis*), *Sozialklimbim* (*soziale Hängematte*, *Gratismentalität*, *Sozialhilfekarriere*), *Heizungs-Stasi* (*Heizhammer*, *Heizungshammer*, *Heizungsverbot*, *Öko-Diktatur*). Note that the translation of these lexemes and phrases requires the involvement of a global context, knowledge of current social problems of the German ethnosociety, as well as the political context associated with the activities of representatives of specific parties in Germany.

Material and methods

To analyze the mentioned above un-words, we turned to a corpus of texts published in German media (the federal level mostly) and posted on the Internet. We examined 45 publications in

German for 2023 with a total of about 300,000 characters; however, in the article we will focus on illustrative examples from 5 publications in which, in our opinion, the negative agenda of Germany is representatively formulated.

The relevance of the study is based on external and internal political circumstances influencing the political agenda in Germany. Firstly, drastic changes in political discourse, geopolitical changes, the formation of a multipolar world and other factors stimulate discussions in the German-speaking society regarding the social sphere. In the light of the mentioned factors, it seems necessary to clarify the content of the current agenda for Germany, as well as to identify those topics whose verbalization may cause difficulties while interpreting the media texts. Secondly, a meaningful analysis of publications in German will make it possible to establish trends in the political discourse of the German media.

During the analysis of examples in German, there have been used the lexical-semantic method with elements of discourse and content analysis, contextual analysis, as well as elements of word-formation analysis. Such a complex combination of various methods is due to the fact that the linguistic units under study are not recorded in lexicographic sources, glossary-type dictionaries and reference literature. This language material is presented sporadically, in sources that appear and disappear and cannot be held responsible for the information posted.

In the course of analyzing empirical material in German, as well as subject-specific literature on the topic related to the neologization of institutional discourse and its varieties, we chose an interdisciplinary approach based on generally recognized scientific works and modern works devoted to the theory of discourse [Ankin, Mityagina, 2023; Karasik, 2004; 2023]; on works on the stylistics and lexicology of the German language, grammar and syntax of the German language [Babenko, 2023; Kraeva et al., 2022; Syt'ko, 2023], including the ones devoted to unwords as a linguistic phenomenon [Grigoryeva, 2021; Nefedova, Rustova, 2021; Schlosser, 2007]; on scientific papers on the issues of neologization [Belyakov, Eliseeva, Bodryagina, 2020; Doynikova, 2022]; on scientific works on current issues of lexicology and lexicography [Manik, 2023; Baranov, Dobrovolskiy, 2023].

Results and discussion

An analysis of publications from the German press, selected by the headlines of articles and media reports and online publications, indicates that a modern resident of Germany is concerned about a certain range of problems, which are broadcast in the political discourse of the Federal Republic of Germany.

Problem of discriminatory rhetoric

The most pressing issues today include the problem of discriminatory rhetoric. For example, in one of the publications, the interpretation of the most unpopular word of 2023 in Germany, *Remigration*, is given as follows: “Der Ausdruck ‘Remigration’ ist ein vom Lat. Verb *remigrare* (deutsch ‘zurückwandern, zurückkehren’) abgeleitetes Fremdwort” (URL: <https://www.uni-kassel.de/fb02/infothek/sitemap-news-detail/2024/01/15/remigration-ist-unwort-des-jahres-2023?cHash=b30ce931fde3d9644ce575a3e70e60d0>); (Eng. The term ‘remigration’ is a foreign word derived from the Latin verb *remigrare* (Germ. ‘to migrate back, to return’)).

At first glance, this word is of Latin origin; verbs are used as synonyms in the German language, which are usually translated into English as *come back*. However, when we consider this lexeme in the context of German political discourse, it correlates with a completely different set of words – *Zwangsausweisung*, *Massendepportationen*, *menschenunwürdige Abschiebe- und Deportationspraxis* (Eng. forced expulsion [from the country], mass deportation, unworthy of a person practice of deportation and expulsion, etc.). In other words, when immersed in the context, the lexical unit *Remigration* loses its nominative aspect and acquires an interpretative one, which gives the initially neutral concept a negative connotation: being comparable to the ideas of the Third Reich, it points to the physical destruction of the civilian population and their deportation into slavery. Let us cite the following example in German as confirmation: “Das Wort ist in der Identitären Bewegung, in rechten Parteien sowie weiteren rechten bis rechtsextremen Gruppierungen zu einem Euphemismus für die Forderung bis hin zu Massendepportationen von Menschen mit

Migrationsgeschichte geworden” (URL: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/unwort-remigration-deutschland-100.html>); (Eng. The word is used in the Movement for the Preservation of Identity, in right-wing parties by extremist groups; it serves as a euphemism for forced expulsion demands, including mass deportations of people of migrant origin).

At the same time, the concept of *Remigration* is interpreted by representatives of German society as a euphemism (Germ. *Tarnvokal*) to replace concepts that serve to designate the theme of struggle (Germ. *Kampfbegriff*). With the help of the lexeme *Remigration*, an attempt is made to hide the meanings determined by the political aspirations of introducing into modern life right-wing extremist sentiments and practices that were widely used in Nazi Germany in the 1930s (Germ. *menschenunwürdige Abschiebe- und Deportationspraxis*).

Moreover, the concept of *Remigration* includes additional far-reaching strategic goals aimed at achieving cultural superiority and ethnic homogeneity (Germ. *kulturelle Hegemonie und ethnische Homogenität*). This goal setting correlates with Nazi ideas, which allows participants in right-wing extremist political discourse to support not only revanchist ideas, but also to include them in the modern political and socio-economic agenda.

Discriminatory rhetoric is today an integral part of political discourse, which is aimed at highlighting and finding ways to resolve migration policy issues (Germ. *migrationspolitischer Diskurs*). For this reason, the key words of this particular type of discourse are lexemes such as right-wing populist / right-wing extremist (Germ. *rechtspopulistisch / rechtsextrem*). German researchers often describe this euphemization strategy as supposedly harmless (Germ. *vermeintlich harmlos*), however, in our opinion, the use of the concept of *Remigration* in political discourse on a regular basis leads to its radicalization. No less significant is the fact **who** uses this lexeme in political discourse.

The vast majority of contexts are associated with the use of the lexeme by representatives of right-wing extremist groups and right-wing leaders, e.g.: ...*Begriff Remigration wird von den völkischen Nationalisten der Identitären*

Bewegung benutzt, um ihre wahren Absichten zu verschleiern: die Deportation aller Menschen mit vermeintlich falscher Hautfarbe oder Herkunft, selbst dann, wenn sie deutsche Staatsbürger sind (URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/unwort-des-jahres-2023-remigration-100.html>); (Eng. The concept of *remigration* is used by the popular nationalists of the Identity Movement to hide their true intentions: the deportation of all people allegedly of the wrong skin color or origin, even if they are citizens of Germany).

Thus, we note a steady trend of radicalization of German political discourse, represented by a corpus of texts, and at the same time an opposite trend aimed at preventing the spread of extremist slogans by clarifying the content of un-words that have entered the lexicon of many modern political figures in Germany.

Following the interpretation of lexeme *Remigration*, we are moving to the analysis of the un-words, grouping them, firstly, into several blocks.

Migration

Let us consider the first block of lexemes and phrases, which, in our opinion, can cause difficulties in their interpretation. First of all, difficulties may be due to the presence of an **ideological component**, the transmission of which is possible using various translation strategies. Today we are increasingly turning to the concept of “information war” [Kalinin, Prikhod’ko, 2023; Urtaeva, 2024], which in different eras took place within the framework of various conflicts – the Cold War, ideological confrontation, conflict between East and West, etc., but they all fundamentally contain a system of value views and orientations that determine institutional interaction in political discourse between representatives of different states.

Information wars tend to last for years and even decades, for this reason they find their expression in different types of institutional discourse – media, literary, economic, environmental, diplomatic and others, “growing” in them. Systems of ideas and views embedded in text corpora, with the help of a certain set of lexical units and complex signs influence representatives of a particular ethnosociety, form their attitude

towards objects and realities of the surrounding environment. Their frequent use in different contexts influences the consciousness of the mass recipient and, over time, acts as the basis for understanding and interpreting the event [Titkova, 2014].

In our research, we rely on interpretation strategies that have already become classic (see the works of E. Prunch, M. Ya. Zwillling, N.K. Garbovsky, O.I. Kostikova, etc.) and which are presented, among other things, in our publications [Guseynova, Gorozhanov, 2023]. For example, when implementing a literal interpretation strategy, a specialist in the field of intercultural and interlingual communication will use an etymological approach that allows one to start from a Latin verb, whose meaning does not cause any ambiguity. However, as we note above, immersing the noun *Remigration* in a broad discursive context gives rise to a plurality of interpretations and makes it possible to reveal negative connotations. It is no coincidence that the contextual synonyms are predominantly realities from the 1930s, e.g.: *Zwangsausweisung*, *Massendeportationen*, *menschenunwürdige Abschiebe- und Deportationspraxis* (Eng. forced expulsion (from the country), mass deportation, unworthy practice of deportation and expulsion). Such practices found wide application and experienced their heyday during the existence of the Nazi regime in Germany (1933–1945). However, the need to involve interpretation as a cognitive method of processing information coming from outside, which requires reliance on the discursive context, becomes obvious. For example, the problem of forced expulsion (Germ. *Zwangsausweisung*) has not only deep historical roots, but, above all, well-developed legal grounds: *Ausweisung bezeichnet einen behördlichen Verwaltungsakt, der das Erlöschen des Aufenthaltsrechts ausländischer Staatsangehöriger in Deutschland meint. Die betroffenen Personen werden aufgefordert, das Gebiet der Bundesrepublik Deutschland bis zu einem bestimmten Zeitpunkt zu verlassen* (URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_53.html); (Eng. Expulsion/exile/expulsion is an institutional act that implies the elimination of the right of residence of foreign citizens in Germany. Those affected are encouraged to leave the country by a specified date).

In institutional documents, this concept is commented on and interpreted mainly in legal

terminology systems, the core of which is formed by lexemes associated with the concept of crime and illegal actions (URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_53.html).

When working on textual material, we believe it is appropriate to use the term *expulsion/expel* as a synonym. According to V. V. Vinogradov, the main meaning of this lexeme in Russian is *выжить, выселить*. However, he notes that “in the pre-revolutionary era, the official term meant *выселить из жилого помещения в административном порядке*. This term arose in the 60s in connection with the issue of allotments to peasants evicted from the landlords’ land” [Vinogradov, 1938, p. 392]. Thus, we are talking about forced eviction from a specific space.

The further difficulty for interpretation is the relationship between the concepts (*Zwangs*)*ausweisung* and (*Massen*)*deportationen* (Eng. administrative expulsion and deportation; Rus. *административное выдворение и депортация*).

In our opinion, discriminatory rhetoric in both cases initially declares migrants to be persons who have committed crimes or illegal acts. The fact that they are citizens of Germany does not play a significant role in right-wing extremist political discourse. Often in modern German newspaper media there is such a lexeme as *Asyltourismus* (Eng. asylum tourism), e.g.: *Es geht immer auch um Sprache, um Politik. Zuletzt müssen wir erleben, wie Demokraten aus dem konservativen Lager Begriffe der Neuen Rechten verwenden, wie ‚Zwangsgebühren‘, ‚Asyltourismus‘ oder ‚Umerziehung durch die Ampel‘. In Thüringen haben CDU und mittels AfD-Stimmen Gesetz ändern wollen* (Ich werde ständig bedroht. *Sächsische Zeitung*, 19.02.2024); (Eng. It’s always about language and politics. Finally, we have seen Democrats from the conservative camp use New Right terms such as ‘compulsory fees’, ‘asylum tourism’ or ‘re-education through traffic lights’. In Thuringia, the CDU and AfD wanted to change the law using AfD votes).

The concept *kultureller Wandel* (Eng. cultural turn) appears as a euphemism for such expressions as *kulturelle Hegemonie* and/or *ethnische Homogenität* (Eng. hegemony of [specific] culture; ethnic homogeneity), but the concept *kulturelle Aneignung* is included in the list of German un-words of 2023 (Eng.

appropriation of someone else's culture). The latter includes the demonstration of another culture with the aim of presenting it to the mass recipient. The most popular options are shows containing ethnic motifs that represent the characteristics of a given ethnosociety.

However, in our opinion, two aspects should be distinguished here. The former is associated with the presentation of one's culture by its representatives to members of another linguistic culture, and the latter is with the way the titular nation interprets the features of another culture and tries to repeat rituals and ceremonies without being familiar with them and without feeling the need for them, and participation is taken mainly from interest or curiosity. In German-speaking society, the term *kulturelle Aneignung* is closely connected to the second aspect. As a result of such interaction, assimilation and integration of representatives of another ethnosociety into the culture of the host country becomes impossible; on the contrary, ethnocentric sentiments are generated among representatives of migrant cultures. As in the above cited examples, such a seemingly "harmless" phrase contains a destructive force that is very successfully used by right-wing extremist groups to implement their idea of *kulturelle Hegemonie* and/or *ethnische Homogenität*, which subsequently lead to the infringement of the rights of migrants and their descendants (Germ. *Menschen mit Migrationsgeschichte*).

Continuing the discussion over migrants in Germany, the concept *Sozialklimbim* has become widespread in political German (Eng. social [insignificant, ridiculous] paraphernalia). The specified lexeme should be considered as a neologism. It is not presented in any of the codified lexicographic sources, nor it is listed in reference literature, in encyclopedias, glossaries, etc. However, it is presented in media texts that shape modern political discourse in the Federal Republic of Germany, e.g.: *Der Ausdruck Sozialklimbim wurde im Zuge der öffentlich-politischen Diskussionen um die Kindergrundsicherung verwendet. In sozialpolitischen Debatten steht das Wort für eine im Jahr 2023 wieder häufiger zu beobachtende klassistisch diskriminierende Rhetorik* (URL: <https://www.uni-marburg.de/de/aktuelles/news/2024/unwort-des-jahres-2023-remigration>); (Eng. The expression 'social paraphernalia' was used in the

course of public political discussions about basic child welfare. In socio-political debates, the word stands for classist, discriminatory rhetoric that will be observed more frequently in 2023).

This group of people, when described in the media, occurs most often in the contextual environment of the following lexemes: *einkommens- und vermögensschwache Personen*, *vulnerable Gruppe*, *armutsgefährdet sein* etc. (Eng. persons with low income; (socially) vulnerable group; be at risk of extreme poverty). Often, concepts that clearly discriminate against people with low incomes, such as *soziale Hängematte*, *Gratismentalität*, *Sozialhilfekarriere* (Eng. social hammock, the mentality of getting everything for free, a career built on receiving benefits) are applied.

Taking into account the format of this work, we will give further examples in a shorter description.

Ecological and social issues

The second group includes the following lexical units: *Heizungs-Stasi* (*Heizhammer*, *Heizungshammer*, *Heizungsverbot*, *Öko-Diktatur*) *Nachhaltigkeit*. Upon closer examination, the two large-scale problems become apparent: a) energy consumption, associated with a deliberate reduction in the consumption of gas, fuel and electricity and a strongly recommended transition to the consumption of alternative energy sources; b) globalization, which gave impetus to the introduction of sustainable development policies, which specifically in Germany acquired, in the opinion of the German mass recipient, the form of dictatorship and gradually led to an ecological turn in the consumption of heat and light. At the same time, the political discourse published in the media emphasizes the need to abandon minerals and nuclear energy, e.g.: *weg von fossiler Energie; Deutschland ist aus der Atomkraft ausgestiegen* (Ich werde ständig bedroht. *Sächsische Zeitung*, 19.02.2024); (Eng. abandonment of old energy resources; Germany abandoned nuclear energy).

Here, two concepts that correlate with each other, *Stasi* (state security service in the GDR) and *Diktatur* (dictatorship), deserve special attention, which were simultaneously integrated into environmental and social issues, which gives

rise to negative connotations and is seen by German residents as an attempt to put pressure on them that is not typical for a democratic state that prides itself on its values and freedom of choice. Let us look at the following context: *Heizungs-Stasi: Bei diesem Ausdruck handelt es sich um ein zusammengesetztes Wort, das den Ausdruck Heizung und das Kurzwort Stasi (Staatssicherheit, eine Abkürzung für das Ministerium für Staatsicherheit in der DDR) verbindet. Das Wort dient der populistischen Stimmungsmache gegen Klimaschutzmaßnahmen (Gebäudeenergiegesetz GEG)* (URL: <https://dubisthalle.de/unwort-des-jahres-ist-remigration-vor-sozialklimbim-und-heizungs-stasi>); (Eng. Heizungs-Stasi: This is a compound word that combines the word “heating” and the abbreviation of the State Security Service of the GDR. The word serves to create populist sentiment against environmental protection measures).

In the German ethnosociety there is an opinion that this lexeme allows one to present environmental and social actions in the form of repressions that are implemented against the wishes of the inhabitants of Germany. The analyzed lexeme violates the principles of democracy and portrays German residents as victims of the state security service, which generates opposition from citizens and encourages them not to adhere to measures promoting the use of alternative energy sources.

“Winged” words and expressions of politicians

The third group includes the following keywords: *Doppelwumms*, *Gamechanger*, *Kriegstüchtigkeit*, *Sondervermögen*, *Stolzmonat*, *Technologieoffenheit*, *Klimakleber*.

Today, it is not possible to establish their “authorship”, however, using the methods of corpus linguistics and content analysis, it is possible to establish which of the modern political figures in Germany gravitate towards the use of these lexemes, as their interpretation requires not only knowledge of the global context, but also specifics of the modern political landscape of Germany. The current coalition is distinguished by its desire to use new words, which subsequently leads to excessive neologization of the political discourse in the Federal Republic of Germany. Let us dwell

below on the linguistic analysis of the following lexical units, which are not represented in the codified publications. However, they are widely used in the German political discourse.

Doppelwumms (Eng. double boom, Rus. ~двойной бабах). Despite the fact, that this specified lexeme belongs to the category of onomatopoeic words and imitates a sharp strong blow, it is simultaneously included in the category of memes – quickly distributed on the Internet, in the media space of videos, words, ideas, expressions, which, in our case in political discourse acquire a corresponding negative connotation. It is generally accepted that such a lexeme serves to designate a quick action caused by a change in a situation, however, with *Wumms*, a linguistic description requires the involvement of historical context. Firstly, it was possible to use in this context, instead of the lexeme *Wumms*, the more common and neutral *Bums*, which is used in the meaning of “bang, impact” (Rus. треск, хлопок, выстрел / удар, столкновение / удар, попадание).

The both lexemes are intended to cause fear, the cause of which is a sudden event or a sharp change in the situation. Secondly, unlike the lexeme *Bums*, which came into use in German linguistic culture over three hundred years ago, the lexeme *Wumms* (*Kawumms*) came into use during the First World War (1914–1918). It serves to imitate the sound of an explosion and is often associated and correlated with words such as *Pistole*, *Handfeuerwaffe* (Eng. pistol, handgun; Rus. ну-столет, личное огнестрельное оружие). Thus, the lexeme not only means blow, but also demonstrates power and strength. We will look at the latter one using an example. The German sources state the following: *Der deutsche Bundeskanzler Olaf Scholz hat im Frühjahr 2022 die Sonderausgabe für die Bundeswehr i. H. v. 100 Milliarden Euro als Wumms bezeichnet und die geplante Sonderausgabe für den Gaspreisdeckel und flankierende Maßnahmen i. H. v. 200 Milliarden Euro als Doppel-Wumms. Er hat damit also geprägt, dass ein Wumms 100 Milliarden Euro sind // Es geht um Maßnahmen, die wie Granaten einschlagen. Diese militärische Metaphorik hat man oft: Scholz will klotzen, nicht kleckern, in Anspielung auf Guderian. Das Doppel sind zwei gleichzeitig beschlossene Maßnahmen*

(URL: <https://german.stackexchange.com/questions/71829/was-ist-wumms-oder-doppelwumms>); (Eng. In spring 2022, German Chancellor Olaf Scholz released the special edition for the Bundeswehr in the amount of 100 billion euros was described as **boom** and the planned special edition for the gas price cap and accompanying measures in the amount of 200 billion euros as a **double boom**. So he coined the idea that a whopping 100 billion euros is worth it // It's about measures that hit like grenades. You often have this military metaphor: Scholz wants to make a big impact, not a mess, in reference to Guderian (colonel general of the Wehrmacht, war criminal; unfortunately, thanks to the efforts of the Allies (mostly USA), he was not convicted by the Nuremberg Tribunal). The **double** is two measures decided at the same time).

Thus, the analyzed word can be used in both literal and figurative meanings. At the same time, the emphasis is on the strength and speed of actions, which do not always look deliberate, but are intended to indicate the politician's determination.

Gamechanger (Rus. человек, меняющий исход ситуации). There can be several definitions regarding this designation of a person, which can be combined into two main groups: 1) person's action, which determines the outcome of the game; 2) the actual person or any event that may influence the outcome of the game or lead to its change. In both cases, this word, when immersed in context, acquires additional meanings that can be both positive and negative. In relation to the political discourse published in the German media, the people who can change the course of events include the political elite: the President of Germany, the Federal Chancellor and the leaders of the leading parties. Their positive or negative assessment varies and depends on contextual use.

Kriegstüchtigkeit (Eng. combat effectiveness, military potential, readiness for military action, readiness to participate in armed and military conflicts; Rus. боеспособность, военный потенциал, готовность к военным действиям, готовность к участию в вооруженных и военных конфликтах). In relation to Germany, based on the contextual use of this word in the German media, this lexeme can be interpreted as the ability or willingness of the German armed forces to carry out military tasks

in accordance with the current legislative basis and the German constitution. At the same time, military tasks are considered quite broadly – from armed long-term conflicts to participation in military operations. The most frequent use of this lexeme is associated with the name of Boris Pistorius (German Minister of Defense) and high-ranking military experts. In the German political discourse there is such a context: *Boris Pistorius zur Kriegstüchtigkeit // Die sicherheitspolitische Zeitenwende in Deutschland nimmt Konturen an. Die Bundeswehr soll kriegstüchtig gemacht werden, um Herausforderungen in der Landes- und Bündnisverteidigung, aber auch im internationalen Krisenmanagement zu bewältigen. Was dafür erforderlich ist, weiß der Generalinspekteur der Bundeswehr, General Carsten Breuer* (URL: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/generalinspekteur-zur-kriegstuechtigkeit-bundeswehr-5718502>); (Eng. Boris Pistorius on war capability // The turning point in security policy in Germany is taking shape. The Bundeswehr should be made war-ready in order to overcome challenges in national and alliance defense, but also in international crisis management. The Inspector General of the Bundeswehr, General Carsten Breuer, knows what is required for this).

When analyzing this lexical unit, special attention is paid to the main component of this complex word. The concept of *Tüchtigkeit* is interpreted in German-language reference literature only in a positive sense, referring to diligent people who are competent and characterized by hard work. In the German-speaking society, the lexeme *Tüchtigkeit* is interpreted as a virtue, people who are distinguished by their diligence are set as an example. In this case, we are talking about the fact that a person carries out a specific assignment with a high degree of responsibility. Other meanings arise when interpreting the complex word *Kriegstüchtigkeit*. However, when immersing this lexeme in the historical context associated with the period of the Third Reich, a different connotation arises, since its interpretation is associated with historically determined etymology: Mhd. *tühtecheit, tuchtikeit* “Kraft, Stärke, Rüstigkeit, Festigkeit” (URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/tuechtig>); (Eng. power, strength, robustness, firmness; rus. сила, мощь,

бодрость, крепость). In other words, the connection becomes obvious with the concept of strength and power, and not with diligence.

Sondervermögen (Eng. special assets/funds; Rus. *особое имущество/фонды*). The most remarkable thing about this lexical unit is that it is an economic term that has a corresponding marking in both Russian and German reference literature. This concept is widely used in the financial sector, especially in cases where we are talking about a separate budget intended to achieve certain goals and objectives. However, the mentioned term firmly entered first the German political discourse, and then into the common language. This was facilitated by the “militarization” of the German political discourse, for which the following contexts of use are very common today, e.g.: *Sondervermögen Bundeswehr* (eng. special assets of the Bundeswehr): *Das Sondervermögen Bundeswehr in Höhe von 100 Mrd. Euro dient der Stärkung der Bündnis- und Verteidigungsfähigkeit unseres Landes* (URL: <https://www.deutschlandfunk.de/sondervermoegen-bundeswehr-militaerausgaben-ruestungsinvestitionen-100.html>); (Eng. The Bundeswehr special funds worth 100 billion euros serves to strengthen our country’s alliance and defense capabilities).

Thus, the neologization of the political discourse of the German media is often carried out by using special terms. The introduction of the terms into the common language serves to enrich it and at the same time contributes to the intellectualization of participants in institutional interaction. However, this circumstance also contributes to the formation of an opinion among the mass recipient, who in the future will perceive separate additional equipment for the armed forces as some kind of everyday fact, as well as the militarization of the political discourse of the German media.

Stolzmonat (Eng. pride month; Rus. *месяц гордости*) should be classified as a very ambiguous concept, which is currently widespread on the Internet and especially on social networks and is connected with not traditional sexual orientation. Currently, in different sources there are different spellings of this concept, including through a hyphen as *Stolz-Monat* or on German social networks with a hashtag as *#Stolzmonat*. At first glance, this lexeme outside the global context and without historical reference does not

contain any negative connotations, but at the first contextual use or when trying to establish the history of the occurrence of the mentioned concept, a different picture emerges. Firstly, there is a stable connection with the gender factor, which includes all gender variations; secondly, this lexeme serves to consolidate gender variations, thereby forming a system of value orientations that is different from traditional values. At the same time, it becomes obvious that the German concept is a tracing version of the English phrase. Ignorance of the origin, meaning and content of such concepts leads to a distortion of the meaning and interpretation of the ideological component, which does not substantially coincide with the value system adopted in other countries. It should also be emphasized that this action (*Stolzmonat*) in the German society is supported by right-wing politicians, e.g.: *Trend, der vor allem von Rechten stark begrüßt wird* (URL: <https://www.comicschau.de/news/was-ist-der-stolzmonat-bedeutung-682790>); (Eng. Trend that is particularly welcomed by right-wing politicians). Such ideological content is broadcast on social networks, which allows us to consider the above-mentioned phenomenon as one of the trends in the virtual environment.

Technologieoffenheit (Eng. technology openness; Rus. *готовность к применению инновационных/новых технологий*). As it becomes obvious from the examples we analyzed earlier, outside of contextual use and without involving a broad discursive context, this lexical unit is neutral in nature and does not pose difficulties in interpretation, since it contains clear components that make up the general meaning of the lexeme. When this lexeme is “immersed” in the German political discourse, it becomes known that this word is related to a topic that can be conventionally designated as the “energy turn” (Germ. *Energiewende*), which is associated with the use of environmentally friendly technologies in the system of public and personal transport (Germ. *Energiewende im Verkehr*). The use of alternative power sources and the use of environmentally friendly energy sources is intended to lead in the future to a refusal to use natural resources and hydrocarbon policy. In the modern political discourse, there are frequent discussions on the problem, which ultimately lead to the fact that the cost of traditional energy

sources has increased significantly, and German residents are increasingly using alternative energy sources in everyday life. This circumstance significantly facilitates the entry of new energy-saving technologies and alternative power sources into the market of goods and services, which leads to the displacement of resources that require the use of traditional power sources. In the light of this fact, the state creates favorable conditions for the development of innovative environmentally friendly technologies: *In diesem Fall kann über technologiespezifische Regulierung von staatlicher Seite eingegriffen werden, um Technologieoffenheit herzustellen* (URL: <https://www.forschungsinformationssystem.de/servlet/is/572342>); (Eng. In this case, the government can intervene through technology-specific regulation to create technology openness).

Klimakleber (Eng. eco-activists; Rus. *эко-активисты*). It is generally accepted that we are talking about a group of environmental movement activists who, during environmental and political actions, stick themselves to the asphalt, thereby expressing protest against decisions that, in the opinion of the action participants, harm the environment. These actions are carried out with the organization and participation of activists belonging to the *Letzte Generation* group (Eng. last generation). From the contextual use of the lexeme, it follows that participants in the movement are hooligans and the German authorities are concerned with punishing participants in this type of environmental movement with fines and arrests. The actions are associated with the protest of Greta Thunberg, who before the pandemic carried out a similar protest in Stockholm (Sweden), which later made her a very popular youth leader.

Conclusion

The results presented in the article are based on the analysis of the empirical material in German from the point of view of the theory and practice of intercultural and interlingual communication. It settles on a broad social, political and historical context characteristic of modern political discourse in the Federal Republic of Germany. Firstly, we note a tendency towards radicalization of German political media discourse, which is expressed in the use of linguistic means that mark right-wing, radical and right-wing extremist views.

Secondly, the list of un-words that form a negative political, socio-economic agenda is quite extensive, despite all attempts to limit ourselves to only one key un-word, in this case – *Remigration*. Thirdly, the use of media context, resulted in discovering the synonymous series of un-words in the political discourse of the German media, which points to the mechanisms of linguistic influence on public opinion.

In future it would be useful to consider translation options for un-words from German into Russian and formulate translation strategies for working with such lexical units. Thus, the prospect of our research may be collecting a representative array of texts containing the translation of the considered un-words and their subsequent analysis.

REFERENCES

- Ankin D.Yu., Mityagina V.A., 2023. Lingvopragmaticheskaya kharakteristika samoprezentatsionnogo diskursa (na materiale kontenta angloyazychnykh korporativnykh saitov) [Linguistic and Pragmatic Characteristics of Self-Presentational Discourse (Based on the Material of the Content of English-Language Corporate Websites)]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 157-168. DOI 10.29025/2079-6021-2023-4-157-168
- Babenko N.S., 2023. Grammaticheskii stroi nemetskogo yazyka s pozitsii konstruirovaniya idioetnichnosti ego svoistv [Grammatical Structure of German Language from the Perspective of Constructing the Idioethnicity of its Properties]. *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov* [Yearbook of the Russian Union of Germanists], vol. 20, pp. 15-39. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-15-39
- Baranov A., Dobrovolskiy D., 2023. Principles of Describing Obscene Idioms. *Russian Linguistics*, vol. 47, no. 1, pp. 1-14. DOI: 10.1007/s11185-022-09266-5
- Belyakov D.A., Eliseeva U.V., Bodryagina A.D., 2020. K voprosu o leksike sotsialnykh setei v sovremennom nemetskom yazyke [On the Vocabulary of Social Networks in the Modern German Language]. *Naukosfera*, no. 11-1, pp. 174-182.
- Doynikova M.I., 2022. Osnovnye tendentsii v izmenenii obshchego slovarya nemetskogo

- yazyka [Main Trends in Changes to the General Word-Stock of the German Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 15, no. 2, pp. 464-468. DOI: 10.30853/phil20220053
- Grigoryeva L.N., 2021. Sravnitelnyy lingvokulturologicheskiy analiz nemetsko- i russkoyazychnykh slov i antislov goda [Comparative Culture Linguistics Analysis of German and Russian Words and Un-Words of the Year]. *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: sb. nauch. st.* [German Philology at St. Petersburg State University: Collection of Research Articles], iss. XI. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 15-35.
- Guseynova I.A., Gorozhanov A.I., 2023. Novye podkhody k perevodcheskoy teorii i praktike (iz opyta sozdaniya uchebnogo posobiya «osnovy praktiki pismennogo perevoda s nemetskogo yazyka na russkiy yazyk») [New Approaches to Translation Theory and Practice (From the Experience of Creating an Exercise Book “Foundations of Written Translation Practice from German into Russian Language”)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 22. Teoriya perevoda* [Lomonosov Translation Studies Journal, No. 22 Translation Studies], vol. 16, no. 2, pp. 7-24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24
- Kalinin O.I., Prikhod'ko M.V., 2023. Kontent-analiz kak metod issledovaniya informatsionnoy voyny (na materiale reprezentatsii kitaisko-amerikanskoj trgovoy voyny v mediadiskurse KNR i SShA) [Content Analysis as a Method of Information War Research (Based on the Representation of the Sino-American Trade War in the Media Discourse of the PRC and the USA)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 12 (880), pp. 39-47.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Gnosis Publ. 392 p.
- Karasik V.I., 2023. Diskursivnye emblemy kak obyekt semioticheskogo analiza [Discourse Emblems as the Object of Semiotic Analysis]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 14, no. 4, pp. 1122-1138. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1122-1138
- Kraeva I.A., Lapteva N.E., Bud'ko A.F. et al., 2022. *Germanistika i lingvodidaktika v Moskovskom i Minskom gosudarstvennykh lingvisticheskikh universitetakh: istoki, razvitie, perspektivy* [Germanistics and Linguodidactics at Moscow and Minsk State Linguistic Universities: Origins, Development, Prospects]. Kazan, Buk Publ. 286 p.
- Manik S.A., 2023. Sovremennaya leksikografiya v epokhu CHAT GPT [Contemporary Lexicography in CHAT GPT Era]. *Nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost v klassicheskom universitete – 2023: traditsii i innovatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. fest., Ivanovo, 10–28 aprelya 2023 g.* [Research Activities in a Classical University – 2023: Traditions and Innovations: Proceedings of the International Scientific and Practical Festival, Ivanovo, April 10–28, 2023]. Ivanovo, Ivan. gos. un-t, pp. 519-524.
- Nefedova L.A., Kustova A.M., 2021. «Antislovo» goda kak osoby vid lingvisticheskoy refleksii v Germanii i Avstrii [Un-Words of the Year as Special Type of Linguistic Self-Reflection in Germany and Austria]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, vol. 17, no. 1 (51), pp. 45-54.
- Schlosser H.D., 2007. Unwörter des Jahres – Sprachkritik zwischen Linguistik und Politik. Reimann S., Kessel K., Hrsg. *Wissenschaften in Kontakt. Kooperationsfelder der Deutschen Sprachwissenschaft*. Tübingen, S. 288-297.
- Syt'ko A.V., 2023. *Deonticheskoe vyskazyvanie: semanticheskie kharakteristiki i pragmaticheskii potentsial na materiale russkogo i nemetskogo yazykov* [Deontic Statements: Semantic Characteristics and Pragmatic Potential in Russian and German Languages]. Minsk, Minsk. gos. lingvist. un-t. 247 p.
- Titkova O.I., 2014. Rekurrentnye yazykovye edinity v institutsionalnoy kommunikatsii [Recurrent Language Units in Institutional Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 9 (695), pp. 173-182.
- Urtaeva E.B., 2024. Kommunikatsionnaya politika v interesakh sovremennogo rossiyskogo gosudarstva [Communication Policy in the Interests of the Modern Russian State]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration], vol. 13, no. 1 (46), pp. 199-204.
- Vinogradov V.V., 1938. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th – 19th Centuries]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 528 p.

Information About the Authors

Innara A. Guseynova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Language Lexicology and Stylistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, ginnar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

Alexey I. Gorozhanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Language Grammar and History, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

Информация об авторах

Иннара Алиевна Гусейнова, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, ginnar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

Алексей Иванович Горожанов, доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.8>

UDC 81'25:821
LBC 81.18

Submitted: 15.01.2024
Accepted: 13.05.2024

LINGUACULTURAL PATTERNS OF FOREIGNNESS VERBALIZATION IN SOURCE TEXT AND ITS TRANSLATION IN THE LITERARY DISCOURSE

Marina Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The category of “foreignness”, being the extreme form of “otherness” manifestation, is examined in the article through the peculiarities of its representation in translated fiction. The images of characters and the surrounding them narrative picture embody the “alien” motive at the level of contents and linguistic-and-stylistic structure of the text, which provokes certain difficulties in choosing lexical equivalents in translation. The purpose of the study is to identify linguacultural patterns of “foreignness” verbalization in the literary discourse and to describe translation techniques that enable the conveyance of “otherness” in translation. The empirical basis of the study consists of more than 50 contexts obtained by continuous sampling method from the Russian National Corpus, a subcorpus of parallel texts in Russian and German, applying the specified search parameters: “chuzhoj” / “chuzhdyj” (“foreign” / “alien”) and their derivatives. Based on the classification of types of foreignness proposed by B. Waldenfels, it is shown that objectification of familiar, structural and radical foreignness in the factual material is realized through toponyms, realia, foreign language inclusions, precise vocabulary, adjectives with positive, neutral or negative connotations. Familiar foreignness is noted to be subjected to functional translation using full equivalents, generalization and description. Language forms of structural and radical foreignness require differentiation of meanings, choosing contextual analogues and holistic transformation.

Key words: otherness in translation, familiar foreignness, structural foreignness, radical foreignness, translation techniques.

Citation. Fadeeva M.Yu. Linguacultural Patterns of Foreignness Verbalization in Source Text and Its Translation in the Literary Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 96-105. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.8>

УДК 81'25:821
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 15.01.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЧУЖЕСТИ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Марина Юрьевна Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению закономерностей репрезентации чужести – крайней формы проявления категории инаковости – в пространстве переводной художественной литературы. Мотив «чужого» воплощается на уровне содержания и лингвостилистической структуры текста в образах персонажей и окружающей их картине повествования, что создает сложность при подборе лексических эквивалентов в переводе. Цель исследования – установить лингвокультурные закономерности вербализации чужести в художественном дискурсе и охарактеризовать переводческие приемы, позволяющие передать инаковость в трансляте. Эмпирической базой исследования послужили контексты, полученные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка, подкорпуса параллельных текстов на русском и немецком языках по заданным параметрам поиска «чужой» / «чуждый» и их производных. На основе предложенной Б. Вальденфельсом классификации видов чужести показано, что объективация повседневной, структурной

и радикальной чужести в фактическом материале осуществляется за счет топонимов, реалий, иноязычных вкраплений, прецизионной лексики, прилагательных с положительной, нейтральной или негативной коннотацией. Установлено, что повседневная чужесть подлежит функциональному переводу за счет полных соответствий, генерализации, описания. Языковые формы структурной и радикальной чужести требуют дифференциации значений, подбора контекстуальных аналогов и целостного преобразования.

Ключевые слова: инаковость в переводе, повседневная чужесть, структурная чужесть, радикальная чужесть, приемы перевода.

Цитирование. Фадеева М. Ю. Лингвокультурные закономерности вербализации чужести в оригинале и переводе на примере художественного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 96–105. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.8>

Введение

Инаковость, актуализирующая в человеческом сознании дихотомию «свой – чужой», представляется лингвистами в виде градуальной оппозиции «свой : иной – другой – чужой» с учетом коммуникативной ситуации и степени проявления аксиологического признака в таких областях, как принадлежность / пространство / вид / образ действия [Свинкина, 2016]. Инаковость преимущественно имплицитна, однако в некоторых контекстах она может стать эксплицитной, благодаря определенным языковым, в том числе и стилистическим средствам [Кислякова и др., 2023].

Язык позволяет исследователям выявить сходные и отличительные признаки феномена инаковости в разных лингвокультурах на основе критериев абстрактности / конкретности, наличия / отсутствия эмоциональной окраски, специфики семантического наполнения понятия, являющегося членом оппозиции. Инаковость определяется через смыслополагание и является лингвокультурной категорией, отражающей содержательные различия, проявляющиеся в образе жизни того или иного этноса, приверженности определенным традициям и обычаям. Именно это обуславливает научный интерес к способам объективации инаковости в художественном переводном дискурсе, в котором языковая и культурная картины мира этноса находят наиболее яркое выражение.

Изучением и типологизацией этнических образов, представленных как в национальной, так и зарубежной художественной традиции, занимается имагология. На основе анализа литературных сюжетов ставится вопрос о механизме формирования инаковости и про-

типировании гетерообразов, что объясняется прямой связью между национальной идентичностью и противопоставляемой ей самостью *другого*.

Способы передачи инаковости изучаются в трудах российских и зарубежных лингвистов, опубликованных в последние десятилетия. Так, С.Д. Камалова исследует на материале англоязычной художественной литературы о палестинско-израильском конфликте образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии – сравнительно недавно сформировавшегося научного направления [Камалова, 2019], Э.Т. Костоусова характеризует способы кодирования иноязычных вкраплений в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и его переводах на немецкий язык [Костоусова, 2023]. Стратегии перевода, направленные на передачу инаковости или ее нивелирование, стали предметом исследования, проведенного О. Салливаном, который сопоставил переводы «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла на немецкий язык, выполненные Робертом Гайем Лионелом Барретом в 1922 г. и Францем Сестером в 1949 году. В переводе Баррета наблюдается вольное переложение сюжета произведения: английское *Mad Tea Party* (безумное чаепитие) превращается в немецкое *Kaffee kränzchen* (кофейная вечеринка), *Mad Hatter* (Безумный Шляпник) – в немецкого сапожника *Meister Pechfaden*, а *March Hare* (Мартовский заяц) – в *Osterhase* (Пасхальный кролик). Перевод Ф. Сестера отражает принципы политики денацификации. Поэтому неудивительно, что текст перевода на 30 % превосходит оригинал по объему, что объясняется сохранением всех английских реалий с добавлением переводческих комментариев: например, о правилах игры в крокет, или о том,

почему персонаж сказки носит имя *Mock Turtle* (Черепаха Квази) [O'Sullivan, 2016]. Переводчики по-разному подошли к передаче чужой для немецкого читателя «английскости», а немецкие переводы «Алисы в Стране чудес», выполненные в разные исторические периоды, являются отражением базовых стратегий перевода: доместикации и форенизации.

И. Полан обращается к рассмотрению перевода в социогуманитарных науках в сопоставительном аспекте российских и немецких научных школ и выделяет две тенденции в переводе: универсализацию и культурализацию. Автор подчеркивает, что текст перевода характеризуется понятиями «идентичность» (*Identität*) и «другость» (*Alterität*), поэтому перевод следует расценивать не как продукт различия, а скорее, как деятельность по подбору сходных единиц и выражаемых ими смыслов. Культурное и языковое многообразие приводят к множественной дифференциации, в то время как перевод выступает формой «сцепления» альтеритарных сущностей; имея тенденцию к присвоению или отторжению, ассимиляции или отчуждению, различию или сходству [Pohlan, 2019]. Выявлению культурных различий посвящена работа А. Ташинского «*Literarische Übersetzung als Universum der Differenz*», в которой сопоставлен оригинальный текст романа И.А. Гончарова «Обломов» и трех версий его переводов на немецкий язык. На основе интерпретативного подхода и с позиции дескриптивной лингвистики автор приходит к выводу о невозможности достижения полной эквивалентности между транслатом и «священным» оригиналом [Tashinskiy, 2018].

«Образ» героя художественного произведения, который складывается у реципиента после ознакомления с текстом перевода, частично обусловлен действиями переводчика [Прунч, 2015; Soenen, 1985]. По мнению Т. Лященко, при переводе культуроемких смыслов единица перевода может быть представлена как трехслойный мегаконцепт художественного произведения, состоящий из концептуального, образного и оценочного компонентов. Переводчик проецирует отличительные черты культуры на картину мира целевого лингвокультурного сообщества, а также осуществляет выбор глобальной и/или локальной

стратегии перевода. Языковая и культурная эквивалентность приводят к созданию идеального мегаконцепта целевого текста [Liashenko, 2021]. Справедливым следует признать утверждение А. Лефевра о том, что перевод – это самая значимая из всех форм пересоздания, поскольку он способен проецировать образ автора и его произведения в иную культурную среду, расширяя границы восприятия этого автора и произведений за пределы породившей их культуры [Lefevre, 1995, p. 9].

Чужое в художественном нарративе может предстать в одном из трех проявлений: как потустороннее, принципиально недоступное; как неизвестное внешнее, которое противопоставляется привычному пространству; и, наконец, как вторжение во внутреннее пространство, определяемое как собственное [Hrnjez, 2017]. Передавать сообщение с одного языка на другой значит способствовать изменению укоренившихся представлений о *чужом*: существующие стереотипы, ожидания, страхи могут быть изменены (исправлены, усилены, увековечены и т. д.) в процессе перевода и посредством перевода [Witte, 2017, p. 73].

Несмотря на то, что изучение способов, приемов, стратегий передачи чужести в переводном художественном тексте уже имеет свою традицию, мало изученной остается проблема трансляции инаковости с сохранением различных видов чужести, заложенных автором литературного произведения. Цель исследования заключается в выявлении лингвокультурных закономерностей вербализации чужести в художественном дискурсе и описании переводческих приемов, позволяющих сохранить заданную инаковость в транслате.

Материал и методы

Исследование выполнено в русле лингвистической имагологии, в фокусе которой находятся вопросы репрезентации национальных образов в текстах культуры средствами языка [Камалова, 2018].

В качестве методологической основы принята классификация инаковости Б. Вальденфельса [Waldenfels, 2006].

Чужое воплощается на уровне содержания и лингвостилистической структуры текста в образах персонажей и окружающей их

картине повествования, что создает определенную сложность при подборе лексических эквивалентов в переводе. Согласно положениям феноменологии инаковости Б. Вальденфельса выделяют повседневную, структурную и радикальную чужесть.

Повседневная чужесть проявляется в границах собственного миропорядка и предполагает пробелы в уровне знаний читателя, которые можно легко устранить с помощью информационного поиска. В художественном дискурсе вербализовывать чужесть могут географические названия, исторические отсылки / аллюзии, имена национальных лидеров, общественных деятелей. Недостаток фактологической информации может быть легко восполнен, в результате чего повседневная чужесть рассматривается как страноведческий аспект, обогащающий знания читателя о другой культуре. Однако повседневная чужесть не только дает информацию, но и корректирует прочно устоявшиеся образы «другого», предрассудки и стереотипы, благодаря которым человек избегает неопределенности через конфронтацию с инаковостью. Чужесть усиливается, если в процессе восприятия происходит разделение на «свой мир» и «чужой мир», находящийся вне собственного порядка.

Структурная чужесть означает неопостижимость форм восприятия и ситуаций действия, с которыми «горизонт знаний» реципиента не может справиться, что создает неопределенность и затрудняет коммуникацию. По мнению Б. Вальденфельса, неопределенность в интеракции со структурной чужестью порождается «когнитивным дистанцированием», поскольку «мы называем инаковостью то, что разочаровывает ожидания от привычного хода событий» [Waldenfels, 2006, S. 91]. На этом уровне *чужесть* не может быть «снято» дополнительной информацией; оно требует от реципиента глубокого «ознакомления» со смыслом другой культуры, обращения к соответствующей культурной памяти, которая также включает в себя подавленное и забытое, к соответствующему своду правил, к каталогам норм и ценностей, которые даже не отражены сознательно в самой соответствующей культуре, что делает их еще более труднодоступными. Поэтому обращение к *другому / чужесть* коду может быть успешным лишь отчасти.

Радикальная чужесть вербализуется в художественных текстах по-разному. Она может выступать как тема или мотив текста, как так называемый пограничный феномен, который сталкивает героев с радикально чуждым, или как неосознанное, не поддающееся интерпретации. Она проявляет себя как «слепое пятно культуры», как нечто забытое, патологическое, о чем официально не говорят.

Материалом исследования послужили 55 контекстов, извлеченных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка, подкорпуса параллельных текстов на русском и немецком языках, датированных 1995–2015 гг., по заданным параметрам поиска *чужесть* / *чуждый* и их производных.

В соответствии с поставленной целью исследования применялись методы лексико-семантического и контекстуального анализа художественного текста, исследовательского нарратива, сравнительно-сопоставительный и лингвостилистический методы.

Результаты и обсуждение

Охарактеризуем оригинальные и переводные контексты с выраженным феноменом чужести. Повседневная чужесть имеет место в случае, если субъект представляется незнакомым, непривычным. При этом лексема *чужесть* употребляется с нейтральной коннотацией и передается на русский язык эквивалентно:

(1)

Немецкий:

Schrecklich war nicht, dass er bei unseren Treffen in der Vergangenheit nicht der Großvater war, den ich gekannt hatte, sondern eine Art unfertige Version von ihm, schrecklich war es deshalb, weil ich für ihn **eine völlig fremde Person** war.

Русский:

Ужасным было не то, что при наших встречах он был не тем дедушкой, которого я знала, а его незрелой версией, ужасным было то, что я для него была **совершенно чужесть** (Kerstin Gier. Smaragdgrün, 2010 | Керстин Гир. Изумрудная книга, С. Вольштейн, 2013).

Повседневная чужесть может иметь также положительную оценку, вызывая удивление, интерес и желание поближе узнать Другого. На уровне текста это могут выражать прилагательные с положительной коннотацией,

метафорическое сравнение, подчеркивающее красоту *чужого*, иностранного языка.

(2)

Немецкий:

Dem Zopf verdankte sie ihren Namen: Wespe. Einen anderen wollte sie nicht. »Ich glaube, wir haben alles«, sagte sie **mit ihrer leisen rauhen Stimme, die Prosper sofort gemocht hatte, selbst als er noch kein Wort von der fremden Sprache verstanden hatte, die ihr so schnell und leicht über die Lippen kam.**

Русский:

Этой косице она и обязана была своим прозвищем – Оса. И ни на какие другие имена отзываться не желала. – По-моему, всё взяли, – сказала она наконец **своим тихим, с хрипотцой голосом, который сразу так понравился Просперу, даже когда он еще ни слова не мог разобрать на этом чужом, непонятном языке, что так легко и быстро лился с ее уст** (Cornelia Funke. Herr der Diebe, 2002 | Корнелия Функе. Король воров, М.Л. Рудницкий, 2004).

Чужой может быть противопоставлен *своему* по признаку пространственной принадлежности, то есть *чужой* представляется далеким, нездешним, что совпадает со значением *fremd* – einer anderen Gegend angehörend, aus einem anderen Land, Volk, Ort, einer anderen Gegend stammend (DWDS) (принадлежащий другой территории, происходящий из другой страны, относящийся к другому народу, месту, местности (перевод наш. – М. Ф.)).

(3)

Русский:

Именно на Черное море, а не на далекие острова чужих теплых океанов, люблю, когда вокруг родная речь...

Немецкий:

Irgendwohin ans Schwarze Meer, bloß nicht auf eine dieser fernen Inseln in fremden warmen Ozeanen – ich mag es nun mal, wenn man um mich herum Russisch spricht (Сергей Лукьяненко. Ночной дозор, 1998 | Sergej Lukianenko. Wächter der Nacht, Christiane Pöhlmann, 2005).

Еще одной интерпретацией чужести может быть *чужой* в значении «не соответствующий норме, странный». На лексическом уровне данное толкование объективируется посредством топонимов, инокультурных имен собственных, описательных словосочетаний с глаголами и прилагательными с семантикой «страха», «неприятности».

(4)

Немецкий:

Veronika hat früh geheiratet und lebt nun schon lange mit ihrem Mann in Kalifornien. Die drei Enkel sprechen kein Deutsch. Es war einmal die Rede davon, daß sie in Heidelberg studieren sollten, aber daraus wurde nichts. **Hugo bestaunt die amerikanischen Sportskanonen, die auch mir sehr fremd sind.** Als ich noch jünger war, flog ich ein paarmal nach L. A. Mein Schwiegersohn arbeitet als Konstrukteur in der Flugzeugindustrie, er heißt Walter M. Tyler, und sie haben drei Söhne: Mike, John und Benjamin. **Ich geniere mich ein wenig, weil sie ganz kleine kurzgeschorene Köpfe und gewaltige Brustkästen haben.**

Русский:

Вероника рано вышла замуж и уже давно живет с мужем в Калифорнии. Трое ее отпрысков не говорят ни слова по-немецки. Они подумывали было приехать учиться в Гейдельберг, но ничего из этого не вышло. **Хуго с удивлением разглядывает трех юных спортивного вида американцев, которые мне кажутся почти чужими.** Когда я была помоложе, то пару раз летала в Лос-Анджелес. Мой зять инженер-конструктор, работает в гражданской авиации, зовут его Уолтер М. Тайлер. У них три сына: Майк, Джон и Бенджамин. **Я их как-то даже побаиваюсь, у них маленькие коротко остриженные головки, посаженные на широченные плечищи** (Ingrid Noll. Kalt ist der Abendhauch, 1996 | Ингрид Нолль. Прохладой дышит вечер, Анна Кукес, 2003).

Репрезентация структурной чужести осуществляется за счет включения в текст реалий, фразеологизмов, имен собственных. Лексема *чужие* передается на немецкий язык при помощи функциональных аналогов *Fremdkörper* (инородное тело) и *Ausländer* (иностранцы), что можно расценивать как удачное переводческое решение, обусловленное неполным совпадением семантики слов *чужой* / *fremd* в русском и немецком языках в анализируемом контексте.

(5)

Русский:

Узел пуганый. Сколько раз Государь разрубить его захватывался, да все свои мешали, руку удерживали. И не токмо свои, но и свои. И чужие. Да и просто – чужие... – Имел я полчаса тому разговор с Чжоу Шень-Мином. Друг мой, властитель Поднебесной, обеспокоен положением китайцев в Западной Сибири.

Немецкий:

Gordischer Knoten. Wie oft hat der Gossudar sich schon angeschickt, ihn zu zerhauen, und immer waren es die eigenen Leute, die ihm in den Arm fielen.

Aber so ganz die eigenen eben doch nicht. Fremdkörper. Wenn nicht überhaupt Ausländer...

Vor einer halben Stunde hatte ich eine Unterredung mit Zhou Shen Ming. Mein Freund und Herrscher im Reich der Mitte zeigt sich beunruhigt über die Situation der Chinesen in Westsibirien (Владимир Сорокин. День опричника, 2006 | Vladimir Sorokin. Der Tag des Opritschniks, Andreas Tretner, 2008).

Одним из маркеров структурной чужести являются иноязычные вкрапления в форме бесперевода лексических единиц или словосочетаний одного языка в другом. Примечательно, что в примере ниже иноязычные вкрапления сохраняются в тексте перевода в оригинальном виде, сигнализируя об иностранном происхождении героя романа. Реалии британской культуры передаются при помощи транслитерации, функциональных аналогов и описательного перевода. При описании *учителя на замену (Aushilfslehrer)* в тексте перевода используется контекстуальный аналог *чужой учитель*, имеющий скорее отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию.

(6)

Немецкий:

Daß er uns auf Englisch einen guten Morgen wünschte, erfreute wohl alle von uns, und ich dankte ihm still dafür, daß er gleich zu Anfang das traurige Mißgeschick **von Frau Petersen erwähnte** – **»her sad misfortune«** – und ihr baldige Genesung wünschte. <...> Mister Fitzgibbon dankte dir ausdrücklich für deine Wahl; ich mußte glauben, daß er uns beglückwünschte, dich als Lehrerin zu haben. Erstaunt war ich, als er von uns heraushören wollte, was wir über England wußten, Stella hatte uns darauf hingewiesen, daß besonders den Deutschen daran gelegen war, zu erfahren, was man über ihr Land dachte, während man vergeblich auf die Frage eines Engländers warten mußte: **How do you like mycountry? Der Aushilfslehrer** hatte jedenfalls diese Frage gestellt – wie er unseren Wissensstand beurteilte, haben wir nie erfahren; was er erfuhr, wird ihm aber bestimmt zu denken gegeben haben. Seine Verblüffung weiß ich noch, sein sparsames Lächeln, seine Zustimmung: Was wißt ihr über England? **Ein altes Königreich, Manchester United, Lord Nelson und der Sieg bei Trafalgar, Mutter der Demokratie, Wettleidenschaft, die Whigs und die Torys, Kopfbedeckung der Richter, Gärten, zählte Peter Paustian dann weiter auf, englische Gärten** – er war mit seinen Eltern einmal auf der Insel gewesen –, ferner Fairneß und aufgegebene Kolonien.

Русский:

То, что он поздоровался с нами по-английски, всех нас, пожалуй, порадовало, и в душе я был благодарен ему, что он с самого начала упомянул о **печальной судьбе фрау Петерсен – «her sad misfortune»** – и пожелал ей скорейшего выздоровления. <...> Мистер Фицгibbon искренне благодарил тебя за твой выбор; мне казалось, он поздравил нас с такой учительницей, как ты. Я удивился, когда он захотел услышать от нас, что мы знаем об Англии. Стелла обращала наше внимание на то, что для немцев особенно характерно желание знать, что думают другие об их стране, тогда как от англичанина еще придется подождать вопроса: **«How do you like my country?» Чужой учитель**, однако, сразу задал этот вопрос – как он расценил степень наших познаний, мы так и не узнали; но то, что узнал он, определенно заставило его задуматься. Я хорошо помню его удивление, его сдержанную улыбку, его одобрение. Что вы знаете об Англии? **Старинное королевство, «Манчестер Юнайтед», лорд Нельсон и его победа в Трафальгарской битве, мать демократии, страсть к спортивным соревнованиям, виги и тори, парики «аллонжи» у английских судей, скверы, старательно перечислял Петер Паустиан, английские парки** – он бывал со своими родителями на острове, – безупречное благородное поведение и бывшие английские колонии (Siegfried Lenz. Schweigeminute, 2008 | Зигфрид Ленц. Минута молчания, Г.М. Косарик, 2011).

Радикальная чужесть отражает крайнюю степень несоответствия норме, расхождения с канонами, традицией. Радикально чужой не поддается сравнению, воспринимается странным, непостижимым. Так, например, в волшебном мире, созданном К. Майером, главная героиня Деа чувствует себя Посторонней, аутсайдером (*Außenseiter*). В тексте перевода происходит сужение сферы референции номинативной единицы и в качестве контекстуального аналога используется лексема *чужой*, сохраняющая аксиологическую маркированность, но в более мягкой форме. Сравним примеры ниже:

(7)

Немецкий:

Dea war bei den anderen niemals besonders beliebt gewesen, trotz ihres hübschen Aussehens. Die Abneigung der Dörfler war eines der wenigen Dinge, die sie mit ihrer Mutter gemeinsam hatte. Gewiss, der eine oder andere Junge schaute ihr manchmal hinterher, wenn ihr langes rotes Haar an ihm vorüberwehte, doch das war auch schon alles. **Sie fühlte sich als Außenseiter, heute Nacht noch mehr als je zuvor.** Der Pferdewagen des

Hexenjähgers stand nicht mehr vor dem Wirtshaus. Der Knecht musste das Ross in den Stall gebracht haben. Dea ließ ihren Blick über die Fensterhüte des Gasthofs schweifen, aber nirgends flackerte Kerzenschein.

Русский:

Деа никогда не пользовалась особой любовью у односельчан, несмотря на то что была очень хороша собой. Так же неприязненно деревенские жители относились и к ее маме; пожалуй, только в этом они и были похожи друг на друга. Правда, тот или иной парень глядел иногда вслед девчонке, когда она проходила мимо и ее длинные рыжие волосы развевались на ветру у него перед носом, но этим все и кончалось. **Она чувствовала себя чужой, а сегодня ночью больше, чем когда-либо.** Перед трактиром уже не было повозки охотника за ведьмами. Наверное, работник отвел коня на конюшню. Деа обошла трактир, заглядывая в окна, но нигде не увидела света зажженной свечи (Kai Meyer. *Jenseits des Jahrtausends*, 1999 | Кай Майер. По ту сторону тысячелетия, Д.Г. Гугин, 2004).

Обратим внимание, что немецкая словарная единица *Außenseiter* имеет следующее толкование: die außerhalb oder am Rande der Gesellschaft bzw. einer Gruppe lebende Person; eine Person, die nicht Teil einer Gruppe ist und eigene Wege geht, eigene Ziele verfolgt (DWDS) (лицо, ведущее жизнь вне или за крайними пределами общества, общественной группы; лицо, не являющееся частью группы, идущее своей дорогой и преследующее собственные цели (перевод наш. – М. Ф.)). В основе номинации лежит признак экзогенности, непринадлежности к определенной социальной группе без потенциала к сближению.

Нормативность выступает ключевой характеристикой семантического поля радикальной чужести. Русское понятие *чужой* в его крайней форме градации может передаваться немецким контекстуальным соответствием *Außerdischer / инопланетянин*, то есть человекообразный пришелец.

(8)

Русский:

Ничего, кроме планеты, на которой он находился. Мартин подхватил с пола рюкзак и пошёл к дверям. За его спиной компьютерная консоль плавно исчезала в полу, уступая место совсем уж архаичной конструкции – сотням цветных рычажков на трёх наборных барабанах из чёрного лакового эбонита. Это значило, что **к Вратам шёл чужой**. И Мартин, совершенно случайно, даже знал, какой имен-

но. С геддаром он столкнулся в коридоре, за второй шлюзовой дверью. Высокая и на человеческий взгляд – нескладная фигура. **Лицо почти человеческое, только глаза посажены слишком широко и ушные раковины геометрически правильной формы, полукружия, как на рисунках маленьких детей.**

Немецкий:

Nichts, bis auf den Planeten, auf dem er sich befand. Martin nahm seinen Rucksack vom Boden auf und ging zur Tür. Hinter ihm versank das Computerpult langsam im Boden, um einer reichlich archaischen Konstruktion Platz zu machen, die aus Hunderten von bunten Hebeln an drei kleinen Trommeln aus schwarz lackiertem Ebenholz bestand. Folglich **musste sich dem Tor ein Außerirdischer nähern**. Und rein zufällig wusste Martin, was für einer. Im Gang, hinter der zweiten automatischen Tür, stieß er denn auch auf einen Geddar, ein Wesen von hohem Wuchs und mit nach menschlichem Maßstab unförmiger Figur. **Das Gesicht wirkte beinah wie das eines Menschen, nur die Augen standen zu weit auseinander und die Ohrmuscheln zeigten eine gleichmäßig geometrische Form, einen Halbkreis, wie man ihn aus den Zeichnungen kleiner Kinder kennt** (Сергей Лукьяненко. *Спектр*, 2002 | Sergej Lukianenko. *Spektrum*, Christiane Pöhlmann, 2007).

Чужость включает в себя не только антропологические, но и социальные аспекты: чужой как бездомный, больной, беспомощный, криминальный. Радикально чужим для состоятельной семьи может представляться человек низкого социального статуса. «Нищий чужак» в тексте перевода передается словосочетанием *ein armer Schlucker* (бедный пьяница), имеющим пренебрежительную фамильно-разговорную окраску.

(9)

Русский:

Например, отца Элены. – А он что? Тоже Турбина не любит? – Этого я не знаю, но зато его самого не любит Катя Голованова. Она обоих родителей Элены характеризует одинаково: **снобы, которые ни за что не допустят проникновения в их клан нищего чужака.**

Немецкий:

Zum Beispiel Elenas Vater. – Was ist mit ihm? Mag er Turbin auch nicht? – Das weiß ich nicht. Ich weiß nur, daß Katja Golowanowa ihn nicht mag. **Sie bezeichnet Elenas Eltern beide als Snobs, die es niemals zulassen würden, daß ein armer Schlucker in ihren Clan eindringt** (Александра Маринина. *Смерть и немного любви*, 1995 | Aleksandra Marinina. *Tod und ein bißchen Liebe*, Natascha Wodin, 2003).

Таким образом, чужестъ является относительной категорией, требующей указания на объект или субъект противопоставления. Лексемы *чужой / fremd* и их производные выполняют различные композиционные функции, выступая атрибутивными и предикативными прилагательными, существительными, составными сказуемыми. Вербализация повседневной, структурной и радикальной чужести осуществляется за счет топонимов, реалий, иноязычных вкраплений, прецизионной лексики, прилагательных с положительной, нейтральной или негативной коннотацией. Рассмотрение видов чужести с опорой на классификацию Б. Вальденфельса позволяет определить аксиологический признак, лежащий в основе феномена инаковости, и обосновать выбор наиболее точного переводческого эквивалента.

Заключение

Имагология, имеющая предметом изучения образы «чужих» наций, стран, культур, субъектов, исследует чужестъ в разных измерениях и множественных формах литературного языка. Художественный дискурс характеризуется динамикой, интерпретируемостью и социологичностью, реализуя потребность читателя в ориентации в обществе, расширении знаний, развитии эмоционального интеллекта. В основе лингвокультурной категории чужести могут лежать как индивидуальные, так и коллективные социально-психологические образцы и стандарты поведения. Феномен инаковости в виде повседневной, структурной или радикальной чужести наиболее отчетливо прослеживается в художественном нарративе текста оригинала и его переводной версии.

Произведения художественной литературы способны дополнять или корректировать односторонние представления о культурной чужести и выступать инструментом межкультурного посредничества. В литературных текстах инаковость тематизируется и становится адресной, получая отражение своей многомерности в различных видах чужести. Она может проявляться не только содержательно, но и находить свое выражение на языковом уровне в топонимах, кулинарных терминах, во фразеологизированных словосоче-

таниях, в указаниях мер и весов, говорящих именах, аллюзиях на национальных лидеров или персонажей литературных произведений, регионалектах и диалектах.

Результаты анализа оригинальных и переводных контекстов в компаративном аспекте позволили определить следующие закономерности вербализации чужести: повседневная чужестъ маркируется лексемами *чужой / fremd* со значением пространственной принадлежности, происхождения, соответствия поведенческим нормам; структурная и радикальная чужестъ выражается посредством широкого синонимического поля с доминантой *чужой / fremd* (*иностранец / Ausländer*, *инопородное тело / Fremdkörper*, *посторонний / Außenseiter*, *инопланетянин / Außerirdischer* и др.) в значении непринадлежности к определенной социальной группе. Повседневная чужестъ, как правило, подлжит функциональному переводу за счет полных соответствий, генерализации, описания. Языковые формы структурной и радикальной чужести требуют дифференциации значений, подбора контекстуальных аналогов и целостного преобразования.

Перспектива исследования видится в расширении эмпирической базы в диахроническом аспекте с привлечением к анализу дополнительной языковой пары (русский – английский).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Камалова С. Д., 2018. Специфика понятийного аппарата имагологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10-1 (88). DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-1.5
- Камалова С. Д., 2019. Лингвоимагологический подход к мультикультурной литературе (на примере романов «Habibi» Наоми Шихаб Най, «Where the Streets Had a Name» Ранды Абдель-Фаттах и «Tasting the Sky: A Palestinian Childhood» Ибтисам Баракат) // Научный диалог. № 3. С. 69–85. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-69-85
- Кислякова Е. Ю., Гринев-Гриневиц С., Сорокина Э. А., Маджаева С. И., 2023. Коммуникативная категория инаковости: лингвокультурные и лингвоэкологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 1. С. 151–161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.12>

- Костоусова Э. Т., 2023. Способы кодирования иноязычных вкраплений в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и его переводах на немецкий язык // Вестник Марийского государственного университета. Т. 17, № 4. С. 517–522. DOI: 10.30914/2072-6783-2023-17-4-517-522
- Прунч Э., 2015. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической: пер. с нем. М.: Р. Валент. 512 с.
- Свинкина М. Ю., 2016. Градуальная оппозиция «свой – иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. № 6 (54). С. 94–105.
- Hrnjez S., 2017. Wie viel Fremdes in einer Übersetzung? Über zwei übersetzungsbezogene Paradigmen der Fremdheit // Fremdheit. Xenologische Ansätze und ihre Relevanz für die Bildungsfrage. [S. l.] : [s. n.]. S. 79–92.
- Lefevere A., 1992. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. L. ; N. Y. : Routledge. 176 p.
- Liashenko T., 2021. Zur Erschließung von Kultur in literarischen Texten aus translationsrelevanter Sicht (am Beispiel der deutschen Übersetzung der Erzählung ‚Таку вже Бог долюсудив‘ von Mychajlyna Roschkewytsch) // Linguistische Treffen in Wrocław. Vol. 20-2. S. 121–131. DOI: 10.23817/lingtreff.20-7
- O’Sullivan E., 2016. Englishness in German Translations of Alice in Wonderland // Interconnecting Translation Studies and Imagology. P. 87–107. DOI: 10.1075/btl.119.06sul
- Pohlan I., 2019. Translation in den Geistes- und Sozialwissenschaften zwischen Russland und Deutschland. Berlin : Frank & Timme. 285 S.
- Soenen J., 1985. Das »Image des anderen Landes« spielt beim Übersetzen fremder literarischer Werke eine wichtige Rolle // Babel. Vol. 31, № 1. S. 27–40.
- Tashinskiy A., 2018. Literarische Übersetzung als Universum der Differenz. Mit einer analytischen Studie zu deutschen Übersetzungen des Romans Oblomov von I.A. Goncharov. Berlin : Frank & Timme. 326 S.
- Waldenfels B., 2006. Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden. Frankfurt am Main : Suhrkamp. 134 S.
- Witte H., 2017. Blickwechsel. Interkulturelle Wahrnehmung im translatorischen Handeln. Arbeiten zur Theorie und Praxis des Übersetzens und Dolmetschens, Berlin, Frank & Timme. Bd. 86. 274 S.

ИСТОЧНИК

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

СЛОВАРЬ

DWDS – Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache.
URL: <https://www.dwds.de/wb/fremd>

REFERENCES

- Kamalova S.D., 2018. Spetsifika ponyatiynogo apparata imagologii [Specificity of the Conceptual Apparatus of Imagology]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 10-1 (88). DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-1.5
- Kamalova S.D., 2019. Lingvoimagologicheskij podkhod k multikulturnoy literature (na primere romanov “Habibi” Naomi Shikhab Nay, “Where the Streets Had a Name” Randy Abdel’-Fattakh i “Tasting the Sky: a Palestinian Childhood” Ibtisam Barakat) [Linguoimagological Approach to Multicultural Literature (Based on the Novels “Habibi” by Naomi Shihab Nye, “Where the Streets Had a Name” by Randa Abdel-Fattah and “Tasting the Sky: a Palestinian Childhood” by Ibtisam Barakat)]. *Nauchnyy dialog*, no. 3, pp. 69-85. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-69-85
- Kislyakova E. Yu., Grinev-Grinevich S., Sorokina E.A., Madzhaeva S.I., 2023. Kommunikativnaya kategoriya inakosti: lingvokulturnye i lingvoekologicheskie kharakteristiki [Communicative Category of Alterity: Linguocultural and Linguoecological Properties]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 1, pp. 151-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.12>
- Koustousova E.T., 2023. Sposoby kodirovaniya inoyazychnykh vkrapleniy v romane L.N. Tolstogo «Voyna i mir» i ego perevodakh na nemetskiy yazyk [Ways of Foreign Language Inclusions Coding in L. Tolstoy’s Novel “War and Peace” and its Translations into German]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], vol. 17, no. 4, pp. 517-522. DOI: 10.30914/2072-6783-2023-17-4-517-522
- Prunč E., 2015. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy* [Ways of Development of Western Translation Studies. From Linguistic Asymmetry to Political Asymmetry]. Moscow, R. Valent Publ. 512 p.
- Svinkina M. Yu., 2016. Gradualnaya oppozitsiya «svoynoy, drugoy, chuzhoynoy» v russkom i nemetskom yazykakh [Gradual Opposition “Own – Different,

- Another, Alien” in Russian and German Languages]. *Nauchnyy dialog*, no. 6(54), pp. 94-105.
- Hrnjez S., 2017. Wie viel Fremdes in einer Übersetzung? Über zwei übersetzungsbezogene Paradigmen der Fremdheit. *Fremdheit. Xenologische Ansätze und ihre Relevanz für die Bildungsfrage*. S. 1., s. n. S. 79-92.
- Lefevere A., 1992. *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London, New York, Routledge. 176 p.
- Liashenko T., 2021. Zur Erschließung von Kultur in literarischen Texten aus translationsrelevanter Sicht (am Beispiel der deutschen Übersetzung der Erzählung ‚Taku vzhe Boh dolyu sudyv‘ von Mychajlyna Roschkewytsch) [On the Development of Culture in Literary Texts from a Translation-Relevant Point of View (Using the Example of the German Translation of the Story “God Has Already Judged This Fate” by Mychajlyna Roshkevych)]. *Linguistische Treffen in Wrocław*, vol. 20-2, S. 121-131. DOI: 10.23817/lingtreff.20-7
- O’Sullivan E., 2016. Englishness in German Translations of Alice in Wonderland. *Interconnecting Translation Studies and Imagology*, pp. 87-107. DOI: 10.1075/btl.119.06sul
- Pohlan I., 2019. *Translation in den Geistes- und Sozialwissenschaften zwischen Russland und Deutschland*. Berlin, Frank & Timme. 285 S.
- Soenen J., 1985. Das »Image des anderen Landes« spielt beim Übersetzen fremder literarischer Werke eine wichtige Rolle. *Babel*, vol. 31, no. 1, S. 27-40.
- Tashinskiy A., 2018. *Literarische Übersetzung als Universum der Differenz. Mit einer analytischen Studie zu deutschen Übersetzungen des Romans Oblomov von I.A. Goncarov*. Berlin, Frank & Timme. 326 S.
- Waldenfels B., 2006. *Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 134 S.
- Witte H., 2017. *Blickwechsel. Interkulturelle Wahrnehmung im translatorischen Handeln. Arbeiten zur Theorie und Praxis des Übersetzens und Dolmetschens*. Berlin, Frank & Timme, Bd. 86. 274 S.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru>

DICTIONARY

Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/fremd>

Information About the Author

Marina Yu. Fadeeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Director of Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, fadeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Фадеева, кандидат филологических наук, доцент, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, fadeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.9>

UDC 81'32
LBC 81.11

Submitted: 01.03.2024
Accepted: 13.05.2024

COMBINABILITY AND STABILITY ANALYSIS OF LEXICAL UNITS BY STATISTICAL METHODS (EXEMPLIFIED BY THE VERB *TAKE*)

Marina S. Matytcina

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Igor V. Chekulai

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. This article is devoted to the issues related to the definition of stable word combinability in speech. The research relevance is sustained by the existing need in profound linguistic knowledge about the factors that determine the formation of stable relationships between the elements of a word combination. The English Web Corpus (enTenTen) and its subcorpora are chosen as the source. The authors consider bigrams of a two-word combination: the verb *take* with an adjacent word. In addition to a critical examination of the measures used to determine word cohesion, the nature of the relationships between collocation elements is analysed. Particular attention is paid to the comparison of collocations in subcorpora, which contain texts of different genres and topics. More than 100 bigrams obtained through the association measures *t-score*, *MI-score* and *Log Dice* are analysed. The *t-score* measure differs across the investigated subcorpora, which demonstrates the correlation of the findings with the size of the subcorpora. It is concluded that it is not possible to determine the degree of stability of the associative relationship in the bigrams of the verb *take* based on this measure alone. The data obtained using the *MI-score* and *Log Dice* measures show little difference between subcorpora, demonstrating their independence of the corpus size. The variable nature of the relationships between the collocation elements has been revealed to lie in the dependency of the degree of coherence of words in a word combination on the frequency of their occurrence in the texts of different genres, registers and modalities. Special attention is given to the issue of identifying the degree of effectiveness of the measures in extracting verb collocations and their application to specific professional tasks.

Key words: linguistic corpus, subcorpus, collocation, measures of association, English Web Corpus (enTenTen), *t-score*, *MI-score*, *Log Dice*.

Citation. Matytcina M.S., Prokhorova O.N., Chekulai I.V. Combinability and Stability Analysis of Lexical Units by Statistical Methods (Exemplified by the Verb *Take*). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 106-118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.9>

УДК 81'32
ББК 81.11

Дата поступления статьи: 01.03.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СТАТИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА *TAKE*)

Марина Станиславовна Матыцина

Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Россия

Ольга Николаевна Прохорова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Игорь Владимирович Чекулай

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам определения устойчивой сочетаемости слов в речи с применением различных мер ассоциации на примере лингвистического корпуса. Актуальность исследования обусловлена существующей в лингвистике потребностью углубления знаний о факторах, детерминирующих формирование устойчивых отношений элементов внутри словосочетания. В качестве источника избран *English Web Corpus (enTenTen)* и его подкорпусы. Материалом для анализа послужили биграммы двухсложного сочетания: глагола *take* с соседним словом. Наряду с критическим рассмотрением мер, используемых для установления связности слов, описан характер отношений между элементами коллокации. Особое внимание уделено сравнению коллокаций в подкорпусах, содержащих тексты разных жанров и тематики. Проанализировано более 100 биграмм, извлеченных посредством мер ассоциации *t-score*, *MI-score* и *Log Dice*. Установлено, что показатели меры *t-score* различаются в изучаемых подкорпусах, показывают зависимость полученных данных от размера подкорпусов. Делается вывод о том, что вычисление степени устойчивости ассоциативной связи биграмм глагола *take*, основанное только на этом показателе, невозможно. Данные, полученные с помощью мер *MI-score* и *Log Dice*, свидетельствуют о незначительной разнице между подкорпусами, что демонстрирует независимость таких показателей от размера корпуса. Выявлено, что вариативный характер отношений между элементами коллокации заключается в зависимости степени связности слов в словосочетании от частоты их встречаемости в текстах разных жанров, регистров и модальности. М.С. Матыциной подготовлен общий план исследования, осуществлен сбор необходимой информации из корпуса. О.Н. Прохоровой разработана методика анализа, выполнено обобщение материала. И.В. Чекулаем интерпретированы результаты проведенной научной работы.

Ключевые слова: лингвистический корпус, подкорпус, коллокация, меры ассоциации, *English Web Corpus (enTenTen)*, *t-score*, *MI-score*, *Log Dice*.

Цитирование. Матыцина М. С., Прохорова О. Н., Чекулай И. В. Возможности изучения сочетаемости и устойчивости лексических единиц статистическими методами (на примере глагола *take*) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 106–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.9>

Введение

В лингвистике и методике обучения иностранному языку устойчивой сочетаемости слов уделяется большое внимание, что выразилось в возникновении понятия «коллокация». Следует отметить, что соответствующий ему термин по-разному толкуется в словарях и в литературе по языкознанию.

Большинство определений отражает понимание коллокаций как сочетания двух или более слов, совместно появляющихся в тексте [Sinclair, 1991; Stubbs, 1995]. Р. Барчфилд, характеризуя лингвистическую концепцию У. Фаулера, пишет о том, что, по У. Фаулеру, термин *collocation* (коллокация) в лингвистическом аспекте впервые был употреблен Дж.Р. Фертом для обозначения совместной встречаемости отдельных слов. В работе *Modern English Usage* У. Фаулер приводит примеры часто встречаемых сочетаний отдельных слов и обозначает эту связность как неотъемлемую часть организации языка

[Burchfield, 1996, p. 158]. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics дает следующую трактовку коллокации: *a relation within a syntactic unit between individual lexical elements* (отношение между отдельными лексическими элементами внутри синтаксической единицы) и приводит следующий пример: *My computer hates me...*, где *computer* и *hates* находятся в отношениях коллокации к друг другу (The Concise..., 2014). И.А. Мельчук в работе «О терминах “устойчивость” и “идиоматичность”» говорит об устойчивости как о «сочетании определенных элементов, в котором эти элементы встречаются гораздо чаще, чем в других сочетаниях» [Мельчук, 1960, с. 73]. Кроме того, исследователь отмечает, что «все устойчивые сочетания относятся к несвободным, но не все несвободные сочетания являются устойчивыми (в узком смысле), то есть имеют высокую степень устойчивости» [Мельчук, 1960, с. 75].

Как показано в работе В.П. Захарова, устойчивость присуща всем сочетаниям, при

этом она варьируется от нуля до единицы. Устойчивость равна нулю, если элементы не встречаются в таком сочетании, и – единице, если оно постоянно воспроизводится в речи и один элемент предсказывает другой [Захаров, 2005]. Комплексный семасиологический и ономасиологический анализ коллокаций, проведенный Н.Л. Шамне и Л.Н. Ребриной, позволил получить информацию об их структурных, семантических и синтагматических характеристиках таких сочетаний: объектность, субъектность, внутренняя и внешняя переходность [Шамне, Ребрина, 2015]. Как считают С. Ханстон и С. Лавиоза, коллокация – это тенденция к расположению слов в тексте рядом друг с другом. Иными словами, они находятся вместе. Однако исследователи отмечают, что если два слова часто встречаются рядом, это не обязательно означает, что они имеют высокую степень связности. Например, для любого слова, по которому ведется поиск коллокатов, существует высокая вероятность того, что оно будет совпадать с некоторыми из наиболее часто встречающихся слов в английском языке, например *the*, *a* и т. д. Поэтому список коллокатов не следует принимать безоговорочно [Hunston, Laviosa, 2000]. По мнению С. Ханстона, коллокация – это тенденция к изменению значения слов при их совместном употреблении [Hunston, 2002, p. 68]. Американский лингвист Дж. Хилл отмечает распространенность коллокаций и их важность в изучении иностранного языка. Он утверждает, что коллокации могут составлять 70 % того, что мы говорим, слышим, читаем или пишем [Hill, 2000, p. 53]. Дж. Синклер исследует два принципа организации текста: принцип открытого выбора и принцип идиом [Sinclair, 1991]. Согласно принципу открытого выбора текст рассматривается как результат различных семантических комбинаций, где единственным сдерживающим фактором являются грамматические ограничения. В соответствии с данным принципом, в каждый слот может помещаться любое слово, ограниченное лишь грамматикой. Например, в грамматически правильно построенном сочетании переходного глагола и объекта любое слово может оказаться как в первом, так и во втором слоте. Принцип идиом заключается в наличии гораздо большего числа ограничений и сдерживающих факторов. В определен-

ной степени выбор одного слова определяет выбор другого слова [Sinclair, 1991]. Владение коллокациями позволяет пользователям употреблять статистически устойчивые словосочетания подобно носителям языка и, таким образом, производить впечатление на собеседников или читателей [Henriksen, 2013]. В ряде работ показано, что использование коллокаций снижает когнитивную нагрузку и позволяет направить когнитивную энергию на более важные аспекты языка, такие, как организация дискурса и успешное взаимодействие коммуникантов (см., например: [O'Keefe, McCarthy, Carter, 2007]).

Проблематика, связанная с наличием в языке коллокаций, начала активно изучаться с развитием корпусной лингвистики, которая позволила проверить на больших массивах текстов, как слова сочетаются друг с другом. Ученые отмечают, что посредством компьютерных программ «можно решать не только относительно простые задачи, типа построения частотного анализа или синтаксического и морфологического разбора текста, но и более сложные, такие как семантический анализ, автоматическое определение стиля текста или даже его возможного автора» [Филимонов и др., 2020, с. 57]. По мнению С. Ханстона и С. Лавиоза, важно помнить, что любая информация корпуса применима только к исследуемым данным [Hunston, Laviosa, 2000]. Она не обязательно может быть применена к языку в целом. С появлением корпусной лингвистики термин *collocation* стал обозначаться как статистическая сочетаемость (см., например: [Захаров, Хохлова, 2010]).

В настоящее время статистические методы все активнее используются для проведения исследований лексической сочетаемости слов. Поскольку информация об устойчивых словосочетаниях не всегда последовательно отражается в словарях и граница между ними и свободными словосочетаниями определяется достаточно субъективно, возникла и необходимость ввести некий порог устойчивости, выше которого словосочетание можно отнести к устойчивым, а ниже – к свободным. Использование статистических методов позволяет определить такой порог на основе больших корпусов и статистических показателей, обычно называемых статистическими мерами или мерами ассоциации (далее – МА). В.П. Захаров и М.В. Хохлова в работе «Ана-

лиз эффективности статистических методов обнаружения коллокаций в текстах на русском языке» отмечают, что меры ассоциации «учитывают как частоту совместной встречаемости, так и другие параметры, прежде всего частоту в данном корпусе каждого отдельного элемента» [Захаров, Хохлова, 2010]. Использование МА при извлечении коллокаций дает возможность проанализировать не только результаты в качественном и количественном аспектах, но и дать оценку «силе притяжения» слов [Hunston, 2002; McEnergy, Hardie, 2011].

При выявлении статистически устойчивых сочетаний с использованием инструментария лингвистического корпуса основным семантическим компонентом словосочетания признается изучаемое слово, а вспомогательным компонентом словосочетания, или коллокатом, значится слово, которое чаще всего сочетается с основным компонентом словосочетания в данном корпусе. Как отмечает П. Бейкер, размер диапазона контекстного окна влияет на количество выявленных коллокатов [Baker, 2006, p. 103]. Другими словами, если брать более широкий диапазон, то вероятность того, что в результаты будут включены слова, не будучи коллокатами, увеличивается. В этой связи представляется важным показать возможности корпуса в определении устойчивой сочетаемости слов, соотнести результаты, полученные на основе различных мер ассоциации, сравнить наиболее популярные меры.

Материал и методы

В данной статье предметом рассмотрения являются результаты автоматического выделения глагольных статистически устойчивых словосочетаний, в которых поисковым запросом является семантически главный компонент – глагол *take*, поскольку он образует большое количество сочетаний с разной степенью связанности. Исследование таких словосочетаний проводилось с помощью мер ассоциации *t-score*, *MI-score* и *Log Dice*, позволяющих оценить степень связанности компонентов словосочетания, с целью определения их эффективности.

Материалом для проведения исследования послужили данные бесплатной версии корпуса английского языка – English Web Corpus (EWC), состоящего из интернет-текстов различного

объема и содержания, который создан с использованием технологий, специализирующихся на сборе только лингвистически ценного веб-контента. Последняя версия корпуса состоит из 52 млрд слов. На рисунке 1 показан состав корпуса из наиболее часто посещаемых доменов верхнего уровня.

Информация об объеме корпуса приведена в таблице 1.

Корпус включает в себя несколько подкорпусов, которые представлены в таблице 2.

EWC содержит тексты разных жанров и тематики. Жанры письменной речи разделены на четыре группы: блоги, дискуссии, художественная литература, юридические тексты, новости, справочники и энциклопедии. Тематика текстов разнообразна: искусство, красота и мода, автомобили и велосипеды, культура и развлечения, экономика, финансы и бизнес, игры, здоровье, история, хобби, дом, семья и дети, природа и окружающая среда, домашние и дикие животные, политика и правительство, религия, наука, спорт, информационные технологии, путешествие и туризм и многое другое. Исследуемые жанры охватывают 17,5 % корпуса, то есть 10,8 млрд токенов. Темы составляют 12,2 % корпуса, то есть 7,5 млрд токенов. На рисунке 2 показана количественная представленность текстов корпуса разной тематики.

Несмотря на наличие десятков статистических мер, используемых для вычисления степени связанности между коллокатами, лишь немногие из них используются для исследований. Возможно, причина заключается в присутствии только некоторых статистических мер в программных средствах извлечения коллокаций в разных корпусах. В работе мы рассмотрим степень устойчивости ассоциативной связи биграмм глагола *take*, которая может варьироваться в зависимости от лингвистических условий (например, при наличии разных социальных и ситуативных характеристик), представленных в подкорпусах EWC, используя три меры ассоциации: *t-score*, *MI-score* и *Log Dice*. С этой целью, а также с целью проиллюстрировать влияние различных жанров, регистров и модальности на степень связанности компонентов словосочетаний, были выбраны четыре подкорпуса, составляющих наибольший процент от объема всего корпуса. Исследуемые подкорпусы представлены в таблице 3.

doc – Top-level domain (e.g. com)

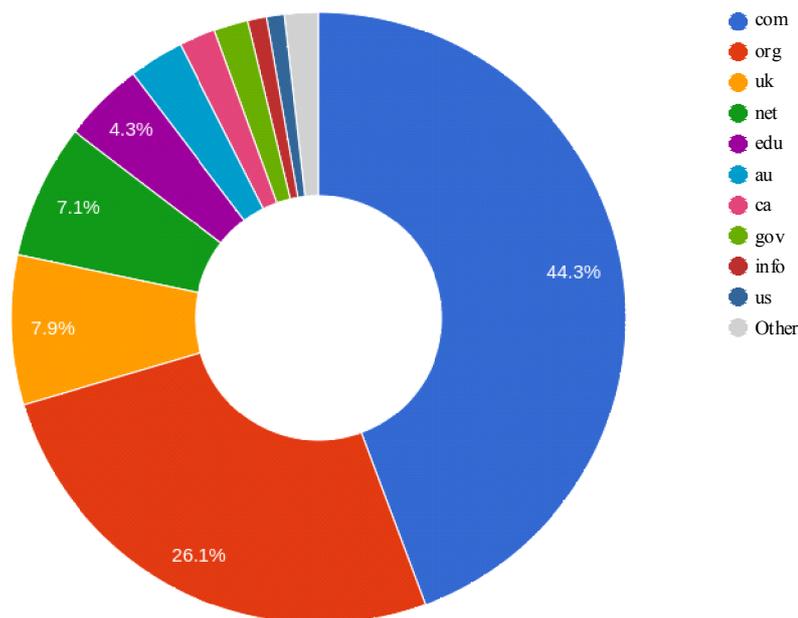


Рис. 1. Домены в составе EWC
Fig. 1. Domains within the EWC

Таблица 1. Количественная характеристика EWC

Table 1. Quantitative characteristics of the EWC

Единицы корпуса	Количество единиц
Токены	61,585,997,113
Слова	52,268,286,493
Предложения	2,852,972,274
Веб-страницы	120,252,162

Таблица 2. Список подкорпусов, имеющих в EWC

Table 2. List of subcorpora available in the EWC

Подкорпус	Токены	% в корпусе
Australian domain.au	1,083,884,536	1.76
Canadian domain.ca	1,279,711,284	2.078
EU domain.eu	178,200,834	0.289
English Wikipedia	2,781,502,596	4.516
Genre Blog	1,569,499,442	2.548
Genre Discussion	2,103,533,595	0.726
Genre Fiction	1,030,493,934	1.673
Genre Legal	652,370,863	1.059
Genre News	2,420,719,017	3.931
Genre Reference/Encyclopedia	3,047,342,438	4.948
Indian domain.in	275,247,190	0.447
Irish domain.ie	343,876,212	0.558
New Zealand domain.nz	318,843,917	0.518
Topic Arts	191,659,187	0.311
Topic Beauty & Fashion	54,111,137	3.06
Topic Cars & Bikes	293,808,521	0.477
Topic Culture & Entertainment	989,990,028	1.607

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Подкорпус	Токены	% в корпусе
Topic Economy, Finance & Business	511,642,058	0.831
Topic Education	235,276,797	0.382
Topic Games	398,193,384	0.647
Topic Health	480,090,118	0.78
Topic Hobbies	103,913,047	0.169
Topic Nature & Environment	1,034,647,808	2.399
Topic Pets & Animals	1,566,713,474	3.633
UK domain.uk	3,466,969,061	5.629
US domain.us	440,106,116	0.715

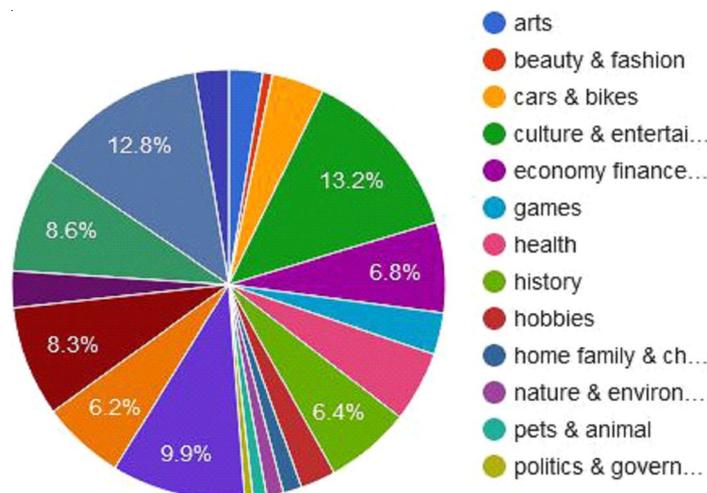


Рис. 2. Тематика текстов EWC
Fig. 2. Subject matter of the texts of the EWC

Таблица 3. Исследуемые подкорпусы EWC

Table 3. Studied subcorpora of the EWC

Подкорпус	Токены	% в корпусе
UK domain.uk	3,466,969,061	5.629
Genre Reference/Encyclopedia	3,047,342,438	4.948
English Wikipedia	2,781,502,596	4.516
Genre News	2,420,719,017	3.931

МА T-score. Лингвисты определяют *t-score* по-разному: например, как показатель «надежности коллокации» [Hunston, 2002, p. 73] или как «силу связи» между коллокациями, которая «проверяет нулевую гипотезу» [Wolter, Gyllstad, 2011, p. 436]. *T-score* характеризует «статистически значимые» коллокации, то есть те, которые появляются чаще, чем случайно. В исследовании использованы формулы расчета этих мер, предложенные В.П. Захаровым и М.В. Хохловой [Захаров, Хохлова, 2010]:

$$t\text{-score} = \frac{f(n,c) - \frac{f(n) \times f(c)}{N}}{\sqrt{f(n,c)}}$$

С. Ханстон отмечает, что данная мера учитывает наличие коллокации во всем корпусе и используется, когда нужно доказать ее существование как результат чего-то большего, нежели «причуды» конкретного корпуса [Hunston, 2002, p. 72]. Лингвисты отмечают, что мера *t-score* выделяет частотные сочетания слов [Durrant, Schmitt, 2009; Hunston, 2002; Siyanova, Schmitt, 2008].

Очевидным способом анализа распространности таких словосочетаний, по мнению ряда исследователей, значится вычисление абсолютной частоты, то есть фактического количества их употребления в тексте [Durrant, Schmitt, 2009, p. 167]. Несмотря на проведенную параллель между словосочетаниями, обнаруженными с помощью *t-score*, и абсолютной частотой, их нельзя рассматривать как равноценные. Показатель *t-score* дает четкое представление о коллокациях, имеющих устойчивую ассоциативную связь и появляющихся в корпусе чаще, чем случайно. Однако С. Ханстон и С. Лавиоза отмечают, что *t-score* показывает только те слова, которые важны для ключевого слова, а не те, для которых ключевое слово является важным [Hunston, Laviosa, 2000]. Согласно С. Ханстону, показатель *t-score*, равный 2 или выше, следует считать важным [Hunston, 2002, p. 72].

МА *MI-score*. Наряду с мерой *t-score* широкое распространение в корпусной лингвистике получила мера *MI-score*. Исследователи отмечают, что мера *MI* указывает на вероятность совпадения двух случайных слов, сравнивает то, что есть с тем, что могло бы быть. Однако распределение слов в языке никогда не бывает случайным, поэтому нельзя получить «ожидаемый» результат. *MI* используется как мера, показывающая, в какой степени слово «обладает информацией» о другом слове. *MI*, равный 3 или выше, допустимо интерпретировать как свидетельство того, что сочетание двух слов является коллокацией [Hunston, 2002]. Однако, по мнению П. Бейкера, один из недостатков *MI* заключается в том, что данная мера склонна придавать большое значение словам, которые редко встречаются в тексте, поэтому дает несколько искаженные результаты [Baker, 2006, p. 102]. Тем не менее *MI* полезна при вычислении степени связности тех компонентов словосочетания, у которых вероятность совместной встречаемости очень высока даже при относительно небольшом количестве случаев употребления всего сочетания.

$$MI = \log_2 \frac{f(n,c) \times N}{f(n) \times f(c)}$$

МА *Log Dice*. *Log Dice* – это мера, которая основана на *MI*, но в отличие от *MI*, она не придает особого веса низкочастотным словосочетаниям. Ее можно рассматривать как промежуточную [Evert, 2008; Smadja, McKeown, Hatzivassiloglou, 1996].

Результаты и обсуждение

С использованием инструментария лингвистического корпуса были составлены таблицы мер по подкорпусам. Как видно на рисунках 3–6, мера *t-score* ожидаемо различается в исследуемых подкорпусах, что говорит о связи между полученными данными и размерами подкорпусов. Следовательно, сравнение подкорпусов, основанное лишь на этом показателе, невозможно, поскольку *t-score* напрямую зависит от размера корпуса, невзирая на силу связи между элементами словосочетания. При этом данные, приведенные на рисунках 3 и 4 отражают незначительные различия в значениях меры *t-score* между подкорпусами *Genre Reference/Encyclopedia* и *English Wikipedia*, но их трудно интерпретировать из-за отсутствия стандартизированной шкалы.

Данные, полученные с помощью мер *MI* и *Log Dice* (см. рис. 5, 6), свидетельствуют о незначительной разнице между подкорпусами, что демонстрирует их независимость от размера корпуса.

Различия в степени связности компонентов коллокации в подкорпусах EWC позволяют говорить о том, что такие лексические единицы ограничены жанрами, регистрами и модальностью текстов. Это характерно для любой коллокации, однако в некоторых случаях это особенно очевидно. Так, в сочетании *take advantage* разница в значениях меры *MI* в подкорпусах относительно невелика в отличие от *take place*, где *MI* колеблется от 11,51 до 13,07, а значения *Log Dice* – от 10,93 до 11,63. Стоит отметить и отличие в ранжировании сочетаний по степени связности компонентов в исследуемых подкорпусах. Так, словосочетание *take advantage*, как показано на рисунке 7, в самом корпусе имеет показатель *MI* выше, чем *take place*: 8.03 и 6.85, однако в подкорпусе *Genre Reference/Encyclopedia* (см. рис. 3) значения этого показателя практически одинаковы: 12.96 и 12.94.



Genre Reference/Ency... x

lemma take • 2,828,315
928.13 per million tokens • 0.0046%

Collocations

	Word	Cooccurrences	Candidates	T-score	MI	LogDice
1	<input type="checkbox"/> place	363,682	1,006,858	602.98	12.94	11.60
2	<input type="checkbox"/> over	202,969	2,342,020	450.28	10.88	10.33
3	<input type="checkbox"/> part	126,719	1,790,813	355.75	10.59	9.81
4	<input type="checkbox"/> up	85,865	2,260,673	292.67	9.69	9.11
5	<input type="checkbox"/> advantage	39,610	108,611	199.00	12.96	8.79
6	<input type="checkbox"/> care	31,234	224,058	176.67	11.57	8.39
7	<input type="checkbox"/> off	34,777	808,483	186.29	9.87	8.29
8	<input type="checkbox"/> control	32,596	754,844	180.35	9.88	8.22
9	<input type="checkbox"/> account	23,224	200,938	152.33	11.30	7.97
10	<input type="checkbox"/> on	167,155	20,093,347	406.59	7.50	7.90

Рис. 3. Данные подкорпуса *Genre Reference/Encyclopedia*
Fig. 3. Data of the subcorpus *Genre Reference/Encyclopedia*



English Wikipedia x

lemma take • 2,649,859
952.67 per million tokens • 0.0043%

Collocations

	Word	Cooccurrences	Candidates	T-score	MI	LogDice
1	<input type="checkbox"/> place	346,017	933,318	588.16	13.07	11.63
2	<input type="checkbox"/> over	198,589	2,173,107	445.42	11.05	10.40
3	<input type="checkbox"/> part	124,346	1,641,277	352.43	10.78	9.89
4	<input type="checkbox"/> up	80,008	2,091,242	282.54	9.80	9.11
5	<input type="checkbox"/> advantage	36,647	92,926	191.41	13.16	8.77
6	<input type="checkbox"/> care	28,990	198,174	170.21	11.73	8.38
7	<input type="checkbox"/> control	31,660	471,198	177.82	10.61	8.38
8	<input type="checkbox"/> off	33,343	750,709	182.42	10.01	8.33
9	<input type="checkbox"/> on	160,048	18,834,555	398.03	7.63	7.93
10	<input type="checkbox"/> into	36,544	2,860,444	190.52	8.21	7.76

Рис. 4. Данные подкорпуса *English Wikipedia*
Fig. 4. Data of the subcorpus *English Wikipedia*



Genre News ▾ ×

lemma take • 3,426,334
1,415.42 per million tokens • 0.0056%

Collocations

	Word	Cooccurrences	Candidates	T-score	MI	LogDice
1	<input type="checkbox"/> place	259,233	924,701	509.05	12.30	10.93
2	<input type="checkbox"/> over	120,353	2,833,278	346.46	9.58	9.30
3	<input type="checkbox"/> advantage	68,184	172,858	261.08	12.79	9.28
4	<input type="checkbox"/> part	70,785	1,118,607	265.82	10.15	9.00
5	<input type="checkbox"/> care	56,193	559,449	236.92	10.82	8.85
6	<input type="checkbox"/> action	50,541	437,790	224.70	11.02	8.74
7	<input type="checkbox"/> away	44,690	662,659	211.23	10.24	8.48
8	<input type="checkbox"/> up	73,185	3,620,635	269.78	8.51	8.41
9	<input type="checkbox"/> into	62,780	2,725,588	249.95	8.69	8.39
10	<input type="checkbox"/> account	36,490	244,113	190.95	11.39	8.35

Рис. 5. Данные подкорпуса *Genre News*

Fig. 5. Data of the subcorpus *Genre News*



UK domain .uk ▾ ×

lemma take • 5,116,034
1,475.65 per million tokens • 0.0083%

Collocations

	Word	Cooccurrences	Candidates	T-score	MI	LogDice
1	<input type="checkbox"/> place	418,202	1,725,072	646.46	11.51	10.97
2	<input type="checkbox"/> part	189,109	1,963,740	434.49	10.18	9.77
3	<input type="checkbox"/> account	91,599	476,542	302.52	11.18	9.07
4	<input type="checkbox"/> over	134,467	3,502,365	365.90	8.85	9.00
5	<input type="checkbox"/> advantage	82,779	197,449	287.66	12.30	9.00
6	<input type="checkbox"/> care	77,883	1,055,669	278.76	9.79	8.69
7	<input type="checkbox"/> up	130,446	5,501,622	359.91	8.16	8.65
8	<input type="checkbox"/> into	110,778	4,112,407	331.81	8.34	8.62
9	<input type="checkbox"/> look	70,626	1,317,260	265.34	9.33	8.49
10	<input type="checkbox"/> action	55,890	569,572	236.21	10.21	8.33

Рис. 6. Данные подкорпуса *UK domain.uk*

Fig. 6. Data of the subcorpus *UK domain.uk*



Рис. 7. Данные EWC

Fig. 7. Data of the EWC

Если сравнить три подкорпуса: *Genre Reference/Encyclopedia*, *English Wikipedia*, *Genre News*, содержащие энциклопедические статьи (см. рис. 3–5), то разница в показателях *MI* и *Log Dice* незначительна, хотя их значения различаются практически на единицу (*Log Dice* для *take advantage* имеет диапазон от 8,77 до 9,28; *take place* от 10,93 до 11,60). Эти результаты показывают, что отношения между элементами коллокации и стилем текста требуют пристального внимания. Наличие разных показателей *MI* и *Log Dice* в корпусе, представляющих один и тот же тип дискурса (три подкорпуса, содержащие энциклопедические статьи), свидетельствуют о том, что детальная категоризация полученных значений с помощью МА может быть не совсем корректной. Необходимо проведение дальнейших исследований в этой области.

Вариативный характер отношений между элементами коллокации, который заключается в зависимости степени связности от частоты их встречаемости в текстах разных жанров, регистров и модальности, имеет важное значение в определении коллокатов.

Заключение

Данное исследование представляет собой попытку рассмотреть вопросы, связанные с оп-

ределением устойчивой сочетаемости слов в речи с использованием различных мер ассоциации на примере лингвистического корпуса. На данном этапе развития корпусной лингвистики выделить все факторы определения коллокаций не представляется возможным. Однако их критическое рассмотрение, установление сочетаемости слов с учетом влияния жанров, регистров и модальности текстов на характер отношений между словами в составе словосочетания представляется весьма важным в решении профессиональных задач, в частности при обучении иностранному языку. Результаты сравнительного анализа мер ассоциации *t-score*, *MI-score* и *Log Dice* EWC и его подкорпусов на примере глагола *take* показывают, что вычисление степени устойчивости ассоциативной связи биграмм глагола *take*, основанное только на показателе *t-score*, невозможно, поскольку он напрямую зависит от размера корпуса. Данные, полученные с помощью мер *MI-score* и *Log Dice*, свидетельствуют о незначительной разнице между подкорпусами, что демонстрирует их независимость от размера корпуса. Очевидно, что изучение коллокаций требует математического и лингвистического обоснования каждой МА с тем, чтобы осмысленно применять данные меры и правильно интерпретировать полученные результаты.

Несмотря на большое количество корпусных исследований сочетаемости, по-прежнему существует потребность в более глубоком понимании факторов, играющих важную роль в установлении того, что можно считать коллокациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Захаров В. П., Хохлова М. В., 2010. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог-2010» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М. : Изд-во РГГУ. Вып. 9 (16). С. 137–143.

Захаров В. П., 2005. Корпусная лингвистика. СПб. : Изд-во СПбГУ. 48 с.

Мельчук И. А., 1960. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. № 4. С. 73–80.

Филимонов Д. Ю., Светлов А. В., Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2020. Автоматизация процесса метаразметки архивных документов // Математическая физика и компьютерное моделирование. Т. 23, № 4. С. 56–68.

Шамне Н. Л., Ребрина Л. Н., 2015. Глагольные коллокации памяти в германских СМИ // В мире научных открытий. № 7–8 (67). С. 3097–3108.

Baker P., 2006. Using Corpora in Discourse Analysis. L. : Bloomsbury Academic. 280 p.

Burchfield R. W., 1996. The New Fowler’s Modern English Usage. Oxford : Oxford University Press. 864 p.

Durrant P., Schmitt N., 2009. To What Extent Do Native and Non-Native Writers Make Use of Collocations? // IRAL-International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. Vol. 47, iss. 2. P. 157–177. DOI:10.1515/iral.2009.007

Evert S., 2008. Corpora and Collocations // Corpus Linguistics: An International Handbook. Berlin : Mouton de Gruyter. P. 1212–1248. DOI:10.1515/9783110213881.2.1212

Henriksen B., 2013. Research on L2 Learners’ Collocational Competence and Development – A Progress Report // L2 Vocabulary Acquisition, Knowledge and Use New Perspectives on Assessment and Corpus Analysis. [S.l.] : [s.n.]. P. 29–56.

Hill J., 2000. Revising Priorities: From Grammatical Failure to Collocational Success // Teaching Collocation: Further Developments in the Lexical Approach. Hove : LTP. P. 47–67.

Hunston S., 2002. Corpora in Applied Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press. 241 p. DOI:10.1017/CBO9781139524773

Hunston S., Laviosa S., 2000. Corpus Linguistics. Birmingham : School of English : CELS. 146 p.

O’Keeffe, A., McCarthy M., Carter R., 2007. From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching. Cambridge : Cambridge University Press. 332 p.

McEnery T., Hardie A., 2011. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge : Cambridge University Press. 312 p.

Sinclair J., 1991. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford : Oxford University Press. 179 p.

Siyanova A., Schmitt N., 2008. L2 Learner Production and Processing of Collocation: A Multi-Study Perspective // Canadian Modern Language Review. Vol. 64, № 3. P. 429–458. DOI: 10.3138/cmlr.64.3.429

Smadja F., McKeown K. R., Hatzivassiloglou V., 1996. Translating Collocations for Bilingual Lexicons: A Statistical Approach // Computational Linguistics. Vol. 22, № 1. P. 1–38.

Stubbs M., 1995. Collocations and Semantic Profiles: On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies // Functions of Language. Vol. 2, iss. 1. P. 23–55. DOI: 10.1075/fol.2.1.03stu

Wolter B., Gyllstad H., 2011. Collocational Links in the L2 Mental Lexicon and the Influence of L1 Intralexical Knowledge // Applied Linguistics. Vol. 32, iss. 4. P. 430–449. DOI: 10.1093/applin/amr011

ИСТОЧНИК

EWC – English Web Corpus (enTenTen). URL: <https://www.sketchengine.eu/ententen-english-corpus/> (дата обращения: 20.12.2021)

СЛОВАРЬ

The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2014. 443 p.

REFERENCES

Zakharov V.P., Khokhlova M.V., 2010. Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsiy v tekstakh na russkom yazyke [Analysis of the Effectiveness of Statistical Methods for Identifying Collocations in Russian Texts]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: tr. Mezhdunar. konf. «Dialog-2010» (Bekasovo, 26–30 maya 2010 g.)* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialogue-2010” (Bekasovo, May 26–30, 2010)]. Moscow, Izd-vo RGGU, iss. 9 (16), pp.137-143.

- Zakharov V.P., 2005. *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 48 p.
- Melchuk I.A., 1960. O terminakh «ustoychivost» i «idiomaticnost» [On Terms “Sustainability” and “Idiomaticity”]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 73-80.
- Filimonov D.Yu., Svetlov A.V., Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2020. Avtomatizatsiya protsessy metarazmetki arkhivnykh dokumentov [Automation of the Process of Meta-Labeling of Archival Documents]. *Matematicheskaya fizika i kompyuternoe modelirovanie* [Mathematical Physics and Computer Simulation], vol. 23, no. 4, pp. 56-68.
- Schamne N.L., Rebrina L.N., 2015. Glagolnye kollokatsii pamyati v germanskikh SMI [Verb Collocations of Memory in German Media]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries], no. 7-8 (67), pp. 3097-3108.
- Baker P., 2006. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, Bloomsbury Academic. 280 p.
- Burchfield R.W., 1996. *The New Fowler’s Modern English Usage*. Oxford, Oxford University Press. 864 p.
- Durrant P., Schmitt N., 2009. To What Extent Do Native and Non-Native Writers Make Use of Collocations? *IRAL-International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, vol. 47, iss. 2, pp. 157-177. DOI: 10.1515/iral.2009.007
- Evert S., 2008. Corpora and Collocations. *Corpus Linguistics: An International Handbook*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 1212-1248. DOI: 10.1515/9783110213881.2.1212
- Henriksen B., 2013. Research on L2 Learners’ Collocational Competence and Development – A Progress Report. *L2 Vocabulary Acquisition, Knowledge and Use New Perspectives on Assessment and Corpus Analysis*. S. l., s. n. P. 29-56.
- Hill J., 2000. Revising Priorities: From Grammatical Failure to Collocational Success. *Teaching Collocation: Further Developments in the Lexical Approach*. Hove, LTP, pp. 47-67.
- Hunston S., 2002. *Corpora in Applied Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press. 241 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524773
- Hunston S., Laviosa S., 2000. *Corpus Linguistics*. Birmingham, School of English, CELS. 146 p.
- O’Keeffe A., McCarthy M., Carter R. *From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching*. Cambridge, Cambridge University Press. 332 p.
- McEnery T., Hardie A., 2011. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. 312 p.
- Sinclair J., 1991. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, Oxford University Press. 179 p.
- Siyanova A., Schmitt N., 2008. L2 Learner Production and Processing of Collocation: A Multi-Study Perspective. *Canadian Modern Language Review*, vol. 64, no. 3, pp. 429-458. DOI: 10.3138/cmlr.64.3.429
- Smadja F., McKeown K.R., Hatzivassiloglou V., 1996. Translating Collocations for Bilingual Lexicons: A Statistical Approach. *Computational Linguistics*, vol. 22, no. 1, pp. 1-38.
- Stubbs M., 1995. Collocations and Semantic Profiles: On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies. *Functions of Language*, vol. 2, iss. 1, pp. 23-55. DOI: 10.1075/fof.2.1.03stu
- Wolter B., Gyllstad H., 2011. Collocational Links in the L2 Mental Lexicon and the Influence of L1 Intralexical Knowledge. *Applied Linguistics*, vol. 32, iss. 4, pp. 430-449. DOI: 10.1093/applin/amr011

SOURCE

English Web Corpus (enTenTen). URL: <https://www.sketchengine.eu/ententen-english-corpus/> (accessed Dec. 20, 2021)

DICTIONARY

The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford, Oxford University Press, 2014. 443 p.

Information About the Authors

Marina S. Matytcina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Lipetsk State Technical University, Moskovskaya St, 30, 398055 Lipetsk, Russia, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Olga N. Prokhorova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Director, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, Bld. 10, 308015 Belgorod, Russia, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Igor V. Chekulai, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, Bld. 10, 308015 Belgorod, Russia, chekulai@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

Информация об авторах

Марина Станиславовна Матыцина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, 30, 398055 г. Липецк, Россия, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Ольга Николаевна Прохорова, доктор филологических наук, профессор, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, корп. 10, 308015 г. Белгород, Россия, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Игорь Владимирович Чекулай, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, корп. 10, 308015 г. Белгород, Россия, chekulai@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8599-1699>



INTERFERED RUSSIAN SPEECH OF NATIVE SPEAKERS OF THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE: AN EXPERIMENTAL STUDY

Irina A. Gurtueva

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Michael V. Kamensky

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The mismatch between the speech of non-native's and the native language resources used in training, as well as acoustic and linguistic modelling of pronunciation based on a data-driven approach induce the challenging task of automatic speech recognition for non-native's. The existing approaches to overcoming these difficulties are based on the use of non-native speech resources or multilingual corpora and are proved to be ineffective. It is necessary to study the specifics of speech psychophysiological mechanisms of bilinguals who use two or more language systems in communication. This paper shows the results of the experimental phonetic study of interlingual interference and accent in Russian speech of the native Kabardian-Circassian speakers. The experimental materials include audio recordings of phonatory reading of a previously prepared list of words. The preliminary acoustic analysis of the initial formant measurements executed on the non-native Russian speech of the Kabardian-Circassian speakers showed a systematic deviation of the acoustic patterns of [A] and [O] vowel allophones in the F_1 - F_2 space. The crucial identification feature of the accent vowel [A] in the speech of male and female native speakers of the Kabardian-Circassian language is the systematic deviation of its formant characteristics in space (F_1 - F_2) to the right-up direction from the standard values of the orthoepic norm of the Russian language. The identification features of vowel [O] in the speech of male speakers are the high variability of the F_2 second formant values and a significant shift of the average value of F_2 upwards from the gender-neutral and gender-specific reference values. For female speakers, the distinctive feature of the Kabardian-Circassian accent is the localisation of observations to the right by F_1 and down by F_2 relative to the gender-specific reference in space (F_1 - F_2). Comparison of vocal systems based on acoustic characteristics allows the authors to assess objectively the mutual influence of language systems, identify systematic errors in real speech activity, and reduce the inaccuracy of categorisation based on rather conventional phonetic features of vowels. This research is aimed at developing methods for modelling the speech of non-native speakers for subsequent use in speech recognition systems, as well as accent and language identification in conditions of limited linguistic resources. The experimental data obtained can be useful for further development of contrastive analysis theory, typical interference pronunciation errors identification, and also contribute to elaboration of theoretical models of foreign language acquisition.

Key words: accent identification, phonetic interference, automatic speech recognition, speech databases, contrastive analysis, language contact theory, non-standard speech databases, acoustic analysis.

Citation. Gurtueva I.A., Kamensky M.V. Interfered Russian Speech of Native Speakers of the Kabardian-Circassian Language: An Experimental Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 119-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.10>

**ИНТЕРФЕРИРОВАННАЯ РУССКАЯ РЕЧЬ
НОСИТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ****Ирина Асланбековна Гуртуева**

Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик, Россия

Михаил Васильевич Каменский

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. Сложность задачи распознавания ненативной речи возникает как следствие несоответствия между речью носителей и нативными языковыми ресурсами, используемыми при обучении, а также акустическом и языковом моделировании произношения на основе data-driven approach. Существующие подходы для решения этой задачи, эксплуатирующие ресурсы ненативной речи или мультилингвальные корпуса, малоэффективны. Необходимо исследование специфики речевых психофизиологических механизмов билингов, оперирующих в коммуникации двумя и более языковыми системами. В статье показаны результаты экспериментально-фонетического исследования межязыковой интерференции и акцента в русской речи носителей кабардино-черкесского языка. Материалы эксперимента включают аудиозаписи фонационного чтения предварительно подготовленного списка слов. Предварительный акустический анализ исходных формантных измерений ненативной русской речи носителей кабардино-черкесского языка на фонетическом уровне показал систематическое отклонение акустических паттернов аллофонов гласных [А] и [О] в пространстве F_1 - F_2 . Установлено, что идентификационно значимым признаком акцентного гласного [А] в речи мужчин и женщин носителей кабардино-черкесского языка является систематическое отклонение его формантных характеристик в пространстве F_1 - F_2 вправо-вверх от эталонных значений орфоэпической нормы русского языка. Классифицирующим признаком акцентного [О] в речи мужчин – это высокая вариативность значений второй форманты F_2 и выраженное отклонение общего среднего по F_2 вверх относительно гендерно нейтрального и гендерно специфицированного эталонов. Определено, что в речи женщин отличительным признаком кабардино-черкесского акцента служит локализация наблюдений правее по F_1 и ниже по F_2 относительно гендерно специфицированного эталона в пространстве F_1 - F_2 . Сопоставление вокалических систем на основе акустических характеристик позволяет объективно оценить взаимовлияние языковых систем, обнаружить систематические ошибки реальной речевой деятельности, снизить неточность категоризации на основе довольно условных фонетических признаков гласных. Данное исследование нацелено на разработку методов моделирования речи носителей для последующего применения в системах распознавания речи, идентификации языка и акцентов в условиях ограниченности лингвистических ресурсов. Полученные экспериментальные данные могут быть полезны для продолжения разработки теории контрастивного анализа, выявления типичных интерферированных произносительных ошибок, а также способствовать дальнейшему развитию теоретических моделей усвоения иностранных языков.

Ключевые слова: идентификация акцентов, фонетическая интерференция, распознавание речи, речевые базы данных, контрастивный анализ, теория языковых контактов, базы данных нестандартной речи, акустический анализ.

Цитирование. Гуртуева И. А., Каменский М. В. Интерферированная русская речь носителей кабардино-черкесского языка: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 119–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.10>

Введение

Востребованность речевых систем как удобного интерфейса значительно возросла с достижением высокой эффективности автоматических систем при решении отдельных задач

распознавания речи [Stolcke et al., 2006; Seide, Li, Yu, 2011]. Речевые приложения встраиваются в самые разные продукты – от систем естественно-языкового управления программным и аппаратным обеспечением до систем биометрии и помощи людям с ограниченными возмож-

ностями здоровья. В то же время, хотя разработчики IBM и Microsoft заявили о достижении человеческого уровня точности [Chen et al., 2006; Matsoukas et al., 2006; Evermann et al., 2004], однозначно оценить современное состояние исследований в области автоматического распознавания речи довольно сложно [Lippman, 1997; Pallett, 2003]. Условия оценки и эффективность любой системы могут сильно различаться в зависимости от параметров, определяющих производительность, быстродействие и конфигурацию системы распознавания речи. Почти любая система при специально подобранных условиях достигает точности, сравнимой с человеческой.

Прорывные успехи в автоматическом транскрибировании речи связаны, главным образом, с переходом от использования скрытых моделей Маркова и гауссовых смесей к применению двунаправленных рекуррентных сетей [Stolcke et al., 2006]. Однако данный алгоритм характеризуется довольно высоким временем задержки, определяемым длиной высказывания. При этом, поскольку алгоритмы, понижающие показатели времени задержки, повышают количество требуемой вычислительной мощности, необходимо учитывать целесообразность улучшения точности распознавания речи.

Кроме того, хотя при решении проблемы автоматической сегментации смешанного аудиосигнала [Гуртуева, 2020; Das et al., 2020; Weng et al., 2014; Kristjanson et al., 2006] алгоритмы глубокого обучения успешно расщепляют источники звука, они не справляются с задачей масштабирования до большего числа говорящих, а также страдают от переобучения. Обнадеживают недавние открытия свойств слуховой репрезентации, открывающие возможности для разработки ассистивных средств для людей с нарушениями слуха [Han et al., 2019; Straetsmans et al., 2022]. Алгоритмы декодирования слухового внимания разрабатываются с использованием сетей глубоких аттракторов (DAN) [Straetmans et al., 2022].

Остается нерешенной и проблема распознавания акцентной речи. По результатам сравнительного тестирования работы приложений S Voice (Samsung) и Dragon Dictation (Nuance) с использованием образцов акцентной английской речи носителей китайского языка интернет-архива The Speech Accent Archive из общего числа сбоев для первого из указанных программ-

ных продуктов 6,0 % были вызваны речевыми сбоями, а 75,7 % – акцентной речью, для второго данное соотношение составило 22 % против 54 % соответственно. Для сравнительного анализа производительности Deep Speech 2 (Baidu) и человека при решении задачи транскрипции авторы часто цитируемой работы [Amodei et al., 2016] создали тестовый набор на широкой коллекции данных из общедоступного источника VoxForge (<http://www.voxforge.org>) с образцами из четырех акцентных групп: американско-канадской, европейской, индийской и акцентов стран Содружества наций (британский, ирландский, южноафриканский, австралийский и новозеландский акценты). Эффективность на человеческом уровне заметно лучше, чем у моделей Deep Speech 2, для всех акцентов, кроме индийского (22,15 % и 22,44 % соответственно). Необходимо отметить, что первичной лингвистической компетенцией стенографов, принимавших участие в эксперименте, было владение американским английским. Возможно, стенографы из соответствующих регионов допустили бы меньше ошибок при распознавании акцентов родных стран. Кроме того, человек быстро адаптируется к нестандартной или атипичной речи, в отличие от предварительно обученной нейронной сети.

Сложность задачи распознавания ненативной речи возникает как следствие несоответствия между речью носителей и нативными языковыми ресурсами, используемыми при обучении, а также акустическом, языковом и моделировании произношения на основе data-driven approach [Гуртуева, 2020]. Очевидный способ преодоления указанных трудностей заключается в создании информационных ресурсов речи носителей. Однако простое увеличение обучающих баз данных затратно и малоэффективно. По разным оценкам в настоящее время насчитывается около 6–7 тыс. языков. Записать речь носителей для каждого из них сложно, если не невозможно. Например, разработка речевой системы для английского языка с учетом вариатива американских акцентов требует создания речевого корпуса объемом в пять тысяч часов. Альтернативным подходом к решению проблемы учета акцентов является применение мультилингвальных ресурсов для адаптации речи носителей с использованием результатов исследований феномена «межъязыкового переноса» [Weinreich, 1979].

На основе многоязычного ресурса и информации о межъязыковом переносе создается новое лингвистическое пространство, выровненное с целевым пространством, которое можно использовать для оценки пространства речи носителей. В зависимости от типа лингвистических ресурсов, таких как многоязычные акустические модели или корпуса, предлагаются разные методы. Наиболее перспективными разработчики считают методы самоконтролируемого предварительного обучения, а также методы на основе i -вектора и глубокой нейронной сети, основанной на скрытой марковской модели (DNN-NMM) [Deng, Cao, Ma, 2021; Najafian, Russell, 2020]. Однако эффективность данных методов вне лабораторных условий остается пока нерешенной задачей.

В настоящей работе представлены результаты экспериментально-фонетического исследования межъязыковой интерференции и акцента в русской речи носителей кабардино-черкесского языка. Был проведен первичный анализ исходных формантных измерений ненативной русской речи носителей кабардино-черкесского языка на фонетическом уровне. Предварительный анализ возможности идентификации акцентов с использованием специально созданного ресурса ненативной русской речи [Фонетико-акустический...; Nagoev et al., 2022] показало систематическое отклонение акустических паттернов аллофонов гласных в пространстве F_1 - F_2 . Данная работа нацелена на развитие методов моделирования речи носителей для последующего внедрения в системах распознавания речи, идентификации языка и акцентов в условиях ограниченности лингвистических ресурсов. Полученные экспериментальные данные могут быть полезны для продолжения разработки теории контрастивного акустического анализа вокалических систем разноструктурных языков, выявлении типичных интерферированных произносительных ошибок, а также способствовать дальнейшему развитию теоретических моделей усвоения иностранных языков.

Материалы и методы

Информанты

Для выявления универсальных и специфических признаков в интерферированной русской

речи билингвов-носителей кабардино-черкесского и русского языков к записи были приглашены десять информантов – пять мужчин и пять женщин в возрасте от 21 до 49 лет (средний возраст 33,1 года). Все они – жители Кабардино-Балкарской Республики. По роду деятельности все информанты относятся к работникам сферы высшего образования и науки. 9 дикторов из 10 получили высшее образование в г. Нальчике (КБР), 1 – в г. Пятигорске (Ставропольский край). Большинство участников билингвы – носители кабардино-черкесского языка с высоким уровнем знания русского ($n = 2$). Одна из участниц владеет арабским, кабардинским, русским и английским языками ($n = 4$). В записи также участвовала испытуемая, владеющая английским языком ($n = 3$).

К участию в эксперименте привлекались информанты с разными уровнями владения родной речью, поскольку это дает возможность пронаблюдать эволюцию фонетических ошибок в речи билингвов. Уровень владения кабардино-черкесским языком участники оценивали самостоятельно при анкетировании перед началом эксперимента. Усредненная самооценка составила 3,7 балла по пятибалльной шкале.

Методика подготовки и сбора языкового материала для базы данных акустико-фонетического корпуса акцентной русской речи

Материалы эксперимента включают аудиозаписи фонационного чтения предварительно подготовленного списка слов. Лексический материал при составлении произносительного словаря ранее опубликованного проекта базы данных [Гуртуева, 2020; Программа для анализа...; Nagoev et al., 2022; SpecApp] подбирались с учетом изменения акустических паттернов аллофонов под влиянием позиционных и комбинаторных факторов, а также принимался во внимание фонетический закон оглушения согласных в конце слов русского языка. Выбранные лексемы позволяют проанализировать контактную аккомодацию, ассимиляцию и диссимиляцию шести гласных русского языка в пяти левых (абсолютное начало слова, после твердых билабиальных / переднеязычных, среднеязычных / заднеязычных, некоторых гласных / мягких согласных,

гласного *и*) и четырех правых контекстах (перед паузой, перед твердыми билабиальными / передне-, заднеязычными, гласными [О], [А], [У], [Э], [Ы] / мягкими согласными и гласным [И]). Для исследования позиционной аллофонии гласных в ненативной русской речи словарный состав сформирован таким образом, что в него включены следующие позиционные аллофоны: абсолютная сильная позиция – изолированное произнесение; первая сильная позиция – ударная позиция в начале слова перед твердым согласным; вторая сильная позиция – любая ударная позиция; первая слабая позиция – первый предударный слог или безударная позиция в абсолютном начале слова; вторая слабая позиция – любое безударное (не первый предударный или заударный) положение. Таким образом, стимульные слова произносительного словаря представляют 480 аллофонов шести гласных русского языка.

Для учета позиционной аллофонии согласных при проектировании словаря рассматривались два позиционных аллофона: сильная позиция – в ударном слоге; слабая позиция – в безударном слоге. Фонетическая комбинаторика согласных представлена в пяти правых контекстах (конец слова, перед глухими / звонкими согласными, безударными / ударными гласными). Таким образом, тридцать шесть согласных фонем представлены 180 аллофонами.

Общее количество аллофонов составляет 640. По разным оценкам, общее количество аллофонов, в зависимости от степени детализации, может колебаться от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч [Lobanov, Tsurulnik, 2006]. Данное количество контекстов, определившее число аллофонов, было выбрано, поскольку, как показали экспериментальные исследования [Lobanov, Tsurulnik, 2006], это – минимально необходимый набор для синтеза речи, удовлетворяющего критериям разборчивости и естественности.

Объем произносительного словаря составляет 461 слово (288 слов для репрезентации гласных аллофонов и 173 слова – для согласных). Общий объем реализаций для 10 дикторов-носителей кабардино-черкесского языка составляет 4610 слов.

Продолжительность записи для каждого диктора составляет около двадцати минут в зависимости от индивидуального темпа речи.

Обработка полученных фонограмм для подготовки к последующему статистическому, психолингвистическому, аудиторскому анализу включала лексическую сегментацию, аннотацию и сплошную акустическую разметку.

Методика проведения эксперимента

Эксперимент состоял из чтения предложенного списка слов. В целях устранения лексико-грамматической интерференции чтение было подготовленным. Таким образом, описанию и анализу подлежали фонетические отклонения, возникающие в акцентной русской речи кабардинцев в процессе фонационного чтения. Перед участниками эксперимента была поставлена задача как можно более естественно прочитать слова. Считалось допустимым вносить поправки, повторы, если информант не был уверен в правильности произнесения. Все реализации записывались с помощью встроенного микрофона Realtek High-Definition Audio. Характеристики качества записи в итоговых аудиофайлах – 2 канала, 16 bit, 44100 Hz. Запись проводилась в офисных условиях. Зашумленные записи исключались из последующего анализа.

Результаты и обсуждение

Предварительный акустический анализ

Для измерения акустических характеристик аллофонов гласных [А] и [О] при проведении первичного анализа лингвистического материала, представленного аудиозаписями русской речи 10 билингов – носителей кабардино-черкесского (L1) и русского языков (L2), было выбрано по 22 слова. Отобранные слова представляют варианты каждой из указанных фонем в ударных позициях (изолированное произнесение, ударная позиция в начале слова, любая ударная позиция) в окружении непалатализованных и палатализованных смычных, сонорных, фрикативных согласных, а также некоторых гласных [Nagoev et al., 2022]. Таким образом, для каждой фонемы было проанализировано по 218 токенов. Поскольку основная акустическая информация о качестве гласных передается начальными формантами гласных [Ladefoged, Johnson, 2014], для каждого диктора с помощью программы для ана-

лиза звучащей речи Praat version 6.3.08 [Boersma, Weenink, 2003] вычислялись средние значения F_1 и F_2 в анализируемых речевых сегментах с использованием функций 'Get first formant' и 'Get second formant' (параметры настройки: метод Бурга, временное окно 25 мс, частотный диапазон 5500 Гц, число формант 5). Результаты измерений F_1 и F_2 в герцах сопоставлялись с известными в специальной научной литературе акустическими характеристиками тех же гласных нормативной русской речи [Козлачков, Дворянkin, Бонч-Бруевич, 2016; Сорокин, Цыплихин, 2004]. Далее канонические усредненные формантные значения F_1 и F_2 , полученные в работе [Козлачков, Дворянkin, Бонч-Бруевич, 2016], обозначены Reference1, а эталонные гендерно дифференцированные значения из работы [Сорокин, Цыплихин, 2004] – Reference2. Формантные измерения приведены в таблицах 1–4 и на рисунках 1, 3, 5, 7. На всех диаграммах по оси абсцисс отмечены значения первой форманты, F_1 , Гц.; на оси ординат показаны измерения значений второй форманты, F_2 , Гц; km1-km5 указывают отдельные наблюдения дикторов-мужчин; kf1-kf5 указывают индивидуальные наблюдения дикторов-женщин; km1(mean)-km5(mean)/kf1(mean)-kf5(mean) – индивидуальные средние дикторов; Mean – общее среднее по всем дикторам. На рисунках 2, 4, 6, 8 показано распределение формантных значений.

Так как гендерные различия в основном выражаются в характеристиках гласных [Леонов, Макаров, Сорокин, 2009], в данном исследовании женские и мужские голоса рассматриваются отдельно.

Анализ исходных формантных значений F_1 и F_2 аллофонов [A] для мужских голосов

Наблюдаемое распределение аллофонов [A] в пространстве F_1 - F_2 для мужских голосов характеризуется следующими признаками.

1. Средние значения координат (F_1 - F_2) для всех дикторов близки, для дикторов km1, km4 и km5 практически совпадают, для информантов km2 и km3 совпадают по F_1 .

2. Наибольшее расстояние между индивидуальными средними дикторов составляет около 50 Гц по F_1 и 150 Гц по F_2 .

3. Расстояние между Reference2 и общим средним значением по F_1 в 2 раза превышает максимальное расстояние между индивидуальными средними дикторов.

4. Все индивидуальные средние дикторов находятся выше Reference2 как по F_1 , так и по F_2 ; также все средние значения находятся выше Reference1 по F_2 и не ниже по F_1 . Более того, все наблюдения были выше Reference2 по F_1 и всего 11 % (13 из 109) были ниже по F_2 .

5. Разброс формантных значений для всех дикторов характеризуется небольшим стандартным отклонением, равным 48,01 для F_1 , и 127,64 для F_2 . Коэффициенты вариации по F_1 и F_2 равны 7,8 и 9,6 % соответственно.

6. 61,5 % наблюдений находятся выше Reference2 на расстоянии 100 Гц и более по F_2 ; 95,4 % – выше на 50 Гц и более по F_1 . Средние значения всех дикторов находятся на расстоянии более 2 стандартных отклонений по F_1 , более 1 стандартного отклонения по F_2 .

Акустический анализ приведенных на рисунке 1 формантных измерений интерферированного гласного [A] в речи мужчин позволяет сделать вывод о том, что отклонение F_1 и F_2 от значений гендерно дифференцированного эталона Reference2 устойчиво и значительно выражено. Характерной особенностью кабардино-черкесского акцента является систематическое отклонение формантных характеристик фонемы [A] в пространстве (F_1 - F_2) вправо-вверх. При сопоставлении с каноническим усредненным отклонение по F_2 выражено значительно, по F_1 – менее значимо. Для определения акцента удобнее использовать Reference2.

Анализ исходных формантных значений F_1 и F_2 аллофонов [A] для женских голосов

Наблюдаемое распределение аллофонов [A] в пространстве F_1 - F_2 для женских голосов характеризуется следующими признаками.

1. Значения отдельных наблюдений (F_1 - F_2) для всех дикторов-женщин довольно близки, варьируются около собственных индивидуальных средних в диапазоне 100 Гц (от 41,11 до 141,32 Гц) по F_1 , по F_2 – в диапазоне 150 Гц (от 67,21 до 206,15 Гц).

2. Наибольшее расстояние между индивидуальными средними информанток составляет около 140 Гц по F_1 и 200 Гц по F_2 .

3. Максимальное отклонение индивидуального среднего (kf_1) от среднего по всем наблюдениям по F_1 составляет 80 Гц. При этом Reference2 находится на расстоянии 193 Гц от общего среднего, то есть в 2,4 раза дальше.

4. Все индивидуальные средние дикторов-женщин находятся выше и эталона Reference2, и Reference1 как по F_1 , так и по F_2 . Более того, все наблюдения были выше эталона Reference2 по F_1 и всего 2 из 110 были ниже по F_2 .

5. Разброс значений формант для всех билингов-женщин характеризуется незначительным стандартным отклонением, равным 87 Гц для F_1 , и 133 Гц – для F_2 . Коэффициенты вариации по F_1 и F_2 равны 11,9 и 8,9 % соответственно.

6. 86,4 % наблюдений находятся выше эталона Reference2 на расстоянии 100 Гц и более по F_1 , 98,2 % – выше на 100 Гц и более по F_2 . По F_1 средние значения всех дикторов находятся на расстоянии более 1 стандартного отклонения от эталона, причем для четырех из пяти дикторов – на расстоянии более 2 стандартных отклонений. По F_2 все средние значения находятся на расстоянии от эталона, превышающем два стандартных отклонения.

Формантные измерения акцентного гласного [А] в речи женщин, показанные на рисунке 3, демонстрируют отклонение аналогичное наблюдениям, полученным для мужских голосов. Акустические признаки локализуются правее и выше обоих эталонных значений. При сопоставлении с Reference2 наблюдается смещение, обладающее большей идентификационной значимостью.

Анализ исходных данных F_1 и F_2 аллофонов [О] для мужских голосов

Наблюдаемое распределение аллофонов [О] в пространстве F_1 - F_2 для мужских голосов характеризуется следующими признаками.

1. Индивидуальные средние формантных значений F_1 смещены вправо, но находятся в пределах одного стандартного отклонения от обоих эталонов.

2. Наибольшее расстояние между индивидуальными средними дикторов составляет около 70 Гц по F_1 (то есть более одного стандартного отклонения) и более 300 Гц по F_2 .

Заметим, что значение коэффициента вариации для F_2 очень велико (32 %), что подтверждает визуально наблюдаемый большой разброс значений по F_2 .

3. Максимальное отклонение индивидуального среднего от общего среднего по F_2 составляет 202,06 Гц. При этом эталонное значение Reference1 находится на расстоянии 409,52 Гц от общего среднего, то есть значительно дальше (более чем в два раза). Таким образом, данное отклонение можно считать устойчивым и выраженным признаком акцента.

Таким образом, характерным признаком исследуемого акцентного [О] в речи мужчин является высокая дисперсия по значениям второй форманты, F_2 . Отклонение общего среднего по F_2 вверх устойчиво и достаточно выражено. Для решения задачи обнаружения акцента эффективнее использовать значение Reference1 в качестве эталона нормативного гласного [О]. Наблюдаемое среднее отклонение интерферирующего [О] от обоих эталонных значений по F_1 не превышает стандартного отклонения, поэтому может использоваться лишь как вспомогательный индикатор при идентификации исследуемого акцента.

Анализ исходных формантных значений F_1 и F_2 аллофонов [О] для женских голосов

Наблюдаемое распределение аллофонов [О] в пространстве F_1 - F_2 для женских голосов характеризуется следующими признаками.

1. Средние значения координат (F_1 - F_2) для всех дикторов-женщин довольно близки, варьируются в диапазоне около 40 Гц (отклонения индивидуальных средних от общего среднего по всем дикторам составляет от 0,07 до 39,04 Гц, то есть от 0 до 8,0 %) по F_1 , по F_2 – в диапазоне 158,65 Гц (от 888,53 до 1076,79 Гц).

2. Наибольшее расстояние между индивидуальными средними дикторов-женщин составляет около 65 Гц по F_1 и 200 Гц по F_2 , то есть находится в пределах одного стандартного отклонения как по F_1 , так и по F_2 . В то же время соотношение между стандартным отклонением и средним значением для F_1 (12 %) значительно меньше, чем для F_2 (21 %), что подтверждает визуально наблюдаемый больший разброс значений по F_2 .

3. Все индивидуальные средние дикторов-женщин находятся выше эталона Reference2 по F_1 и ниже по F_2 .

4. Максимальное отклонение индивидуального среднего ($kf1$) от среднего по всем наблюдениям по F_1 составляет 39,74 Гц. При этом эталонное значение находится на расстоянии 57,76 Гц от общего среднего, то есть незначительно дальше. Следует заметить, что следующее по значению отклонение индивидуального среднего составляет всего 25,28 Гц, то есть более чем в два раза ниже.

5. Что касается F_2 , то максимальное отклонение индивидуального среднего ($kf1$) от среднего по всем наблюдениям составляет 108,69 Гц. При этом эталонное значение F_2 находится на расстоянии 231,9 Гц от общего среднего, то есть значительно дальше, более, чем в два раза. Это позволяет сделать вывод, что отклонение по F_2 является более надежной характеристикой для идентификации акцентного гласного [O].

6. 83,6 % наблюдений находятся правее эталона по F_1 , 88,2 % – ниже по F_2 . По F_1 средние значения четырех из пяти дикторов находятся на расстоянии около 1 стандартного отклонения от эталона, по F_2 средние значения трех из пяти дикторов находятся на расстоянии значительно более 1 стандартного отклонения.

Таким образом, индивидуальные средние дикторов-женщин локализованы в пространстве (F_1 - F_2) правее F_1 и ниже F_2 относительно эталона Reference2 на расстоянии, позволяющем использовать данное положение в качестве идентифицирующего признака. Отклонение общего среднего по F_1 от эталонного значения Reference2 можно рассматривать в качестве значимого идентифицирующего признака. Однако более надежной характеристикой для обнаружения акцентного [O] в речи женщин является отклонение по F_2 .

Заключение

Первичный акустический анализ лингвистического материала продемонстрировал

возможность обнаружения отличительных признаков интерферирующей русской речи билингвов, носителей кабардино-черкесского языка.

Дискриминативным признаком акцентного гласного [A] в речи носителей кабардино-черкесского языка является систематическое отклонение его формантных характеристик в пространстве (F_1 , F_2) вправо-вверх от эталонных значений орфоэпической нормы. Наблюдаемое отклонение усредненных формантных наблюдений устойчиво и обладает высокой степенью идентификационной значимости. Для обнаружения акцента эффективнее использовать Reference2.

Идентифицирующим признаком исследуемого акцентного [O] в речи билингвов-мужчин являются, во-первых, высокая вариативность значений второй форманты, F_2 ; во-вторых, выраженное отклонение общего среднего по F_2 вверх относительно обоих эталонов. Отклонение по F_1 может служить лишь в качестве второстепенного индикатора принадлежности данному акценту. При проведении лингвистической экспертизы более оптимально использование значения Reference1 в качестве эталона гласного [O]. В речи билингвов-женщин идентифицирующим признаком кабардино-черкесского акцента является локализация наблюдений в IV квадранте относительно эталона Reference2 в пространстве (F_1 - F_2), то есть правее по F_1 и ниже по F_2 .

Сопоставление вокалических систем на основе формантных характеристик позволяет объективно оценить степень и качество интерферирующего взаимовлияния языковых систем, выявить систематические ошибки реальной речевой деятельности, снизить неточность категоризации на основе довольно условных фонетических признаков гласных. Объективный анализ с использованием акустических признаков позволяет эмпирически обосновать и дополнить перцептивные теории усвоения языка, избавиться от экспертной субъективности в оценках акцентной речи, что принципиально важно при проведении лингвистической экспертизы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Канонические, гендерно-специфические эталонные (Reference1, Reference2 соответственно) и измеренные формантные значения нормативного и ненормативного гласного [A] русской речи билингов-мужчин *, Гц

Table 1. Canonical, gender-specific reference (Reference1, Reference2, respectively) and measured formant values of the normative and non-normative vowel [A] in the Russian speech of male bilinguals *, Hz

Показатель	F ₁	F ₂
Индивидуальные измерения		
km1 медиана	592,09	1263,31
km1 среднее	592,14	1288,13
km1 SD	40,39	108,22
km2 медиана	648,94	1437,00
km2 среднее	647,64	1439,60
km2 SD	35,98	110,92
km3 медиана	649,40	1277,97
km3 среднее	644,34	1264,44
km3 SD	54,81	120,02
km4 медиана	577,44	1342,02
km4 среднее	599,43	1349,82
km4 SD	47,63	111,06
km5 медиана	600,39	1339,80
km5 среднее	600,13	1328,11
km5 SD	26,98	120,65
Общие измерения		
Медиана	610,50	1330,51
Общее среднее	616,73	1334,02
SD	48,01	127,64
Махнаблюдение	736,04	1731,22
Миннаблюдение	503,31	1024,73
Reference1	600	1200
Reference2	500	1180

Примечание. Количество наблюдений – 109. * – L1 – кабардино-черкесский язык; L2 – русский язык.
 Note. Number of observations – 109. * – L1 – Kabardian-Circassian language; L2 – Russian language.

Таблица 2. Канонические, гендерно специфические эталонные (Reference1, Reference2 соответственно) и измеренные формантные значения нормативного и ненормативного гласного [А] русской речи билингвов-женщин *, Гц

Table 2. Canonical, gender-specific reference (Reference1, Reference2, respectively) and measured formant values of the normative and non-normative vowel [A] in the Russian speech of female bilinguals *, Hz

Показатель	F ₁	F ₂
Индивидуальные измерения		
kf1 медиана	647,13	1437,52
kf1 среднее	653,67	1448,23
kf1 SD	113,38	143,56
kf2 медиана	794,39	1417,34
kf2 среднее	794,99	1430,12
kf2 SD	40,84	110,30
kf3 медиана	746,01	1548,16
kf3 среднее	753,88	1549,88
kf3 SD	61,08	78,65
kf4 медиана	704,89	1609,09
kf4 среднее	715,09	1617,09
kf4 SD	91,24	91,44
kf5 медиана	748,30	1401,59
kf5 среднее	748,51	1410,94
kf5 SD	37,23	108,13
Общие измерения		
Медиана	742,56	1496,95
Общее среднее	733,23	1491,25
SD	87,38	133,00
Махнаблюдение	943,40	1815,95
Миннаблюдение	415,53	1210,78
Reference1	600	1200
Reference2	540	1140

Примечание. Количество наблюдений – 110. * – L1 – кабардино-черкесский язык; L2 – русский язык.
 Note. Number of observations – 110. * – L1 – Kabardian-Circassian language; L2 – Russian language.

Таблица 3. Канонические, гендерно специфические эталонные (Reference1, Reference2 соответственно) и измеренные формантные значения нормативного и ненормативного гласного [O] русской речи билингвов-мужчин *, Гц

Table 3. Canonical, gender-specific reference (Reference1, Reference2, respectively) and measured formant values of the normative and non-normative vowel [O] in the Russian speech of male bilinguals *, Hz

Показатель	F ₁	F ₂
Индивидуальные измерения		
km1 медиана	483,06	1370,20
km1 среднее	484,64	1351,09
km1 SD	43,43	261,31
km2 медиана	430,04	994,48
km2 среднее	437,41	1123,38
km2 SD	52,88	335,1147
km3 медиана	455,14	992,28
km3 среднее	485,20	1074,10
km3 SD	72,13	480,85
km4 медиана	491,08	1380,55
km4 среднее	507,12	1411,58
km4 SD	56,90	358,02
km5 медиана	465,38	986,35
km5 среднее	451,00	1087,44
km5 SD	71,25	371,52
Общие измерения		
Медиана	466,77	1142,23
Среднее	473,08	1209,52
SD	64,44	388,74
Махнаблюдение	681,71	2270,77
Миннаблюдение	353,93	646,37
Reference1	450	800
Reference2	380	1090

Примечание. Количество наблюдений – 109. * – L1 – кабардино-черкесский язык; L2 – русский язык.
Note. Number of observations – 109. * – L1 – Kabardian-Circassian language; L2 – Russian language.

Таблица 4. Канонические, гендерно специфические эталонные (Reference1, Reference2 соответственно) и измеренные формантные значения нормативного и ненормативного гласного [O] русской речи билингвов-женщин *, Гц

Table 4. Canonical, gender-specific reference (Reference1, Reference2, respectively) and measured formant values of the normative and non-normative vowel [O] in the Russian speech of females-bilinguals *, Hz

Показатель	F ₁	F ₂
Индивидуальные измерения		
kf1 медиана	457,48	1042,98
kf1 среднее	448,02	1076,79
kf1 SD	49,34	177,06
kf2 медиана	494,91	886,38
kf2 среднее	513,04	946,31
kf2 SD	76,86	194,05
kf3 медиана	505,04	848,77
kf3 среднее	502,43	888,53
kf3 SD	49,06	103,88
kf4 медиана	482,18	959,47
kf4 среднее	487,64	1030,23
kf4 SD	51,67	307,14
kf5 медиана	472,88	864,37
kf5 среднее	487,69	898,63
kf5 SD	63,22	125,32
Общие измерения		
Медиана	487,42	907,36
Среднее	487,76	968,10
SD	62,02	205,15
Махнаблюдение	766,24	2105,79
Миннаблюдение	305,72	755,19
Reference1	450	800
Reference2	430	1200

Примечание. Количество наблюдений – 110. * – L1 – кабардино-черкесский язык; L2 – русский язык.
 Note. Number of observations – 110. * – L1 – Kabardian-Circassian language; L2 – Russian language.

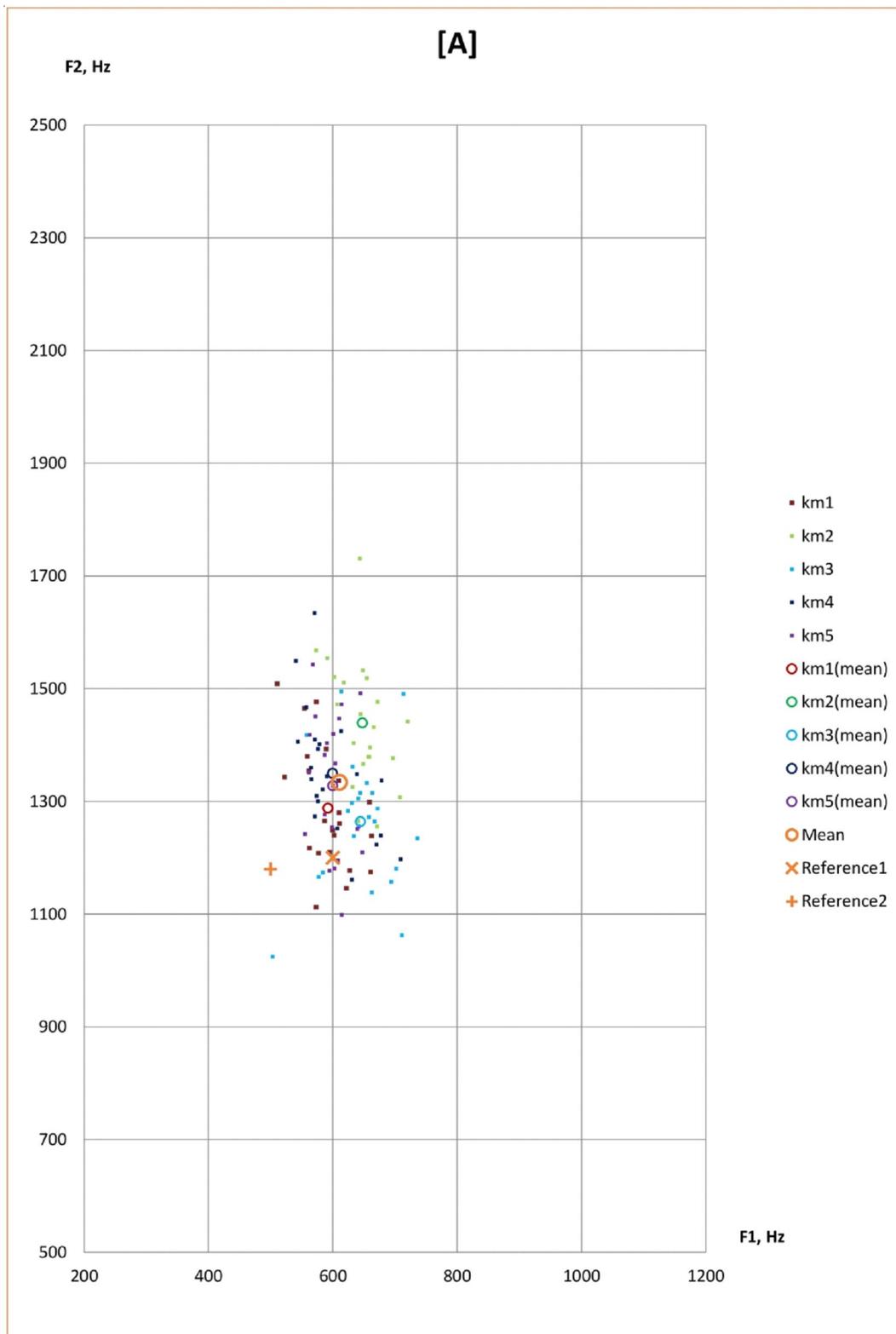
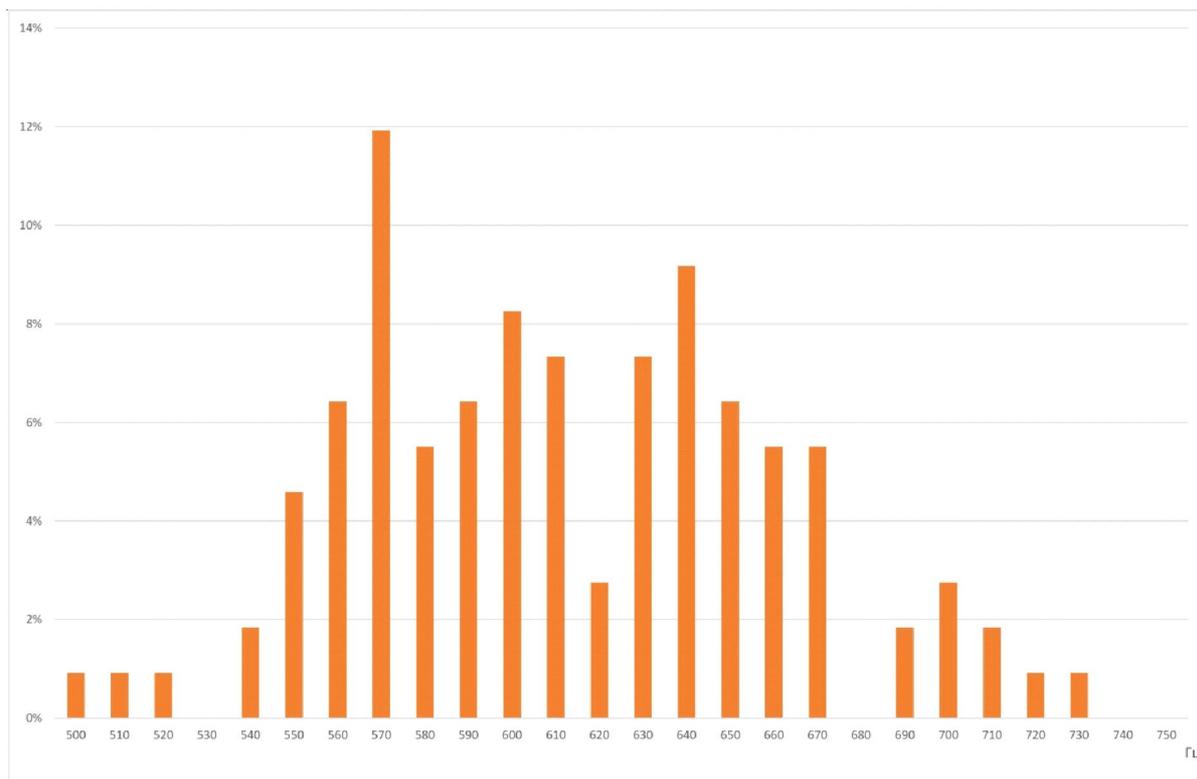
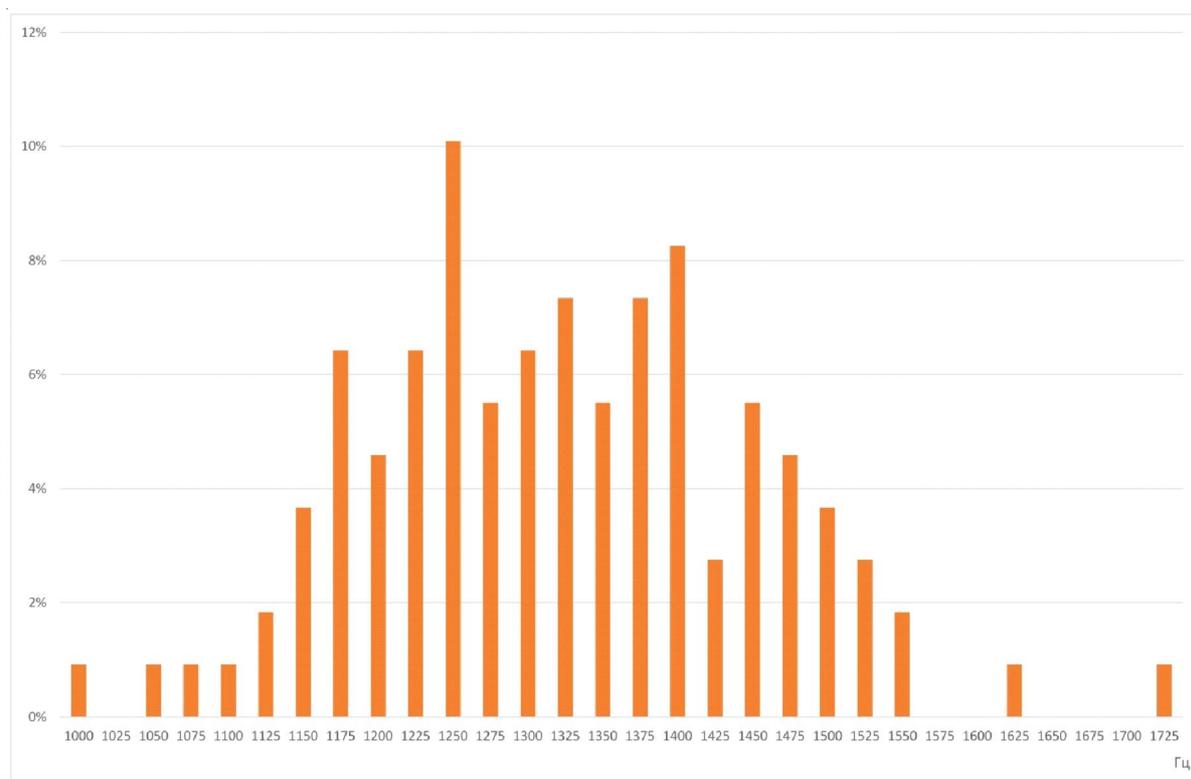


Рис. 1. Формантные значения аллофонов гласного [А] в речи мужчин, владеющих кабардино-черкесским (L1) и русским (L2) языками

Fig. 1. Formants values of the vowel [A] in the male bilinguals' speech (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)



а



б

Рис. 2. Распределение значений первой форманты (а) и второй форманты (б) для акцентного [А] речи дикторов-мужчин (L1 – кабардино-черкесский язык, L2 – русский язык)

Fig. 2. Distribution for values of the first (a) and second (б) formants for the accented [A] in the speech of male speakers (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)

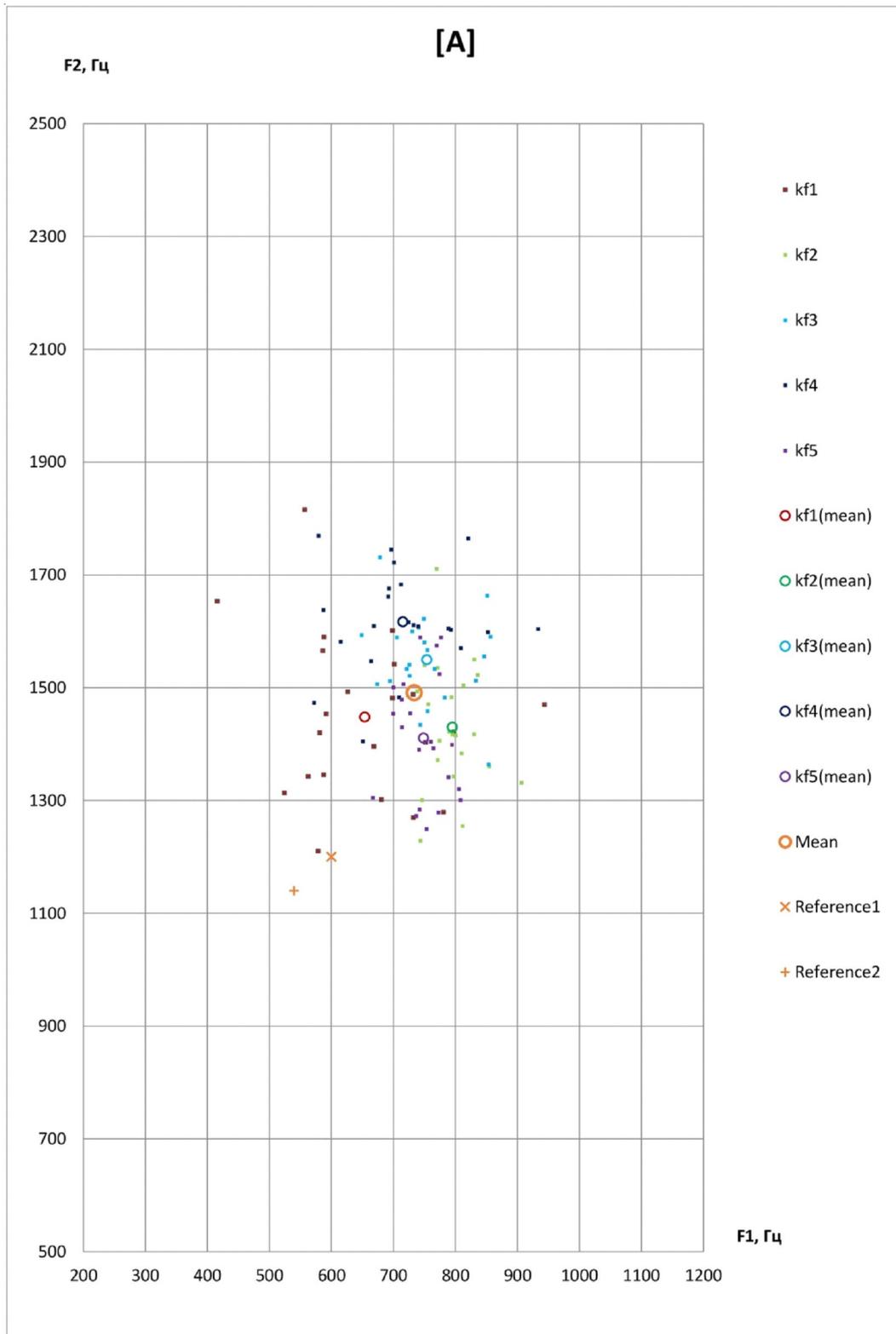
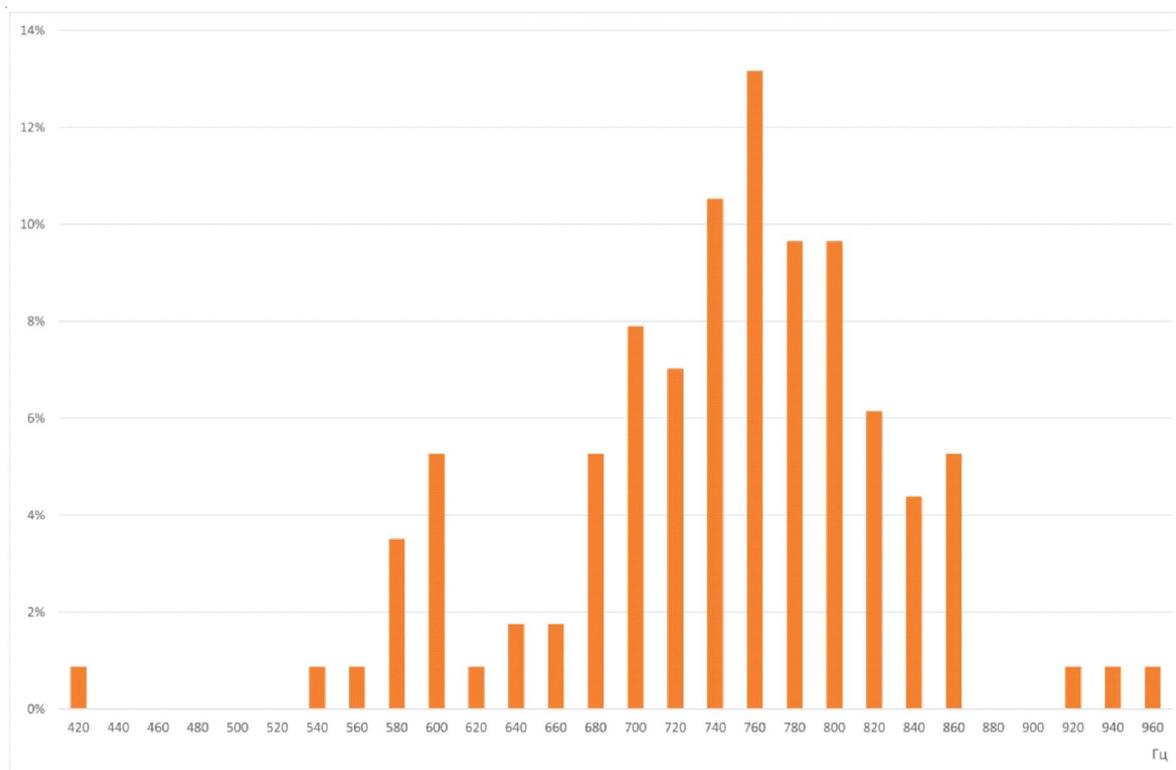
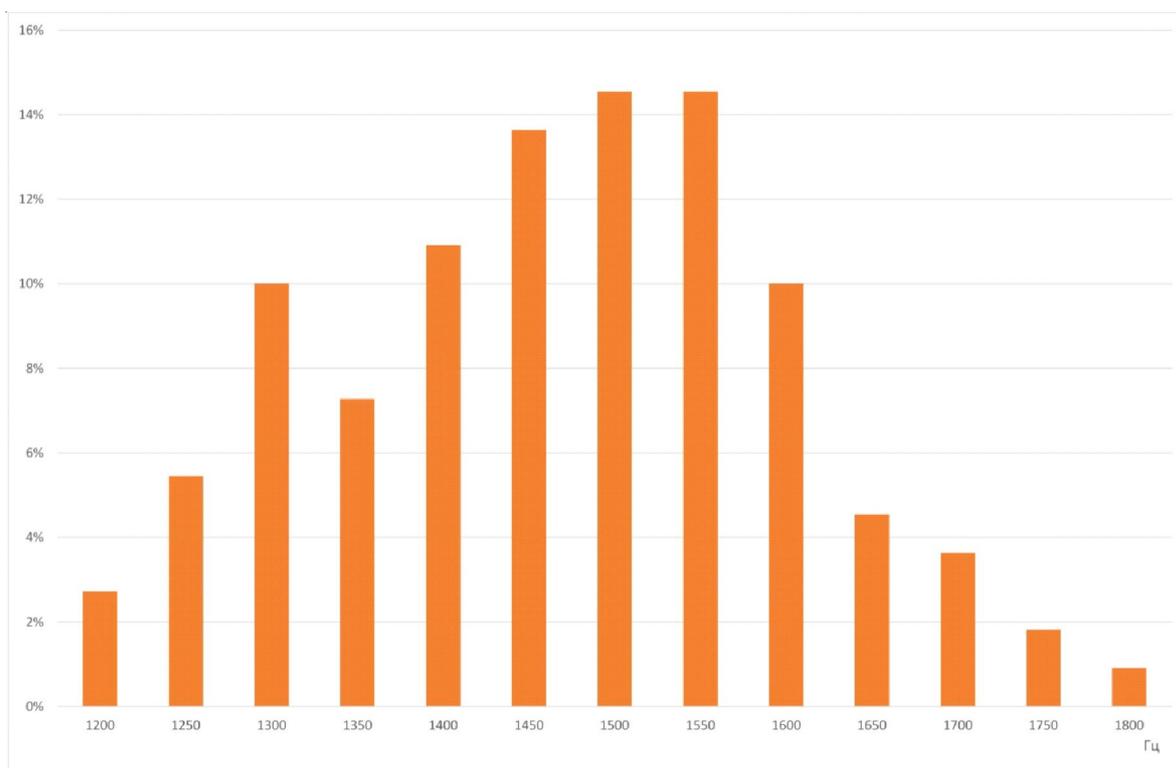


Рис. 3. Формантные значения аллофонов гласного [А] в речи женщин, владеющих кабардино-черкесским (L1) и русским (L2) языками

Fig. 3. Formants values of the vowel [A] in the females-bilinguals speech (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)



a



б

Рис. 4. Распределение значений первой форманты (а) и второй форманты для акцентного (б) [А] в речи дикторов-женщин (L1 – кабардино-черкесский язык, L2 – русский язык)

Fig. 4. Distribution for values of the first (a) and second (б) formants for the accented [A] in the speech of female speakers (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)

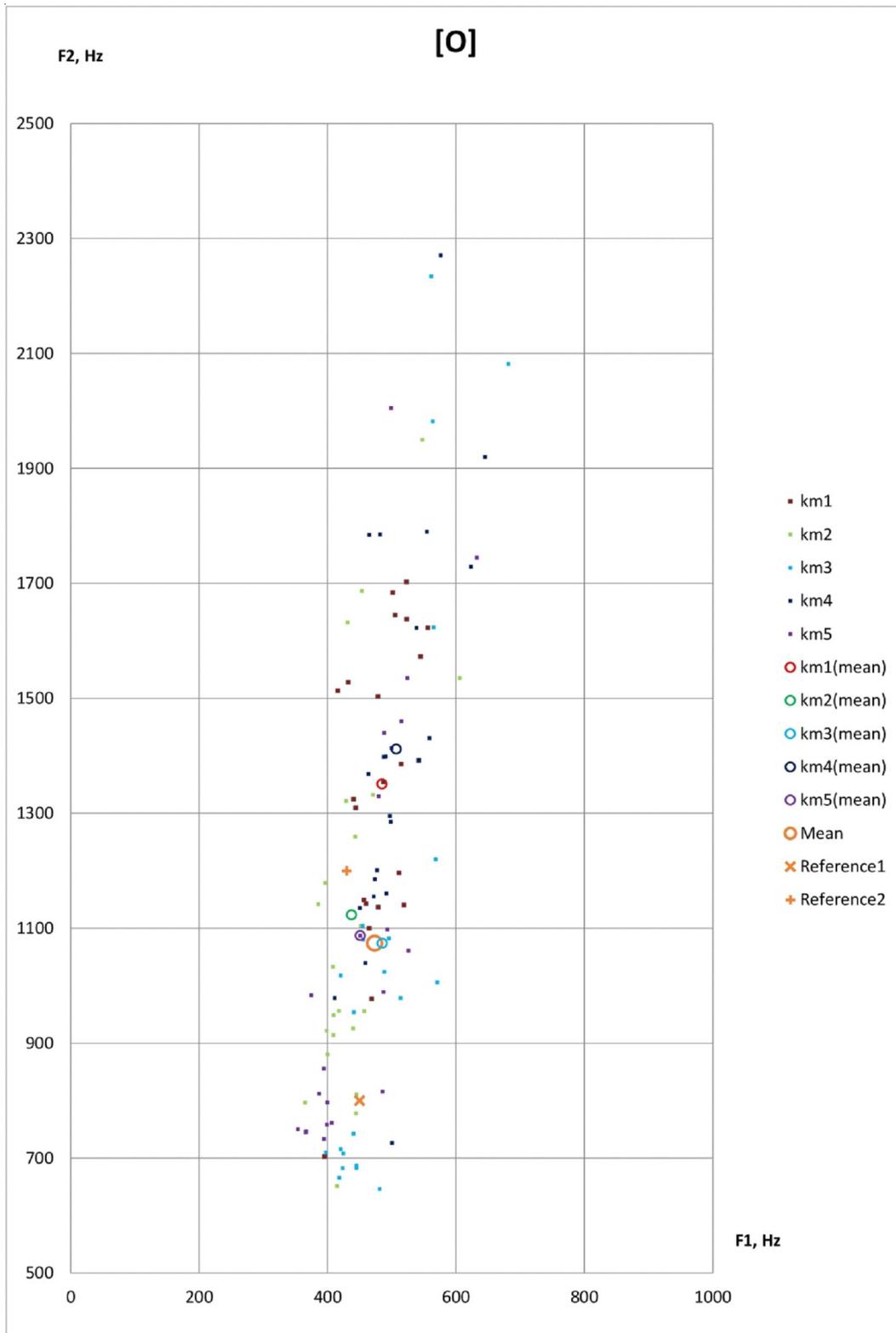
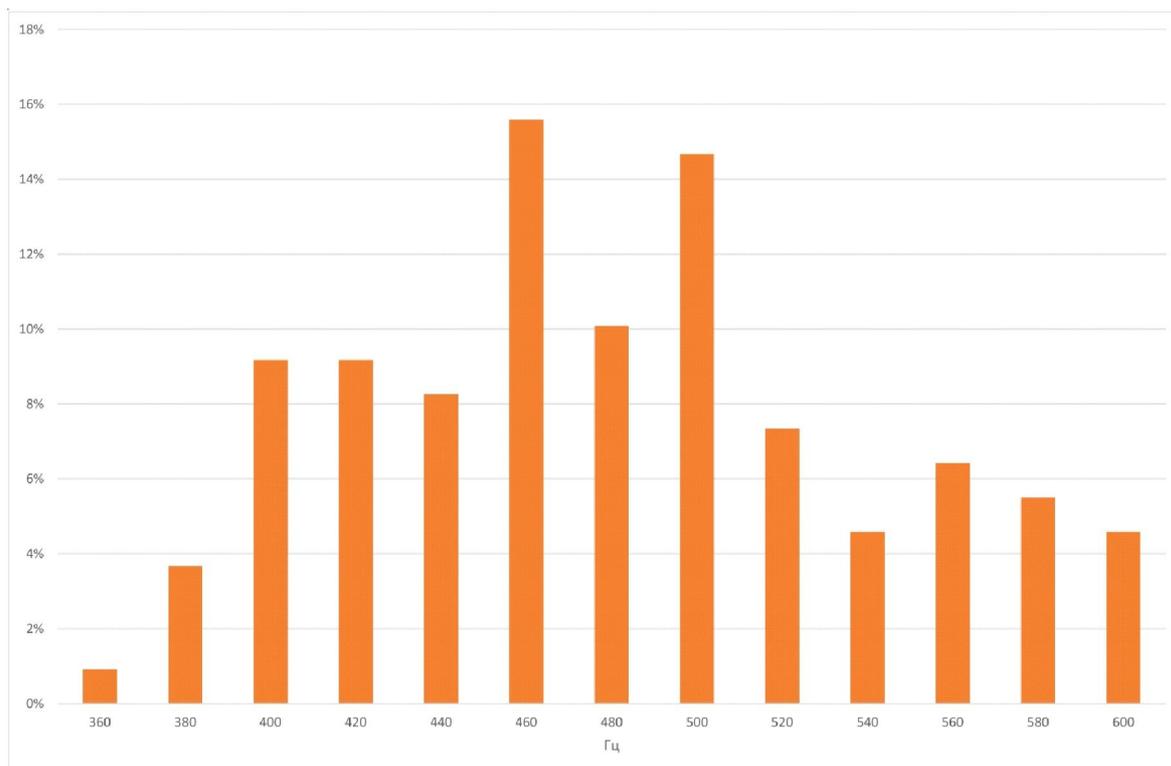
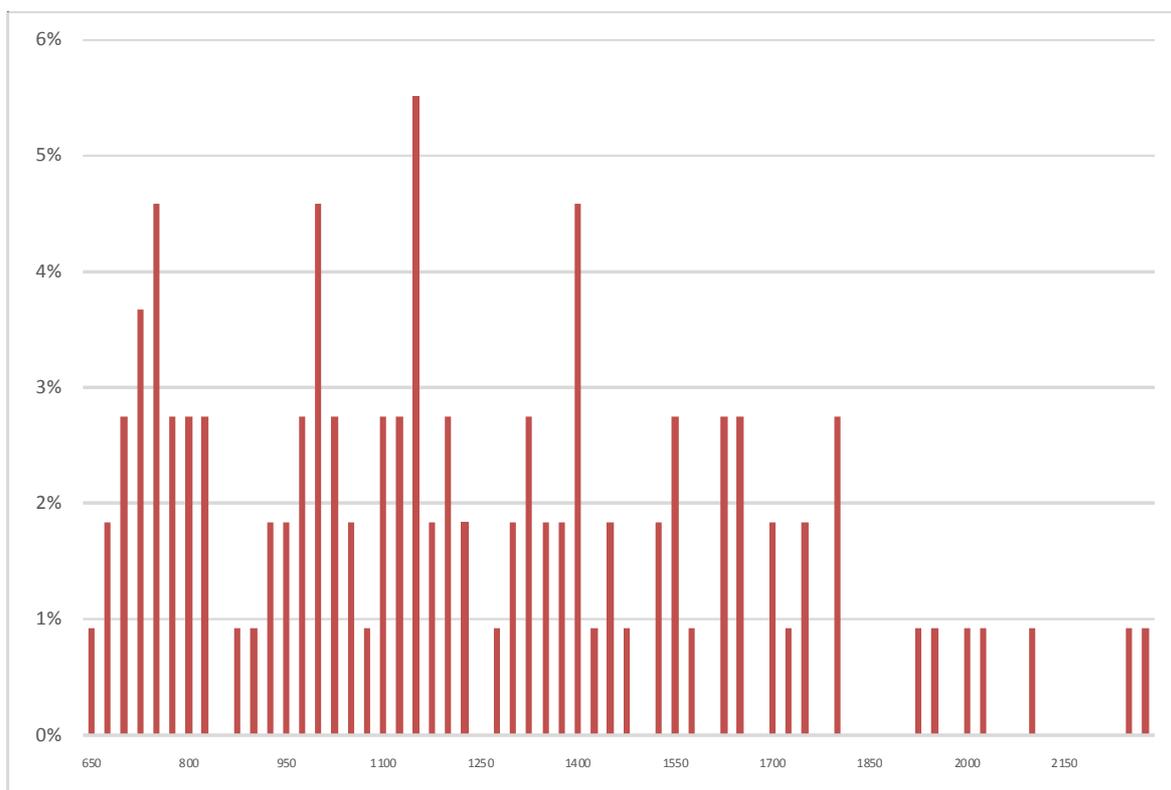


Рис. 5. Формантные значения аллофонов гласного [O] в речи мужчин, владеющих кабардино-черкесским (L1) и русским (L2) языками

Fig. 5. Formants values of the vowel [O] in the male bilinguals' speech (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)



а



б

Рис. 6. Распределение значений первой форманты (а) и второй форманты (б) для акцентного [O] в речи дикторов-мужчин (L1 – кабардино-черкесский язык, L2 – русский язык)

Fig. 6. Distribution for values of the first (a) and second (б) formants for the accented [O] in the speech of male speakers (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)

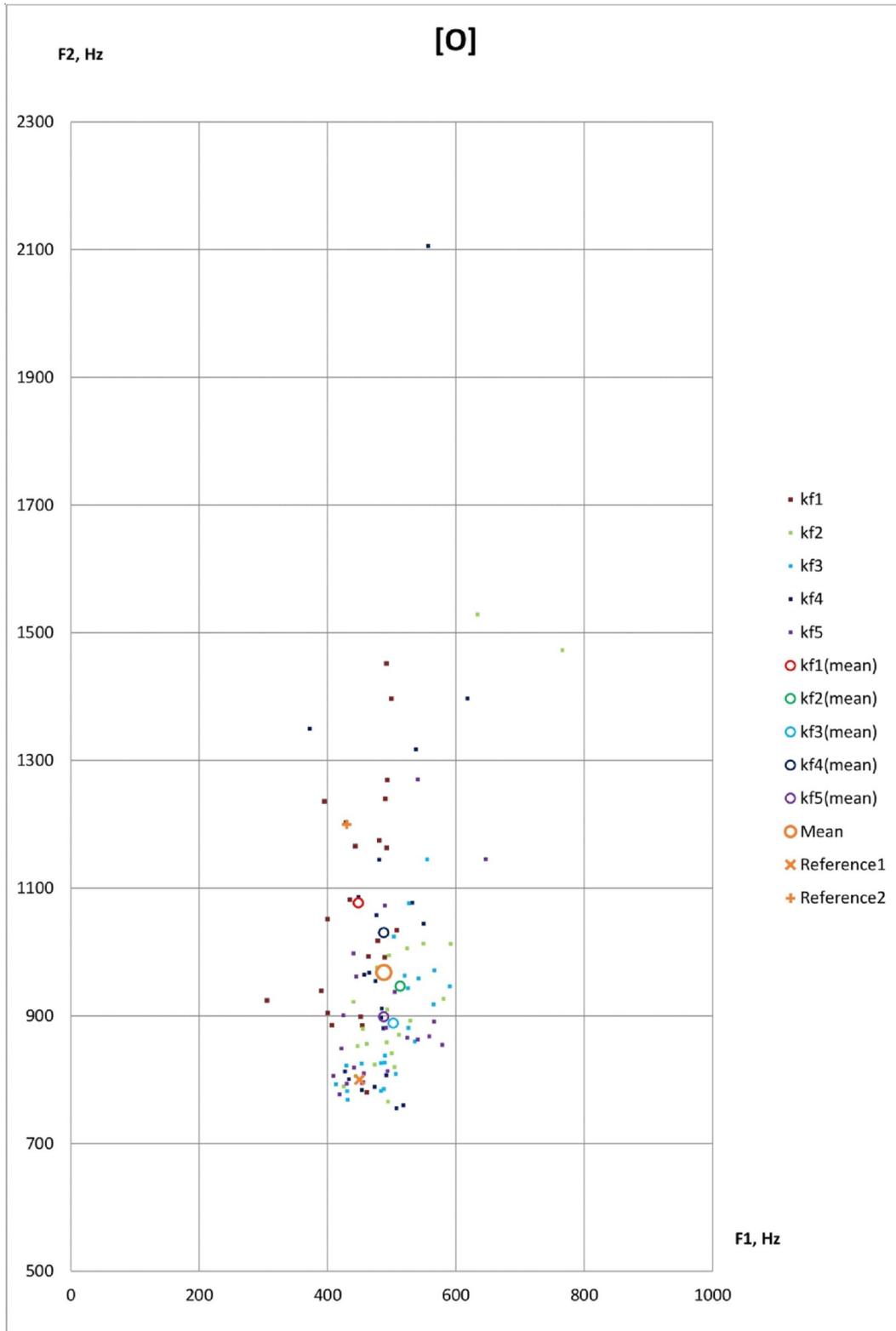
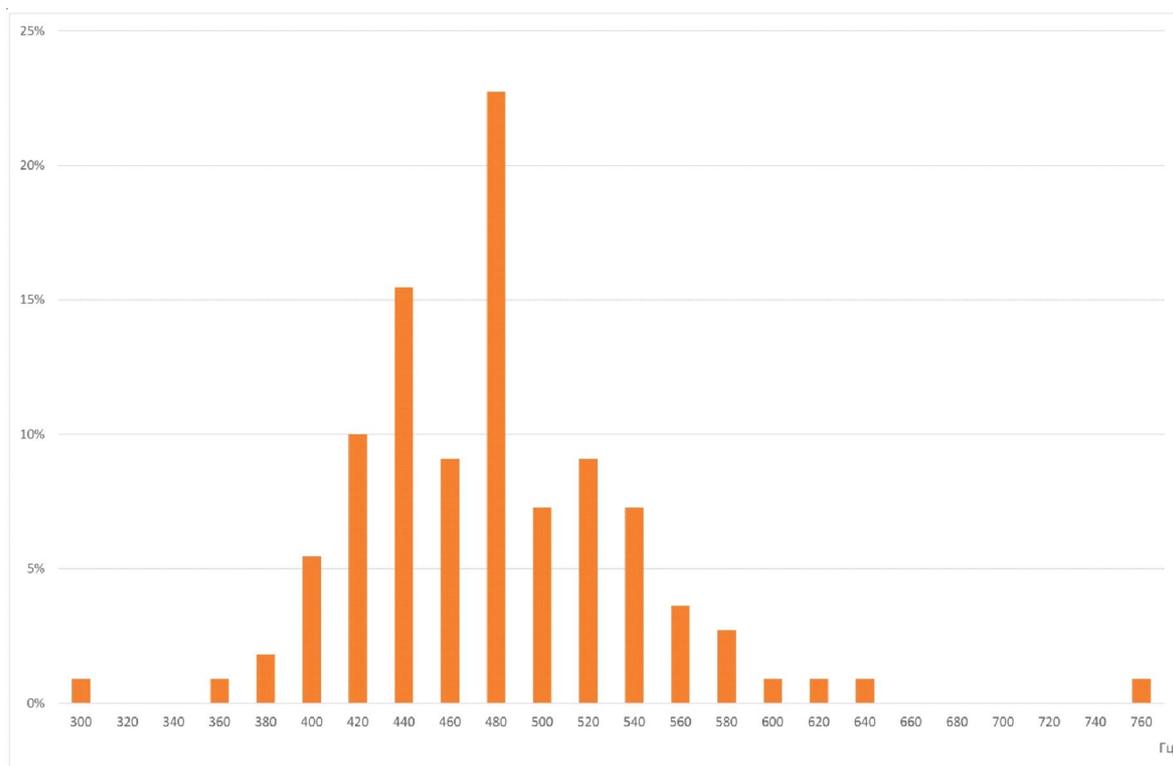
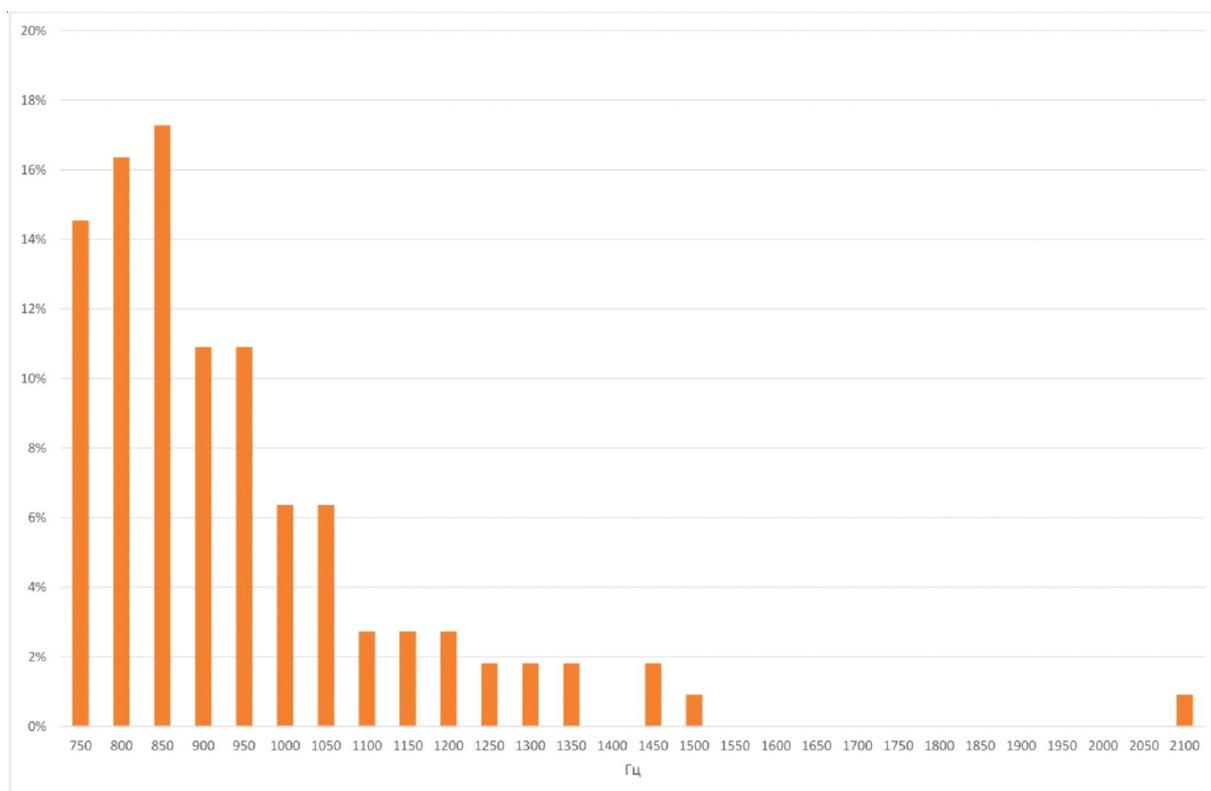


Рис. 7. Формантные значения аллофонов гласного [O] в речи женщин, владеющих кабардино-черкесским (L1) и русским (L2) языками

Fig. 7. Formants values of the vowel [O] in the females-bilinguals speech (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)



a



б

Рис. 8. Распределение значений первой форманты (а) и второй форманты (б) для акцентного [O] в речи дикторов-женщин (L1 – кабардино-черкесский язык, L2 – русский язык)

Fig. 8. Distribution for values of the first (a) and second (б) formants for the accented [O] in the speech of female speakers (L1 – Kabardian-Circassian language, L2 – Russian language)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуртуева И. А., 2020. Современные проблемы автоматического распознавания речи // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 6(98). С. 20–32. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-20-33
- Козлачков С. Б., Дворянкин С. В., Бонч-Бруевич А. М., 2016. Ограничения формантной теории разборчивости речи в приложениях защиты речевой информации // Вопросы кибербезопасности. № 5 (18). С. 28–35.
- Леонов А. С., Макаров И. С., Сорокин В. Н., 2009. Частотные модуляции в речевом сигнале // Акустический журнал. Т. 55, № 6. С. 809–821.
- Программа для анализа и визуализации спектрального состава аудиосообщений : свидетельство о гос. регистрации программы для ЭВМ № 2020618637 от 22.07.2020 / Бжихатлов К. Ч., Гуртуева И. А.
- Сорокин В. Н., Цыплихин А. И., 2004. Сегментация и распознавание гласных // Информационные процессы. Т. 4, № 2. С. 202–220.
- Фонетико-акустический корпус акцентной русской речи : свидетельство о гос. регистрации базы данных № 2023620331 от 23.01.2023 : заявка № 2022623155 / Гуртуева И. А.
- Amodei D., Anubhai R., Battenberg E., Case C., Casper J., Catanzaro B. et al., 2016. Deep Speech 2: End-to-End Speech Recognition in English and Mandarin // ICML'16 : Proceedings of the 33rd International Conference on International Conference on Machine Learning. Vol. 48. P. 173–182. DOI: 10.48550/arXiv.1512.02595
- Chen S. F., Kingsbury B., Mangu L., Povey D., Saon G., Soltau H., Zweig G., 2006. Advances in Speech Transcription at IBM Under the DARPA EARS program // IEEE Trans. Audio, Speech, and Language Processing. Vol. 14. P. 1596–1608.
- Das N., Zegers J., Van Hamme H., Francart T., Bertrand A., 2020. Linear Versus Deep Learning Methods for Noisy Speech Separation for EEG-Informed Attention Decoding // Journal of Neural Engineering. Vol. 17, № 4. DOI: 10.1088/1741-2552/aba6f8
- Deng K., Cao S., Ma L., 2021. Improving Accent Identification and Accented Speech Recognition Under a Framework of Self-Supervised Learning // Proc. Interspeech. P. 1504–1508. DOI: 10.48550/arXiv.2109.07349
- Evermann G., Chan H. Y., Gales M. J. F., Hain T., Liu X., Mrva D., Wang L., Woodland P. C., 2004. Development of the 2003 CU-HTK Conversational Telephone Speech Transcription System // Proc. IEEE ICASSP. Vol. 1. Monreal : [s.n.]. P. 1–249.
- Boersma P., Weenink D., 2003. Praat 6.3.08: Computer Soft Package for Speech Analysis in Phonetics. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
- Han C., O'Sullivan J., Luo Y., Herrero J., Mehta A. D., Mesgarani N., 2019. Speaker-Independent Auditory Attention Decoding Without Access to Clean Speech Sources // Sci Adv. Vol. 15, iss. 5. DOI: 10.1126/sciadv.aav6134
- Kristjansson T. T., Hershey J. R., Olsen P. A., Rennie S. J., Gopinath R. A., 2006. Super-Human Multi-Talker Speech Recognition: The IBM 2006 Speech Separation Challenge System // Proc. Interspeech. Vol. 12. Pittsburg : [s.n.]. P. 155.
- Ladefoged P., Johnson K. A., 2014. Course in Phonetics. Boston : [s. n.]. 352 p.
- Lippmann R. P., 1997. Speech Recognition by Machines and Humans // Speech Communication. Vol. 22, № 1. P. 1–15.
- Lobanov B., Tsurulnik L., 2006. Development of Multi-Voice and Multi-Language TTS Synthesizer (Languages: Belarussian. Polish. Russian) // SPECOM'2006. P. 274–283.
- Matsoukas S., Gauvain J.-L., Adda G., Colthurst T., Kao C.-L., Kimball O., Lamel L., Lefevre F., Ma J. Z., Makhoul J. et al., 2006. Advances in Transcription of Broadcast News and Conversational Telephone Speech Within the Combined Ears bbn/limsi System // IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. Vol. 14. P. 1541–1556.
- Nagoev Z., Gurtueva I., Bzhikhatlov K., Anchekov M., 2022. Phonetic-Acoustic Database of High-Accent Russian Speech // Procedia Computer Science. Vol. 213. P. 518–522. DOI: 10.1016/j.procs.2022.11.099
- Najafian M., Russell M., 2020. Automatic Accent Identification as an Analytical Tool for Accent Robust Automatic Speech Recognition // Speech Communication. Vol. 122. P. 44–55. DOI: 10.1016/j.specom.2020.05.003
- Pallett D. S., 2003. A Look at NIST's Benchmark ASR Tests: Past, Present, and Future // IEEE Automatic Speech Recognition and Understanding Workshop. P. 483–488. DOI: 10.1109/ASRU.2003.1318488
- Seide F., Li G., Yu D., 2011. Conversational Speech Transcription Using Context-Dependent Deep Neural Networks // Proceedings Interspeech. Florence. P. 437–440. DOI: 10.21437/Interspeech.2011-169
- SpecApp : свидетельство о гос. регистрации программы для ЭВМ №2021615667 от 21.04.2021 / Гуртуева И. А., Бжихатлов К. Ч.
- Stolcke A., Chen B., Franco H., Gadde V. R. R., Graciarena M., Hwang M.-Y., Kirchhoff K., Mandal A., Morgan N., Lei X. et al., 2006. Recent Innovations in Speech-to-Text Transcription at SRI-ICSI-UW // IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. Vol. 14. P. 1729–1744. DOI: 10.1109/TASL.2006.879807

- Straetmans L., Holtze B., Debener S., Jaeger M., Mirkovic B., 2022. Neural Tracking to Go: Auditory Attention Decoding and Saliency Detection with Mobile EEG // *J. Neural Eng.* Vol. 18 (6). DOI: 10.1088/1741-2552/ac42b5
- Weinreich U., 1979. *Languages in Contact: Findings and Problems.* The Hague : Mouton Publishers. 148 p.
- Weng C., Yu D., Seltzer M. L., Droppo J., 2014. Single-Channel Mixed Speech Recognition Using Deep Neural Networks // *Proc. IEEE ICASSP.* Florence. P. 5632–5636. DOI: 10.1109/ICASSP.2014.6854681

REFERENCES

- Gurtueva I.A., 2020. Sovremennye problemy avtomaticheskogo raspoznavaniya rechi [State-of-the-Art of Automatic Speech Recognition]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS], no. 6 (98), pp. 20-32. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-20-33
- Kozlachkov S.B., Dvoryankin S.V., Bonch-Bruevich A.M., 2016. Ogranicheniya formantnoy teorii razborchivosti rechi v prilozheniyakh zashchity rechevoy informatsii [Limitations of Formant Theory of Speech Intelligibility in Speech Security Applications]. *Voprosy kiberbezopasnosti* [Cybersecurity Issues], no. 5 (18), pp. 28-35.
- Leonov A.S., Makarov I.S., Sorokin V.N., 2009. Chastotnye modulyatsii v rechevom signale [Frequency Modulations in a Speech Signal]. *Akusticheskiy zhurnal* [Acoustic Magazine], vol. 55, no. 6, pp. 809-821.
- Bzhikhatlov K.Ch., Gurtueva I.A., 2020 *Programma dlya analiza i vizualizatsii spektralnogo sostava audioobshcheniy: svidetelstvo o gos. registratsii programmy dlya EVM № 2020618637 ot 22.07.2020* [Program for Analysis and Visualization of Spectral Composition of Audio Messages. Certificate of State Registration of Computer Program No. 2020618637 Dated July 22, 2020].
- Sorokin V.N., Tsyplikhin A.I., 2004. Segmentatsiya i raspoznavanie glasnykh [Vowel Segmentation and Recognition]. *Informatsionnye protsessy* [Information Processes], vol. 4, no. 2, pp. 202-220.
- Gurtueva I.A., 2023. *Fonetiko-akusticheskiy korpus aktsentnoy russkoy rechi: svidetelstvo o gos. registratsii bazy dannykh № 2023620331 ot 23.01.2023: zayavka № 2022623155* [Phonetic-Acoustic Corpus of Accented Russian Speech. Certificate of State Registration of Databases No. 2023620331, January 23, 2023. Application No. 2022623155].
- Amodei D., Anubhai R., Battenberg E., Case C., Casper J., Catanzaro B. et al., 2016. Deep Speech 2: End-to-End Speech Recognition in English and Mandarin. *ICML'16: Proceedings of the 33rd International Conference on International Conference on Machine Learning*, vol. 48, pp. 173-182. DOI: 10.48550/arXiv.1512.02595
- Chen S.F., Kingsbury B., Mangu L., Povey D., Saon G., Soltau H., Zweig G., 2006. Advances in Speech Transcription at IBM Under the DARPA EARS Program. *IEEE Trans. Audio, Speech, and Language Processing*, vol. 14, pp. 1596-1608.
- Das N., Zegers J., Van Hamme H., Francart T., Bertrand A., 2020. Linear Versus Deep Learning Methods for Noisy Speech Separation for EEG-Informed Attention Decoding. *Journal of Neural Engineering*, vol. 17, no. 4. DOI: 10.1088/1741-2552/aba6f8
- Deng K., Cao S., Ma L., 2021. Improving Accent Identification and Accented Speech Recognition Under a Framework of Self-Supervised Learning. *Proc. Interspeech*, pp. 1504-1508. DOI: 10.48550/arXiv.2109.07349
- Evermann G., Chan H.Y., Gales M.J.F., Hain T., Liu X., Mrva D., Wang L., Woodland P.C., 2004. Development of the 2003 CU-HTK Conversational Telephone Speech Transcription System. *Proc. IEEE ICASSP. Vol. 1.* Montreal, s. n., pp. 1-249.
- Boersma P., Weenink D., 2023. *Praat 6.3.08: Computer Soft Package for Speech Analysis in Phonetics.* URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
- Han C., O'Sullivan J., Luo Y., Herrero J., Mehta A.D., Mesgarani N., 2019. Speaker-Independent Auditory Attention Decoding Without Access to Clean Speech Sources. *Sci Adv*, vol. 15, iss. 5. DOI: 10.1126/sciadv.aav6134
- Kristjansson T.T., Hershey J.R., Olsen P.A., Rennie S.J., Gopinath R.A., 2006. Super-Human Multi-Talker Speech Recognition: The IBM 2006 Speech Separation Challenge System. *Proc. Interspeech. Vol. 12.* Pittsburg, s. n., p. 155.
- Ladefoged P., Johnson K.A., 2014. *Course in Phonetics.* Boston, s.n. 352 p.
- Lippmann R.P., 1997. Speech Recognition by Machines and Humans. *Speech Communication*, vol. 22, no. 1, pp. 1-15.
- Lobanov B., Tsurulnik L., 2006. Development of Multi-Voice and Multi-Language TTS Synthesizer (Languages: Belarussian. Polish. Russian). *SPECOM'2006*, pp. 274-283.
- Matsoukas S., Gauvain J.-L., Adda G., Colthurst T., Kao C.-L., Kimball O., Lamel L., Lefevre F., Ma J.Z., Makhoul J. et al., 2006. Advances in Transcription of Broadcast News and Conversational Telephone Speech Within the Combined Ears bbn/limsi System. *IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*, vol. 14, pp. 1541-1556.

- Nagoev Z., Gurtueva I., Bzhikhatlov K., Anchekov M., 2022. Phonetic-Acoustic Database of High-Accent Russian Speech. *Procedia Computer Science*, vol. 213, pp. 518-522. DOI: 10.1016/j.procs.2022.11.099
- Najafian M., Russell M., 2020. Automatic Accent Identification as an Analytical Tool for Accent Robust Automatic Speech Recognition. *Speech Communication*, vol. 122, pp. 44-55. DOI: 10.1016/j.specom.2020.05.003
- Pallett D.S., 2003. A Look at NIST's Benchmark ASR Tests: Past, Present, and Future. *IEEE Automatic Speech Recognition and Understanding Workshop*, pp. 483-488. DOI: 10.1109/ASRU.2003.1318488
- Seide F., Li G., Yu D., 2011. Conversational Speech Transcription Using Context-Dependent Deep Neural Networks. *Proceedings Interspeech*. Florence, pp. 437-440. DOI: 10.21437/Interspeech.2011-169
- Gurtueva I.A., Bzhikhatlov K.Ch., 2021. *SpecApp: svidetelstvo o gos. registratsii programmy dlya EVM №2021615667 ot 21.04.2021* [SpecApp. Certificate of State Registration of Computer Programs No. 2021615667 Dated April 21, 2021].
- Stolcke A., Chen B., Franco H., Gadde V.R.R., Graciarena M., Hwang M.-Y., Kirchhoff K., Mandal A., Morgan N., Lei X. et al., 2006. Recent Innovations in Speech-To-Text Transcription at SRI-ICSI-UW. *IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*, vol. 14, pp. 1729-1744. DOI: 10.1109/TASL.2006.879807
- Straetmans L., Holtze B., Debener S., Jaeger M., Mirkovic B., 2022. Neural Tracking to Go: Auditory Attention Decoding and Saliency Detection with Mobile EEG. *J. Neural Eng.*, vol. 18 (6). DOI: 10.1088/1741-2552/ac42b5
- Weinreich U., 1979. *Languages in Contact: Findings and Problems*. The Hague, Mouton Publishers. 148 p.
- Weng C., Yu D., Seltzer M.L., Droppo J., 2014. Single-Channel Mixed Speech Recognition Using Deep Neural Networks. *Proc. IEEE ICASSP*. Florence, pp. 5632-5636. DOI: 10.1109/ICASSP.2014.6854681

Information About the Authors

Irina A. Gurtueva, Researcher, Laboratory of Computational Linguistics, Institute of Computer Science and Problems of Regional Management, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, I. Armand St, 37a, 360000 Nalchik, Russia, gurtueva-i@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4945-5682>

Michael V. Kamensky, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, Bld. 20, 355009 Stavropol, Russia, mkamenskii@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516>

Информация об авторах

Ирина Асланбековна Гуртуева, научный сотрудник лаборатории компьютерной лингвистики, Институт информатики и проблем регионального управления, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, ул. И. Арманд, 37а, 360000 г. Нальчик, Россия, gurtueva-i@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4945-5682>

Михаил Васильевич Каменский, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, корп. 20, 355009 г. Ставрополь, Россия, mkamenskii@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.11>

UDC 811.161.1
LBC 81.411.2

Submitted: 22.02.2024
Accepted: 13.05.2024

POLYCODENESS AS CREATIVITY MANIFESTATION IN MODERN MEDIA TEXT ¹

Larisa V. Ratsiburskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Sabina G. Busareva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article deals with the techniques and means of polycodeness realization in print and electronic media texts. The purpose of the study is to describe various techniques and means of polycodeness as creativity manifestation in modern media texts. The new research material, introduced into scientific field, has been analyzed within the framework of an up-to-date linguacreative aspect. As a result, the structural and functional specificity of various types of polycodeness was revealed. The research material shows the peculiarities graphic means of polycodeness functioning: monografication (hyphenation, parenthesis, use of punctuation marks), capitalization, polygrafixation, codografixation, drawing. The following functions of non-graphic means of polycodeness, namely colour highlights, photographic images, are revealed, including the actualization of ambivalence in reading the text and focusing on the content of the publication. The cases of complex use of polycodeness means are described. Complex means of polycodeness are represented by combinations of codografixation and colour selection, monografixation and capitalization, capitalization and polygrafixation, font and photo images selection, colour and photo images selection. The textual positions of the polycode facts are determined: heading complexes, advertising slogans. The headlines and slogans with polycodeness manifestations are shown to have some creative and attractive potential and can serve as an effective factor in the text expressivity intensification in various fields of communication. The analysis results indicate the universal nature of graphic and non-graphic means of polycodeness used in thematically heterogeneous publications.

Key words: media, polycodeness, graphic means of polycodeness, non-graphic means of polycodeness, linguacreativity, linguapragmatics.

Citation. Busareva S.G., Ratsiburskaya L.V. Polycodeness as Creativity Manifestation in Modern Media Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 142-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.11>

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

Дата поступления статьи: 22.02.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

ПОЛИКОДОВОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ТЕКСТА ¹

Лариса Викторовна Рацибурская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Сабина Гадир-кызы Бусарева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются приемы и средства поликодовости в медийных текстах печатных и электронных СМИ. Цель работы – исследование различных приемов и средств поликодовости как проявления креативности современных медийных текстов. В научный оборот введен новый исследовательский материал, который анализируется в актуальном лингвокреативном аспекте. Установлена структурно-функциональная специфика различных видов поликодовости. На новом материале показано функционирование графических средств поликодовости: монографикации (дефисация, парентезис, использование знаков препинания), капитализации, полиграфикации, кодографикации, рисунка. К функциям неграфических средств поликодовости (цветовые выделения, фотоизображения) относятся актуализация амбивалентности прочтения текста и акцентирование внимания на содержании публикации. Описаны случаи комплексного применения средств поликодовости. Комплексные средства поликодовости представлены сочетаниями кодографикации и цветового выделения, монографикации и капитализации, капитализации и полиграфикации, шрифтового выделения и фотоэлементов, цветового выделения и фотоэлементов. Определены текстовые позиции фактов поликодовости: заголовочные комплексы, рекламные слоганы. Заголовки и слоганы с проявлениями поликодовости обладают креативным и аттрактивным потенциалом и могут быть действенным фактором экспрессивизации текста в разных сферах коммуникации. Результаты анализа материала свидетельствуют об универсальном характере графических и неграфических средств поликодовости в тематически разнородных публикациях.

Ключевые слова: медиа, поликодовость, графические средства поликодовости, неграфические средства поликодовости, лингвокреативность, лингвопрагматика.

Цитирование. Рацибурская Л. В., Бусарева С. Г. Поликодовость как проявление креативности современного медийного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 142–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.11>

Введение

Процессы информационного обмена в современном обществе тесно связаны с представлениями о моделях и уровнях коммуникации, с понятием коммуникации. Современные исследователи определяют ее как «интегративное речемыслительное пространство, природа которого не сводится к языку» и считают, что «язык – только важнейшая составляющая коммуникации, но не единственная» [Шарандин, 2019, с. 118].

В.М. Алпатов акцентирует внимание на том, что лингвист, рассматривая факты языка, находится в проблемной ситуации, поскольку ему необходимо выстроить специфическую позицию к изучаемому материалу: «Постоянно идет борьба стремления к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желание рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей» [Алпатов, 2015, с. 18].

Постулат о функциональных границах лингвистики, сформулированный А.Е. Кибриком – «всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 1992, с. 20], – используется применительно к анализу дискурсивных практик новейшего времени. Как отмечает В.Е. Чернявская, «можно констатировать расширение предметных границ лингвистики, изменение ее теоретических представлений о речевой системности, перемещение фокуса на информацию о поликодовом характере коммуникации, о роли иных семиотических кодов в организации высказывания в социальном взаимодействии (курсив наш. – Л. Р., С. Б.)» [Чернявская, 2021, с. 8]. По мнению И.А. Сафоновой, «роль разных каналов получения информации о реальной действительности, значимость этой информации для человека... неодинаковы» [Сафонова, 2023, с. 107].

Сегодня приоритеты в сфере исследований связаны с тем, что в настоящее время специалисту приходится работать в многоязычном поликодовом пространстве. Новыми

объектами лингвистики становятся интердискурсивность, медиальность, поликодовость [Нефедов, Чернявская, 2020, с. 85–86]: «...социальные значения создаются в нелингвистическом семиозисе, визуальный модус общения, изображения, типографика, жесты становятся объектами рефлексивной деятельности человека в социуме и участвуют в интерпретации и порождении смыслов» [Чернявская, 2021, с. 19].

В настоящее время – время современных технологий – возникает необходимость в быстром и легком восприятии информации, чему способствует воздействие сразу на несколько каналов восприятия: «Отправители все чаще и чаще создают и предлагают получателям так называемые поликодовые сообщения, которые признаны наиболее эффективными в плане восприятия» [Сергеева, Уварова, 2014, с. 129]. Ученые отмечают важность зрительного канала восприятия: «Зрение является основным модусом (модальностью) восприятия, а доминирование зрения (“окулярцентризм”) – общечеловеческой универсалией» [Сафонова, 2023, с. 107]. Результаты лингвистических исследований свидетельствуют о том, что к языкам, демонстрирующим доминирование у носителей зрительного восприятия как способа получения знаний о мире, относится русский язык [Горбань и др., 2015, с. 241–290].

На рубеже XX–XXI вв. широкое распространение получили исследования того, в какой степени материальный формат коммуникации влияет на ее содержание. Актуализация содержания за счет ценности канала общения становится распространенным приемом в эпоху средств массовой информации. Формат оказывается значимым и содержательным, поскольку «обеспечивает максимальную концентрацию внимания... читателя в процессе восприятия текста на одном из его участков путем концентрации всех когнитивных усилий для его выделения и распознавания» [Чернявская, 2016, с. 4].

Взаимодействие разных коммуникативных каналов определяется в научных исследованиях следующими терминами: «мультимодальность», «мультимедальность», «полимедальность», «поликодовость». Понятие поликодовости связано с понятием коммуникативного кода, где код – система условных обозначений, сим-

волов, знаков и правил их комбинирования для различных информационных операций. Термин «поликодовость» тем самым отражает разнообразие кодов, используемых в тексте.

Поликодовость исследуется в работах многих современных авторов (см., например: [Кузьмина, 2011; Мичурин, 2014; Рацибурская, 2018; Рацибурская, Бусарева 2021; Тошович, 2018; Чернявская, 2013; 2016; Чичерина, 2007; Шипова, 2013; Kress, van Leeuwen, 2001; Makaruk 2015] и др.). Они показывают, что в поликодовом тексте объединяются знаки, символы, коды, средства различных видов устного и письменного общения – буквенные и небуквенные (знаки, символы, графика, иллюстрации, карикатуры, чертежи, рисунки, фотоматериалы, аудио- и видеоматериалы и др.) [Тошович, 2018, с. 131].

Тем самым поликодовость – одно из проявлений лингвокреативного потенциала носителей языка. Исследование лингвокреативности стало актуальным научным направлением лингвистики XXI века. С развитием интернет-коммуникации расширились возможности для использования креативных ресурсов языка [Иванова, Клушина, 2021]. Лингвокреативная специфика поликодовых текстов тесно связана с их аттрактивностью и экспрессивно-воздействующим потенциалом: «Выразительность и собственно персуазивный воздействующий эффект складывается во взаимодействии используемых языковых или неязыковых ресурсов между собой, а также с экстралингвистической информацией...» [Чернявская, 2021, с. 140]. Поликодовость выступает как эффективный инструмент речевого воздействия, в котором соединяются рациональное, логоцентрическое и эмоционально-чувственное начала. «Важнейшим средством воздействия являются средства массовой информации, которые не только выполняют информативную функцию, но и способствуют оценке социальных реалий, формируют моральные нормы, эстетические вкусы, ценностные приоритеты и тем самым воздействуют на массовое общественное сознание» [Рацибурская, Бусарева, 2021, с. 834].

По мнению ученых, письменная интернет-коммуникация также обладает сильным воздейственным потенциалом и имеет ряд характерных черт, которые сближают ее с

современными печатными и электронными СМИ: «Эллиптичность; редукция значимых метатекстовых компонентов (пренебрежение к речевым нормам); экспрессивность; тяготение к апологетическим и саркастическим приемам коммуникации; склонность к языковой игре, основанной на использовании каламбура, парадокса, алогизма, оксюморона, паронимической аттракции и других лингвистических приемов» [Бабук, 2023, с. 17].

Использование поликодовых текстов «стало возможным благодаря интерактивности гипертекста и креативности» [Бабук, 2023, с. 17], которой в целом наделяются медиатексты и компьютерно-опосредованная коммуникация, «где все участники стремятся реализовать такие же возможности общения, какие они используют в условиях живого контакта “лицом к лицу”» [Бабук, 2023, с. 17].

Цель данного исследования – описание различных приемов и средств поликодовости как реализации креативности современных медийных текстов печатных и электронных СМИ. В ходе анализа рассмотрены графические виды поликодовости вербального и невербального характера. При этом учитывалось, что цвет, рисунок и фотоизображения выступают в медиатекстах и как самостоятельное средство поликодовости, и как сопутствующее графической поликодовости средство. Объектом анализа выступают проявления поликодовости, где в рамках контекста задействованы различные средства поликодовости. Поликодовость может быть представлена в новообразованиях словного характера, фрагментах текста, рекламных слоганах.

Материал и методы

Материал исследования – медийные тексты печатных и электронных СМИ, посвященные темам информационных технологий, культуры и искусства, медицины, образования, религии, спорта, экономики и др. Источники материала: издания в печатном и электронном вариантах (газеты «Версия», «Вестник Нафтана», «Вечерняя Москва», «Газета.ru», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Наша версия», «Ревдинский рабочий», «Российская газета», «Тульские новости», «Celedka»; журналы

«Фома», «Эксперт»); веб-сайты (agitblog.ru, alfalife-nn.com, arzamas.ru, livejournal.com, ntv.ru, onlinetambov.ru, smotrim.ru, wciom.ru, zdravomedru.com, 66.ru); телеграм-каналы (t.me/lobachevsky_university). В данной статье представлены материалы 15 печатных изданий и 12 интернет-источников. Описаны 72 случая поликодовости в указанных медийных источниках. Примеры из анализируемых источников приводятся в оригинальной орфографии и пунктуации.

В ходе исследования использовались различные методы изучения материала. При определении структуры новообразований и их функционально-семантической характеристике применялся метод структурно-семантического анализа, при определении семантической структуры слова – метод компонентного анализа, при определении роли заголовка в тексте публикации – метод контент-анализа.

Результаты и обсуждение

Средства поликодовости, рассматриваемые в данной статье, это родовая рубрикация, которая в дальнейшем дифференцируется.

1. Графические средства поликодовости

Классификация графических средств поликодовости представлена в статье с учетом классификации Т.В. Поповой, которая характеризует сочетания различных графических и неграфических средств в рамках слова [Попова, 2013]. На наш взгляд, в подобных случаях можно говорить о поликодовости применительно к отдельным новообразованиям, а не только по отношению к тексту в целом. С учетом предложенной Т.В. Поповой классификации, средства поликодовости могут быть дифференцированы на графические вербальные и графические невербальные в зависимости от отношения к знакам письма.

1.1. Графические вербальные средства

К графическим вербальным средствам поликодовости, на наш взгляд, можно отнести использование алфавитных знаков разных языков, а также другие средства письма: орфографические и пунктуационные знаки. В классификации Т.В. Поповой представлены дефисация, парентезис, знаки препинания, капитализация, по-

лиграфикация. Данные средства поликодовости достаточно широко используются в анализируемых в данной статье медийных источниках.

1.1.1. Дефисация

Дефисация – прием поликодовости, при котором дефис разделяет слово на значимые части, соответствующие самостоятельным словам или морфемам [Попова, 2013, с. 161]. Дефис может использоваться для актуализации исходных слов:

(1) **Долго**-жданные правила. Главный судебный пристав России Дмитрий Аристов: «Готовятся меры по защите граждан от ошибочного списания денег» (<https://rg.profkiosk.ru/600635>).

Новообразование *со-твори* в заголовке журнала «Фома» также создано с помощью дефисации:

(2) **Со-твори!** (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-7-243-iyul-2023-g>).

Название тематически соотносится с разделом журнала, посвященным разговору об искусстве кинематографа: «“Самый главный дар в искусстве – способность передать любовь”. Разговор Владимира Легойды с режиссером Андреем Кончаловским».

Для создания публикаций телеграм-канала Университета Лобачевского (https://t.me/lobachevsky_university) используется прием голофразиса, в результате чего на основе рядов однородных членов предложения формируются соединенные с помощью дефиса семантико-графические комплексы, в структурном отношении напоминающие вид адресной строки браузера:

(3) Как согреваетесь в эти выходные? **Чай-кофе-какао; Кровать-плед-шерстяные носки;** Я не мерзну, люблю такую погоду (https://t.me/lobachevsky_university, 04.12.2022).

В подобных случаях дефис не столько актуализирует части исходного слова, сколько включает отдельные слова в единый комплекс.

1.1.2. Парентезис

Парентезис – графическое выделение частей слова с помощью скобок. Благодаря

скобкам возможно виртуальное, двойное прочтение текста, смысл которого может быть различным в зависимости от учета / неучета скобок [Попова, 2013, с. 161]:

(4) Не тех **о(б)суждаете** (<https://versia.ru/ne-tex-obsuzhdaete?ysclid=iso7u68kxu902285536>).

Нередко в скобки заключается *не*, в результате чего в рамках одного текста сталкиваются противоположные смыслы:

(5) Красота (**не**) спасет мир (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krasota-ne-spaset-mir>).

В заголовке письма

(6) (**По**)купание красного коня (arzamas.ru, 03.12.2022)

в скобки заключен префикс *по-*, в письме анонсирован подкаст о коллекционировании картин XX века. Отметим, что использование парентезиса в данном заголовке позволяет акцентировать внимание читателей на прецедентном названии картины К.С. Петрова-Водкина «Купание красного коня».

1.1.3. Знаки препинания как средство создания поликодовости

Один из приемов графической поликодовости – использование знаков препинания внутри слов. Так, в заголовке

(7) ХОП МУСОР.**ОК?** (Ревдинский рабочий, 22.07.2020)

точкой разделен жаргонизм *мусорок* на арготизм *мусор* и сленговый англицизм *ок*. В заголовке содержится отсылка к прецедентному названию популярной песни начала 2000-х гг. «Хоп, мусорок».

Часть слова может вытесняться многоточием:

(8) Летайте **...бедой**. Описаниями конфликтов авиакомпании «Победа» с пассажирами заполнен весь Интернет (Наша версия, 20.03.2017).

Рассмотренные графические приемы поликодовости (дефисация, парентезис, исполь-

зование знаков препинания) относятся к монографикации (о ней см.: [Попова, 2013, с. 161]).

1.1.4. Капитализация

Еще один графический прием поликодовости – капитализация, при которой с помощью прописных букв в одном узуальном слове выделяется часть, соответствующая другому узуальному слову [Попова, 2013, с. 162]. Наш материал показывает, что при капитализации возможно выделение исходного слова в составе производного:

(9) «**ГАДЖЕТ**изация» населения – источник счастья или опасности? «Лаборатория Касперского» опубликовала результаты исследования (<https://66.ru/business/news/112768/?ysclid=iso81ed4zl483467648>).

Может выделяться слово, семантически не связанное с базовым:

(10) **БОЛЬ**шая распродажа (реклама; видимо, в целях демонстрации большого количества);

(11) МЭР – **ЗВЕЗДА** – Джигур**ДА!** (политический слоган в предвыборной кампании);

(12) **СОЧ**инения (Коммерсантъ. 03.07.2018; заголовков о шуточных стихах про Олимпиаду в Сочи).

В исходном слове может выделяться имя собственное:

(13) **ТУСК**лое солнце солидарности (НТВ. 26.11.2023).

В тексте, предваряющем сюжет об известном польском государственном деятеле Дональде Туске, выделяется его фамилия.

К капитализации обычно относят выделение аббревиатур в составе узуальных слов:

(14) Ну, заморо**ЗИЛ** (реклама холодильников «ЗИЛ»);

(15) **ВИЧ**ные истины (<https://www.kommersant.ru/doc/2296195>; в устойчивом словосочетании *вечные истины* выделяется известная аббревиатура *ВИЧ*).

В последнее время активно обыгрывается аббревиатура *СВО*:

(16) **СВО**их не бросаем (<https://smotrim.ru/brand/69698?ysclid=iso8g29eml289277959>).

В заголовке

(17) «Бобр**Ы**, бобруйчане и другие **жЫ**вотные» (<https://soundcoder.livejournal.com/587261.html?ysclid=iso8obmj9t207566969>. 24.08.2005)

большая буква *Ы* одновременно относится к словам *бобры* и *животные* (рис. 1). Возможно, смысл капитализации в данном случае в том, что с помощью заглавной буквы выделяется написание, противоречащее современным правилам орфографии.

Капитализация нередко сопровождает контаминацию:

(18) Украина: новая **ЗЕ**поха. Победа Владимира Зеленского на выборах... (Газета.ru. 23.04.2019).



Рис. 1. Капитализация как средство создания поликодового текста

Fig. 1. Capitalization as a means of creating a polycode text

В гибридном новообразовании на базе слов *Зеленский* и *эпоха* выделяется начало фамилии с совмещением частей исходных слов.

Графически выделенное слово или приставка могут внедряться в узуальное слово путем тмезиса, как, например, в собственное имя-топоним *Чернобыль* внедряется слово *небыль* с выделением приставки *не-*:

(19) Черно**НЕ**быль (заголовок). Итак, Чернобыль. Совместный ребенок двух гигантских медиа-корпораций – WarnerMedia и Comcast. <...> Главный мысл фильма: конфликт маленький человек и большой тоталитарной систем (<https://agitblog.ru/videoblog/chernonebyil.html>).

При этом создается возможность двоякого, противоположного прочтения (Чернобыль – быль или небыль).

При капитализации возможны формальные видоизменения:

(20) Право**ХОРО**нительные органы (Газета.гу. 05.08.2018).

В слове *правоохранительные* по типу тмезиса выделяется часть глагола *хоронить*.

Прием капитализации может использоваться в пространстве не только слова, но и текста. Публикация

(21) Спрос **ПО** растущей цене (заголовок). Российский софт воспользовался конъюнктурой (Коммерсантъ. 09.03.2022)

посвящена уходу крупнейших зарубежных разработчиков с российского рынка в начале 2022 года. В заголовке прописными буквами выделен предлог *по*, который соотносится с общепринятой аббревиатурой *ПО* (программное обеспечение).

В результате контаминации новообразование увеличивает семантический объем, что способствует расширению ассоциативных связей в сознании адресата. Проявления капитализации наблюдаются прежде всего в заголовках и рекламных слоганах, что обуславливает аттрактивность и экспрессивность медийных текстов.

1.1.5. Полиграфикация

К проявлению поликодowości в медийных текстах можно отнести и полиграфика-

цию – использование в рамках графического гибрида элементов разных алфавитов [Попова, 2013, с. 162].

При полиграфикации часть узуального слова заменяется созвучным иноязычным словом-англицизмом, как в рекламе (22), посвященной компьютерам марки Sens, или в заголовке (23):

(22) «Sensация, которую вы ждали;

(23) **RECORDНЫЙ** НОВЫЙ ГОД (Celedka. № 10 (5), декабрь 2015).

Статья под заголовком (24) посвящена популярному клипу корейского исполнителя PSY, который на YouTube собрал почти 800 млн просмотров. В новообразовании обыгрываются звучание псевдонима исполнителя *Псай* и части слова *психоз*.

(24) Массовый **PSY**хоз (<https://expert.ru/expert/2012/47/massovyij-psyhoz/>).

В новообразовании часть исходного узуального слова может заменяться иноязычной аббревиатурой:

(25) Бакала**VR**. Зачем студенту нужен киберспорт (rg.ru. 22.11.2023).

Здесь обыгрывается новая аббревиатура VR (англ. *virtual reality* – виртуальная реальность).

В некоторых случаях слово с полиграфикацией допускает двоякое прочтение – ассоциацию с инвективной лексикой:

(26) **SPA**льня – вывеска салона красоты в Новосибирске.

Полиграфикация нередко сопровождается контаминацией:

(27) **BMW**онь года: в Туле иномарку залили фекалиями и машинным маслом (Тульские новости. 10.01.2021).

В новообразовании совмещаются аббревиатура – марка автомобиля *BMW* и слово *вонь*.

В заголовке статьи (30) наблюдается сочетание неологизма на базе заимствованной лексики *вау-эффект* (англ. *wow factor/wow effect* какое-либо качество или свойство объекта, вызывающее у людей воодушевление или восхищение) и аббревиатуры *BAU*

(англ. *binding antibody units* – единицы связывающих антител), обозначающей международный стандарт единицы измерения антител к коронавирусу (BAU/ml):

(28) **BAU**-эффект: как пересчитать антитела к коронавирусу по шкале ВОЗ (iz.ru. 16.12.2021).

Иноязычное слово часто представлено в названиях медийных изданий:

(29) **ALFA ЖИЗНЬ** (alfalife-nn.com).

При полиграффиксации активно эксплуатируется модель адреса веб-страницы в Интернете, где стандартная часть *net* созвучна слову *нет*:

(30) Виновных **net**? О мошенниках в интернете правоохранители предупреждали не раз, об их аферах неоднократно рассказывали средства массовой информации, но число жертв киберпреступлений меньше не становится (<https://gazeta.naftan.by/vinovnyx-net?ysclid=iso93ehoah318235398>);

(31) Плагиат.**NET**. Списать дипломную работу в вузе будет невозможно (Российская газета. 09.08.2018);

(32) Жалоб.**net** (Коммерсантъ. 24.06.2020).

Иноязычное слово может заменять исконное в составе прецедентного текста:

(33) Не верь, не **Boeing**, не проси (Коммерсантъ. 18.07.2015; «Не верь, не бойся, не проси», о годовщине крушения Boeing 777 в Донбассе);

(34) Ни **FIFA** не ясно. Футбол в рекламных целях выявил много спорных моментов (Коммерсантъ. 03.07.2018) – переключка с инвективным словом;

(35) Мотай на **US Open**! Шесть россиян из девяти вышли во второй круг Открытого чемпионата США по теннису (<https://www.mk.ru/sport/tennis/article/2013/08/29/907350-motay-na-us-open.html?ysclid=iso8xntgprz328248890>; обыгрывается устойчивое выражение *мотай на ус*);

(36) **HOTEL**и как лучше. Российские гостиницы с 21 октября начнут работать по новым правилам (Российская газета. 19.10.2015).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что полиграффиксация представлена в границах отдельного слова, устойчивого словосочетания и целого текста. Она усиливает аттрактивность и экспрессивность текста.

1.2. Графические невербальные средства

К графическим невербальным средствам относятся наряду с вербальными средствами идеографические знаки и знаки других кодовых систем, рисунки, шрифтовые выделения. Последние обычно сопровождают другие графические средства (см. п. 4). В классификации Т.В. Поповой выделяется такой прием, как кодографикация.

1.2.1. Кодографикация

Кодографикация – еще один прием создания поликодовости, при котором сочетаются средства различных кодовых систем [Попова, 2013, с. 162].

При кодографикации часто используются цифры, особенно цифры, обозначающие число *100*, характерные для рекламных названий, слоганов, вывесок:

(37) на**100**ящий сок;

(38) про**100** кухня;

(39) **100**ловая;

(40) про**100** новости;

(41) BAR in**100**GRAMM (вывеска);

(42) **3D**евятое царство. Школьники погружаются в цифровую реальность (Российская газета. 03.09.2018).

Заголовки поликодового характера могут создаваться при помощи небуквенных символов:

(43) ∞ апреля. бесконечность начинается в воскресенье (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-4-180-aprel-2018g>).

В заголовке используется символ бесконечности (∞) для обозначения даты празднования Пасхи в 2018 г. – 8 апреля. Возможно, заголовок также содержит ссылку к названию повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Помимо различных невербальных элементов в составе слов исследователи выделяют и другие невербальные средства поликодовости, в частности рисунок.

1.2.2. Рисунок

Рисунок – графическое невербальное средство, которое способствует аттрактивности и эк-

спрессивности текста и позволяет экономно обозначить его содержание. Так, в названии рекламной газеты (44) включается эмблематическое изображение сердца в букву *o* предлога *pro* (рис. 2):

(44) Про здоровье (www.zdravomed.ru).

В данном случае можно говорить об использовании рисунка как средства поликодности.

В заголовке (45), расположенном на фоне фотоизображения, в слове *королева* на месте второй буквы *o* размещено изображение оранжевой тыквы, коррелирующее с содержанием заголовка и статьи (рис. 3):

(45) Оранжевая королева осени (Вечерняя Москва. 28.10.2020).

Графические невербальные средства нередко сопровождают вербальные и усиливают их (см. п. 4).

2. Цвет как средство поликодности

Цветовые выделения – средство поликодности, которое широко распространено в медиа: «...опыт цветового восприятия имеет сходство с эмоциональным опытом или ощущением аффекта» [Арнхейм, 2012, с. 315].

Цветом обычно выделяются слова и их части, которые семантически связаны с базовым словом, но такой связи может и не быть.

Цветом нередко выделяется частица *не* (см. рис. 4):

(46) Противоречия в отношениях, которые **не** стоит разрешать (АЛФАЖИЗНЬ. № 45, апрель 2023).



Рис. 2. Про здоровье
Fig. 2. About Health

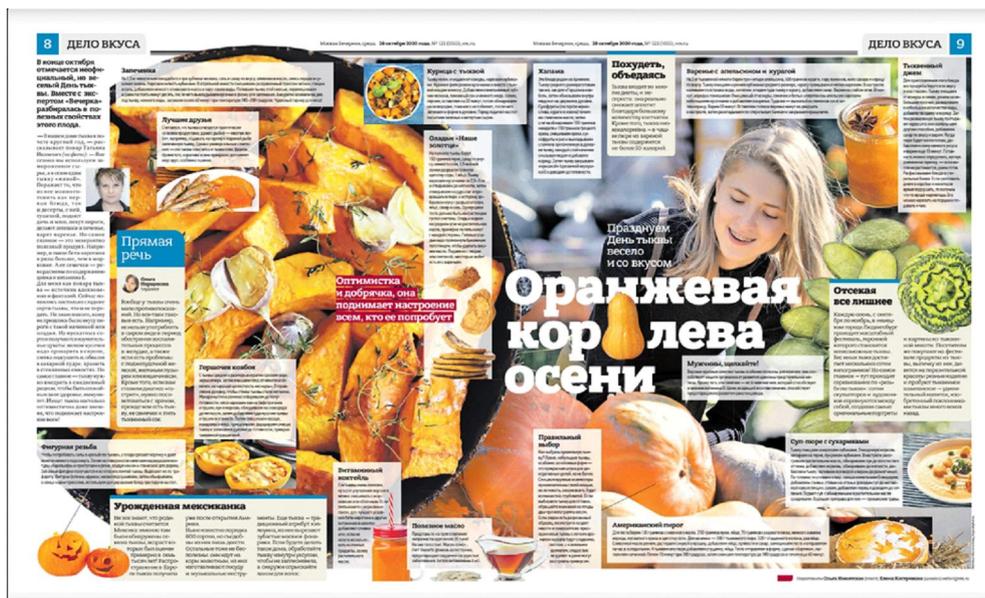


Рис. 3. Оранжевая королева осени
Fig. 3. The Orange Autumn Queen

Красным цветом также выделено начало заголовка (*Противоречия в отношениях*).

Цветом может быть выделена приставка, например *анти-* (рис. 5):

(47) **Антиуроки** «Креативный изобретатель» (реклама в журнале ALFAЖИЗНЬ; № 45, апрель 2023).

Использование цвета как элемента поликодового текста характерно и для электронных медийных публикаций. В данном аспекте можно отметить многофункциональность цветового параметра.

Так, использование цвета может быть связано с амбивалентностью прочтения (*смертельный – бессмертный, человечность – вечность, постом – потом, поднимает – понимает*):

(48) **БЕССМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР**. Как преодолеть свои страхи по-христиански ([https://](https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-12-176-dekabr-2017g)

www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-12-176-dekabr-2017g);

(49) У нас в запасе **человечность** (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-11-235-noyabr-2022g>);

(50) Постом придет весна. 21 февраля начинается путь к Пасхе (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-2-238-fevral-2023-g>);

(51) Кто-то без слов тебя **ПОДНИМАЕТ** (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-2-250-fevral-2024-g>).

Использование цвета в публикации (52) актуализирует в сознании читателя сочетание *взять себя в руки* успокоиться, достичь самообладания и *взять (брать) в руки* подчинять себе, заставить повиноваться (здесь, скорее всего, реализуется контекстуальное значение сочетания *взять себя в Его руки* довериться Богу):

(52) Возьми себя в **Его** руки. Кого и почему Христос призвал быть как дети? (<https://www>.



Рис. 4. Противоречия в отношениях...

Fig. 4. Contradictions in the Relationship...



Рис. 5. Антиуроки «Креативный изобретатель»

Fig. 5. Anti-Lessons "The Creative Inventor"

lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-4-216-aprel-2021g).

В заголовке (53) с помощью цвета выделяются части слов *хочу* и *доверять*, на стыке которых образуется третье слово *чудо*:

(53) **ХОЧУ**ДОВЕРЯТЬ. Верить в чудеса: стыдно или правильно? (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-10-210-oktyabr-2020g>).

В заголовке (54) красный цвет используется для выделения слова *Бог* в рамках слова *любовь*, что позволяет читателю увидеть два варианта заголовка одновременно: *Любовь может всё* и *Бог может всё* (рис. 6):

(54) **ЛЮБОВЬ** может всё (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-5-217-may-2021g>).

В случаях амбивалентного прочтения семантическая связь между вариантами прочтения в языке может отсутствовать, но возникает в рамках данного текста, формируя глубинные смыслы.

Другие случаи использования цвета как проявления поликодовости связаны не столько с амбивалентностью прочтения, сколько с намерением автора медийного текста акцентировать внимание внутри заголовка на основном содержании публикации (*рай, пост, осень*):

(55) **ВЫБИРАЙСЯ** НА СВЕТ. Почему первые люди лишились рая и как нам в него вернуться? (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-11-211-noyabr-2020g>);

(56) **ПОСТАРАЙСЯ** ВЗЛЕТЕТЬ. Великий пост: не ограничение, а возможность (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-3-227-mart-2022g>);

(57) нас **ОСЕНИЛО** красотой (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-10-246-oktyabr-2023-g>).

В заголовке (58) красным цветом выделяется аббревиатура *ХВ*, обозначающая пасхальное приветствие *Христос Воскресе!*:

(58) **ХВАТИТ** БОЯТЬСЯ. Пасха: главный вирус уже побежден (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-4-204-aprel-2020g>).

Заголовок (59) содержит неодериват, образованный по типу тмезиса, и в данном контексте формальное изменение (*взбодришь + добро*) выделено с помощью более насыщенного оттенка цвета:

(59) **ВЗДОБРИСЬ!** (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-12-236-dekabr-2022g>).

Цветовые выделения не только обладают ярким воздейственным эффектом, но и увеличивают семантический объем заголовка, предвосхищая содержание текста.



Рис. 6. «Любовь может всё»
Fig. 6. “Love Can Do Anything”

3. Фотоизображения как средство поликодовости

Фотоизображения, как и рисунок, – действенное средство поликодовости в современном медиатексте.

В заголовке (60) наблюдается формальное (графемное) видоизменение, поддерживаемое визуальным оформлением публикации: текст заголовка расположен на фоне боксерских перчаток:

(60) **Бить** христианином: призывал ли Иоанн Златоуст к насилию над богохульниками (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-6-158-iyun-2016g>).

В заголовке (61) в контаминированном деривате *огневоопасный* (*огнеопасный* + *гнев*) с помощью красного цвета выделяется часть, совпадающая с узуальным *гнев*. Семантический объем графического гибрида коррелирует с изображением на обложке журнала горящих спичек:

(61) **Огневоопасный** момент: как остаться христианином в сетевом споре (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-2-166-fevral-2017g>).

Контаминированный дериват *снежные* (*снег* + *нежный*) в заголовке (62) также соотносится с выбором фотоэлементов: на обложке журнала изображена пара пингвинов:

(62) **Снежные** чувства. Что делать, если чувствуешь холод в отношениях с любимым? (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-11-175-noyabr-2017g>).

Заголовок (63), содержащий графический гибрид с формальным видоизменением (*обезвоживание* + *Бог*), поддерживается визуальным средством: на обложке изображены крупные капли воды:

(63) Избегай **обезбоживания** (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-9-233-sentyabr-2022g>).

В заголовке (64) с контаминированным словом *верхчеловек* (*сверхчеловек* + *вверх*) цветом выделена видоизмененная часть префикса *сверх-*. На обложке журнала изображен улыбающийся ребенок, которого подбрасывают вверх мужские руки:

(64) Ты рожден стать **верхчеловеком** (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-10-234-oktyabr-2022g>).

Фотоизображения служат в основном средством иллюстрации контаминированных новообразований в медийных заголовках.

4. Комплексные средства поликодовости

Средства поликодовости нередко используются комплексно, особенно в рекламных текстах.

В заголовке (65) дефисацией и капитализацией выделяется название игры *ГО*:

(65) С Новым **ГО**-дом! <...> Сотрудники золотодобывающей компании «Полиметалл» совместно с тренерами Приморской Федерации ГО устроили настоящий праздник с обучением игре ГО воспитанникам «Центра содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, № 2 г. Владивостока (Комсомольская правда. 31.12.2019).

Капитализация может сопровождать полиграфиксацию. В рекламе вечеринки (68) латинская часть слова (англ. *party* – вечеринка) выделяется прописными буквами:

(66) **PARTY**заны В ГАРАЖЕ (<https://www.onlinetambov.ru/afisha/party/partyzany-v-garazhe/?ysclid=iso9i4605c499929525>).

В заголовке

(67) **Л1:0**БОВЬ УЖЕ ПОБЕДИЛА (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-5-193-may-2019g>)

наблюдается использование кодографиксации: буква *Ю* представлена в виде цифр 1 и 0, а также двоеточия, обозначающего в данном контексте счет в игре. В графическом гибриде содержится и цветовое выделение, соотносимое по смыслу со всем заголовочным комплексом (любовь победила со счетом 1:0).

Средства кодографиксации, в частности цифры, могут сочетаться с рисунком, как в рекламе

(68) на**100**ящий мед.

В слове *мёд* вместо буквы *ё* – изображение пчелы, похожее на эту букву (глаза – точки над е).

В названии казахстанского еженедельника (69) буква *T* стилизуется под изображение антенны и выделяется цветом:

(69) АНТЕННА (20–26.12.2021).

С использованием нескольких средств поликодности создается и следующий заголовок:

(70) Совсем **забили**? Обида на родителей: советы для тех, кто считает, что их воспитали несчастными (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-6-170-iyun-2017g>).

В публикации одновременно реализованы прямое и переносное значения слова *забить* ударами вбить, вогнать (гвоздь, клин и т. п.) во что-л.; вколотить и угнетая, довести до отупения, лишить способности сопротивляться. Для усиления воздейственного эффекта слово *забили* набрано бóльшим кеглем, чем остальные части заголовка. Изображение также соотносится с темой публикации: на обложке изображены два вбитых в доску гвоздя – прямой и согнутый, потерявший форму.

В заголовке

(71) Свекровь **связала**. Тещи и свекрови: как супругам выстроить отношения с мамами (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-1-177-yanvar-2018g>)

используются прямое и переносное значения слова *связать* изготовить вязкой и лишить возможности действовать свободно, стеснить какими-л. условиями, обязательствами. На обложке видим руки мужчины и женщины, соединенные крупной цепью из ниток голубого цвета.

Заголовок

(72) **НЕ КИПЯТИТЕСЬ**. Как победить обиду: инструкция для чайников (и не только) (<https://www.lavkafoma.ru/product/zhurnal-foma-12-188-dekabr-2018g>)

помещен на обложку, на которой изображен кипящий чайник, из которого вырываются пар и язычки пламени. Весь заголовок набран красным цветом для обозначения высокой температуры. В заголовке обыгрывается полисемия слов *кипятиться* нагреваться до кипения и волноваться, горячиться, сердиться (разг.) (СОШ, с. 274), *чайник* сосуд с ручкой и носиком для кипячения воды или для заварки чая и о неумелом, малоопытном человеке, плохо знающем

свое дело, а также вообще о глупом, неумном человеке (прост.) (СОШ, с. 877).

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что использование комплексных средств поликодности – востребованный прием экспрессивизации медийного текста.

Заключение

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о значительной роли поликодности как проявления креативности медийных текстов в печатных и электронных СМИ.

Наиболее распространены такие графические приемы и средства поликодности, как дефисация, парентезис в рамках монографикации, капитализация и полиграфикация, кодографикация, рисунок. Многие проанализированные графические гибриды образованы в результате контаминации.

Среди неграфических средств особенно заметны цветовые выделения и фотоизображения. Цвет как средство поликодности используется в медийном тексте либо в целях обозначения двойного прочтения заголовка, либо в целях акцентирования внимания на содержании публикации.

Нередко графические и неграфические средства поликодности выступают в комплексе (сочетания кодографикации и цветового выделения, монографикации и капитализации, капитализации и полиграфикации, шрифтового выделения и фотоизображений, цветового выделения и фотоизображений), что усиливает воздейственный потенциал текста.

Проявления поликодности, как показывает материал исследования, наблюдается в основном в заголовках, рекламных слоганах, то есть в сильных текстовых позициях. Такие заголовки и слоганы обладают креативным, аттрактивным потенциалом и способствуют экспрессивизации медийного текста.

Таким образом, поликодность в медийном тексте выступает в качестве универсального средства оформления публикаций, отличающихся тематическим разнообразием.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00368

«Активные процессы в русском языке Интернета: поликодовость, интерактивность, гипертекстуальность», <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant “Active processes in the Russian language of the Internet: polycodeness, interactivity, hypertextuality” No. 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В. М., 2015. Что и как изучает языкознание? // Вопросы языкознания. № 1. С. 7–21.
- Арнхейм Р., 2012. Искусство и визуальное восприятие. М.: Архитектура. С. 392 с.
- Бабук А. В., 2023. Семиотика эмодзи и выявление вербальной угрозы в текстах интернет-коммуникации при проведении судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб. науч. работ по итогам Междунар. науч.-практ. конф. М.: СОЮЗКНИГ. С. 16–33.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект: коллектив. моногр. / отв. ред. Е. М. Шептухина. М.: Флинта: Наука. 352 с.
- Иванова М. В., Клушина Н. И., 2021. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 54–62. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-52-62
- Кибрик А. Е., 1992. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ. 336 с.
- Кузьмина Н. А., 2011. Современный медиатекст. Омск: Полигр. центр «Татьяна». 413 с.
- Мичурин Д. С., 2014. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): дис. ... канд. филол. наук. Тверь. 162 с.
- Нефедов С. Т., Чернявская В. Е., 2020. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 63. С. 83–97.
- Попова Т. В., 2013. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива 1. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. С. 147–176.
- Рацибурская Л. В., 2018. Поликодовость в российском медийном словотворчестве // Studia Rossica Gedanensia. № 5. С. 51–58.
- Рацибурская Л. В., Бусарева С. Г., 2021. Проблема поликодовости как синтеза вербальных и невербальных средств воздействия (на материале медийных новообразований) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. № 18 (4). С. 831–846. DOI: 10.21638/spbu09.2021.412
- Сафонова И. А., 2023. Метафорическая репрезентация зрительной перцепции в современном русском языке (модель «движение – восприятие») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 6. С. 106–119. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.8>
- Сергеева Ю. М., Уварова Е. А., 2014. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. № 4. С. 128–134.
- Тошович Б., 2018. Мультимедийная лингвистика // Мультимедијална стилистика / под ред. D. Dojčinović, G. Milašin. Банялука; Грац: Матрица српска – друштво чланова Матице српске у Републици Српској. Институт за славистику Универзитета «Карл Франц» у Грацу. Комисија за стилистику Међународног комитета слависта. С. 131–153.
- Чернявская В. Е., 2013. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1 (22). С. 122–127.
- Чернявская В. Е., 2016. Поликодовость vs «логоцентризм» в речевом воздействии // Общее и прикладное языкознание. Филологические науки. № 2. С. 3–10.
- Чернявская В. Е., 2021. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД. 208 с.
- Чичерина Н. В., 2007. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки. № 9 (47). С. 159–166.
- Шарандин А. Л., 2019. Коммуникация как особый тип интегративной когнитивной деятельности человека // Когнитивные исследования языка. Вып. 37: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Междунар. конгр. по когнитив. лингвистике. Н. Новгород: Изд-во ДЕКОМ. С. 116–120.
- Шипова И. А., 2013. Функциональная сущность мультикодовости как многоуровневого лингвистического знака (на материале немецкоязычного художественного текста) // Историческая и

социально-образовательная мысль. № 5 (21). С. 289–293.

- Kress G., van Leeuwen T., 2001. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication Discourse*. L. : Arnold. 152 p.
- Makaruk L., 2015. *Linguistic Approaches to the Study of Multimodal Text // Within Language, Beyond Theories. Discourse Analysis, Pragmatics and Corpus-Based Studies* / ed. by W. Malec, M. Rusinek. Vol. 3. Cambridge : Cambridge Scholars Publ. P. 26–36.

СЛОВАРЬ

- СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : ЭЛПИС, 2003. 944 с.

REFERENCES

- Alpatov V.M., 2015. *Chto i kak izuchaet yazykoznanie? [Linguistics: What and How?]. Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 7-21.
- Arnheim R., 2012. *Iskusstvo i vizualnoe vospriyatie* [Art and Visual Perception]. Moscow, Architectura Publ. 392 p.
- Babuk A.V., 2023. *Semiotika emodzi i vyyavleniye verbalnoy ugrozy v tekstakh internet-kommunikatsii pri provedenii sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy v Respublike Belarus* [Semiotics of Emoji and Detection of Verbal Threat in the Texts of Internet Communication During the Forensic Linguistic Examination in the Republic of Belarus]. *Sovremennyy mediatekst i sudebnaya ekspertiza: mezhdistsiplinarnyye svyazi i ekspertnaya otsenka: sb. nauch. rabot po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Media Text and Forensic Examination: Interdisciplinary Connections and Expert Assessment. Collection of Scientific Papers Following the Results of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, SOYUZKNIG, pp. 16-33.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V., Sheptukhina E.M., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektiv. monogr.* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Ivanova M.V., Klushina N.I., 2021. *Kreativnyye vozmozhnosti yazyka v internet-kommunikatsii* [Creative Possibilities of Language in Internet Communication]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences], no. 1, pp. 54-62. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-103-01-52-62
- Kibrik A.E., 1992. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya (universalnoe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke)* [Essays on General and Applied Issues of Linguistics (Universal, Typical and Specific in Language)]. Moscow, Izd-vo MGU. 336 p.
- Kuzmina N.A., 2011. *Sovremennyy mediatekst* [Modern Media Text]. Omsk, Poligr. tsentr «Tatyana». 413 p.
- Michurin D.S., 2014. *Pretsedentnyy polikodovyy tekst v verbalno-izobrazitelnoy kommunikatsii internet-soobshchestv (na material russkoyazychnykh imidzh-forumov): dis. ... kand. filol. nauk* [Precedent Polycode Text in Verbal-Visual Communication of Internet Communities: On the Material of Russian-Language Image Forums. Cand. philol. sci. diss.]. Tver. 162 p.
- Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E., 2020. *Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva* [Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal. Philology], no. 63, pp. 83-97.
- Popova T.V., 2013. *Kreolizovannyye derivaty kak element russkoy pismennoy kommunikatsii rubezha XX–XXI vv.* [Creolized Derivatives as an Element of Russian Written Communication at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. *Lingvistika kreativa 1* [Creative Linguistics 1]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, pp. 147-176.
- Ratsiburskaya L.V., 2018. *Polikodovost v rossiyskom mediyom slovotvorchestve* [Multimodality in the Russian Media Word-Creation]. *Studia Rossica Gedanensia*, no. 5, pp. 51-58.
- Ratsiburskaya L.V., Busareva S.G., 2021. *Problema polikodovosti kak sinteza verbalnykh i neverbalnykh sredstv vozdeystviya (na material mediynykh novoobrazovaniy)* [Problem of Multimodality as a Synthesis of Verbal and Non-Verbal Means of Influence (Based on the Material of Media Texts)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], no. 18 (4), pp. 831-846. DOI: 10.21638/spbu09.2021.412
- Safonova I.A., 2023. *Metaforicheskaya reprezentatsiya zritelnoy rertseptsii v sovremennom russkom yazyke (model «dvizhenie – vospriyatie»)*

- [Metaphorical Representation of Visual Perception in the Modern Russian Language (“Movement – Perception” Model)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 6, pp. 106-119. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.8>
- Sergeeva Yu.M., Uvarova E.A., 2014. Polikodovyy tekst: osobennosti postroeniya i vospriyatiya [Polycode Text: Features of Construction and Perception]. *Nauka i shkola* [Science and School], no. 4, pp. 128-134.
- Toshovich B., 2018. Multimediynaya lingvistika [Multimedia Linguistics]. Dojčinović D., Milašin G., eds. *Multimedijalna stilistika* [Multimedia Stylistics]. Banyaluka, Grats, Matritsa srpska – drushtvochlanova Matitse srpske u Republitsi Srpskoj. Institut za slavistiku Univerziteta «Karl Frants» u Gratsu. Komisija za stilistiku Mehunarodnog komiteta slavista, pp. 131-153.
- Cherniavskaya V.E., 2013. Medialnyy povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [Medial Turn in Linguistics: Polycode and Hybrid Texts]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [ISLU Philological Review], no. 1 (22), pp. 122-127.
- Cherniavskaya V.E., 2016. Polikodovost vs «logotsentriзм» v rechevom vozdeystvii [Multimodality vs “Logocentrism” in Persuasion]. *Obshchee i prikladnoe yazykoznanie. Filologicheskie nauki* [General and Applied Linguistics. Philological Sciences], no. 2, pp. 3-10.
- Chernyavskaya V.E., 2021. *Tekst i sotsialnyy kontekst: sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya* [Text and Social Context: Sociolinguistic and Discursive Analysis of Meaning Making]. Moscow, LENAND. 208 p.
- Chicherina N.V., 2007. Tipologiya mediatekstov kak osnova formirovaniya mediagramotnosti [Typology of Media Texts as the Basis for the Formation of Media Literacy]. *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 9 (47), pp. 159-166.
- Sharandin A.L., 2019. Kommunikatsiya kak osoby tip integrativnoy kognitivnoy deyatel'nosti cheloveka [Communication as a Special Type of Integrative Cognitive Activity of a Man]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 37: Integrativnye protsessy v kognitivnoy lingvistike: materialy Mezhdunar. kongr. po kognitiv. lingvistike* [Cognitive Language Studies. Iss. 37: Integrative Processes in Cognitive Linguistics: Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo DEKOM, pp. 116-120.
- Shipova I.A. 2013. Funktsionalnaya sushchnost multikodovosti kak mnogourovnevnogo lingvisticheskogo znaka (na material nemetskoyazychnogo khudozhestvennogo teksta) [Functional Essence of Multicode as a Multilevel Linguistic Sign (Based on a German-Language Literary Text)]. *Istoricheskaia i sotsialno-obrazovatel'naiia mysl* [Historical and Social-Educational Idea], no. 5 (21), pp. 289-293.
- Kress G., van Leeuwen T., 2001. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication Discourse*. London, Arnold. 152 p.
- Makaruk L., 2015. Linguistic Approaches to the Study of Multimodal Text. Malec W., Rusinek M., eds. *Within Language, Beyond Theories. Discourse Analysis, Pragmatics and Corpus-Based Studies*. Vol. 3. Cambridge, Cambridge Scholars Publ., pp. 26-36.

DICTIONARY

- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, ELPIS Publ., 2003. 944 p.

Information About the Authors

Larisa V. Ratsiburskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Leading Researcher, Department of Theoretical and Applied Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603022 Nizhny Novgorod, Russia, racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

Sabina G. Busareva, Lecturer, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Junior Researcher, Department of Theoretical and Applied Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603022 Nizhny Novgorod, Russia, sabina.sapharova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-2193>

Информация об авторах

Лариса Викторовна Рацибурская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, ведущий научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603022 г. Нижний Новгород, Россия, racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

Сабина Гадир-кызы Бусарева, преподаватель кафедры современного русского языка и общего языкознания, младший научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603022 г. Нижний Новгород, Россия, sabina.sapharova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-2193>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.12>

UDC 811.161.1'373.611
LBC 81.411.2-20



Submitted: 16.01.2024
Accepted: 09.04.2024

NON-USUAL WORD FORMATION IN POETIC DISCOURSE AT THE TURN OF THE 20th – 21st CENTURIES ¹

Irina V. Erofeeva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Alina I. Sabirova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article examines non-usual word formation in modern poetic discourse. The activation of occasional models of word creation in artistic contexts at the turn of the 20th and the 21st centuries is due to the fact that modern poetic language is characterized by such features as verbal experimentation, striving for maximum expression and creativity, and the search for new ways of nomination. The study is based on the poetic works of two famous modern poets – A. Levin and V. Strochkov. It has been established that these authors actively use occasional neo-derivatives in order to involve readers in a language game that implies deciphering the meanings hidden in the structure of the word. The individual authorial methods of word formation, such as substitution and contamination are shown to be used most actively. The cases of ambiguous interpretation of occasionalisms are determined; such cases are noted to be caused by the interaction of substitution and contamination both with each other and with traditional affixation. It is concluded that experiments with words characterize the original authorial manner of the poets A. Levin and V. Strochkov, reflect their personal attitude to extralinguistic reality. The study of non-usual models of word formation is of great practical significance, since their use activates certain mechanisms of the word formation system and stimulates its development.

Key words: occasionalism, word-formation model, poetic discourse, stylistics, linguistic game.

Citation. Erofeeva I.V., Sabirova A.I. Non-Usual Word Formation in Poetic Discourse at the Turn of the 20th–21st Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 159-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.12>

УДК 811.161.1'373.611
ББК 81.411.2-20

Дата поступления статьи: 16.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ ¹

Ирина Валерьевна Ерофеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Алина Илдаровна Сабирова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается неузвальное словообразование в современном поэтическом дискурсе. Активизация окказиональных моделей словотворчества в художественных контекстах рубежа XX–XXI вв. связана со словесным экспериментаторством, стремлением к максимальной экспрессии и креативности, поиском новых способов номинации, свойственными современному поэтическому языку. Исследование проведено на материале поэтических произведений известных современных поэтов – А. Левина и В. Строчкова. Установлено, что данные авторы активно используют окказиональные неодериваты с целью вовлечения читателей в языковую игру, предполагающую расшифровку скрытых в структуре слова смыслов. Показано, что с

этой целью наиболее активно применяются такие способы индивидуально-авторского словообразования, как субституция и контаминация. Определены случаи неоднозначной интерпретации окказионализмов, обусловленные взаимодействием субституции и контаминации как между собой, так и с традиционной аффиксацией. Сделан вывод о том, что эксперименты со словом отличают оригинальную авторскую манеру поэтов А. Левина и В. Строчкова, отражают их личностное отношение к внеязыковой действительности. Изучение невузальных моделей словообразования имеет важное практическое значение, так как их использование активизирует определенные механизмы словообразовательной системы и стимулирует ее развитие.

Ключевые слова: окказионализм, словообразовательная модель, поэтический дискурс, стилистика, лингвистическая игра.

Цитирование. Ерофеева И. В., Сабирова А. И. Невузальное словообразование в поэтическом дискурсе рубежа XX–XXI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 159–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.12>

Введение

Изучение процессов индивидуально-авторского словотворчества, результатом которого является создание окказиональных образований, стало важным направлением в современном языкознании. К числу задач, которые решают лингвисты при анализе функционирования новых лексем, относится определение их существенных признаков, позволяющих разграничивать окказионализмы, потенциализмы и неологизмы. Невузальная лексика рассматривается учеными с точки зрения различных подходов, принятых в дериватологии и отвечающих современной парадигме научного знания, предполагающей совмещение функционально-стилистического, семасиологического и ономасиологического подходов.

С середины прошлого века невузальные лексемы изучаются в разных аспектах. Особое внимание уделяется словообразовательным характеристикам таких лексем (см., например: [Земская, 2005; 2011; Николина, 2017; Радбиль, 2022; Рацибурская, Самыличева, Шумилова, 2022; Ревзина, 1996; Фатеева, 2021; и др.]).

В наше время, в период политических и экономических изменений, быстрого технологического прогресса и трансформации социокультурной среды, повышается эмоциональная насыщенность речи за счет использования разнообразных языковых средств, в том числе и индивидуально-авторских образований, которые получают широкое распространение как в языке медиа, так и в художественной речи. Особое внимание ученые уделяют новообразованиям в средствах массовой информации, поскольку они играют важную роль в формировании языковых тенденций и соци-

окультурных трендов. Согласно Е.И. Коряковцевой, медийные средства оказывают значительное влияние на языковое сознание, так как они вносят изменения в «престижность» отдельных слов и типов словообразования, способствуют созданию новых лексем, появлению неозаимствований, интернациональных слов и гибридных единиц, а также формированию новых формантов и моделей словообразования [Коряковцева, 2013, с. 10]. Исследователи отмечают, что «особым средством создания экспрессии при восприятии текста являются собственно окказиональные способы словопроизводства, которые сами являются нарушителями языкового стандарта» [Петрова, Рацибурская, 2022].

Потенциальные возможности словообразования активно используются и современными писателями для реализации в тексте их произведений творческих интенций авторов, когда форма выражения становится действенным механизмом самовыражения и прагматического воздействия на читателя. При образовании окказиональных слов автор становится независимым от давления языка, от привычных языковых механизмов и обнаруживает свободу в использовании языковых ресурсов [Ревзина, 1996, с. 305–306]. При этом для слов, образованных окказиональным путем, характерна тесная связь с контекстом, в котором они употребляются. Вне контекста понять их бывает сложно или даже невозможно.

Невузальные способы словообразования активно изучаются и в рамках установления креативного потенциала языка современной русской поэзии. Так, Н.А. Фатеева выделяет языковые структуры и ресурсы, которые способствуют расширению творческого начала в

языке. Когда поэты выходят за границы традиционных норм и устоявшихся, общепринятых форм выражения, происходит активизация креативной функции языка наряду с поэтической и эстетической. Исследователь пишет, что современные авторы часто используют окказиональные образования с нарушениями в словообразовательной структуре, вызванными контаминацией, различными видами сращений, использованием нетипичных аффиксов [Фатеева, 2021, с. 23].

В образовании неузуальных лексем находит яркое отражение феномен «повышенной глагольности». Т.Б. Радбиль, описывая особенности русского языка последних лет, отмечает, что русская языковая картина мира отличается от других и ориентирована на динамичное понимание окружающей действительности, что проявляется в активном использовании отглагольных единиц [Радбиль, 2022, с. 10].

Словообразовательные эксперименты приносят свежесть и новизну в русский язык, служат способом экспрессивизации текста. Обращают на себя внимание лексемы, возникающие благодаря междусловному наложению и тмезису, а также заместительной деривации [Рацбургская, Самыличева, Шумилова, 2022, с. 134].

Изучение индивидуально-авторского словообразования в творчестве писателей и поэтов осуществляется в современной лингвистике с учетом структурно-семантических и функционально-прагматических особенностей (см., например: [Николина, 2019; Чупрякова, 2018; Спиридонов, 2014; и др.]). Однако неузуальное поэтическое словообразование в творчестве Александра Левина и Владимира Строчкова еще не становилось предметом специального изучения. Цель нашего исследования – охарактеризовать ненормативные способы словопроизводства в языке поэзии Александра Левина и Владимира Строчкова.

Материал и методы

Исследование новых тенденций в языке художественной литературы было осуществлено на материале произведений двух современных поэтов – Александра Левина и Владимира Строчкова, которые в своем творчестве активно экспериментируют с различными способами словообразования.

Мы не ставили перед собой задачу дать репрезентативную картину в отношении всей современной поэзии, были проанализированы тексты только двух поэтов с целью обнаружения наиболее активных неузуальных способов деривации и определения своеобразия их словообразовательной организации. С помощью описательно-аналитического метода охарактеризованы структурные и функционально-семантические особенности контаминированных и субститутивных дериватов в поэтических текстах рубежа XX–XXI веков. Использование сопоставительного метода позволило разграничить способы неузуального словопроизводства, а также выявить случаи переходного характера. Для раскрытия места окказионализмов в организации смыслового пространства поэтических текстов был применен контекстуальный анализ. С целью установления роли неодериватов в формировании оригинального авторского слога Александра Левина и Владимира Строчкова проведена стилистическая оценка употребления окказионализмов в их произведениях.

Результаты и обсуждения

В словообразовании, как важнейшем механизме номинативной деятельности человека, отражаются процессы освоения внеязыковой действительности [Ерофеева, 2016, с. 53], поэтому характер производных слов может свидетельствовать об определенной социокультурной ситуации в обществе. За последние десятилетия наблюдается увеличение количества новых слов, образованных нестандартными способами. Ранее такие явления встречались лишь случайно в идиолектах некоторых писателей, но сейчас они стали распространенными и всеобщими. В 1960–1970-х гг. основным способом создания новых слов была аффиксация, однако с 1980–1990-х гг. широкое распространение получает такой способ словообразования, как контаминация.

Александр Левин и Владимир Строчков – известные представители современной поэзии, чье творчество отличается особым экспериментаторством в создании новых слов. Сбор материала для анализа путем сплошной выборки и детальное изучение поэтических текстов позволили установить

наиболее частотные способы невузального словообразования в творчестве исследуемых поэтов. Так, среди нетрадиционных способов деривации в их произведениях особо выделяются контаминация и субституция. Рассмотрим подробно группы новодериватов, образованных посредством этих способов словообразования.

В соответствии с исследованиями Е.А. Земской, контаминация – это своеобразное соединение двух вузальных слов, при котором часть слова удаляется, но при этом она все еще присутствует в контексте, что способствует двойному осмыслению окказионализма [Земская, 2005, с. 191]. Мы придерживаемся данной точки зрения, согласно которой контаминация не ограничивается только вытеснением первой части одного слова начальным элементом другой единицы, хотя этот подход в лингвистике также распространен (см., например: [Намиитокова, 1986; Замальдинов, 2020; и др.]). Такой механизм словообразования позволяет создавать нестандартные словоформы, которые органично вписываются в контекст произведения и придают ему экспрессивность, ассоциативность и оригинальность.

Путем сочетания различных слов и формирования новых комбинаций А. Левин и В. Строчков создают своеобразный словарь, который расширяет возможности языка и открывает новые способы выражения мыслей.

Дериваты, образованные путем контаминации, имеют нетиповую структуру, отличаются от регулярных моделей словообразования. Зачастую эти единицы не вписываются в существующие деривационные типы вследствие произвольного характера внутрисловных межморфемных границ.

Особый тип контаминации представляет собой междусловное наложение, которое находит широкое отражение в поэтическом творчестве А. Левина и В. Строчкова (табл. 1). При междусловном наложении омонимичное начало второго слова накладывается на конец основы первого слова. Объединенные слова образуют новое сложное слово, включающее в себя «диффузные» основы [Коршунова, 1999].

Главная цель создания неoderиватов данной группы заключается в расширении границ языковых форм путем уникального сочетания компонентов слов и заключенных в них смыслов в целях языковой игры. В поэтических текстах рубежа XX–XXI вв. невузальные контаминированные слова имеют установку на экспрессивность и обладают эффектом новизны и неожиданности, создают оригинальный ассоциативный ряд, влияющий на восприятие всего текста.

Поэты часто прибегают к использованию и собственно контаминации (см. табл. 2). Согласно В.П. Изотову, собственно контаминация представляет собой «объединение нескольких звуковых оболочек на основе их частичного

Таблица 1. Междусловное наложение в творчестве А. Левина и В. Строчкова

Table 1. Interword overlap in the works by A. Levin and V. Storchkov

Единицы, полученные в результате междусловного наложения	Примеры употребления
<i>паукабель</i> ← <i>паук</i> + <i>кабель</i>	Грозный черный паукабель / шевелится на столбе... (А. Левин. Инсектарий (песни неба и земли))
<i>небосклонности</i> ← <i>небосклон</i> + <i>склонности</i>	озирая гордым оком / небосклонности богов... (В. Строчков. Психодраматическое)
<i>лампочкильича</i> ← <i>лампочки</i> + <i>ильича</i>	Потом стал свет. Хоть лампочкильича / никто не тер, свет не горел, напротив... (В. Строчков. Рукопись, найденная в Сырогонске)
<i>сапогири</i> ← <i>сапоги</i> + <i>гири</i>	отрывает сапогири / от паркетного ковра... (А. Левин. 23 февраля)
<i>виолончелюсть</i> ← <i>виолончель</i> + <i>челюсть</i> <i>мычаянья</i> ← <i>мычать</i> + <i>чаянья</i>	Басовая его виолончелюсть размерно ходит – раз и два, и три... <...> Тпрудится тпрудень, тпрудоденя брат, / мычаянья я его просты, как все на свете... (А. Левин. Сосуществование мечтаний)
<i>умнынешние</i> ← <i>умны</i> + <i>нынешние</i>	слишком мы у- / умны / умнынешние лю- / удивительно не ум- / мышленные... (А. Левин. Пассаж 3)
<i>колбасыра</i> ← <i>колбаса</i> + <i>сыр</i>	...виднелась темнота, / заставленная ящиками склада / спущёнки, колбасыра и монада...! (А. Левин. Модель космического корабля «Восторг-1»)
<i>заплутарх</i> ← <i>запутать</i> + <i>плутарх</i>	сбивая с уш лапшу и парх, / и в этих дебрях заплутарх (В. Строчков. Читая Vitae parallelae...)

звукового сходства» [Изотов, 1998, с. 219]. Н.А. Николина не называет такие единицы собственно контаминантами, а рассматривает их как амальгированные морфосочетания с наложением морфов, характеризующиеся трудностям в определении морфемного шва [Николина, 2017, с. 289]. Контаминанты – это компактные и содержательные слова, обладающие большим семантическим объемом. Данные дериваты требуют внимательного читателя-соавтора, способного расшифровать и понять их уникальное идиоматическое значение.

Такие гибридные новообразования возникают в результате умелой языковой игры с целью достижения определенного стилистического эффекта, как, например, в стихотворении В. Строчкова «Заметки для памяти»:

(1) Да нигде, кроме
как у нас, где дышать нечем.
Там, где узкий народ дышит,
там **танцузу** дышать негде,
а какому **обмороканцу**,
облегчанину и **тикайцу**
и фигуративному нещцу
ни вдохнуть, ни выдохнуть нету.

В данном стихотворении отмечается ряд новообразований с личным значением. Такие формы чрезвычайно распространены в языке современной поэзии и имеют специфику и в об-

ласти словообразования, и в области семантики [Сабирова, 2022, с. 89]. В приведенном контексте контаминированные образования *танцуз* (*танец* + *француз*), *обмороканец* (*обморок* + *мороканец*), *облегчанин* (*облегчение* + *англичанин*), *тикайец* (*тик* + *китаец*) имеют сниженный, разговорно-фамильярный характер. Эти гибридные слова привносят в поэтический текст игровой элемент и создают эффект эпатажа. Они служат средством выражения иронии и авторской оценки, но в большинстве случаев не несут отрицательной нагрузки.

Отдельную группу окказионализмов в поэтических текстах рубежа XX–XXI вв. составляют слова, образованные путем субституции, или заменительной деривации. Выделение данного способа словообразования вызывает дискуссии среди ученых. А.Ф. Журавлев под субституцией понимает замену одной морфемы (или произвольного сегмента) другой в готовом слове, при этом авторский неологизм образуется не по определенной словообразовательной модели, а по образцу, которым является конкретное слово [Журавлев, 1982, с. 74]. Часть исследователей не признает субституцию как самостоятельный способ словообразования и рассматривает единицы, образованные таким способом, в рамках деривации по конкретному образцу [Янко-Триницкая, 2001; Нефляшева, 2017]. Однако есть лингви-

Таблица 2. Собственно контаминация в творчестве А. Левина и В. Строчкова

Table 2. Contamination proper in the works by A. Levin and V. Storchkov

Единицы, полученные в результате собственно контаминации	Примеры употребления
<i>Майориц</i> ← <i>майор</i> + <i>товариц</i>	а Гражданин Майориц говорит... (В. Строчков. Просодия)
<i>катафорточки</i> ← <i>катафалк</i> + <i>форточки</i>	Из катафорточки улыбкой и рукой мерца и высовываясь, манит... (В. Строчков. Из катафорточки улыбкой и рукой...)
<i>любабочка</i> ← <i>любить</i> + <i>бабочка</i> <i>летётенка</i> ← <i>лететь</i> + <i>тётенка</i>	Когда же любабочка в небе летает, / летётенка с ленточкой в белой руке... (А. Левин. Инсектарий (песни неба и земли))
<i>муравоин</i> ← <i>муравей</i> + <i>воин</i>	Муравоин кропотливый. (А. Левин. Все куда-то подевались, всякие звурюшки...)
<i>смеящик</i> ← <i>смеяться</i> + <i>ящик</i> <i>молчацкий</i> ← <i>Молчалин</i> + <i>Чацкий</i> <i>шкафиози</i> ← <i>шкаф</i> + <i>мафиози</i>	Смеящик здоровянный, стоятственно молчацкий , / гудносый шкафиози , лялярий труляляцкий (А. Левин. Сосуществование мечтаний)
<i>стрекузина</i> ← <i>стрекоза</i> + <i>кузина</i>	Говорит кузенчик мере: / – Стрекузина , супрости... (В. Строчков. Мэри вывела овечек...)
<i>тараклопы</i> ← <i>таракан</i> + <i>клоп</i>	из-за халатных действий сандружины / чрезмерно расплодились тараклопы (В. Строчков. Удаленное будущее. Бункер)
<i>слюнтябрь</i> ← <i>слюнтяй</i> + <i>сентябрь</i> <i>пыхтябрь</i> ← <i>пыхтеть</i> + <i>октябрь</i>	Вышел отпуск месяц. Слюнтябрь-пыхтябрь ... (В. Строчков. Непутевые заметки)
<i>интеллигушка</i> ← <i>интеллигенция</i> + <i>лягушка</i>	Эх, царевна- интеллигушка , / не стать тебе Василисой Премудрой... (В. Строчков. Эх, царевна-интеллигушка...)

сты, которые считают, что важно разграничивать словообразование по конкретному образцу и заменительную деривацию. В первом случае в неолексеме воспроизводится формант слова-образца, а при субституции заменяется какая-либо морфема или ее часть в составе слова (см., например: [Михайлов, 1989; Рацибурская, 2003; и др.]).

Мы же в своей работе придерживаемся более широкого подхода, который был предложен В.П. Изотовым. Интерпретируя заменительную деривацию, ученый отмечает, что новое слово при данном способе создается путем замены морфемы или неморфемного сегмента в исходном слове на другие морфемы или неморфемные сегменты, находящиеся в определенных отношениях с исходным вариантом [Изотов, 1998, с. 206].

Субституция в поэтическом тексте – это процесс модификации узуальной единицы в другую нетрадиционную лексему с целью создания определенного эффекта или выражения дополнительного смысла. В поэзии рубежа XX–XXI вв. обнаруживается активизация данного способа незуального словообразования.

Например, в стихотворении «В холодильнике хранится...» В. Левин использует слово *сыркофаг*, образцом для которого явилось слово *бактериофаг*. Заменяя первую корневую часть, поэт актуализирует второй корень в сложном слове (*фаг* < греч. *phagos* ‘пожирающий’), а неодериват *сыркофаг* приобретает значение ‘пожиратель сыра’. Определить, что в качестве образца выступило именно слово *бактериофаг* (хотя в фонетическом отношении оно ближе лексеме *саркофаг*), позволяет его контекстуальное окружение:

(2) В холодильнике хранится
плавный дружеский сырок.
И упорно в холодильник
лезет синий **сыркофаг**.

При помощи заменительной деривации А. Левин создает такую лексическую единицу, которая, встраиваясь в контекст, создает необходимый художественный образ. Окказионализм в данном стихотворении реализует как собственно номинативную функцию, так и авторскую установку на экспрессивность.

В тексте стихотворения лексема *сыркофаг* становится производящей базой для об-

разования притяжательного прилагательного *сыркофаговы*:

(3) Вот сырок его боится,
вот желает убежать.
А в дыру уже пролезли
сыркофаговы усы.

Заменительная деривация, которая представлена в этом стихотворении, обусловлена языковой игрой, в которой таинственное существо *сыркофаг* наделяется свойствами живого организма.

Среди современных поэтов именно А. Левин и В. Строчков особенно часто в своем творчестве прибегают к использованию субституционных дериватов (см. табл. 3). Поэты обращаются к данному способу модификации узуальных единиц для создания более ярких образов с целью привлечения внимания читателей и порождения у них определенных ассоциаций и эмоций. Зачастую это происходит за счет изменения одной фонемы на другую или группы фонем на другую группу (сегментно-сегментная субституция, по В.А. Изотову).

Образование многих субституционных окказионализмов в поэтических текстах можно одновременно объяснить аффиксацией, контаминацией и субституцией: *улётка* ← *улететь* + *-к-*, *улётка* ← *улететь* + *улитка*; *спущёнка* ← *спустить* + *-ёнк-*, *спущёнка* ← *спустить* + *сгущёнка*; аффиксацией и субституцией: *бубнивый* ← *бубнить* + *-ив-*; субституцией и эпентезой: *мышли* ← *мышь* + *л*. В таком случае следует говорить о разной соотношенности и членимости неодериватов. Мысли о генетической взаимосвязи контаминации и аффиксации были высказаны Л.Р. Хасановой (см., например: [Хасанова, 2007, с. 232]).

Кроме того, анализ данных поэтических дериватов позволяет говорить о процессе рэтимологизации, где преобразования основаны не только на фонетическом взаимодействии двух слов, но и на семантической соотношенности. Как отмечает Э.А. Балалыкина, рэтимологизация связана с восстановлением образности, мотивированности слова, появлением у слова новой внутренней формы [Балалыкина, 2012, с. 43]. Семантическая двуплановость возникает в результате наложения значений двух единиц. В сознании читателя рождается два образа: один создается лексемой, подвергшейся

Таблица 3. Субституция в творчестве А. Левина и В. Строчкова

Table 3. Substitution in the works by A. Levin and V. Strochkov

Субституционные дериваты	Примеры употребления
<i>охрангел</i> ← <i>архангел</i> <i>Мухаил</i> ← <i>Михаил</i>	...горящую песню, небесную песню / охрангел поет Мухаил ... (А. Левин. Инсектарий (песни неба и земли))
<i>мышли</i> ← <i>мысли</i> <i>мерзайцы</i> ← <i>мерзавцы</i>	...серых мышлей раз за разом / вылезало из норы / и мерзайцев нехороших / пробегало кто куда... (А. Левин. Мехий Лисиц)
<i>шуршавая</i> ← <i>шершавая</i> <i>бубнигофон</i> ← <i>магнитофон</i> <i>пирожук</i> ← <i>пирожок</i> <i>пустонавт</i> ← <i>космонавт</i> <i>целлофаст</i> ← <i>целлофан</i> <i>шафт</i> ← <i>шар</i>	Шумелка-мышь шуршавая в полу. / Бубнигофон немножечко в углу. <...> В окно вжужжался пирожук , / горящий и хрустящий, как сухарь... <...> Как некий небывалый пустонавт , / одетый в целлофаст и хрипдашип , / взираю с неба на земельный шафт (А. Левин. Модель мыслителя у окна)
<i>из-нод</i> ← <i>из-под</i> <i>пузов</i> ← <i>кузов</i>	А печальные вагоны, / безголовые бараны, / а еще точнее, овцы, / щиплют траву по газонам, дуют воду из-нод крана, / теплым пузовом дымятся... (А. Левин. Послание из города Федосеи по вопросу о некоторых экологических системах)
<i>замухоренное</i> ← <i>засахаренное</i> <i>хрумтит</i> ← <i>хрустит</i> <i>крысавица</i> ← <i>красавица</i> <i>котовасий</i> ← <i>катавасия</i>	замухоренное варенье / в литровой банке копошится... <...> Хрумтит крысавица подполья – / лихой эсеровской закваски – / с таким азартом костемольным, / что котовасий зрит с опаской / в дырявый угол и за плитус (А. Левин. Дачная ночь)
<i>комарджоба</i> ← <i>гамарджоба</i> (транслитерация с грузинского) <i>легатый</i> ← <i>легавый</i> <i>улётка</i> ← <i>улитка</i>	...тучный комарджоба , / мошка с бантиком ленивым, стрекогун легатый / и мечтательная с детства тетенька улётка (А. Левин. Все куда-то подевались, всякие звурюшки...)
<i>спущёнка</i> ← <i>сгущёнка</i>	...виднелась темнота, / заставленная ящиками склада / спущёнки , колбасыра и монада...! (А. Левин. Модель космического корабля «Восторг-1»)
<i>вортушка</i> ← <i>ватрушка</i>	и ел вортушку (ею он питался) (А. Левин. Модель шизога под облака)
<i>тискотечки</i> ← <i>дискотечки</i> <i>хардриль</i> ← <i>кадриль</i> <i>чесательский</i> ← <i>писательский</i> <i>членум</i> ← <i>пленум</i> <i>полиартрил</i> ← <i>полиартрит</i> <i>сепси-пойло</i> ← <i>пепси-кола</i>	...и в тискотечках все та же хардриль , / и в Сандунах все чесательский членум , / в моде по-прежнему полиартрил , / бронжилетки и строгие шлемы. / В булочной ругань: нет свежих газет; / с двух до семи – сепси-пойло и фанга (В. Строчков. Мысли рванули, свернули за дом...)
<i>бубнивый</i> ← <i>бубновый</i>	Бубнивый король (В. Строчков. Как последний Пиндар)
<i>безуминка</i> ← <i>изюминка</i>	Калорийная булка с безуминками (В. Строчков. Просто вместо)

трансформации, а другой – производным словом, полученным в результате словообразования. В таком случае наблюдается как оживление внутренней формы слова, так и надделение созданного слова новой внутренней формой, что тоже относится к элементам языковой игры, характерной для поэтического текста.

В связи с тем, что при составлении таблицы 3 нами был использован широкий подход к отбору субститутивных новодериватов, представленные модифицированные производные можно рассмотреть и с позиции контаминационного процесса. В таком случае словообразовательная контаминация выражается по-разному в зависимости от того, какие части мотивирующих слов сохраняются либо выпадают:

– выпадает начало второго слова (*Мухаил* ← *муха* + *Михаил*; *пузов* ← *пузо* + *кузов*; *хрумтит* ← *хрум* (ономатон) + *хрустит*; *крысавицы* ← *крыса* + *красавица*; *комарджоба* ← *комар* + *гамарджоба*; *чесательский* ← *чесать* + *писательский*; *членум* ← *член* + *пленум*);

– выпадает конец первого и начало второго слова (*овчизна* ← *овчина* + *отчизна*; *тискотечки* ← *тискать* + *дискотечки*; *отточество* ← *отточить* + *отчество*; *хардриль* ← *хардкор* + *кадриль*);

– выпадает конец первого слова (*мерзайцы* ← *мерзавец* + *зайцы*; *пирожук* ← *пирожок* + *жук*);

– представлены оба слова (междусловное наложение) (*охрангел* ← *охрана* + *ангел*).

Помимо этого, в таблице 3 есть новодериваты, которые можно объединить по другому основанию. Так, дериваты *бубнитофон*, *пустонавт* можно рассмотреть как единицы, образованные путем субституции, при которой происходит трансрадикация одного из корней в сложном слове [Изотов, 1998, с. 207], а можно проанализировать с позиций аффиксоидного словообразования по аналогии со словами *магнитофон*, *телефон*, *металлофон* и т. п. и *космонавт*, *акванавт*, *аргонавт*, *аэронавт*, *гидронавт*, *астронавт* соответственно. Сотрудники Института лингвистических исследований РАН под руководством Е.А. Левашова в словаре-справочнике «Аффиксоиды русского языка» выделяют *-фон* и *-навт* как продуктивные суффиксоиды [Козулина, Левашов, Шагалова, 2009].

Неодериват *вортушка* в стихотворении А. Левина «Модель шизого под облака» можно рассмотреть как сращение предлога с падежной формой существительного, осложненное диминутивным суффиксом *-ушк-*. Подобное окказиональное сращение есть и в произведении В. Строчкова «Просто вместо»: *безуминка* ← *без ума* + *-инк-*. Кроме того, данный окказионализм можно воспринимать и как результат суффиксации, если в качестве мотивирующей основы рассматривать слово *безумие*: *безуминка* ← *безумие* + *-инк-* (ср. *пыль – пылинка*, *изюм – изюминка*). Однако *безуминка* не воспринимается как необычное в сравнении с другими неодериватами, что объясняется существованием продуктивных и регулярных префиксальных и конфиксальных моделей с элементом *без-* в русском языке (*безумный*, *безумство*, *безумие*, *безумец*).

Восстановить мотивировку окказионализма в поэтических текстах, как правило, возможно только в пределах самого произведения, за его рамками такое слово остается непонятным. Например, контекст стихотворения А. Левина «Дачная ночь» позволяет понять производящие для образования *котовасий* слова *кот* и *Вася* (одна из самых популярных кличек домашних котов), на базе которых образуется трансфиксальный субстантив *котовасий* (*о...ий*): *Хрумтит крысавица подполья – / лихой эсеровской закваски – / с таким азартом костемольным, / что котовасий зрит с опаской / в дырявый угол и за плитус.*

Звуковая схожесть производной в поэтическом тексте единицы *котовасий* и непрямой в русском языке слова *катавасия* (др.-греч. *κατά-βῆσις*, *καταβῆσις*) очевидна. С помощью иронии поэт подтверждает правомерность народной этимологии и восстанавливает связь между данными лексемами. Такая игра слов не только заставляет обратить внимание на внутреннюю форму слова, но и аккумулирует новые смыслы, оставляя место для индивидуально-читательского ассоциативного и контекстуального восприятия.

Все рассмотренные в статье окказиональные слова являются средством реализации художественного замысла поэтов. Для проанализированных неолексем присуща полифункциональность. Индивидуально-авторские единицы всегда функционируют в пределах конкретного контекста, в связи с чем употребление тех или иных окказионализмов обусловлено не только и не столько необходимостью номинации новых реалий, сколько стремлением выразить авторское отношение к ним, а также установкой на создание лирического образа. Такие слова представляют собой загадки, в процессе разгадывания которых читатели должны уловить нить повествования и авторскую идею.

Как показали результаты анализа неолексем в творчестве В. Строчкова и А. Левина, при субституции соприкасаются реальное новообразование и исходное ассоциативное слово / слова (при пересечении способов), в результате чего рождается новая языковая единица, одновременно сохраняющая, передающая исходную семантику и придающая новое значение окказионализму в соответствии с контекстом.

Выводы

Современная поэзия активно использует новые способы словообразования, отклоняясь от привычных языковых стандартов. В своем противостоянии традиционным языковым структурам она стремится к свободе языковых экспериментов и отказывается от общепринятых словообразовательных моделей. В творчестве двух особенно склонных к словесному экспериментаторству современных поэтов Александра Левина и Владимира Строчкова наблюдается активизация кон-

таминированного и субститутивного словопроизводства.

Активное обращение к контаминации и ее типам (междусловному наложению и собственно контаминации) в творчестве данных поэтов свидетельствует об их стремлении к языковой игре, ироничности, зашифровке смыслов, поиску новых выразительных средств и формулировок. В созданных новых лексемах проявляется тенденция к морфологическому и семантическому слиянию разных слов и словоформ.

Не менее часто поэты обращаются к субституции, или заменительной деривации. Авторы прибегают к данному способу модификации узуальных единиц по разным причинам: главная из них – придание тексту оригинальности. Кроме того, заменительная деривация помогает мастерам слова передать сложные идеи, используя ассоциативный ряд, связанный со словом-прототипом.

Лингвистическая игра в таком случае достигается путем замены фонем, изменения состава морфем, объединения различных лексических единиц, графического изменения облика слов и создания новых лексем по нетрадиционным деривационным моделям.

Многие субститутивные новодериваты, приведенные в статье, могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от примененного подхода. Так, одни и те же единицы можно характеризовать как образованные путем субституции или контаминации (*Мухаил, мерзайцы*); субституции или аффиксации (*улётка, спущёнка, бубнивый*); субституции или эпентезы (*мышли*). В некоторых случаях можно говорить о сращении предлога с падежной формой существительного (*вортушка, безуминка*).

Дериваты при субституции могут выполняться как собственно номинативную, так и эмоционально-экспрессивную функции. Языковая игра при этом часто используется как средство выражения иронии и создания эффекта эпатажа.

Применение нетрадиционных моделей словообразования и нарушение общепринятых законов создания новых слов способствуют росту личностного компонента в современной поэзии. Поэтические дериваты, образованные по неузуальным моделям, отражают взгляд мастеров слова на современные явления дей-

ствительности. Новые феномены реального мира активизируют определенные звенья словообразовательной системы языка, а эксперименты со словом могут стимулировать развитие самой системы, поскольку они требуют новых условий и правил.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета («ПРИОРИТЕТ – 2030»).

The research was carried out within the framework of the Strategic Academic Leadership Program of the Kazan (Volga Region) Federal University (“PRIORITY – 2030”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балалыкина Э. А., 2012. Деэтимологизация и рэтимологизация в русском языке // Мир языка и языки мира : Взбранные труды по русскому языку и балто-славянским отношениям. Казань : Яз. С. 37–44.
- Ерофеева И. В., 2016. Функционально-семантические особенности производных субстантивов в текстах летописного жанра // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 2. С. 53–61. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.6>
- Журавлев А. Ф., 1982. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М. : Наука. С. 45–109.
- Замальдинов В. Е., 2020. «Вирусные» инновации в медийном пространстве // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранного языков : сб. тр. конф. Донецк : Донец. нац. техн. ун-т. С. 100–106.
- Земская Е. А., 2005. Словообразование как деятельность. М. : КомКнига. 224 с.
- Земская Е. А., 2011/ Современный русский язык. Словообразование. М. : Флинта : Наука/ 328 с.
- Изотов В. П., 1998. Параметры описания системы способов русского словообразования. Орел : Орл. гос. ун-т. 149 с.
- Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н., 2009. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб. : Нестор-История. 288 с.
- Коршунова Т. Н., 1999. Семантико-деривационная структура и функционирование новообразований в художественных произведениях Иго-

- ря Северянина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел. 22 с.
- Коряковцева Е. И., 2013. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // International Slavistic Committee Commission on Word-Formation. Papers in Thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce : Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo Humanistycznego. С. 9–38.
- Михайлов М. А., 1989. Речевая номинация и выделенность морфем. Красноярск : Изд-во КГУ. 162 с.
- Намитоква Р. Ю., 1986. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. 160 с.
- Нефляшева И. А., 2017. Окказиональное слово как явление постмодернистской эстетики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. Майкоп : [б.и.]. С. 324–346.
- Николина Н. А., 2017. Типы и функции контаминированных образований в современной русской речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13 : Культура русской речи. С. 288–294.
- Николина Н. А., 2019. Основные тенденции словотворчества в русской художественной речи XIX в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 1 (19). С. 85–91.
- Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В., 2022. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М. : Флинта. 160 с.
- Радбиль Т. Б., 2022. Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет // Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта. С. 8–35.
- Рацибурская Л. В., 2003. Особенности новообразований в современных средствах массовой информации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. № 1. С. 111–116.
- Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., 2022. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве // Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта. С. 134–221.
- Ревзина О. Г., 1996. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество : сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. М. : ИРЯ РАН. С. 303–309.
- Сабирова А. И., 2022. Словообразовательные и выразительные возможности языка современной поэзии // Сибирский филологический форум. № 4 (21). С. 87–97. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-141
- Спиридонов А. В., 2014. Неузальные способы образования окказиональной лексики в произведениях В. Аксёнова // Вестник Самарского государственного университета. № 5 (116). С. 80–85.
- Фатеева Н. А., 2021. Креативный потенциал языка современной русской поэзии. Берлин : Peter Lang. 125 с. DOI: 10.3726/b18147
- Хасанова Л. Р., 2007. Структурно-семантические особенности окказиональных образований // Исследования по русскому языку : сб. ст. к 70-летию проф. Эмилии Агафоновны Балалыкиной. Казань : Казан. гос. ун-т. С. 229–235.
- Чупрякова О. А., 2018. Семантико-деривационные особенности субстантивов-окказионализмов в пространстве художественного текста (на материале романа В. Маканина «Асан») // Филология и культура. № 2 (52). С. 140–145.
- Янко-Триницкая Н. А., 2001. Словообразование в современном русском языке. М. : Индрик. 503 с.

ИСТОЧНИКИ

- Александр Левин. URL: <https://frkr.ru/>
- Владимир Строчков. URL: <http://frkr.ru/FRIENDS/STROCHKOV/>
- Левин А., Строчков В. Переключка. Стихи и тексты. М. : АРГО-РИСК ; Тверь : Колонна, 2003.
- Строчков В. Я. Глаголы несовершенного времени : Избранные стихотворения 1981–1992 годов. М. : Диас, 1994. 416 с.

REFERENCES

- Balalykina E.A., 2012. Deetimologizatsiya i reetimologizatsiya v russkom yazyke [De-etymologization and Re-etymologization in the Russian Language]. *Mir yazyka i yazyki mira: Izbrannye trudy po russkomu yazyku i baltoslavjanskim otnosheniyam* [World of Language and Languages of the World: Selected Works on the Russian Language and Balto-Slavic Relations]. Kazan, Yaz Publ., pp. 37-44.
- Erofeeva I.V., 2016. Funktsionalno-semanticheskie osobennosti proizvodnykh substantivov v tekstakh letopisnogo zhanra [The Functional-Semantic Peculiarities of Derivative Words in the Texts of Chronicle Genre]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 2, pp. 53-61. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.6>
- Zhuravlev A.F., 1982. Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoy

- nominatsii [Technical Capabilities of the Russian Language in the Field of Subject Nomination]. *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke* [Methods of Nomination in Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 45-109.
- Zamaldinov V.E., 2020. «Virusnye» innovatsii v mediynom prostranstve [“Viral” Innovations in the Media Space]. *Lingvisticheskie issledovaniya i ikh ispolzovanie v praktike prepodavaniya russkogo i inostrannogo yazykov: sb. tr. konf.* [Linguistic Research and Its Use in the Practice of Teaching Russian and Foreign Languages: Collection of Conference Proceedings]. Donetsk, Donets. nats. techn. un-t, pp. 100-106.
- Zemskaya E.A., 2005. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost* [Word Formation as an Activity]. Moscow, KomKniga Publ. 224 p.
- Zemskaya E.A., 2011. *Sovremenniy russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 328 p.
- Izotov V.P., 1998. *Parametry opisaniya sistemy sposobov russkogo slovoobrazovaniya* [Parameters for Describing the System of Methods of Russian Word Formation]. Orel, Orl. gos. un-t. 149 p.
- Kozulina N.A., Levashov E.A., Shagalova E.N., 2009. *Affiksoidy russkogo yazyka. Opyt slovaryaspravochnika* [Affixoids of the Russian Language. Experience of a Reference Dictionary]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 288 p.
- Korshunova T.N., 1999. *Semantiko-derivatsionnaya struktura i funktsionirovanie novoobrazovaniy v khudozhestvennykh proizvedeniyakh Igorya Severyanina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic-Derivative Structure and Functioning of New Formations in the Works of Art by Igor Severyanin. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Orel. 22 p.
- Koryakovtseva E.I., 2013. Slovoobrazovatelnye resursy novykh funktsionalnykh stiley slavyanskikh yazykov [Word-Formation Resources of New Functional Styles of Slavic Languages]. *International Slavistic Committee Commission on Word-Formation. Papers in Thematic Session. XV International Congress of Slavists*. Sedlce, Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo Humanistycznego, pp. 9-38.
- Mikhajlov M.A., 1989. *Rechevaya nominatsiya i vydelimost morfem* [Speech Nomination and Salience of Morphemes]. Krasnoyarsk, Izd-vo KGU. 162 p.
- Namitokova R.Yu., 1986. *Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyy aspekt* [Author's Neologisms: Word-Formation Aspect]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta. 160 p.
- Neflyasheva I.A., 2017. Okkazonalnoe slovo kak yavlenie postmodernistskoy estetiki [Occasional Word as a Phenomenon of Postmodern Aesthetics]. Suprun V.I., Ilyasova S.V., eds. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Onomastic and Derivatological Research]. Maykop, s. n., pp. 324-346.
- Nikolina N.A., 2017. Tipy i funktsii kontaminirovannykh obrazovaniy v sovremennoy russkoy rechi [Types and Functions of Contaminated Formations in Modern Russian Speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 13. Kultura russkoy rechi* [Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute. Iss. 13. Culture of Russian Speech], pp. 288-294.
- Nikolina N.A., 2019. Osnovnye tendentsii slovotvorchestva v russkoy khudozhestvennoy rechi XIX v. [Main Trends in Word Creation in Russian Artistic Speech of the 19th Century]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute], no. 1 (19), pp. 85-91.
- Petrova N.E., Ratsiburskaya L.V., 2022. *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii* [Language of Modern Media: Means of Verbal Aggression]. Moscow, Flinta Publ. 160 p.
- Radbil T.B., 2022. Natsionalno-obuslovlennyye modeli yazykovoy kontseptualizatsii mira v russkom yazyke poslednikh let [Nationally Determined Models of Linguistic Conceptualization of the World in the Russian Language in Recent Years]. Ratsiburskaya L.V., ed. *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian Language of the Early 21st Century]. Moscow, Flinta Publ, pp. 8-35.
- Ratsiburskaya L.V., 2003. Osobennosti novoobrazovaniy v sovremennykh sredstvakh massovoy informatsii [Features of New Formations in Modern Media]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya* [Science Journal of UNN. Philology], no. 1, pp. 111-116.
- Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V., 2022. Novyye tendentsii v sovremennom mediynom slovotvorchestve [New Trends in Modern Media Word Creation]. Ratsiburskaya L.V., ed. *Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian Language of the Early 21st Century]. Moscow, Flinta Publ., pp.134-221.
- Revzina O.G., 1996. Poetika okkazonalnogo slova [Poetics of the Occasional Word]. *Yazyk kak tvorchestvo: sb. st. k 70-letiyu V.P. Grigoryeva* [Language as Creativity: Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.P. Grigoriev]. Moscow, IRYa RAN, pp. 303-309.

- Sabirova A.I., 2022. Slovoobrazovatelnye i vyrazitelnye vozmozhnosti yazyka sovremennoy poezii [Word-Formation and Expressive Capabilities of the Language of Modern Poetry]. *Sibirskiy filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum], no. 4 (21), pp. 87-97. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-141
- Spiridonov A.V., 2014. Neuzualnye sposoby obrazovaniya okkazionalnoy leksiki v proizvedeniyakh V. Aksyonova [Non-Usual Ways of Forming Occasional Vocabulary in the Works of V. Aksenov]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of SSU], no. 5 (116), pp. 80-85.
- Fateeva N.A., 2021. *Kreativnyy potentsial yazyka sovremennoy russkoy poezii* [Creative Potential of the Language of Modern Russian Poetry]. Berlin, Peter Lang Publ. 125 p. DOI: 10.3726/b18147
- Khasanova L.R., 2007. Strukturno-semanticheskie osobennosti okkazionalnykh obrazovaniy [Structural and Semantic Features of Occasional Formations]. *Issledovaniya po russkomu yazyku: sb. st. k 70-letiyu prof. Emilii Agafonovny Balalykinoy* [Research in the Russian Language. Collection of Articles for the 70th Anniversary of Professor Emilia Balalykina]. Kazan, Kazan. gos. un-t, pp. 229-235.
- Chupryakova O.A., 2018. Semantiko-derivatsionnye osobennosti substantivov-okkazionalizmov v prostranstve khudozhestvennogo teksta (na materiale romana V. Makanina «Asan») [Semantic-Derivative Features of Substantive-Occasionalisms in the Space of a Literary Text (Based on the Novel “Asan” by V. Makanin)]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 2 (52), pp. 140-145.
- Yanko-Trinitskaya N.A., 2001. *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke* [Word Formation in Modern Russian]. Moscow, Indrik Publ. 503 p.

SOURCES

- Aleksandr Levin. URL: <https://frkr.ru/>
- Vladimir Stochkov. URL: <http://frkr.ru/FRIENDS/STROCHKOV/>
- Levin A., Stochkov V. *Pereklichka. Stihi i teksty* [Roll Call. Poems and Texts]. Moscow, ARGO-RISK Publ., Tver, Kolonna Publ., 2003.
- Stochkov V.Ya. *Glagoly nesovershennogo vremeni: Izbrannye stikhotvoreniya 1981–1992 godov* [Verbs of the Imperfect Tense: Selected Poems of 1981–1992]. Moscow, Dias Publ., 1994. 416 p.

Information About the Authors

Irina V. Erofeeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

Alina I. Sabirova, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, salina_1995@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0107-3477>

Информация об авторах

Ирина Валерьевна Ерофеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

Алина Илдаровна Сабирова, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, salina_1995@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0107-3477>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.13>

UDC 811.161.1'271:004.738.5
LBC 81.411.2-006

Submitted: 29.02.2024
Accepted: 13.05.2024

UNDERSTANDING THE TYPICAL BORROWING OF “SUPERMAN” IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE¹

Anna D. Guseva

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russia

Abstract. Globalization as a factor of the formation of new behavioral patterns in the communicative practice of the host culture is closely related to the phenomenon of character type borrowings, which include the lexeme *superman*. The purpose of the investigation is to study the peculiarities of linguistic understanding of the character type borrowing *superman* in Russian-language media discourse. The study was conducted on the basis of data from the National Corpus of the Russian Language and included an analysis of the thematic contexts of the use of the lexeme nominating the character type borrowing *superman* in texts belonging to various genres of media discourse. The character type “superman” has been established to be embedded in the system of basic concepts of Russian culture and form the following value oppositions: in thematic contexts related to the field “Art, Culture and Leisure” the behavior of Superman, the hero of American films, based on the cult of physical strength and permissiveness, is interpreted as contrary to the moral ideals laid down in classical Russian literature; in thematic contexts related to the field of “Army and Armed Conflicts”, the opposition “superman” – “Russian warrior” is constituted according to the parameter of ability/inability to accomplish a feat; in thematic contexts related to the field of “Politics and Public Life” it is shown that in American society “superman” is understood as a symbol of the fight against enemies and for social justice. In the Russian-speaking space it acquires negative connotations, since it describes a politician as the one not able to instantly solve social problems of society; in the thematic area of “Health and Medicine” the image of Superman reflects his commitment to a healthy lifestyle and is characterized by a high level of self-control, which is frowned upon in Russian-language media discourse. We conclude that the linguistic understanding of the borrowed character types in the media space introduces new conceptual features, due to the value system of the host culture.

Key words: linguistic and cultural character type, translingual unit, media discourse, superman, image, model personality, role, social role.

Citation. Guseva A.D. Understanding the Typical Borrowing of “Superman” in the Russian-Language Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 171-183. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.13>

УДК 811.161.1'271:004.738.5
ББК 81.411.2-006

Дата поступления статьи: 29.02.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

ЯЗЫКОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТИПАЖНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ «СУПЕРМЕН» В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ¹

Анна Дмитриевна Гусева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, Россия

Аннотация. Глобализация как фактор формирования новых поведенческих паттернов в коммуникативной практике принимающей культуры тесно связана с феноменом типажных заимствований, к числу которых относится лексема *супермен*. Цель работы – изучить особенности языкового осмысления типажного заимствования *супермен* в русскоязычном медийном дискурсе. Исследование проводилось на основе данных Нацио-

нального корпуса русского языка и заключалось в анализе тематических контекстов употребления типажного заимствования *супермен* в текстах, относящихся к различным жанрам медиадискурса. Установлено, что типаж «супермен» встраивается в систему базовых концептов русской культуры и формирует следующие ценностные оппозиции: в тематических контекстах, относящихся к сфере «Искусство, культура и досуг» поведение супермена, героя американских фильмов, основанное на культе физической силы и вседозволенности, интерпретируется как противоречащее нравственным идеалам, заложенным в классической русской литературе; в тематических контекстах, относящихся к сфере «Армия и вооруженные конфликты» оппозиция «супермен – русский воин» осмысливается по линии способность / неспособность к подвигу; в тематических контекстах, относящихся к сфере «Политика и общественная жизнь», показано, что в американском обществе «супермен» осмысливается как символ борьбы за социальную справедливость, в русскоязычном пространстве он приобретает отрицательные оценочные коннотации, поскольку характеризует политика как неспособного мгновенно решить социальные проблемы общества; в тематической сфере «Здоровье и медицина» образ супермена отражает его приверженность здоровому образу жизни, а также ему свойственен высокий уровень самоконтроля, что получает неодобрение в русскоязычном медийном дискурсе. Сделан вывод, что языковое осмысление заимствованных типажей в медийном пространстве привносит в них новые концептуальные признаки, обусловленные системой ценностей принимающей культуры.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, транслингвальная единица, медиадискурс, супермен, имидж, модельная личность, амплуа, социальная роль.

Цитирование. Гусева А. Д. Языковое осмысление типажного заимствования «супермен» в русскоязычном медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 171–183. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.13>

Введение

Актуальность исследования обусловлена важными процессами в жизни современного общества, а именно, цифровизацией и глобализацией, связанными с открытостью интернет-пространства и расширением массовой культуры в ее жанровом разнообразии, что неизбежно приводит к изменению коммуникативных практик принимающих культур. Ведущая роль в глобализации и цифровизации принадлежит английскому языку, который, имея статус *lingua franca*, активно вторгается в различные культуры, в том числе и современную российскую, и является источником пополнения целых пластов лексики, единицы которых функционируют практически во всех сферах коммуникации.

Лексика, заимствованная из английского языка в русский, многолика, отличается функциональной нагрузкой и может классифицироваться по разным критериям. В литературе представлены типологии заимствований, основанные на наиболее общих признаках данного множества лексических единиц: существуют тематическая, хронологическая, этимологическая классификации, заимствования группируются по сфере употребления и функционирования, по каналу передачи, по характеру заимствованного материала и

структуре [Кузина, 2022; Маринова, 2008; Груенко, 2016].

Оценочная квалификация иноязычных слов в принимающей культуре основана прежде всего на оппозиции «свое-чужое» и зависит от ряда экстралингвистических факторов в каждом историческом периоде. Так, Л.П. Крысин отмечает, что в советское время заимствования были под строгим запретом: «Иноязычное слово нередко ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в середине прошлого века, когда в пылу борьбы с “низкопоклонством перед Западом” велено было писать и говорить вместо бульдозер – тракторный отвал, вместо грейдер – струг, игру футбольных команд стали называть не матчем, а встречей, радиопередачи об этих встречах надо было называть не репортажами, а рассказами и т. д.» [Крысин, 2008]. В конце XX в. произошли изменения в прагматике иноязычного слова, когда в результате «оценочной революции» у освоенных заимствований отрицательный модус сменился положительным [Китанина, 2005, с. 25]. Оценка иноязычных элементов может рассматриваться в тесной связи с такими факторами, как ориентация на западный образ жизни, желание приобщиться к западному миру, престиж, мода, статус и т. д. Как отме-

чает Э.А. Китанина, чужое слово может стать выразителем «системы социальных оценок по отношению к предметному миру, духовной и поведенческой сферам в жизни человека» [Китанина, 2005, с. 8]. Автор, рассматривая заимствования с позиций прагмалингвистики, пишет о том, что прагматическая зона иноязычия формирует прагматические смыслы, отражая изменения в ценностной картине мира, и отличается большей динамичностью, чем семантическая зона. Исследователь считает, что глобализация влияет на особенности освоения заимствований, поскольку в XXI в. иноязычная лексика отличается признаками не пассивной, периферической лексики, а ядерной и имеет активный характер, то есть не просто распознается носителями языка как репрезентация реалий иной культуры, но активно внедряется в дискурсивные практики, отражая освоение обозначаемых ею денотатов в принимающей культуре.

Изучая типы языкового импорта, В.И. Карасик пишет, что его причины могут быть различны. Он сводит все заимствования к четырем большим группам в зависимости от выполняемых функций: игровые, технические, паразитарные, ценностные [Карасик, 2015, с. 106]. Особую значимость в современных лингвистических исследованиях приобретает описание заимствований в аспекте их интерпретации в принимающей культуре и встраивания в систему ее ценностных координат.

Одним из актуальных для современной массовой культуры типов заимствований является типажное заимствование, основанное на транслингвальности, то есть переходе языковой единицы, которая обозначает лингвокультурный типаж, воплощающий модели поведения, свойственные одной культуре, в другие культуры через трансляцию средствами медиадискурса. Возможность восприятия типажного заимствования в совокупности с его инокультурным фоном тесно связана с развитием современного технологического общества и обусловлена открытостью медиaproстранства, в границах которого типы иных культур осмысливаются как образцы поведенческих моделей, взаимодействуя с системой ценностей принимающей культуры и получая различные оценочные квалификации.

Основой типажного заимствования является лингвокультурный типаж, который стал объектом изучения в большом количестве исследований. Типаж рассматривался с точки зрения его этнокультурной, лингвокультурной и социокультурной специфики [Карасик, Ярмахова, 2006; Мурзинова, 2009; Гуляева, 2009; Ярошенко, 2010; Панченко, 2022]. Установлены особенности функционирования типажа в принимающей и отдающей лингвокультурах как транскультурного концепта [Ефимова, 2020; 2023]. В последние десятилетия актуальны исследования дискурсивных характеристик типажей, например «геймер», «хакер», «флудер», «спамер», «программист» и т. д., в виртуальном дискурсе [Лутовинова, 2009]. Вместе с тем изучение репрезентации типажных заимствований в медийном дискурсе, их влияния на ценностную картину мира принимающей культуры не становилось предметом лингвистического исследования.

Медиадискурс, превратившийся в основной вид дискурса современного общества и получивший статус глобального коммуникативного феномена, играет важную роль в рецепции и интерпретации заимствований. В работах рассматриваются общие теоретические основы функционирования медийного дискурса [O'Keefe, 2011; Talbot, 2007]; определяются его основные свойства и структурные характеристики [Солнцева, 2019]; описываются типы адресатов и их коммуникативное поведение [Пром, 2020]; устанавливаются особенности медиатизации научных текстов, которые в пространстве интернета приобретают новые характеристики, воспринимаясь как особая форма представления знаний [Белоедова, Тяжлов, 2023]; переосмысливаются культурные феномены, которые актуализируются в текстах рекламы через механизмы цитатности [Ежова, 2023]; проводятся исследования, показывающие изменения дискурсивных практик и моделей поведения в виртуальном медийном пространстве, например, выделяются характеристики кибербуллинга как конфликтного поведения в сети в сравнении с агрессивными речевыми действиями в медийных печатных текстах [Чернышова, 2022].

Актуальной проблематикой медиадискурса является изучение его роли в концептуализации и дискурсивной обработке различных

новых социальных феноменов. Так, Л.А. Кочетовой рассматриваются особенности конструирования искусственного интеллекта в англоязычном дискурсе, описана специфика его содержательных, аксиологических и образно-перцептивных характеристик [Kochetova, 2023]; Е.Ю. Ильиновой и О.С. Волковой изучено транскультурное концептуальное образование «Индивидуальная мобильность» как отражение в медиадискурсе «популяризации идеи индивидуальной транспортной мобильности как поведенческого тренда жителя большого города в XXI веке» [Ильинова, Волкова, 2023]. Таким образом, можно утверждать, что современное медийное пространство можно рассматривать как поле, в котором формируется восприятие новых феноменов, образуются связанные с ними ценностные смыслы, определяющие ориентиры поведения. Сходным образом заимствованный типаж, попадая в медийное дискурсивное пространство принимающей культуры, приобретает новые, одобряемые или неодобряемые дискурсивным сообществом концептуальные признаки, встраивается в систему ее ценностных координат и получает оценочную интерпретацию.

Одной из особенностей представления лингвокультурного типажа, в том числе и заимствованного, в медийном дискурсе становится избирательность в репрезентации его характеристик. В медиадискурсе фиксируется не все признаки типажа, а только социально значимые, отражающие ценностные ориентиры общества. Редуцированность репрезентаций того или иного типажа приводит к стереотипизации представлений о нем. Типаж превращается в социальную роль («общая схема поведения типажа»), амплуа (сознательно выбранная и личностно окрашенная роль) или имидж (сознательно смоделированный образ, включающий представленные в редуцированном виде субъективные характеристики типажа как результат целенаправленного воздействия на общественное сознание) и др. [Карасик, 2009, с. 181–188].

Цель данного исследования – выявление особенностей языкового осмысления заимствованного типажа «супермен» в русскоязычном медийном дискурсе.

Мы определим тематические области медиадискурса, для которых транслингваль-

ная единица *супермен*, номинирующая заимствованный типаж, наиболее актуальна; выявим концептуальные признаки, приобретаемые типажным заимствованием в русскоязычном медийном дискурсе, опишем механизм его встраивания в систему ценностей принимающей культуры и оценочную интерпретацию в каждой из тематических областей русскоязычного медийного дискурса.

Материал и методы

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка. На его основе был создан корпус газетных текстов, который включает контексты употребления лексемы *супермен* в газетном корпусе с 1983 по 2021 г. (центральные СМИ): 2048 примеров использования транслингвальной единицы *супермен* в 1327 текстах, опубликованных в центральных СМИ из 2 728 688 текстов, включающих 815 141 029 слов.

В результате анализа газетного корпуса были выделены тематические области употребления лексемы *супермен*: «Искусство, культура и досуг», «Политика и общественная жизнь», «Армия и вооруженные конфликты», «Здоровье и медицина». Наиболее обширной является тематическая область «Искусство, культура и досуг», которая составляет 42,4 % от общего количества употреблений лексемы. Большое количество контекстов употребления лексемы *супермен* по сравнению с остальными тематическими областями связано с тем, что в корпусе газетных текстов часто публикуются сообщения о новых кинофильмах, мультфильмах и комиксах с участием супергероев.

Тематическая область «Политика и общественная жизнь» составляет 5,6 % всех употреблений лексемы *супермен* в газетном корпусе; тематические сферы «Армия и вооруженные конфликты» и «Здоровье и медицина» представлены в 1,3 и 1,5 %, от общего количества контекстов, соответственно; 16,9 % употреблений относятся к категории «Иное», в которую вошли «Криминал», «Бизнес, коммерция, экономика, финансы», «Наука и технологии», «Образование», «Право» и др.; 29,3 % от общего количества использований лексемы относятся нами к неопределенной категории.

Методом направленной выборки были отобраны оценочные контексты с лексемой *супермен* и проведен их анализ в тематических областях «Искусство, культура и досуг», «Политика и общественная жизнь», «Армия и вооруженные конфликты» и «Здоровье и медицина», в которых исследуемый типаж проявляется особенно ярко, оказывая наиболее значительное влияние на ценностную картину мира русской лингвокультуры.

В работе использовались методы дистрибутивного и контекстного анализа языковых репрезентаций транслингвальной единицы; метод интерпретативного анализа языковых средств для определения концептуальных признаков типажного заимствования «супермен» и его ценностных характеристик в русскоязычном медийном дискурсе.

Результаты и обсуждение

Тематическая область «Искусство, культура и досуг»

В русскоязычном медийном дискурсе концепт «супермен» сохраняет понятийные признаки американского лингвокультурного типажа: это человек, способности которого почти не имеют границ, он может выполнять невероятные, недостижимые для обычного человека действия, всегда побеждая своих врагов и оставаясь невредимым. В русскоязычном медийном дискурсе обязательными чертами супермена являются знание боевых искусств, умение постоять за себя:

(1) ...Тот супермен, который повырубал на своем пути всех полицейских (НКРЯ: Юлия Вишневецкая. Измена Родины // Русский репортер. 2013);

(2) ...[Супермен] всех побеждает, а иногда даже исправляет какие-то исторические ошибки и меняет будущее (НКРЯ: Иван Мартов. От толкинистов до попаданцев. История постсоветской фантастики, рассказанная Марией Галиной. 13.10.2016).

В русскоязычной ценностной картине мира, конструируемой в медийном дискурсе, типаж «супермен» приобретает новые концептуальные признаки и чаще осмысливается в негативном ключе. Он представлен как носитель ряда антиценностей, задающих отрицательные модели поведения, основанные на

культе физической силы и вседозволенности, осуждаемых в русской культуре:

(3) Чему учат кумиры? Американские ученые утверждают, что современные супергерои массовой культуры несут искаженный идеал мужественности через насилие, сарказм, эгоизм, щегольское поведение и не предлагают альтернатив. <...> Первые супергерои из старых комиксов, такие как **Супермен**, бывший в повседневной жизни журналистом, воплощали идею социальной справедливости. А вот новое поколение супергероев думает только о себе, считают психологи (НКРЯ: Post&fact. Последние новости в мире психологии // Психология на каждый день. 2010).

В приведенном примере показано, как трансформировались супергерои с течением времени. Если изначально супермен представлял собой борца за социальную справедливость, то в дальнейшем он перевоплотился в персонажей, демонстрирующих социально-неодобряемые характеристики: агрессию, тщеславие, себялюбие, насилие.

В русскоязычных медийных текстах подчеркивается эгоцентризм супермена, который, спасая мир, заботясь о своих интересах, спасает мир только тогда, когда имеет личные счеты с главным злодеем. Эти признаки типажа воплощаются в описаниях персонажей боевиков:

(4) А эти-то, великие герои боевиков, они все были индивидуалистами. При всей заботе о здоровье сограждан и социальной справедливости нажимали на спусковой крючок, только когда злодей их лично достал. И не симптоматично ли, что последний значительный супермен-индивидуалист родился как раз в тот момент, когда компьютерные игры на Западе начали становиться массовыми (НКРЯ: Юрий Гладилицыков. Привет тебе, Арни. Уходит эпоха великих героев боевиков. Похоже, безвозвратно // Известия. 30.07.2002).

В следующем текстовом фрагменте, посвященном отзыву о кинофильме «Рождество, опять», типаж «супермен» противопоставляется простым людям, с присущими им проблемами, переживаниями и страданиями, и упоминается в одном контексте с отрицательными персонажами фильмов, неспособными к простым человеческим чувствам, ассоциируясь с каждым из них и получая негативную оценочную квалификацию:

(5) Одли и Ханна Гросс, фея с улыбкой Саши Грей, заставляют вспомнить о том, что кино бывает о нормальных людях – не о **суперменах**, бодрых идиотах, простаках... (НКРЯ: «Рождество, опять» – новогодний фильм для тех, кто устал от новогодних фильмов // Ведомости. 27.12.2016).

В проанализированных контекстах также акцентируется, что супермен как персонаж не типичен для русской литературы, герои которой имеют богатый внутренний мир, ориентированы на нравственные ценности и ищут смысл жизни, поэтому противопоставляются супермен и персонажи классической русской литературы:

(6) Этот гибрид интеллигента с суперменом, философа с боевиком – полемика автора с классической русской литературой, которая предпочитала изображать героев-неудачников, но и с массовой литературой, у героев которой стальные мышцы и минимум интеллигентности (НКРЯ: В.Б. Катаев. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. 2004).

Типаж «супермен» в тематической области «Искусство, культура и досуг» получает неоднозначную интерпретацию, с одной стороны, концептуализируясь как обобщенный образ человека, обладающего сверхспособностями, и ассоциируясь с идеей борьбы за социальную справедливость и спасения человечества от глобальных угроз, с другой – являясь носителем черт, связанных с эгоцентризмом, насилием, равнодушием.

Тематическая область

«Армия и вооруженные конфликты»

Типаж *супермен* встречается в тематических контекстах, связанных с концептами «мужественность», «героизм» и «подвиг».

В русской культуре мужественность сопряжена с самопожертвованием, защитой близких и Отечества. В текстах военной тематики лексема *супермен* в большинстве случаев используется в отрицательных контекстах с частицей *не* и противопоставляется настоящим, никому не известным героям, людям, которые готовы отдать свою жизнь за родную землю:

(7) Это не «Рэмбо», не люди с пуленепробиваемыми лицами, не **супермены**. Это обычные,

очень умные, простые и добрые душой люди, которые могут очень многое и постоянно ходят по лезвию ножа. Постоянные, запредельные даже для тренированного спортсмена нагрузки – их повседневная работа (НКРЯ: Все прошло тихо. Значит, все прошло нормально // Солдат удачи. 10.03.2024).

В текстах медиадискурса военной тематики акцентируется неспособность супермена к настоящему подвигу, которая интерпретируется в ироничной тональности:

(8) Заокеанский **супермен** и пальцем не шевельнет без поминутной оплаты риска, без гарантии безопасности, без кока-колы, сэндвичей, биотуалета (НКРЯ: Серые дьяволы // Солдат удачи. 07.07.2004).

Подвиг как самоотверженное бескорыстное служение, как самопожертвование во имя высшей цели замещается зрелищными трюками каскадера или циркового артиста, направленными на то, чтобы произвести впечатление на публику:

(9) Аплодисменты зрителей или решение судей зарабатывают не в реальных схватках, а на соревнованиях. Для крутости нужны зрители, а случайным свидетелям «до лампочки» вы и ваши приемчики. Они, свидетели, поторопятся смотаться с места происшествия как можно быстрее. Выглядеть **суперменом** перед самим собой это уже, извините, нарциссизмом попахивает (НКРЯ: Д. Медведев. Модели боя, или ради чего мы хлопочем // Боевое искусство планеты. 08.12.2003).

Подвиг для супермена – это один из способов самопрезентации и одновременно развлечения зрителей, это роль или ампула, поскольку суперменом можно «выглядеть» только в присутствии публики.

В текстах русскоязычного медиадискурса показательным подвигам супермена противопоставляется реальный героизм на войне, который далек от того, что демонстрируется на телеэкранах, успех заключается не в невероятных способностях:

(10) Просто **супермены** из боевика – и в пятак без промаха попадают, и самолеты штурмуют без сучка и задоринки... Знаете, все намного сложнее (НКРЯ: Служу Отечеству // Солдат удачи. 08.09.2004).

Таким образом, в текстах подчеркивается фикциональная природа супермена, его вымышленность и оторванность от реальности.

Основой для негативного оценочного осмысления данной единицы выступает, во-первых, противопоставление обычного человека, который имеет человеческие чувства и эмоции, и супермена невозмутимого, неуязвимого, не имеющего промахов, не способного к жалости и состраданию; во-вторых, неспособность супермена к подвигу. Противопоставляется роль-амплуа «супермен», содержащая концептуальные признаки зрелищности и развлечения публики, и концептуальные признаки истинных героев, которые выполняют свой долг и не стремятся к известности.

Тематическая область

«Политика и общественная жизнь»

В контекстах данной тематической области важную роль играет интерпретация типажа «супермен» как воплощения политической идеологии. Данный типаж в русскоязычных медийных текстах воспринимается в качестве символа американской демократической системы, черты супермена находят отражение в описании образов американских политиков, которые выступают борцами за интересы американского народа и противостоят внешним угрозам. Таким образом, в текстах показано, что единица *супермен* выступает как мощное средство политического воздействия и формирования американского самосознания, образ «супермена» становится имиджем успешного политика:

(11) Так, он хотел выйти, сначала демонстрируя плохое самочувствие, а потом распахнуть рубашку и показать футболку с логотипом **Супермена**, что стало бы символом его силы (НКРЯ: Трамп отказался от трюка с одеждой, зато подколол Байдена // Vesti.ru. 11.10.2022).

Русскоязычные медийные тексты показывают, что в медиадискурсе США образ супермена также используется в целях насаждения определенной идеологии, воспитания страха перед опасным врагом, которым, в частности, представляется Россия. Так, отмечается, что в условиях политического противостояния двух держав в США готовится к выпуску мультфильм о Супермене в альтернативной реальности. Супермен, воспитанный в Советском Союзе, становится коварным и

опасным врагом Соединенных Штатов, олицетворяя враждебную систему. Тем самым тексты медийного дискурса показывают, каким образом через воздействие массовой культуры формируется враждебное отношение к другой стране, при этом супермен оценивается негативно, поскольку для русских людей такой герой не может быть образцом для подражания, и его образ способствует усилению русофобии:

(12) История посвящена одному из самых популярных персонажей – **Супермену**. Он отметил, что красный **Супермен** оказывается борцом за социализм, мировой интернационал и Сталина, в мультфильме падают угрожающие США советские спутники. <...> Эта версия **Супермена** – не пример для подражания, а человек, которого нужно бояться (НКРЯ: На федеральном телевидении нашли русофобию в мультфильме про Супермена // lenta.ru. 18.12.2019).

В текстах русскоязычного медийного дискурса идеология супермена осмысливается как противоположная христианской идеологии, проповедующей милосердие, сострадание к слабым, кротость и терпение:

(13) Христианское сострадание к слабому, униженному и угнетенному человеку – совсем не тот путь, который проповедует сейчас психология, стремясь приспособить человека к релятивистской, неморальной вселенной, сделать из него конформиста-**супермена** (НКРЯ: PR-продвижение и психологизация православия // Парламентская газета. 25.06.2020).

Как видно из данного примера, осуждается стремление супермена к достижению собственных целей, его существование вне моральных устоев, приспособление к обстоятельствам, изменение поведения в соответствии с требованиями большинства.

В следующем нарративе речь идет о шутке одного из игроков КВН Николая Харлампьева, который назвал Ньургустана Афанасьева, мэра города Вилюйска (Республика Саха), *суперменом*:

(14) Афанасьева задел монолог Харлампьева, который тот произнес на новогоднем выступлении в январе 2019 года. В ходе представления КВН-щик использовал фото мэра и назвал его **суперме-**

ном (НКРЯ: Мэр российского города заставил КВН-щика извиниться за шутки // Lenta.ru. 29.05.2019).

Данная номинация интерпретируется как оскорбительная, поскольку формирует представление о мэре как о человеке способном с легкостью справиться с многочисленными проблемами, что неизбежно приводит к мысли о том, что наличие проблем в жизни города объясняется лишь нежеланием их решать.

Таким образом, в русскоязычном медийном дискурсе типаж «супермен», характеризующий американских президентов, обладает положительной оценкой, являясь символом борьбы за интересы народа, надежной защитой от внешних и внутренних угроз, в то же время лексема *супермен* используется для создания отрицательного образа врага («чужого»). Вместе с тем в русскоязычном медийном дискурсе показано, что в российской политической жизни характеристика политика как «супермена» обладает отрицательной оценочной коннотацией, поскольку качества супермена не соответствуют реальным возможностям политика.

Тематическая область «Здоровье и медицина»

В контекстах данной тематики типаж «супермен», с одной стороны, представлен как образец для подражания, занимающийся спортом обладатель привлекательной внешности, приверженец здорового образа жизни, примером которого является Джеймс Бонд, а с другой – как носитель вредных привычек.

(15) Еще одно предупреждение специалистов по фитнесу – начинающим **суперменам**, желающим обрести фигуру Джеймса Бонда (НКРЯ: Что растет от капусты? 7 мифов о здоровье // Vesti.ru. 07.04.2009).

Типаж «супермен» также воспринимается как сильный, выносливый и тренированный человек, имеющий достаточную физическую подготовку, чтобы выдержать самые суровые условия, например, полет в космос:

(16) Недавний полет Денниса Тито доказал, что в космосе могут жить не только **супермены**, но и обычные люди (НКРЯ: Российские медики готовят космических туристов вопреки запретам NASA // Lenta.ru. 21.05.2001).

В контекстах, посвященных здоровому образу жизни, «быть суперменом» означает строго воздерживаться, отказывать себе в употреблении определенных продуктов, в частности сладкого. Отличительными чертами супермена становятся контроль над собой, выдержка, отказ от соблазнов:

(17) Человек должен себя баловать и не чувствовать себя **суперменом**, нужно балансировать (НКРЯ: Диетолог рассказала, почему возникает желание съесть что-нибудь сладкое // Парламентская газета. 16.11.2020).

В тексте противопоставляются *баловать* и *чувствовать себя суперменом*, то есть не проявлять слабости и не поддаваться вредным привычкам, придерживаться здорового питания. В русскоязычном медийном дискурсе такое поведение не одобряется, поскольку люди не всегда могут контролировать свойственные им слабости.

В следующем тематическом контексте супермен интерпретируется как человек, который может побороть свои естественные потребности: он не спит, не чувствует усталости, отрицательных эмоций, у него все получается. Стремление стимулировать работоспособность и ослабить течение естественных процессов – усталости, сонливости при помощи лекарств осуждается:

(18) Другой класс лекарств призван сделать из людей **суперменов**: изобретаются средства, призванные бороться с сонливостью на работе, трудностями концентрации, забывчивостью (НКРЯ: Болезни, которых нет? // Аргументы и факты. 17.04.2003).

Таким образом, типаж «супермен» становится олицетворением определенного типа людей, обладающих привлекательной внешностью и ведущих здоровый образ жизни. Они создают «культ здоровья»: отдают все свободное время спорту, придерживаются правильного питания, проявляют чрезмерную озабоченность собственным здоровьем, приобретают все то, что поможет им его поддержать. Вместе с тем их чрезмерное усердие осуждается:

(19) Ей подвержены люди, превыше всего ставящие собственное здоровье и стремящиеся доказать, что их образ жизни – единственно верный. Это

так называемые соматотоники – фанатики бега трусцой в любую погоду, «моржи», любители ходить босиком, «ивановцы» (последователи системы «старца» Порфирия Иванова) и т. п. Они посвящают все свое свободное (а нередко и служебное) время правильному питанию, дыханию, они донимают изложением своих взглядов родных и друзей, они покупают несметные «биологически активные добавки», «биопрепараты», «секретные бальзамы» и т. п. Они готовы отдать все за то, чтобы ощутить себя **суперменом** (НКРЯ: Татьяна Батенева. В поисках несуществующих диагнозов // Известия. 29.05.2006).

В отдельных контекстах поведение супермена оценивается резко отрицательно: показывается его негативное влияние как модельной личности для людей, прежде всего подростков. Так, в медийных текстах описывается, что походка вразвалочку, которую подростки рассматривают как признак мужественности, может нарушить осанку юного супермена:

(20) Когда ее сынок решит подражать **суперменам** и выберет себе походку с широко расставленными ногами и носками, вывернутыми наружу, крепко сжатыми челюстями и приподнятыми плечами, она найдет слова, чтобы убедить его не ходить, как киношный громила (НКРЯ: Спинку прямо! // Аргументы и факты. 21.06.2003).

Отрицательная привычка супермена, которая попала в поле зрения авторов статей о здоровье, – курение:

(21) Но остается еще телевизор, который, как выяснили американские социологи, также приобщает подростков к курению. Это и понятно: **герой-супермен** с сигаретой показан на экране отнюдь не на больничной койке, а, напротив, в момент совершения своих подвигов... (НКРЯ: Анеева Ольга. Признайся, ты куришь? // Труд-7. 03.10.2003).

В данном контексте поведение супермена расценивается как негативная модель, которая может ассоциироваться у подростков с признаками взрослости, мужественности, независимости.

Таким образом, в тематической области «Здоровье и медицина» русскоязычного медийного дискурса поведение супермена оценивается амбивалентно. Положительную оценку получают стремление человека вести здоровый образ жизни, такие качества, как

сила и выносливость; однако любая чрезмерность вызывает негативное отношение. Лексема *супермен* может использоваться по отношению к человеку, который чрезмерно заботится о себе или проявляет чрезмерное воздержание. Отрицательно оценивается невнимание к своему здоровью и стремление сделать из себя супермена, стимулируя работоспособность таблетками и подавляя естественные состояния. Негативные коннотации приобретает оценка некоторых черт типажа (курение и походка вразвалку).

Заключение

В пространстве медиадискурса происходит активное осмысление в русской лингвокультуре типажных заимствований как отражения процессов глобализации, проводником которых становятся англоязычные страны. В результате медиатизации заимствованного типажа «супермен» в русской лингвокультуре происходит расширение его содержания за счет приращения новых концептуальных признаков и изменения его ценностных характеристик.

В русскоязычном медиадискурсе типаж «супермен» представлен в текстах, принадлежащих к следующим тематическим областям: «Искусство, культура и досуг», «Армия и вооруженные конфликты», «Политика и общественная жизнь», «Здоровье и медицина», в каждой из которых он, сохраняя присущие ему признаки (обладание сверхспособностями, борьба со злом, привлекательная внешность), дополняется новыми концептуальными признаками, осмысливаясь в системе ценностных координат принимающей культуры. В сфере «Искусство, культура и досуг» типаж обогащается посредством описания и интерпретации образов киногероев, персонажей массовой культуры, которые представлены поверхностными и не имеющими богатого внутреннего мира, он противопоставляется героям классической русской литературы как носителям духовных ценностей. В текстах тематической сферы «Армия и вооруженные конфликты» типаж «супермен» ставится в оппозицию к обычному человеку, при этом подчеркивается его фикциональный, выдуманный характер и неспособность к подвигу.

В сфере «Политика и общественная жизнь» типаж «супермен» используется для создания образа сильного, способного защитить интересы народа американского политика и имеет идеологическую окрашенность. В русскоязычном медиадискурсе в случае апелляции к данному типуажу образ приобретает отрицательные оценочные признаки, поскольку сопряжен с невозможностью быстрого достижения результата.

Сфера «Здоровье и медицина» связана с осмыслением типажа «супермен» в контексте ведения здорового образа жизни. При этом противопоставляется супермен, обладающий высоким уровнем самоконтроля в плане соблюдения требований здоровому образу жизни, и обычный человек, который часто подвержен слабостям. Примечательно, что в текстах русскоязычного медийного дискурса именно последний заслуживает одобрение, а чрезмерная забота о своем здоровье осуждается.

Осмысливаясь в системе ценностей русской лингвокультуры, типаж часто получает отрицательно оценочную интерпретацию, присущие ему качества не одобряются. Он представляет антиценности для христианской общности людей, выступая в качестве символа власти и влияния в политической сфере, приобретаемая черты имиджа в сфере культуры, когда известные личности используют данный образ для достижения популярности; представленный как амплуа, намеренно выбранное и рассчитанное на публику, образец, которому пытаются подражать, социальная роль, которая в военной сфере расценивается как не соответствующая возможностям реального человека. В целом большое количество отрицательных коннотаций у исследуемого типажа в русской культуре связано с ярко выраженной идеологизацией данной единицы, воплощающей западную систему ценностей и модели поведения, которые противопоставляются традиционным ценностям ориентирам русской культуры, что показано в текстах медиадискурса через выстраивание различных ценностных оппозиций.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509 «Лингвокультурные характеристики репрезентации соци-

ально значимых феноменов: корпусный подход», <https://rscf.ru/project/23-28-00509>

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00509 ‘Linguocultural characteristics of socially relevant phenomena: corpus-based approach’, <https://rscf.ru/project/23-28-00509>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоедова А. В., Тяжлов Я. И., 2023. Научный текст в интернете: коммуникационно-типологические характеристики // Медиалингвистика. № 1 (4). С. 450–477. DOI: 10.21638/spbu22.2023.402
- Груенко С. Е., 2016. К вопросу о классификации заимствованной лексики // Наука о человеке: гуманитарные исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-klassifikatsii-zaimstvovannoy-leksiki/viewer>
- Гуляева Е. В., 2009. Лингвокультурный типаж «Американский адвокат» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (36). С. 49–53.
- Ежова Е. Н., 2023. Артефакты культуры в поликодовом рекламном тексте: типы цитатности // Медиалингвистика. № 10 (2). С. 179–208. DOI: 10.21638/spbu22.2023.203
- Ефимова А. Д., 2020. Формирование, становление и трансформация лингвокультурного концепта «дендизм» в английской и в русской лингвокультурах. Орехово-Зуево : ГГТУ. 168 с.
- Ефимова А. Д., 2023. Транснациональные концепты (на примере лингвокультурного типажа «мачо») // Языки и культуры в современном мире : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13–14 окт. 2022 г.). М. : Изд-во МЭИ. С. 103–106.
- Ильинова Е. Ю., Волкова О. С., 2023. Динамика медиатизации транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность»: корпусно-ориентированное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 19–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>
- Карасик В. И., 2009. Языковые ключи. М. : Гнозис. 406 с.
- Карасик В. И., 2015. Языковое проявление личности. М. : Гнозис. 382 с.
- Карасик В. И., Ярмахова Е. А., 2006. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М. : Гнозис. 240 с.
- Китанина Э. А., 2005. Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар. 40 с.
- Кузина М. А., 2022. Заимствования в современном английском языке в эпоху глобализации. М. : МПГУ. 240 с.

- Крысин Л. П., 2008. Слово в современных текстах и словарях : Очерки о русской лексике и лексикографии. М. : Знак. URL: <https://studfile.net/preview/2958204/>
- Лутовинова О. В., 2009. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Перемена. 476 с.
- Маринова Е. В., 2008. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М. : ЭЛПИС. 493 с.
- Мурзинова И. А., 2009. Речевой портрет лингвокультурного типажа «Британская королева» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (36). С. 46–49.
- Панченко Н.Н., 2022. Социокультурный типаж «Марьяванна» в педагогическом дискурсе: особенности деструктивного поведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15, вып. 5. С. 1574–1578.
- Пром Н. А., 2020. Типы адресата в медиадискурсе / Медиалингвистика. № 7 (1). С. 95–103. DOI: 10.21638/spbu22.2020.108
- Солнцева Е. С., 2019. К вопросу о свойствах медиадискурса // Известия Волгоградского педагогического университета. Филологические науки. № 8 (141). С. 147–153.
- Чернышова Т. В., 2022. Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики) // Медиалингвистик., № 9 (3). С. 170–189. DOI: 10.21638/spbu22.2022.301
- Ярошенко О. А., 2010. Основные составляющие образного компонента лингвокультурного типажа «Русский интеллигент» // Вестник Самарского государственного университета. № 3 (77). С. 147–153.
- Kochetova L. A., 2023. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>
- O’Keeffe A., 2011. Media and Discourse Analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis. L. : Routledge. P. 441–454.
- Talbot M., 2007. Media Discourse: Representation and Interaction. Edinburgh : Edinburgh University Press. 208 p.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

REFERENCES

- Beloedova A.V., Tyazhlov Ya.I., 2023. Nauchnyy tekst v internete: kommunikatsionno-tipologicheskie kharakteristiki [Scientific Text on the Internet: Communication Typological Characteristics]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 1 (4), pp. 450–477. DOI: 10.21638/spbu22.2023.402
- Gruenko S.E., 2016. K voprosu o klassifikatsii zaimstvovannoy leksiki [On the Issue of Classification of Borrowed Vocabulary]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-klassifikatsii-zaimstvovannoy-leksiki/viewer>
- Gulyaeva E.V., 2009. Lingvokulturnyy tipazh «Amerikanskiy advokat» [Linguocultural Character Type “American Lawyer”]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 2 (36), pp. 49–53.
- Ezhova E.N., 2023. Artefakty kultury v polikodovom reklamnom tekste: tipy tsitatnosti [Artifacts of Culture in Polycode Advertising Text: Types of Quotation]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 10 (2), pp. 179–208. DOI: 10.21638/spbu22.2023.203
- Efimova A.D., 2020. *Formirovanie, stanovlenie i transformatsiya lingvokulturnogo kontsepta «dendizm» v angliyskoy i v russkoy lingvokulturakh* [Formation, Adaptation and Transformation of the Linguistic and Cultural Concept of “Dandyism” in English and Russian Linguistic Cultures]. Orekhovo-Zuevo, GGTU. 168 p.
- Efimova A.D., 2023. Transnatsionalnye kontsepty (na primere lingvokulturnogo tipazha «macho») [Transnational Concepts (On the Example of Linguocultural Type “Macho”)]. *Yazyki i kultury v sovremennom mire: materialy XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 13–14 okt. 2022 g.)* [Languages and Cultures in the Modern World. Proceedings of the 17th International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 13–14, 2022)]. Moscow, Izd-vo MEI, pp. 103–106.
- Ilinova E.Yu., Volkova O.S., 2023. Dinamika mediatizatsii transkulturnogo kontsepta «Individualnaya mobilnost»: korpusno-orientirovannoe issledovanie [Transcultural Dynamics Through Corpus-Based Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science

- Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 19-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>
- Karasik V.I., 2009. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnosis Publ. 406 p.
- Karasik V.I., 2015. *Yazykovo proyavlenie lichnosti* [Linguistic Manifestation of Personality]. Moscow, Gnosis Publ. 382 p.
- Karasik V.I., Yarmakhova E.A., 2006. *Lingvokulturnyy tipazh «angliyskiy chudak»* [Linguocultural Character Type “English Eccentric”]. Moscow, Gnosis Publ. 240 p.
- Kitanina E.A., 2005. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmatics of a Foreign Language Word in Russian. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Krasnodar. 40 p.
- Kuzina M.A., 2022. *Zaimstvovaniya v sovremennom angliyskom yazyke v epokhu globalizatsii* [Borrowings in Modern English in the Era of Globalization]. Moscow, MPGU Publ. 240 p.
- Krysin L.P., 2008. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: Ocherki o russkoy leksike i leksikografii* [Word in Modern Texts and Dictionaries: Essays on Russian Vocabulary and Lexicography]. Moscow, Znak Publ. URL: <https://studfile.net/preview/2958204>
- Lutovinova O.V., 2009. *Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtualnogo diskursa* [Linguistic and Cultural Characteristics of Virtual Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 476 p.
- Marinova E.V., 2008. *Inoyazychnye slova v russkoy rechi kontsa XX – nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign Language Words in Russian Speech of the Late 20th – Early 21st Century: Problems of Development and Functioning]. Moscow, ELPIS Publ. 493 p.
- Murzinova I.A., 2009. Rechevoy portret lingvokulturnogo tipazha «Britanskaya koroleva» [Verbal Portrait of the Linguistic and Cultural Character Type “British Queen”]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 2 (36), pp. 46-49.
- Panchenko N.N., 2022. Sotsiokulturnyy tipazh «Marivanna» v pedagogicheskom diskurse: osobennosti destruktivnogo povedeniya [Sociocultural Communicative Type “Maryivanna” in Pedagogical Discourse: Features of Destructive Behaviour]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practise], vol. 15, iss. 5, pp. 1574-1578.
- Prom N.A., 2020. Tipy adresata v mediadiskurse [Types of Addressee in Media Discourse]. *Medialingvistika* [Media Linguistics Journal], no. 7 (1), pp. 95-103. DOI: 10.21638/spbu22.2020.108
- Solntseva E.S., 2019. K voprosu o svoystvakh mediadiskursa [Towards the Issue of Media Discourse Properties]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], no. 8 (141), pp. 147-153.
- Chernyshova T.V., 2022. Diskreditiruyushchiy bulling v polilogakh setevogo obshcheniya (na materiale lingvoekspertnoy praktiki) [Discrediting Bullying in Online Dialogues (On the Material of Linguo Expert Practice)]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 9 (3), pp. 170-189. DOI: 10.21638/spbu22.2022.301
- Yaroshenko O.A., 2010. Osnovnye sostavlyayushchie obraznogo komponenta lingvokulturnogo tipazha «Russkiy intelligent» [Basic Elements of Image-Bearing Component of the Linguo-Cultural Character Type “Russian Intelligent”]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], no. 3 (77), pp. 147-153.
- Kochetova L.A., 2023. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 6-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>
- O’Keeffe A., 2011. Media and Discourse Analysis. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London, Routledge, pp. 441-454.
- Talbot M., 2007. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 208 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru>

Information About the Author

Anna D. Guseva, Candidate of Sciences (Philology), Junior Researcher, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia; Associate Professor, Department of English Language, State University of Humanities and Technology, Zelenaya St, 22, 142611 Orekhovo-Zuyevo, Russia, lady-ann2792@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4465-3148>

Информация об авторе

Анна Дмитриевна Гусева, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия; доцент кафедры английского языка, Государственный гуманитарно-технологический университет, ул. Зеленая, 22, 142611 г. Орехово-Зуево, Россия, lady-ann2792@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4465-3148>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.14>

UDC 811.161.1'282
LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 12.01.2024
Accepted: 09.04.2024

QUANTITATIVE CHARACTERISTICS IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW OF A DIALECT SPEAKER

Elvira N. Akimova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Tatiana I. Mochalova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article examines quantitative names, or denominations, that represent dialect speakers' linguistic worldview. The study was conducted based on the material from the *Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia*. It has been established that in Russian dialects spoken on the territory of Mordovia various quantitative names are actively used to designate the units of weight measurement, the volume of liquid and granular materials, the length of objects, the area of land, as well as to measure yarn, fiber and canvas. It has been determined that among the recorded numerous names of accessories used by humans in the process of measuring solid, liquid, and granular substances, the units of weight measurement and volume of solid bodies are the most diverse. At the same time, some cases of secondary nomination have also been recorded. As a result, the names of containers and devices for product storage and transportation begin to be used for designating the mass and volume of the substance itself. Most of the words described are unambiguous, polysemantic lexemes are rare. Quantitative vocabulary and phraseology are shown to contain both lexical dialectisms proper, with the root morphemes having no correspondence in the national language, and lexical-semantic dialectisms, which, being the units of the national language, have different meaning in the dialect system. Quantitative linguistic units have been revealed to be both non-derivatives and derivatives, which are formed by morphological (suffixation, composition) and lexical semantic methods.

Key words: dialect, vocabulary, phraseology, semantics, structure, quantitative characteristics, metrological characteristics, linguistic worldview.

Citation. Akimova E.N., Mochalova T.I. Quantitative Characteristics in the Linguistic Worldview of a Dialect Speaker. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 184-195. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.14>

УДК 811.161.1'282
ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 12.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

КВАНТИТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Татьяна Ивановна Мочалова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В работе рассматриваются квантитативные наименования, репрезентирующие языковую картину мира диалектоносителя. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия». Установлено, что в русских говорах Мордовии представлены различные квантитативные наименования, служащие для обозначения единиц измерения массы и объема жидких и сыпучих

тел, длины предметов, площади земельных участков, а также для измерения пряжи, волокна и холста. Определено, что среди отмеченных многочисленных наименований принадлежностей, используемых человеком в процессе измерения жидких, твердых и сыпучих веществ, наибольшим разнообразием отличаются приспособления для измерения массы и объема тел. При этом зафиксированы случаи вторичной номинации, в результате чего наименования емкостей, приспособлений для хранения и перемещения продуктов начинают употребляться и для обозначения массы, объема самого вещества. Большая часть описываемых слов – однозначные, полисемантические лексемы единичны. Исследование показало, что состав квантитативной лексики и фразеологии входят как собственно лексические диалектизмы, корневые морфемы которых не имеют соответствий в общенародном языке, так и лексико-семантические диалектизмы – общенародные слова, имеющие в системе говора иное значение. Группу квантитативных языковых единиц формируют как непрямые, так и производные слова – образованные морфологическим (суффиксация, сложение) и лексико-семантическим способами.

Ключевые слова: диалект, лексика, фразеология, семантика, структура, квантитативная характеристика, метрологическая характеристика, языковая картина мира.

Цитирование. Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Квантитативные характеристики в языковой картине мира диалектоносителя // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 184–195. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.14>

Введение

Один из древнейших пластов русской лексики – квантитативные наименования, связанные с количественными измерениями явлений и предметов окружающей действительности. Ведение хозяйства, развитие торговых отношений не могло осуществляться без установления размера, объема, массы используемых материалов, поэтому человек активно применяет различные единицы измерения, определяет эталон, с которым соотносятся те или иные величины. Изначально это были антропоморфные компоненты, связанные с различными частями тела (локоть, горсть, лапоть и др.), затем применялась древнерусская метрическая шкала (аршин, сажень, пуд, верста и др.), позднее сформировалась единая, ставшая международной метрологическая система (метр, километр, литр, килограмм и др.).

Исследование метрологической лексики осуществлялось на материале русского и других языков (славянских, романских, китайского и т. д.). Особое внимание ученые уделяли истории формирования метрологической лексики [Прозоровский, 1888; Лебединская, 2014; и др.]. Н.В. Жуковская проанализировала языковые единицы со значением меры в функционально-семантическом аспекте [Жуковская, 2004]. В.Н. Прохорова охарактеризовала лексико-семантический способ образования русской терминологии, в том числе и единиц измерения [Прохорова, 1996]. К изучению единиц измерения русского языка обращалась

Г.Я. Романова, которая охарактеризовала наименования меры длины в русском языке [Романова, 1975], а также проследила в «Объяснительном словаре старинных русских мер» историю формирования метрологической терминологии на всем протяжении ее существования в языке вплоть до замены международной метрической терминологией в 1918 г. [Романова, 2017]. Исследователи обращаются также к изучению проблемы квантитативной лексикологии славянских языков [Кретов, Меркулова, Титов, 2011], рассматривают квантитативные характеристики русской лексики на общеславянском фоне [Меркулова, 2014].

Национальный русский язык включает в свой состав не только общепринятую метрологическую терминологию, но и народные наименования единиц измерения, которые составляют значительный пласт лексики и фразеологии и отражают образность, оценочность, свойственные языковому сознанию носителей диалекта и проявляющиеся в процессе номинации явлений и предметов. Так, Л.И. Меркулова и Т.Ю. Ставцева, изучая метрологическую лексику орловских говоров, отмечают, что измерения являются одним из важнейших путей познания человека: «Они дают количественную характеристику окружающего мира, раскрывая перед человеком действующие в природе закономерности» [Меркулова, Ставцева, 2019, с. 520]. Различные группы диалектной лексики с количественной семантикой рассматривались на материале вологодских говоров [Ильина, 2024; Кирилова, 2007].

П.Е. Топорков обращается к анализу коннотации количественных обозначений в народных говорах русского языка [Топорков, 2018].

На материале русских говоров на территории Республики Мордовия осуществлялось комплексное изучение различных лексических и фразеологических объединений: наименований кушаний [Мочалова, 2008], особенностей функционирования онимов [Акимова, Мочалова, 2016], названий платков и способов их ношения [Акимова, 2011], диалектных наименований праздников и обрядов [Акимова, Мочалова, 2021], рыболовецкой лексики [Акимова, Мочалова, 2023] и др., однако специального исследования единиц измерения не проводилось. Цель данной работы – охарактеризовать в семантическом и структурном аспектах квантитативную лексику и фразеологию, функционирующую в русских говорах Мордовии.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили лексические и фразеологические единицы, номинирующие в диалектной социокультурной среде различные квантитативные понятия и репрезентирующие языковую картину мира диалектоносителя. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» (далее – СРГРМ).

В ходе исследования были использованы как общенаучные (анализ, синтез, обобщение, классификация и др.), так и собственно лингвистические методы. Описательный метод применялся для анализа языкового материала, извлеченного в результате сплошной выборки из СРГРМ; метод компонентного анализа языковых единиц использовался при рассмотрении смысловой структуры слова, выявлении конституирующих ее сем; метод контекстного анализа привлекался при выяснении плана содержания рассматриваемых слов.

Результаты и обсуждение

Один из признаков, характеризующих какие-либо предметы или объекты, – это их размер. В русских говорах на территории Республики Мордовия употребляются наимено-

вания предметов, в смысловой структуре которых содержатся семы, связанные с обобщенным указанием на размер: большой – небольшой (маленький). Например: *балабонка* – ‘большая деревянная ложка’, *брюховица*, *брюшина* – ‘большой желудок у жвачных животных, брюховина’, *барец*, *долбня*, *мушкарный*, *тежак*, *чёмарь* во 2-м знач., *чекуша*, *чукмарка* – ‘большой деревянный молоток’, ¹*болона*, *тычинка* в 1-м знач. – ‘большой сук в бревне, доске’, *баклун*, *одушево* – ‘небольшое озеро’, *балетка* – ‘небольшой чемодан’, *блинница* – ‘небольшая кадка, в которой приготавливают тесто для блинов’, *блюзы* – ‘маленькие блестящие пластинки для украшения женской одежды, блестки’, *грабельнички* – ‘маленькие грабли’. ²*бутылочка*, *коптюшка* – ‘небольшая баночка с фитилем, коптилка’, *вагонетка*, *гохман*, *чеинка* – ‘небольшая железная печка, буржуйка’ и др.

Кроме того, размер обозначаемого объекта подчеркивают имена прилагательные, употребляясь в сочетании с существительными, : *маненький* в 1-м знач., *малёвый* – ‘небольшой по величине, размерам’, ¹*матёрый*, *озаренный* в 1-м знач., *коромный*, *лобастый*, *несусветный* в 1-м знач., *озаритый*, *оказенный*, *охальный* во 2-м знач., *престрашенный*, *страшенный* в 1-м знач., *страшительный*, *ужастенный* в 1-м знач. – ‘очень большой по величине, значительный по размерам’. Например:

(1) *Три къпаницы у нас бальшыя, а адна маньнькья* (Новая Александровка, Большеигнатовский район);

(2) *Азаренный у них агарот* (Новоямская Слобода, Ельниковский район).

Носителями диалекта для измерения степени проявления каких-либо признаков, установления отклонений от нормы используются лексические единицы, представляющие оппозицию «много – мало». Так, они служат для указания на неопределенное количество предметов: *богато*, *несколько* – ‘много’, *вначёску*, *внатруску* – ‘немного, в небольшом количестве’. Например:

(3) *Ньсадили картошки багатъ* (Муравлянка, Ельниковский район);

(4) *Багатъ на улицы народу* (Новоникольское, Ельниковский район);

(5) *Корму не былъ, толькь карови синца вна-чѣску давалъ, а афцам кой-чяво* (Кушки, Темниковский район).

В русских говорах Мордовии сохранились не употребляющиеся в регионе в настоящее время единицы измерения, отражающие систему распределения и учета в дореволюционный и советский периоды: ¹*пай* – ‘установленная мера, норма’, *шишигин пай* – ‘земельный надел крестьянина в дореволюционной России (обычно маленький и неплодородный)’, *едак* в 1-м знач. – ‘один человек как единица при распределении и расходовании пищевых продуктов’, *трудавка*, *труддень*, ²*трудоашка* – ‘единица учета труда колхозников, трудодень’. Например:

(6) *У каво кароф много, те здадут на тричетыри пая мѣлака на ферму* (Казённый Майдан, Ковылкинский район);

(7) *Шышыгин пай* давали биднякам (Песочная Лосевка, Краснослободский район);

(8) *Ано ить как сказать-ть, в вайну в гъраду трудней былъ, а сѣ кажный ядак пѣк пѣлучял, нѣ аднаво ядака двести грам хлебъ давали* (Атемар, Лямбирский район);

(9) *Трудадень* мы нѣзывали *трудоашка*. Раньшѣ деник зѣ работу ф калхози ни давали, а *трудоашку* писали (Пушкино, Ромодановский район).

Единицы измерения массы и объема жидких и сыпучих тел

В русских говорах на территории Республики Мордовия, наряду с общеупотребительными, используются народные единицы измерения массы чего-либо. Устаревшее существительное *батман* в одном из значений называет меру массы, равную 10 фунтам, а также может обозначать количество чего-либо, равное этой мере:

(10) *Тады гъварили батман, щас гъварят десить фунтъх* (Малый Азясь, Ковылкинский район).

На точную массу измеряемого вещества указывают такие диалектизмы, как ²*двойник* – ‘мера массы в два фунта (820 гр)’, *килошка* – ‘мера массы килограмм’, *осьменник* во 2-м знач. – ‘мера массы, равная 100 килограммам’. Например:

(11) *Осьминник* приравнивьлси цѣнтуру (Большая Пѣстровка, Ичалковский район);

(12) *Усейки двайник.мась стипиль* (Силино, Ардатовский район);

(13) *Хлеп у нас пѣ килошки пѣкут* (Большие Поляны, Ардатовский район).

Единицей измерения массы мог служить *осьминный мешок* – ‘мешок большого размера, вмещающий до 80 кг чего-либо’:

(14) *Он привѣс осьминный мишок муки-ть* (Муравлянка, Ельниковский район).

Появление этой языковой единицы связано с числительным *восемь (осемь)*, соответственно, в говорах она употребляется для обозначения восьми десятков.

Для определения массы сыпучих веществ (зерна, крупы, муки и т. п.) в сельской местности использовались специальные меры, емкости: *перестанка* – ‘мера зерна (приблизительно около полукилограмма), вмещающаяся в ступу за один раз’, *челяк* в 1-м знач., *малишка* – ‘кадка для зерна или муки вместимостью 16 килограммов’, *челяк* в 3-м знач. – ‘мера для зерна вместимостью до двадцати килограммов’. Например:

(15) *Он большой мешок толи припѣр муки-ти, у миня до сех пор шчѣ чѣляк стоит* (Суподеевка, Ардатовский район);

(16) *Я два чѣляка пшынницы взаимы дала* (Тазино, Большеберезниковский район).

К единицам измерения объема какого-либо вещества относят устаревшие квантитативные наименования *гарец* в 1-м знач., *гарич* – ‘мера сыпучих тел, равная $\frac{1}{8}$ четверика, или 3,28 литра; гарнец’:

(17) *Я им уплачивѣл гарцѣм хлебъ* (Лухменский Майдан, Инсарский район);

(18) *Утри схадиль нѣ базар, взяла гарич зярна* (Протасово, Ичалковский район).

Для измерения небольшого количества сыпучих веществ использовались сложенные три пальца: большой, указательный и средний, этот процесс номинирует диалектное образование *цапотъ* – ‘количество чего-либо, которое можно взять тремя пальцами; щепоть’:

(19) *Разви то, што мы в вайну ели, яда? Цапотъ зярна в день – удача* (Трофимовщина, Ромодановский район).

Кроме того, в диалектной среде употребляются единицы измерения объема определен-

ных предметов, веществ: *сажень* – ‘укладка дров объемом в 10 куб. метров’, *четверок* – ‘мера измерения угля’:

(20) *Две сажэни дроф на зиму приготовиль* (Каменный Брод, Ельниковский район);

(21) *Угль дьбывали, мерили иво четвирком* (Виндрей, Торбеевский район).

На материале исследуемых говоров можем наблюдать проявление вторичной номинации в тех случаях, когда приспособление для хранения или перемещения чего-либо начинает выступать как единица измерения объема, массы. Так, диалектизмы *облучок*, *рыдван* называют как повозку (телегу, сани), так и меру вместимости кузова этой повозки. Например:

(22) *Смотрити туда, где ъблучок стоит* (Редкодубье, Ардатовский район);

(23) *Цэльный ъблучок привезли сень-ть* (Большие Поляны, Ардатовский район).

Многочисленны в русских говорах Мордовии наименования различных емкостей (ведра, бутылки, кружки, стаканы и др.) для определения объема сыпучих тел или жидкости:

(24) *Были-ть четвирти, бутылки, пълбутылки, а вот пълавинь пълбутылки и будит кастушкь* (Инелейка, Большеигнатовский район).

В их составе можно выделить две группы наименований:

1) емкости, которые вмещают определенное количество жидкости: *бомба* – ‘бутылка, вмещающая полтора литра жидкости’, *малишка*, *челяк* в 1-м знач. – ‘единица емкости для сыпучих тел, равная 16 килограммам’, ²*лагун* во 2-м знач. – ‘чугун емкостью два ведра’, *мазурик* – ‘старинная мера водки, равная 150 граммам’, *полутарок*, *опаренка* – ‘кадушка емкостью в три ведра’, *четвѣртка*, *жулик*, *костушка*, *четвѣрточка*, *шкалька* во 2-м знач. – ‘бутылка емкостью в четверть литра’, ²*чирик* в 1-м знач. – ‘бутылка водки или вина емкостью в четверть литра’, *курчан* – ‘глиняный сосуд емкостью два ведра’, *шкалька* в 1-м знач. – ‘рюмка емкостью в сто граммов’, *четверть* в 1-м знач. – ‘большая бутылка с узким горлом емкостью в три литра’, *четверть* во 2-м знач., *хаврошка* – ‘трехлитровая банка’ и др.;

2) емкости, не содержащие точного указания на объем вмещаемой жидкости: *конное ведро* – ‘ведро большого размера’, *бадейка* в 1-м знач., *бадеечка*, *котёл* во 2-м знач., *обадья*, *ушенька* в 1-м знач., *цибарка*, *челяк*, *чубак* в 1-м знач. – ‘ведро’, *банка*, ¹*чаша* – ‘кружка’, ²*лагун* в 1-м знач. – ‘деревянное ведро для дегтя с крышкой, имеющей отверстие’, *чирышек* – ‘маленькая емкость для жидкости’, *шкалик* в 1-м знач. – ‘маленькая бутылочка’ и др.

Как правило, в процессе функционирования данных языковых единиц происходит отождествление номинируемого предмета с количеством жидкости: ¹*ведерник* в 1-м знач. обозначает сосуд, вмещающий ведро воды (чугун, подойник, самовар и т. п.), а также количество жидкости в таком сосуде. Аналогичной организацией смысловой структуры обладают следующие диалектные наименования емкостей: *естевник* – ‘большой глиняный кувшин или горшок с широким горлом’ и ‘мера вместимости этого сосуда’, *жулик* – ‘бутылка емкостью в четверть литра’ и ‘мера жидкости в этом сосуде’, *кувака*, *холява* – ‘четырёхгранная стеклянная бутылка емкостью три четверти литра’ и ‘мера жидкости в этой бутылке’, *мерник* – ‘деревянный сосуд различной емкости для хранения и измерения сыпучих тел’ и ‘мера вместимости этого сосуда’, *малишка*, *челяк* в 1-м знач. – ‘единица емкости для сыпучих тел, равная 16 килограммам’ и ‘кадка, вмещающая количество сыпучих тел, равное этой единице емкости’ и др. Например:

(25) *Зярно раньшъ мерникими шишталли. У нас и шишас ест мерник, осиний када картошкун мерникъм шиштам* (Шаверки, Краснослободский район);

(26) *Две малишки афса атнисла, ищѣ надѣ* (Алашеевка, Атяшевский район).

Глагол *половчить* обозначает действие, направленное на определение массы измеряемого объекта – ‘приблизительно определить массу, прикинуть’:

(27) *Дай-кь вѣдро-ть, я пъллофчу, скокь ты нарвал орехѣф-ть! Дай, Каткь пъллофчым, скокь у тея в вѣдре-ть* (Суподеевка, Ардатовский район).

Единицы измерения площади земельных участков

Большую группу составляют наименования земельных участков в зависимости от их размера, площади. Отметим, что наряду с общеупотребительными единицами измерения площади функционируют и диалектные наименования: ¹круг во 2-м знач., *третняк* – ‘мера земельной площади, равная гектару’, *длинник* – ‘мера земельной площади, равная 80 сажням (170,5 м) в длину и 30 (64 м) сажням в ширину’, *осьменник*, *осьменник*, ¹осьминник в 1-м знач. – ‘метрическая мера земельной площади, равная 1/3 гектара’ и ‘метрическая мера земельной площади, равная 1/2 гектара’, *постать* во 2-м знач. – ‘единица измерения земельной площади’, ¹столб во 2-м знач., *столбник* во 2-м знач., *столбняк* – ‘мера площади, равная 80 кв. сажням (160 кв. метрам)’:

(28) *А зимли у нас цэльй третняк был* (Башкирцы, Теньгушевский район);

(29) *Длинникъми раньшъ землю мерили* (Старая Михайловка, Ромодановский район);

(30) *Я бываль па цэльму длиннику ржсы жалъ* (Атемар, Лямбирский район);

(31) *А раньшъ-ть угороды-ть постатими мерили* (Редкодубье, Ардатовский район);

(32) *Пиддисят сажън или два асьминникъ зимли – вот и гиктар будит* (Енгальчево, Дубенский район).

Различные по площади земельные участки номинируются следующими квантитативными диалектными единицами: *полукова* – ‘четвертая часть десятины’, ¹пятерик во 2-м знач. – ‘участок земли в пять сажень’, *сороковуха* – ‘участок земли 30 сажень (64 метра) в ширину и 80 (171 метр) в длину’, ¹сотельник – ‘мера длины в 100 сажень (200 метров)’, *тридцатка* в 1-м знач. – ‘земельный участок в тридцать сажень’, ²улёт – ‘земельный участок, равный 0,2 гектара’, *урочища* – ‘участок земли длиной в 30 сажень’, *четверик* – ‘участок земли размером десять сажень на сто’, *шестуха* во 2-м знач. – ‘участок земли в восемнадцать соток’, *леха* в 1-м знач., *лешка* – ‘полоса земли в длину поля или усадьбы шириной полтора метра’. Например:

(33) *В асминки – десить сажън, а ф трицатки – триццъть* (Майдан, Старошайговский район);

(34) *Раньшъ нам землю пъ шэстухъм рьздавали* (Чеберчино, Дубенский район);

(35) *Лиха – эть намногъ меньшъ карты, эть три шага, с лихи многоъ ни събирёш* (Челмодевский Майдан, Инсарский район);

(36) *Съръкавухъ – эть бальшая диситинъ. Триццъть сажън на восимдисит в длину* (Енгальчево, Дубенский район).

В исследуемых говорах представлены наименования земельных участков, площадь которых обозначается приблизительно или является неактуальной для характеристики объекта: *полстатка* во 2-м знач., *полстать* в 3-м знач., ¹постата, *постатка*, *постать* в 1-м знач., *пряжка* во 2-м знач. – ‘часть земельного участка различного размера, обрабатываемая в один прием’, *загонка*, *карта* в 1-м знач. – ‘земельный участок различных размеров’, *кулижка* во 2-м знач., *кулишек*, *ластовка* в 4-м знач., *полстатка* в 1-м знач., *полстать* в 1-м знач., *постаток*, *рубезок* – ‘маленький участок земли’. Например:

(37) *Бываль питурик дадут на бабу, и жыви как знаш* (Такушево, Теньгушевский район).

Единицы измерения длины

В исследуемых говорах активно употребляются официальные квантитативные понятия для определения длины (*километр*, *метр*, *килограмм* и др.), которые в сочетании с числительными указывают различные исчисляемые величины:

(38) *Жэницинъ прасиль прьдафца атнять пять метръф сиццу* (Дмитриев Усад, Атюрьевский район);

(39) *Нъ примых-ть километръф семь будит* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Кроме того, в диалектной среде зафиксировано существительное *большина*, которое, присоединяясь к единицам измерения, служит для указания на размер, длину объекта. Например:

(40) *Бльшына у пьасоф два аршынь была* (Муравлянка, Ельниковский район);

(41) *Три аршынь бльшыной утирки резъли* (Новодевичье, Ельниковский район).

В лексической системе диалекта свои наименования имеют приспособления для измере-

ния длины: *черта* – ‘свернутая железная лента для измерения чего-либо, рулетка’, *пудик, мерилка, кувырок* в 3-м знач. – ‘мерка для определения длины, равная сажени (2,134 м)’:

(42) *Бирёш чирту дь рьзмиряш* (Ключарёво, Рузаевский район);

(43) *У миня струмент фсякий есть: вот чарта, пила, шпунт* (Софьино, Ельниковский район);

(44) *Вонь мужык с мерилкьй пашол* (Тенишево, Краснослободский район);

(45) *Пришол бригадир с работы, а кувырок ф поли аставил* (Ивановка, Ромодановский район).

К количественным единицам, употребляющимся для обозначения длины, относятся: *снавр* – ‘мера длины, равная одному метру’, *мах, кувырок* в 1-м знач. – ‘мера длины, равная 2,134 метра’, *трёхсотельник* – ‘мера длины, равная 300 метрам’, *сотельник* – ‘мера длины, равная 100 сажен (200 метров)’. Например:

(46) *У нас гарот-ть токь читьри махь ф шьрину и десить в длину* (Четвертаковский, Ардатовский район);

(47) *Она вон где, вода-ть, туды итти цэльый трёхсотильник* (Суподеевка, Ардатовский район);

(48) *Дь здесь сафсемрядьшкьм, какой-нибудь сательник* (Старая Фёдоровка, Старошайговский район);

(49) *Снаврь три у меня материш-ть осталсь* (Киржеманы, Большеигнатовский район);

(50) *Кувыркоф трить дь бьльшака асталсь* (Ивановка, Ромодановский район).

Количественные единицы могут служить для обозначения расстояния определенной длины: *кувырок* во 2-м знач. – ‘количество чего-либо, равное 2,134 метра’, *гон* во 2-м знач. – ‘расстояние в 40 метров’:

(51) *Вот кувырок картошки выбириш, двацьть пять капеик заплатют* (Ивановка, Ромодановский район);

(52) *Дь ну, да лесь-ть тут фсиво будит адин гон* (Соколов Гарт, Чамзинский район)

Отдельную группу составляют диалектные имена существительные, называющие предметы определенной длины. Сюда можно отнести собирательные существительные *плашник, плашняк* во 2-м знач., которые обозначают ‘бревна двух-трехметровой длины’ (устаревшее; см. помету в

СРГРМ), слово *рога* – ‘специально выточенные дощечки длиной в 6–7 сантиметров, которые подкладывались под волосник, чтобы образовать возвышения с двух сторон’, *шестёрка* – ‘коса, длина лезвия которой равна шестидесяти сантиметрам’, *ратовище* – ‘шест длиной 1,5–2 метра, к концу которого привязывалась прочная бечевка с поплавком’:

(53) *Он визёт аднаво плашнику* (Атемар, Лямбирский район);

(54) *У миня и шьстёркь, и пятёркь есть* (Суподеевка, Ардатовский район);

(55) *Раньш на Варми рыбы былль хть прут пруди, дь фся крупнь – нь рьтавища лавили* (Стародевичье, Ельниковский район);

(56) *Рага пьд вьласник паддениш и, итоб равно былль, направиш* (Башкирцы, Теньгушевский район).

В то же время если носителю диалекта не важна точная длина предмета, то употребляются существительные, в смысловой структуре которых присутствует обобщенная сема ‘длинный’: *бык* в 1-м знач. – ‘длинная жердь, которая кладется на стропила и скрепляет их’, *вага* – ‘длинная жердь, за которую привязывают лошадей; коновязь’, *жезло, итырь* в 1-м знач. – ‘длинная палка, которой запирают ворота’, *избняк, долготьё, флигаль* – ‘длинные бревна, строевой лес’, *долгушки* – ‘длинные рукава’ и др. Например:

(57) *Нь пастройку домь дьлгатьё вазили* (Ишейки, Темниковский район).

В русских говорах Мордовии для номинации процесса измерения длины употребляется глагол *проходить* – ‘определять величину чего-либо, измерять’:

(58) *Ани весь агарот прьхадили* (Кайбичево, Дубенский район).

Единицы измерения пряжи, волокна и холста

В сельской местности население занималось прядением, ткачеством, поэтому в этой сфере жизнедеятельности человека также употреблялись особые единицы измерения пряжи, ткани, волокна.

Разнообразны в говорах единицы измерения пряжи. Здесь можно отметить обобщенное наименование *тальяка* во 2-м знач. – ‘единица измерения пряжи’, а также меры пряжи, определяемые по количеству мотков: *куколка* – ‘мера пряжи, равная 10 небольшим моткам’, *кукла* – ‘мера пряжи, равная 20 небольшим моткам’:

(59) *Ис фунтъ иэрти тальку матали* (Булаево, Темниковский район);

(60) *Я бываль пькупаль двацьцьть маточькьф. Этъ кулкьй нъзывацьф* (Большое Чуфарово, Ромодановский район);

(61) *А десить маточькьф бумажных нитьк нъзывали кулкьй* (Чеберчино, Дубенский район).

Длина пряжи измерялась по размеру стены дома: *красна* в 5-м знач. – ‘единица измерения длины пряжи и холста, равная 12 длинам избы’. Например:

(62) *Две красны сяводни наприяль* (Авгурь, Старошайговский район);

(63) *Я три красны сушьть навесиль, фцара концьль ткать* (Ирсеть, Старошайговский район).

Объем льняного или конопляного волокна определялся количеством горстей, но при этом он был неодинаков, так как зависел от физиологических особенностей человека: *рученька* во 2-м знач., ¹*горсть*, *пученька*, *ручешка* во 2-м знач., *ручня* во 2-м знач. – ‘единица измерения волокна, равная одной горсти’, *повесма* – ‘мера измерения волокна, равная двум или трем горстям’, *десяток* – ‘единица измерения количества обработанной на волокно конопли, равная десяти горстям’, *складница* – ‘мера измерения волокна конопли, льна, равная 25 горстям’, *одноручник* – ‘единица измерения количества волокна конопли, льна, равная 40 горстям’. Например:

(64) *Сколькь кудели вазьмёш – этъ ручешкь, а две ручешки – навесмь* (Гумны, Краснослободский район);

(65) *Свяжьши вязанку, и тады сорьк гарстей будит. Этъ аднарушник* (Лухменский Майдан, Инсарский район);

(66) *Щитай вот: три рученьки – пасмь, а у миня их асьмнацьцьть. Значит, иэсть пасм* (Грачевник, Краснослободский район);

(67) *Вазьмёш две ручни вьлакна и придёш* (Стародевичье, Ельниковский район);

(68) *Двацьцьть пять гарстей вьлакна – вот ы складниць* (Каменка, Чамзинский район);

(69) *Дисяцьк – этъ десить гарстей* (Булаево, Темниковский район).

Важна была метрическая система и при работе с тканью. За единицу измерения принимался отрез ткани определенных размеров, полотнище – *точь* в 1-м знач., ²*цапок*:

(70) *На платья у миня иэсть точий ушло* (Барахманы, Большеигнатовский район);

(71) *Асаюзим два цапка ф простыни и адяваимси* (Стародевичье, Ельниковский район).

Зафиксирован единичный глагол *усомить* со значением ‘довести до нужного размера, подогнать (об одежде)’, характеризующий процесс работы с тканями:

(72) *Нет-нет уш рукаф усамиль, эх и долзь вазильсь с ним!* (Грачевник, Краснослободский район).

Особенности семантики и структуры квантитативной лексики

Большая часть диалектных квантитативных наименований является однозначной: *третняк* – ‘мера земельной площади, равная гектару’, *снавр* – ‘мера длины, равная одному метру’ и др. Однако употребляются и многозначные слова, у которых в условиях территориально замкнутого социума появляются производные значения. Можно отметить полисемантические лексемы, все значения которых связаны с измерением каких-либо объектов, например: *осьменник*, ¹*осьминник* в 1-м знач. – ‘метрическая мера земельной площади, равная 1/3 гектара или 1/2 гектара’, во 2-м знач. – ‘мера массы, равная 100 килограммам’, в 3-м знач. – ‘монета достоинством в 50 копеек’, в 4-м знач. – ‘кисет для хранения осьмушки табака (50 граммов)’. Зафиксированы слова, у которых лишь отдельные значения связаны с передачей квантитативных понятий, ср.: *тальяка* в 1-м знач. – ‘приспособление для разматывания и наматывания пряжи’, во 2-м знач. – ‘единица измерения пряжи’, в 3-м знач. – ‘пряжа’. Исследователи отмечали специфику многозначных слов данной тематической группы, указывая, что «при лексико-семантическом варианте со значением единицы измерения часто обнаруживается лексико-семантический вариант, обозначающий посуду или инст-

румент, необходимый для измерения длины, объема или веса» [Меркулова, Ставцева, 2019].

Результаты анализа структуры количественной лексики и установление соотношения с лексикой общенародного языка позволили выявить небольшую группу лексических диалектизмов, имеющих непроизводную основу: *курчан* – ‘глиняный сосуд емкостью два ведра’, *снавр* – ‘мера длины, равная одному метру’, *леха* в 1-м знач., *лешка* – ‘полоса земли в длину поля или усадьбы шириной полтора метра’, *челяк* в 1-м знач. – ‘единица емкости для сыпучих тел, равная 16 килограммам’ и др.

Большая часть количественных имеет производную структуру. Так, в результате изменений в семантике слов общенародного языка образовались лексико-семантические диалектизмы *сажень* – ‘укладка дров объемом в 10 куб. метров’, ¹*столб* во 2-м знач. – ‘мера площади, равная 80 кв. сажням (160 кв. метрам)’, *мах*, *кувырок* в 1-м знач. – ‘мера длины, равная 2,134 метра’, *кукла* – ‘мера пряжи, равная 20 небольшим моткам’, ¹*горсть* – ‘единица измерения волокна, равная одной горсти’, *десяток* – ‘единица измерения количества обработанной на волокно конопли, равная десяти горстям’ и др.

Многочисленны производные слова, которые возникли в результате морфологического словообразования. Наиболее продуктивными способами деривации были суффиксация (*длин/ник*, *мер/ш/лк/а*, *клад/ниц/а* и др.) и сложносуффиксальный способ (*тр/ѣх/сот/ельник*, *одн/о/руч/ник* и др.). Заметим, что в тех случаях, когда количественная единица указывает на точное количество, в качестве производящей базы выступают числительные: *четверок*, *третьяк*, *пятерик*, *сороковуха*, ¹*сотельник*, *тридцатка* и др.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлены и охарактеризованы типы количественных наименований, функционирующих в русских говорах на территории Республики Мордовия, определены особенности смысловой структуры таких единиц и пути пополнения этой группы лексики. В говорах зафиксированы единицы измерения длины, массы, объема и площади различных веществ и материальных объектов. Особую группу в сис-

теме диалекта представляют единицы измерения льняного или конопляного волокна, пряжи, ткани. Большая часть количественных наименований является моносемантической, но имеются и полисемантические языковые единицы, развивающие в системе говора производные прямые и переносные значения.

С точки зрения особенностей структуры и соотношения с общенародным языком в составе количественных наименований можно выделить как непроизводные слова, являющиеся собственно лексическими диалектизмами, так и производные единицы, образованные морфологическим (суффиксация, сложение) или лексико-семантическим способами в процессе переосмысления семантики общенародных слов.

Изучение количественных языковых единиц позволяет проследить, как менялась с течением времени система измерений в русских говорах, определить специфику номинативных процессов, связанных с фиксацией в языке значимого в лингвокультурном плане факта. Таким образом, количественные наименования представляют важный фрагмент наивной языковой картины мира, отражающий познавательный опыт жителей территориально замкнутого социума, социокультурные знания и представления об окружающем мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Э. Н., 2011. Диалектные фразеологизмы со значением «Платки и способы их повязывания (ношения)» в русских говорах Мордовии // Десятые Поливановские чтения. В 2 ч. Ч. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 61–65.
- Акимова Э. Н., Мочалова Т. И., 2016. Особенности функционирования ономов в русских говорах Мордовии // Ономастика Поволжья. Арзамас: Изд-во ННГУ. С. 77–82.
- Акимова Э. Н., Мочалова Т. И., 2021. Диалектные наименования праздников и обрядов как отражение культурно-исторических традиций русского народа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 1. С. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.2>
- Акимова Э. Н., Мочалова Т. И., 2023. Рыболовецкая лексика в русских говорах на территории Республики Мордовия // Вестник Волгоградского государственного университета. Се-

рия 2, Языкознание. Т. 22, № 2. С. 49–60. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.4>

- Жуковская Н. В., 2004. Языковые единицы со значением меры в функционально-семантическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог. 171 с.
- Ильина Е. Н., 2024. Диалектная лексика с корнями количественной семантики в вологодских говорах // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 10, № 1 (37). С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-50-61>
- Кирилова Е. А., 2007. Сложные слова с количественным значением в современных вологодских говорах // Лексический атлас русских народных говоров : (Материалы и исследования). В 2 ч. Ч. 1. СПб. : Наука. С. 405–413.
- Кретов А. А., Меркулова И. А., Титов В. Т., 2011. Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. № 1. С. 52–65.
- Лебединская В. Г., 2014. История русской метрологической лексики : дис. ... д-ра филол. наук. М. 485 с.
- Меркулова И. А., 2014. Квантитативные характеристики русской лексики на общеславянском фоне // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 100–107.
- Меркулова Л. И., Ставцева Т. Ю., 2019. Метрологическая лексика в говорах Орловской области // Лексический атлас русских народных говоров : (Материалы и исследования). СПб. : Наука. С. 520–542.
- Мочалова Т. И., 2008. Названия кушаний в русских говорах Мордовии // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 295–303.
- Прозоровский Д. И., 1888. Древняя русская метрология. СПб. : Изд-во Археол. ин-та. 302 с.
- Прохорова В. Н., 1996. Русская терминология (лексико-семантический способ образования). М. : Изд-во МГУ. 125 с.
- Романова Г. Я., 1975. Наименование меры длины в русском языке. М. : Наука. 175 с.
- Романова Г. Я., 2017. Объяснительный словарь старинных русских мер. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского. 304 с.
- Топорков П. Е., 2018. Коннотация количественных обозначений в народных говорах русского языка // Филология и лингвистика. № 3 (9). С. 35–37.

СЛОВАРЬ

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. СПб. : Наука, 2013. Ч. 1. 672 с. ; Ч. 2. С. 673–1560.

REFERENCES

- Akimova E.N., 2011. Dialektnye frazeologizmy so znacheniem «Platki i sposoby ikh povyazyvaniya (nosheniya)» v russkikh govorakh Mordovii [Dialectal Phraseological Units with the Meaning “Scarves and Ways of Tying (Wearing) Them” in Russian Dialects of Mordovia]. *Desyatye Polivanovskie chteniya. V 2 ch. Ch. 2* [Tenth Polivanov Readings. In 2 Pts. Pt. 2]. Smolensk, Izd-vo SmolGU, pp. 61–65.
- Akimova E.N., Mochalova T.I., 2016. Osobennosti funktsionirovaniya onimov v russkikh govorakh Mordovii [Features of the Functioning of Onyms in Russian Dialects of Mordovia]. *Onomastika Povolzhya* [Onomastics of the Volga Region]. Arzamas, Izd-vo NNGU, pp. 77–82.
- Akimova E.N., Mochalova T.I., 2021. Dialektnye naimenovaniya prazdnikov i obryadov kak otrazhenie kulturno-istoricheskikh traditsij russkogo naroda [Dialect Names of Holidays and Rituals as a Reflection of the Cultural and Historical Traditions of the Russian People]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 20, no. 1, pp. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.2>
- Akimova E.N., Mochalova T.I., 2023. Rybolovetskaya leksika v russkikh govorakh na territorii Respubliki Mordoviya [Fishing Vocabulary in Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 22, no. 2, pp. 49–60. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.4>
- Zhukovskaya N.V., 2004. *Yazykovye edinitsey so znacheniem mery v funktsionalno-semanticheskom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Units with the Meaning of Measure in the Functional-Semantic Aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Taganrog. 171 p.
- Ilyina E.N., 2024. Dialektnaya leksika s kornyami kolichestvennoy semantiki v vologodskikh govorakh [Dialectal Vocabulary with the Roots of Quantitative Semantics in Vologda Dialects]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], vol. 10, no. 1 (37), pp. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-50-61>
- Kirilova E.A., 2007. Slozhnyeslova s kolichestvennym znacheniem v sovremennykh vologodskikh govorakh [Compound Words with Quantitative

- Meaning in Modern Vologda dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: (Materialy i issledovaniya). V 2 ch. Ch. 1* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research). In 2 Pts. Pt. 1]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 405-413.
- Kretov A.A., Merkulova I.A., Titov V.T., 2011. Problemy kvantitativnoy leksikologii slavyanskikh yazykov [Problems of Quantitative Lexicology of Slavic Languages]. *Voprosy yazykoznaninya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 52-65.
- Lebedinskaya V.G., 2014. *Istoriya russkoy metrologicheskoy leksiki: dis. ... d-ra filol. nauk* [History of Russian Metrological Vocabulary. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 485 p.
- Merkulova I.A., 2014. Kvantitativnye kharakteristiki russkoy leksiki na obshch斯拉vianskom fone [Quantitative Characteristics of Russian Vocabulary on a Common Slavic Background]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, pp. 100-107.
- Merkulova L.I., Stavtseva T.Yu., 2019. Metrologicheskaya leksika v govorakh Orlovskoy oblasti [Metrological Vocabulary in Dialects of the Oryol Region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 520-542.
- Mochalova T.I., 2008. Nazvaniya kushaniy v russkikh govorakh Mordovii [Names of Foods in Russian Dialects of Mordovia]. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu* [Materials on Russian-Slavic Linguistics]. Voronezh, Izd-vo VGU, pp. 295-303.
- Prozorovsky D.I., 1888. *Drevnyaya russkaya metrologiya* [Ancient Russian Metrology]. Saint Petersburg, Izd-vo Archaeol. in-ta, 302 p.
- Prokhorova V.N., 1996. *Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskiy sposob obrazovaniya)* [Russian Terminology (Lexico-Semantic Method of Formation)]. Moscow, Izd-vo MGU, 125 p.
- Romanova G.Ya., 1975. *Naimenovanie mery dliny v russkom yazyke* [Name of the Measure of Length in Russian]. Moscow, Nauka Publ. 175 p.
- Romanova G.Ya., 2017. *Obyasnitelnyy slovar starinnykh russkikh mer* [Explanatory Dictionary of Ancient Russian Measures]. Moscow, Un-t Dmitriya Pozharskogo, 304 p.
- Toporkov P.E., 2018. Konnotatsiya kolichestvennykh oboznacheniy v narodnykh govorakh russkogo yazyka [Connotation of Quantitative Notations in Folk Dialects of the Russian Language]. *Filologiya i lingvistika* [Philology and Linguistics], no. 3 (9), pp. 35-37.

DICTIONARY

Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya: v 2 ch. [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013, pt. 1. 672 p.; pt. 2, pp. 673-1560.

Information About the Authors

Elvira N. Akimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Cross-Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Tatiana I. Mochalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Cross-Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

Информация об авторах

Эльвира Николаевна Акимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Татьяна Ивановна Мочалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.15>

UDC 81'233
LBC 81.0

Submitted: 15.01.2024
Accepted: 13.05.2024

**DYNAMICS OF JUNIOR AND SENIOR ADOLESCENTS'
COGNITIVE STRUCTURES IN ORAL SPONTANEOUS RECALLS**

Anna A. Petrova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Irina V. Privalova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This work analyzes dynamics in manifestation of cognitive structures in junior and senior adolescents. The data were obtained experimentally through oral recalls of educational texts on social studies. The purpose of the study is to identify cognitive sphere development that is reflected in the propositional and semantic elements of oral recalls produced by adolescents of different ages. The cognitive structures were detected within the cognitive-and-discursive paradigm with the help of psychological and psycholinguistic diagnostic approaches. Special functional syntax methods of predicate-and-actant elements of utterances analysis were used. It has been found out that the denotative maps of oral recalls performed by junior and senior adolescents demonstrate cognitive structures advancement, which is manifested in the evolution of thinking, consciousness, memory and language skills. As a teenager grows up, the actant-predicate relations in the logical scheme of recalls become more complex, in particular, there is an increase in number of complex semantic structures with connectors, taxis relations, the use of predicates with abstract and aspectual properties like resultative, procedural, dynamic, terminal, and statal. This article offers an insight into the work of adolescent's cognitive system. The findings can be used in corpus and empirical studies.

Key words: cognitive structures, junior adolescents, senior adolescents, oral recalls, propositions.

Citation. Petrova A.A., Privalova I.V. Dynamics of Junior and Senior Adolescents' Cognitive Structures in Oral Spontaneous Recalls. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 196-208. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.15>

УДК 81'233
ББК 81.0

Дата поступления статьи: 15.01.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

**РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР
МЛАДШИХ И СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ
В УСТНЫХ СПОНТАННЫХ ПЕРЕСКАЗАХ**

Анна Александровна Петрова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Ирина Владимировна Привалова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В работе анализируются динамические процессы, связанные с манифестацией когнитивных структур младших и старших подростков. Материалом послужили устные пересказы учебных текстов по обществознанию, полученные экспериментальным путем. Цель исследования – определить направления развития когнитивной сферы подростков разных возрастов, отображенной в пропозициональных и семантических элементах устных пересказов. Детекция когнитивных структур осуществлена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с применением диагностических психологических и психолингвистических подходов и методов функционального синтаксиса для анализа предикатно-актантных элементов высказывания. В результате исследования показано, что когнитивные структуры манифестируются в денотативных картах устных пересказов младших и старших подростков. Установлено, что в основе развития таких структур лежит взаимодействие мышления, сознания, памяти и языка подростка. Динамика этого процесса выражается в усложнении актантно-предикатных отношений в логической схеме пересказов старших подростков, развитии сложных семантических структур с коннекторными, таксисными отношениями, расширении употребления предикатов с абстрактными и аспектуальными свойствами: результативными, процессуальными, динамическими, терминальными и статуйальными. Материал и результаты работы расширяют представление о когнитивной системе подростков и могут применяться в корпусных и эмпирических исследованиях.

Ключевые слова: когнитивная структура, младшие подростки, старшие подростки, устный пересказ, пропозиция.

Цитирование. Петрова А. А., Привалова И. В. Развитие когнитивных структур младших и старших подростков в устных спонтанных пересказах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 196–208. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.15>

Introduction

Cognitive approach has demonstrated its high efficiency in psychology, cognitive linguistics, ontolinguistics, pedagogy and psycholinguistics. Cognitive structures are relatively stable psychological systems employed in extracting and analyzing current information [Chuprikova, 1997, pp. 380-382]. Besides, cognitive structures provide basis for dynamic processes such as analysis, synthesis, abstraction and generalization [Kholodnaya, 2002, pp. 64-84]. They are also considered to be organizational constituents of mental experience, which predetermine human behavior [Kholodnaya, 2002, pp. 84]. The features of cognitive structures are: verballity, efficiency, digestibility, and adaptability (Babenko (ed.)).

Our article is aimed at exploring cognitive structures development in junior and senior adolescents. We assume that the ontogenetic dynamics of these cognitive structures should be best studied through the analysis of spontaneous oral recalls of educational texts in social studies.

The research questions are as follows:

1. Is it possible to trace the cognitive structures dynamics in junior and senior adolescents by analyzing their spontaneous oral recalls?
2. Does functional syntax in the semantic structures of denotative maps of oral recalls reflect peculiarities of adolescent's cognitive sphere?

3. Do predicate-actant structures in oral recalls undergo changes with adolescent's maturation?

Hypothesis. In unprepared oral narratives of junior and senior adolescents there are some features that are typical to each stage of ontogenesis. These features are determined by the ontogenetic, psychological, and cognitive development of an individual.

Theoretical considerations

Cognitive structures are also known as structural knowledge [Jonassen, Beissner, Yacci, 1993, pp. 125-131]. They help an individual to arrange facts, concepts, propositions, theories, and raw data at any point in time [Taber, Keith, 2000, p. 405]. As well, they help to organize the relationships of concepts in memory [Shavelson, 1972, p. 226]. It is assumed that the order in which information is retrieved from long-term memory reflects in part individual cognitive structure within and between concepts. Hence, an individual's cognitive structure is made up of various schemata and mental models that can be embedded within one another within a hierarchy. Cognitive structures can also be viewed as conceptual knowledge which transcends the mere storage of declarative knowledge [Ifenthaler, Masduki, Seel, 2011, p. 43].

There is a fairly large number of empirical works devoted to the analysis of cognitive

structures parameters, their cognitive complexity and simplicity. However, such analysis is limited mainly to the sphere of communication [Druzhinin, 2024]. There are no works at all devoted to the *cognitive development* that is revealed in the speech products of adolescents who are involved into the interpretation of educational texts. The dynamics of cognitive complexity indicators over a certain age period and its relationship with intellectual functions also remains a poorly studied issue. As a person develops, there is a restructuring of cognitively representative structures, which are responsible for the solution of a wide range of tasks [Chuprikova, Ratanova, 1995, p. 105].

Cognitive structures development is accompanied by the growth of their systemic hierarchical organization [Chuprikova, Ratanova, 1995]. The system gets organized, which results in formation of hierarchically ordered cognitive structures, that means evolution of former syncretic, poorly differentiated structures. Therefore, it is in adolescence that a significant shift occurs in the cognitive and mental activity of a child [Kalinkina, Poyarova, Yablokova, 2021, p. 328].

In early adolescence, the cognitive system is characterized by low levels of cognitive differentiation and integration. However, the mechanism of cognitive differentiation and integration starts its development namely at this stage. The skills to search for similarities and differences between objects and phenomena are being shaped. The qualitative composition of the constructs used by adolescents undergoes serious changes throughout maturation [Kelly, 1991]. For example, junior adolescents tend to use more specific characteristics that describe visual signs, people's attitudes towards somebody or something.

As far as senior adolescence is concerned, they start operating with attributes that describe personalities. Their simplified cognitive structure disintegrates, and a new, more complex system undergoes development to hierarchize at a higher level [Kalinkina, Poyarova, Yablokova, 2021, p. 331]. Senior adolescents demonstrate a large number of constructs that are more specified. It means that in the process of perception, teenagers of this age group have at their disposal more characteristics for objects classification than junior adolescents. Cognitive integration is also dynamic and undergoes changes. Cognitive complexity

increases due to extension in cognitive differentiation and cognitive integration. Cognitive complexity is aligned with the categories that are identified by a person and are integrated with each other. In other words, there is a clearly-cut connection between the categories used by an individual. Thus, cognitive complexity makes it possible to take into account both cognitive differentiation and cognitive integration of an individual's consciousness [Kalinkina, Poyarova, Yablokova, 2021, p. 329].

Cognitive structures act as constructs for assessing knowledge organization, assimilation, and accommodation. The scientists are of opinion that the main task is to identify reliable and valid tools that may help to elicit the external representation of internal structures with subsequent analysis [Ifenthaler, Seel, 2005, p. 321]. However, as it is not possible to measure cognitive structures directly, individuals have to elicit or externalize them before researchers can analyze and interpret them [Ifenthaler, 2008, pp. 43-44]. As for elicitation of cognitive structures, a variety of techniques have been developed referring either to natural language or graphical approaches. Natural language-based techniques utilize the most automated and natural means by which humans externalize their cognitive structures. It is argued that natural language approaches are less biased than graphical ones, because natural language is more trained and highly automated [Ifenthaler, Masduki, Seel, 2011, p. 44].

The authors of this article suggest an original approach of their own. We are making an attempt to demonstrate the dynamics of adolescents' cognitive structures development within the framework of functional syntax. This method scrutinizes propositions and semantics of oral recalls, as well as their cognitive structures functioning.

Methodology

We advance the hypothesis that cognitive structure is a relatively stable and developing psychological system of knowledge representation, which can be studied experimentally with cognitive and psychologic diagnostic approaches (N.I. Chuprikov, D. Ifenthaler, T.A. Ratanova), as well as psycholinguistics and cognitive science.

There are a number of researches that describe the components of the semantic structure (predicates, actants, constants), identify types of

propositions, and consider them from the standpoint of actual discourse (S.V. Gusarenko, A. Mustajoki, E.V. Paducheva). We draw on the inventory of functional syntax and semantic structures developed for the Russian language by Arto Mustajoki [Mustajoki, 2006]. We agree that a proposition is a stable component, which is independent of the surface structure composition of an utterance. Proposition is shaped during the cognitive processing of an utterance. Hence, it is of primary importance to consider the interaction of the proposition with other cognitive-semantic structures involved in the cognitive processing of utterances [Gusarenko, 2021]. Our analysis of oral recalls is based on I.A. Zimnyaya's model of utterances generation, which includes the phases of meaning formation and meaning formulation. Mechanisms of word choice are activated when articulation program "clothes" thoughts into words and language structures [Zimnyaya, 2001].

Material and methods

The material for this study was collected in the course of mass experiments, which were conducted in several secondary schools of the Republic of Tatarstan almost three years ago. The participants were school students from Kazan and some schools located in rural areas. All in all, there were interviews with more than four hundred students of the fifth-grade level of 11–12 years old and senior adolescents of the ninth-grade level of 15 to 16 years old. Boys and girls were interviewed in almost equal proportions. So, gender and social indices of the respondents were rather relevant. The corpus of oral spontaneous recalls comprises of 297 texts. All these recalls were obtained empirically and used by us as the *material* for current research.

Linguistic parameters of source and secondary texts were identified with the help of RuLingva automatic text complexity analyzer (<https://rulingva.kpfu.ru>) developed by the "Text Analytics" Research Laboratory of Kazan Federal University. The linguistic parameters of the source text and its recalls were calculated with the help of the automated analysis program RuLingva (<https://rulingva.kpfu.ru/>) based on the Russian Language Educational Corpus (Certificate No. 2020622254). The parameters were identified for each of the investigated texts, and they included: the average number of words in a sentence, the

average number of syllables in a word, FKG mod SIS index, abstractness index, lexical diversity (TTR), and narrativity index.

Sentence length happens to be one of the most significant parameters as far as the assessment of text complexity and text readability is concerned. Long sentences with sophisticated logical connections impede overall comprehension. The sentence length in 11–12 words is believed to be optimal for educational texts in Russian. The word length also affects text comprehension: the longer a word, the more time it takes to understand it and to retain it in short-term memory [Mikk, 1981]. In addition, it has been found out that long words with three or more syllables traditionally have a lower frequency [Krioni, Nikin, Filippova, 2008].

The Flesch-Kincaid index is one of the most valid formulas for text readability identification. This index shows the number of years of education required to understand the analyzed text and is calculated by the formula: $FKG \text{ mod } SIS = 0.36 \times ASL + 5.76 \times ASW - 11.97$, where ASL is the average number of words in a sentence; ASW is the average number of syllables in a word [Solovyev, Ivanov, Solnyshkina, 2018]. The lexical diversity index is calculated as the ratio of unique lexical units to the total number of words. It ranges from 0 to 1 and the highest values point to the vocabulary richness of a text [Templin, 1957]. A high level of lexical diversity (TTR) presupposes that a reader knows a lot of words. This parameter may be an indicator of the number of terms in a text as well.

Text narrativity is calculated as the ratio of the total number of nouns to the total number of verbs [Biber, Conrad, Reppen, 1998]. If the final score is high, it means that the level of narrativity is low. The scientific style of speech with a noticeable dominance of nouns over verbs may illustrate the fairness of this statement. Experts in this area have proven that narrative texts with familiar structure are easier for students to perceive [Kraal, Koornneef, Broek, 2018]. Abstractness can be calculated with the help of the concreteness-abstractness scale or by the number of words with abstract suffixes in one text [Mikk, 1981]. Numerous studies have revealed that the texts which contain a large number of abstract words are more difficult for understanding [Solnyshkina, Kazachkova, Ismaeva, 2019]. Children's thinking is characterized by particularity (concreteness) and abstract concepts are out of touch with reality.

Results and discussion

Linguistic parameters and the description of the text “On Differences in the Work of Animals and Humans” (fifth-grade level)

According to RuLingva, the text has: number of words – 226; social science terms – 20; nouns – 62; verbs – 51; the average number of nouns in a sentence is 2.82; the average number of verbs in a sentence is 2.32; ratio of verbs to nouns – 0.82; abstract words – 65, among which, for example, there are such as: *text, speech, difference, work, animal, person, trait, activity, means, conclusion*; frequent abstract words: *person* – 9, *animal* – 8; total number of propositions (main and sub) – 129. The respondents perceived the source text through reading, and after that, they were asked to reproduce it orally with as many details as possible.

Description of the source text. This text represents a story about a man, his work, and the differences between human and animals’ work. There are two semantic centers in the text. First, the “imaginative” center with the stimulus “let’s imagine”. It has a passive observer and predicates “to imagine”, “to observe”. The imaginary scene includes imaginary agents and their actions which are described by action predicates. The second semantic center represents a comparative reflection about the actions of animals and humans. The actions of an abstract agent are described with predicates of intellectual, creative, and social activities, including such verbs as *to create, to plan, to think, to study, to work*. Two semantic centers are connected indirectly with each other through an agent that performs logical operations. Noteworthy, the first semantic center refers to a specific real world with the real actions of living beings in it, and the second semantic center requires logical interpretation of animals’ and human actions. Logical and event-logical propositions with a small inclusion of existential (event) propositions prevail in the text. The level of abstraction is fairly high – 2.49. Hence, it is not always possible to determine the agent-doer and the background sign of his actions. At this stage of ontogenesis, abstract thinking, reflection, imagination, self-esteem and self-concept are still evolving. That is why abstract text comprehension causes troubles and provokes the appearance of

modifications of the actant-propositional structures in secondary oral narratives [Petrova et al., 2023, p. 923].

Linguistic parameters and the description of the text “On Leadership” (ninth-grade level)

According to RuLingva, the text has: number of words – 251; social science terms – 16; nouns – 114; verbs – 33; the average number of nouns in a sentence is 6.71; the average number of verbs in a sentence is 1.94; ratio of verbs to nouns – 0.29; abstract words – 109, among which, for example, are: *leadership, process, attitude, group, position, position, decision, task, achievement, goal, action, ability, experience*; frequently used abstract words 43: *leader* – 10, *leadership* – 4, *group* – 7, *role* – 7. The total number of propositions (main and sub) is 82. The method of perception and reproduction was the same as in junior adolescents’ group: the respondents perceived the source text through reading, and then, they were asked to reproduce it orally with as many details as possible.

Description of the source text. This is a story about leadership, leadership qualities, leaders and their actions in a group. The text “On Leadership” can be divided into three semantic blocks: 1) leader and leadership roles; 2) new types of leaders; 3) leadership processes [Petrova, Solnyshkina, 2021, p. 230]. The relationship with a specific referent goes through the reference group and environment.

There are sentences with a wide range of such referents as “role”, “group”. For example: *The first role includes actions aimed at organizing the group to achieve the goal of the activity and at solving the task assigned to the group*. As seen, the referent is hidden in the descriptions that make up the reference groups and form the referent environment. To identify a specific referent, it is necessary to carry out a number of cognitive and logical operations that move from the leader to his types, roles and functions. The text is full of the predicates of communicative-semantic spheres: social relationship, activity, characteristics, existence, identification and classification. Most of the predicates are gerunds what explains the low narrativity of the text. Physical actions are poorly reflected and represented by participles, participial phrases, or

by some verbs in the passive voice. The above-mentioned features have caused difficulties in the actual agent identification.

So, both source texts are characterized by high abstractness indices: 2.49 – for the fifth-grade level and 2.8 – for the ninth-grade level. High abstractness is also revealed in abstract words such as “leadership”, “labor”, etc.

Linguistic parameters of the sources texts and recalls are presented in Tables 1, 2.

Having compared two educational texts and deep level predicates, we arrived to the conclusion

that in the source text about labour differences, there are predicates of intellectual, creative and social activities; whereas in the text about leadership, there are predicates of social relationship, activity, existence, identification and classification.

According to psychologists (A.A. Leskova, T.V. Sklyarova, L.A. Semchuk) 10–12 years-old adolescents demonstrate *the following tendencies in their theoretical and practical thinking development:*

1) transition from a concrete type of thinking with specific ideas to theoretical thinking;

Table 1. Linguistic parameters of the source text “On Leadership” and the recalls of senior adolescents

Parameter	Source: L.N. Bogolyubov “Social Studies. Tenth-Grade Level” (Bogolyubov, 2009)	Recalls				
		1. Respondent K9004	2. Respondent K9089	3. Respondent K9074	4. Respondent K9126	5. Respondent K9A01
Average number of words per sentence	12	5,67	9,8	13,2	15,3	9,9
Average number of syllables per word	3,04	2,5	2,55	2,33	2,35	2,46
Index FKG mod SIS	9,84	4,47	6,25	6,22	7,9	5,79
Abstractness index	2,8	2,63	3,07	2,68	2,48	2,84
Lexical diversity (TTR)	0,81	0,85	0,71	0,74	0,7	0,6
Narrativity	2,88 (49:17)	2,5 (10:4)	2,5 (15:6)	2,75 (22:8)	1,59 (43:27)	1 (23:23)

Table 2. Linguistic parameters of the source text “On Differences in the Work of Animals and Humans” and the recalls of junior adolescents

Parameter	Source: L.N. Bogolyubov “Social Studies. Fifth-Grade Level” (Bogolyubov, 2013)	Recalls				
		1. Respondent K5A17	2. Respondent K5A18	3. Respondent K5A20	4. Respondent K5B01	5. Respondent K5B16
Average number of words per sentence	10,27	8,38	11,88	9,2	11,43	12,71
Average number of syllables per word	2,25	2,09	2,17	2,15	1,91	2,27
Index FKG mod SIS	4,68	3,1	4,8	3,74	3,16	5,68
Abstractness index	2,49	2,49	2,61	2,56	2,24	2,33
Lexical diversity (TTR)	0,64	0,71	0,51	0,52	0,49	0,65
Narrativity	1,21 (62:51)	1,2 (30:25)	0,75 (18:24)	0,87 (29:33)	1,19 (25:21)	1 (26:26)

2) restructuring of a concrete type of thinking;
 3) development of operational thinking, concepts comparison, and consecutive evolvement of thoughts;

4) development of independent thinking, reasoning, comparing, drawing relatively deep conclusions and generalizations;

5) development of abstract and critical thinking (younger teenagers imagine objects and relationships between them, whereas older teenagers produce ideas).

Adolescents aged 13–14 progress a lot in mastering such operations as classification, analogy, generalization. The abilities to analyze intellectual operations and to solve problems are shaped. The dialogical nature of imagination evolves. Older teenagers gain the ability to individually change, develop, and add images. Image integrity unites separate parts and makes the subject of imagination indivisible. Thinking dynamics start to be in close connection with the dynamics of other cognitive systems such as memory, perception, attention and speech. It affects written text perception, its understanding and interpretation. As result, these changes are reflected in spontaneous recalls of junior and senior adolescents.

In early adolescence, cognitive structures dynamics is manifested in the prevalence of poly-subjective position of imagination. As children grow older, their “I-concept” is being evolved along with the elements of interpretation, reasoning, and opinion expression. A large number of epistemic modality modifiers (Modep), speech function (Func), phase, causation (Caus) and authorization (Aut) are recorded on deep levels [Mustajoki, 2006, p. 287]. Senior adolescents employ abstract concepts, evolve the ability to see logical links and to defend one’s point of view. Junior adolescents demonstrate personal involvement and the involvement of other participants in the situations described in the text. The tetrad of personal pronouns «Я-ТЫ-МЫ-ВЫ» (“I-you (singular)-we-you (plural)”) appears in the superficial structure of their oral recalls. The situation is interpreted from the point of view of an observer who identifies himself with the reference group and accepts the attitudes of this group [Privalova, Petrova, 2023].

An abstract situation is turned into a concrete one that is why more predicates of creative activity

start to appear. Besides, restructuring may cause the increase in number of modifiers, qualifiers, or immersion elements. On the other hand, one may notice the fragmentation of propositions along with the elimination of actants of the source text and the loss of lexical diversity in recalls. Macro-propositions with the most general meaning appear, although they are not general nominations like keywords.

In our previous studies [Petrova et al., 2023], we identified semantic milestones, predicate links and text elements subordinated to the dominants of the narrative. Additionally, the referential or referenced type of connections between text elements was indicated. In the referential type, there is a relationship with a specific referent. In the referenced type there is a relationship with a reference group or through a reference environment. In the referenced type, the reader needs to carry out a number of cognitive and logical operations in order to establish connections between co-referent names [Petrova, Solnyshkina, 2021, p. 231].

We have divided the total amount of oral recalls of senior adolescents into four groups according to the invariability of propositional structures. In the first group, there are the recalls with the smallest number of preserved propositions and a false display of the denotative map (8 propositions; 10%). In the second group, there are recalls with a few preserved propositions and weak display of the denotative map of the text (10 propositions; 13%). In the third group, one can see a larger number of propositions and adequate display of the denotative map (33 propositions; 51%). In the fourth group, there is a big number of propositions and successful displays of the denotative map (105 propositions; 26%) [Petrova, Solnyshkina, 2021, p. 231]. Oral recalls of younger adolescents were divided into 3 groups according to the outcome of conveying propositional structures and the main idea. In the first group, there are recalls with a few propositions and a weak display of the denotative map of the text (18–30 propositions; 15%). The second group has a large number of propositions and adequate display of the denotative map of the text (31–50 propositions; 41%). In the third group, there is a big number of propositions and successful displays of the denotative maps (51–82 propositions; 44%) [Petrova et al., 2023].

Interestingly enough, we have not recorded a low number of propositions and false denotative maps in younger adolescents recalls. It may happen due to the specifics of the fifth-grade level subjects. Another reason for stable propositions is the nature of the source text. The proposition indicators should not be confused with the indicator of the number of words (Tokens) in RuLingva. A long story with a lot of words does not mean a successful recall, since the same words can be repeated many times without rendering any meaningful information. That is why we assume that the propositional structures displayed in denotative maps represent a relevant content of oral recalls.

There is one more issue that is necessary to raise, specifically, adolescents' intentions to collapse propositions into macrostructures during spontaneous recalls. From a psycholinguistic point of view, such operations require time-consuming periphrasis-transformations. One of the extreme types of periphrases-convolutions is a set of keywords. It may happen if there is an instruction to produce a recall using only keywords with the possibility to record these keywords. Meanwhile, there were no such instructions and, as a result, there were no oral spontaneous recalls like: "Night. Street. Flashlight. Pharmacy".

Descriptions of semantic structures in the recalls of junior adolescents

The analysis of spontaneous oral recalls resulted in distinguishing several features that were seen as verbalized in adolescents recalls: inclusion of non-existent agents into the semantic structure; occurrence of specifiers in the semantic structure, zoonymic diminutives; introduction of complex semantic structures by some models; creation of the reference field of the agent-person; appearance of optional modal phase modifiers with modal metalexemes "possibly". Below there goes explanations on the features enumerated above, samples of the texts with reactions of the adolescents, taken from our collection.

1. Inclusion of non-existent agents into the semantic structure. Considering oneself as a participant of the situations; virtual creation of another participant to whom a specific case is described; appearance of the personal pronouns tetrad "I-you-we-you" in the surface structure of oral retellings. Examples:

(1) условный или безусловный рефлекс, с которым **ты** познакомишься в биологии (K5B24)¹ (a conditioned or unconditioned reflex, which you will become familiar with in biology)²;

(2) **скажешь**, они же все трудятся (K5G03) (**you'll say**, they're all working);

(3) **думаю**, вывод этот будет неверный (K5G07) (**I think** this conclusion will be incorrect);

(4) **не забывай**, что только человек может невиданное, неиспробованное (КС 513) (**don't forget** that only man can do the unprecedented, the untried);

(5) **мы** можем узнать то, что животные не могут трудиться (K5G11) (**we can find out** that animals cannot work).

In plus, we have noticed mandatory modifiers of the speech Function (Func) [Mustajoki, 2006, p. 418] with metaverbs "to inform", "to advise"; optional modal phase modifiers (ModPhase) with modal metalexemes "maybe"; optional modifiers of Authorization (Aut) with the metaverb "to count" and epistemic modality (Modep) with moderate confidence (medium degree of probability) [Mustajoki, 2006, p. 287]. In approximately 20% of recalls, epistemic modality (Modep) covers semantic elements that indicate a speaker's attitude towards some affairs. Senior schoolchildren have abilities to master abstract concepts, to see logical connections and to defend their point of view [Petrova et al., 2023]. The agent represented with personal pronouns *I, you* may be skipped in denotative maps. The semantic structure includes predicates of the communicative-semantic sphere of intellectual activity: "to think", "to forget". Such predicates reflect situations of thinking and include combined semantic models with the situations of previous experience.

2. Occurrence of specifiers in the semantic structure. Specifiers describe certain properties of the predicate or its actants. The main qualifier Negation (Neg) has been recorded in the totality of our respondents' recall. In speech, the statement is not specifically expressed and is perceived by default. As for oral retellings, negation refers to the predicate and thus to the entire core of the semantic structure [Mustajoki, 2006, p. 421]. Examples:

(6) получается, животные **не планируют**, **не думают** (K5P14) (it turns out that animals **don't plan, don't think**);

(7) они **не совершенствуют**, **не ставят цели и не облегчают** свою работу (K5G03) (they **do not improve, do not set goals** and do not **make** their work easier).

3. Appearance of complex semantic structures with the model “simple semantic structure₁ + **meta-conjunction** + simple semantic structure₂ or extended (simple) semantic structure₃”:

(8) и делать что-то, **чтобы** ему было легче делать это дело (K5P14) (and do something **to** make it easier for him to do this thing);

(9) этот ответ был бы неверный, **потому что** только человек может раздумывать (K5P14) (this answer would be incorrect, **because** only a person can think).

4. Appearance of zoonymic diminutives with meliorative emotional assessment. In 30% of oral retellings, there has been noted a replacement of the lexeme «птицы/птица» → «птички/птичка», «муравей» → «муравьишки», «птенцы» → «птенчики» (“a birds/bird” → “a little bird/little birds”, “an ant” → “little ants”, “a chick” → “little chicks”). They are zoonymic diminutives with meliorative emotional assessment:

(10) **муравьишки** берут соломинку и тащат в дом (KS510) (**the little ants** take a straw and drag it into the house);

(11) и **птичка** идет кормить своих животных, своих **птенчиков** (K5B16) (and **the little bird** goes to feed its animals, **its chicks**);

(12) вы видите, как маленькая **птичка** несет э... к своим детям в гнездо еду (K5A06) (you see, how **a little bird** carries uh... food to its children in the nest).

5. Creation of the reference field of the agent-person, who acts as a beneficiary. Introduction of additional specifiers “Image” and “Method of Action” (Man) into the semantic structure [Mustajoki, 2006, p. 424]. Actants shape the agent’s reference field. They are focused on the actions of an agent receiving preferences and benefits. Also, actants may characterize agent’s actions. On the surface structure, actants are verbalized by adverbs or possessive and personal pronouns in indirect cases. They may change actant vectors, replace or include new predicates in the deep structure. Besides, they can add to the agent a new role of possessor:

(13) человек может придумывать что-то новое **для себя** или **облегчить свою работу** (K5A20) (a person can come up with something new **for himself** or make **his work easier**);

(14) это то, что человек иногда совершенствует **свои** достигнутые **цели** (K5P06) (it is that a person sometimes improves **his** achieved goals);

(15) но люди умеют ставить **себе** цели (K5G01) (but people know how to set goals **for themselves**).

6. Appearance of optional modal phase modifiers (ModPhase) with modal metalexemes “possibly”. They help to describe physical and intellectual abilities of living creatures, specifically, the ability to do something, to achieve results. The agent in these cases does not always directly control the modal phase, although he acts as a potential agent of the semantic structure:

(16) человек совершает новые открытия, а животное это **не может, может** только человек (K5G16) (a person makes new discoveries, but an animal **cannot do** this, only a person **can**);

(17) Только человек **может** добиваться своих **целей** (K5P06) (Only man **can** achieve his **goals**).

Besides, we have noticed the semantic structure development with optional modifiers and modal phase modifiers. They characterize both agent and performed actions.

Descriptions of semantic structures in the recalls of senior adolescents

The comparison of senior adolescents’ speech performance with the junior adolescents’ above revealed some development in spontaneous oral recalls.

1. Replacement of the subject-agent by a new one along with the inclusion of non-existent agents into the semantic structure. Occasional inclusion of non-existent agents depends on the topic and characteristics of the source text. Let us explain this assumption referring to the source text about leadership. The vague idea of leadership forces schoolchildren to introduce such agents as *руководитель, директор, начальник* (*manager, director, chief*) that are absent in the source text. It can be viewed as an attempt to replace a logical proposition with an abstract agent-theme “leadership” → “manager, director, chief” according to the principle of hyponymic replacement:

(18) формальный лидер это тот, который... выбирается по должности, допустим тот же самый **руководитель, директор и начальник** (K189B11)

(the formal leader is the one who... is selected by position, for example the same **leader, director and boss**).

2. Mandatory use of modifiers of the Speech function (Func) [Mustajoki, 2006, p. 418] with metaverbs “to inform”, “to advise”. The use of optional modifiers of the modal phase (ModPhase) with modal metalexemes “possible”, “allowed”, “impossible”, “prohibited”; optional modifiers of Authorization (Aut) with the metaverb “to count” and Causation (Caus):

(19) **Им запрещено** законно наказывать либо поощрять своих подданных (K189B11 OT92) (They are **prohibited** to punish legally or encourage their subordinates).

Interestingly enough, a causation agent never acts as a subject actant. The agent of causation influences events more or less directly.

3. Deep predicates can indicate an action, and a change in intellectual or in emotional state:

(20) инструментальный лидер – это тот лидер, который **наставляет** группу на нужный путь, **указывает** свои, **какие решения делать, принимать, помогать и достижению целей** и других потребностей группы (K189V11 OT92) (an instrumental leader is the leader who **guides** the group on the right path, **indicates** what **decisions to make, help and achieve goals** and other needs of the group).

There are also Modal Phase modifiers (ModPhase):

(21) нет, права-то у него есть, но официальных их нет, и он **не может ни поощрять, ни наказывать** (K189) (no, he has rights, but there are no official ones, and he **can neither reward nor punish**).

4. Authorization (Aut) provides additional characteristic to the author's statement. The metaverb “to consider” is neutral since it does not indicate author's attitude towards the state of affairs. The information expressed by the core of the semantic structure is clarified with the help of authorization through an indication of someone's point of view [Mustajoki, 2006, p. 284]:

(22) еще **один ученый подразумевает** собой **три качества** лидерства, а его ученики еще **два** (K189B12 OT92) (**another scientist implies three qualities** of leadership, and **his students two more**).

5. The use of complex semantic structures with the model “simple semantic structure₁ +

meta-conjunction + simple semantic structure₂ or extended (simple) semantic structure₃”:

(23) формальное лидерство заключается **в том, что** сам лидер обладает полномочиями, **чтобы** влиять на группу (K189A01 OT92) (formal leadership **is that** the leader himself has the authority **to** influence the group);

(24) Они найдут всегда время на какую-то беседу, который нужно, **если** кому-то надо помочь (K189) (They will always find time for some kind of conversation, which is necessary **if** someone needs help).

6. The use of nuclear semantic structures with identifications and characteristics:

(25) именно **инструментальный лидер** обладает такими качествами, как очень **трудоспособный** и очень **целеустремленный** (K189B11) (it is **the instrumental leader** who has such qualities as being very **hard-working** and very **purposeful**);

(26) что касается эмоционального лидерства, это **лидер, который** передает настроение что-либо делать (K9A01) (as for emotional leadership, it is **a leader who** conveys the mood to do something).

7. Reference fields of the agent “leader/leaders” and the actant “group” is shaped. This group acts as beneficiary at which the agent's activity is directed:

(27) **они** всегда, а эмоционально **поддерживают** группу. ...С ними **поговорить, решить их проблемы** (K189V11 OT92) (**they** always emotionally support the group. ...**Talk to them, solve their problems**).

8. Development of taxis relations of non-simultaneity [Mustajoki, 2006, p. 361]. Non-simultaneity is typical in successive states of affairs that are terminal, effective, or momentary. Also, it is typical to the neutral state of affairs with the meta-union “and then”:

(28) **позже** отечественный психолог Уманский выделил еще несколько типов; **а и потом** еще выделили, его уже ученики выделили такое, как лидер-организатор и лидер-дезорганизатор (K189B) (**later**, the domestic psychologist Umansky identified several more types; **and then** they also singled him out, his students already singled him out as an organizer leader and a disorganizer leader).

Having compared the recalls in younger and senior adolescents, we noted the following:

1. The educational text on social studies for senior adolescents gets complicated through the introduction of abstract terms and situations. Presumably, this complication results in ignoring the pronoun “oneself” in the recalls produced from the point of view of an observer. These recalls look like narratives with analogies, generalizations, and polemics. Noteworthy, in recalls of junior adolescents, the personal pronoun “oneself” occurs on regular basis and different types of generalizations are rare.

2. In senior adolescents, the system of optional modifiers of the modal phase (ModPhase) becomes more complex in the nuclear semantic structure. There appear the lexemes that were not previously observed: *возможно, разрешено, невозможно, запрещено* (*possibly, allowed, impossible, prohibited*). Authorization types of semantic structure are enriched with the opinion of another person.

3. In senior adolescence, complex semantic structures with connectors, taxis, logical relations and immersions are improved. The development of taxis relations is associated with the expansion of action predicates. These predicates indicate states of affairs that are different from the point of view of aspectual properties [Mustajoki, 2006, p. 209]: procedural, dynamic (a process with an unachieved goal), terminal (a process with an achieved goal), effective (transition to a new state), resultative-statistic (a new state with a previous change in the state of affairs).

4. In senior adolescents’ recalls, diminutives disappear. It happens since diminutives in perception and production are characteristic mainly of children of preschool and primary school age [Vvedenskaya, 2021, p. 19].

5. In junior adolescents’ recalls, the vector of the action is directed at the subject. As teenagers get older, the vector of orientation becomes multidirectional. Specifically, in cases with beneficiary – the participant whose interests are affected by the situation and who benefits from it.

All in all, younger adolescents most often use compact articulated or monolithic constructs. It causes difficulties in the situations where it is necessary to take a look at a subject from different points of view. For this reason, their perception may be one-sided, partial, and not entirely consistent with the surrounding reality. As for senior adolescents, they reach a high level of

intellectualization in perception, convergent and divergent thinking. They master generalization, which is the most complex mental operation. Integration of a large number of disparate parts and their ordering is achieved thanks to generalization. Senior adolescents use a large number of inter-connected categories for comparison when they perceive phenomena and things of the surrounding world. Gradually, the cognitive structure turns into a complex network of concepts in which classes are distinguished and their hierarchy is formed. The structure of this hierarchy is predetermined by the most important properties of concepts.

Conclusion

Summing up, a precise and stepwise diagnosis of cognitive structures helps us to better understand the differences between junior and older adolescents’ mode of thinking as they develop over time. This will enable us to identify the most appropriate instructional materials to be provided at suitable times during the learning process. We also have some important directions for future research, specifically, to carry out the diagnosis of developing cognitive structures in different subject domains in order to detect variations in terms of how cognitive structures develop between different content areas.

NOTES

¹ Here and after these numbers stand for the cipher code of an experiment participant.

² Here and below the reactions are translated by the authors.

REFERENCES

- Biber D., Conrad S., Reppen R., 1998. *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. Cambridge, Cambridge University Press. 300 p.
- Chuprikova N.I., 1997. *Psikhologiya umstvennogo razvitiya: Printsip differentsiatsii* [Psychology of Mental Development: The Principle of Differentiation]. Moscow, STOLETIE Publ. 480 p.
- Chuprikova N.I., Ratanova T.A., 1995. *Svyaz pokazateley intellekta i kognitivnoy differentsirovannosti u mladshikh shkolnikov*

- [Relationship Between Intelligence Indicators and Cognitive Differentiation in Primary Schoolchildren]. *Voprosy psikhologii*, vol. 3, pp. 104-114.
- Gusarenko S.V., 2021. *Kognitivno-semanticheskie struktury diskursa: sistemnoe vzaimodeystvie i semanticheskaya entropiya* [Cognitive-Semantic Structures of Discourse: System Interaction and Semantic Entropy]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 313 p.
- Druzhinin V.N., 2024. *Psihologiya obshchih sposobnostej: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Psychology of General Abilities. A Textbook for Universities]. Moscow, Yurayt Publ. 349 p.
- Ifenthaler D., Seel N.M., 2005. The Measurement of Change: Learning-Dependent Progression of Mental Models. *Technology, Instruction, Cognition and Learning*, vol. 2, iss. 4, pp. 317-336. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1428-6_1842
- Ifenthaler D., 2008. Practical Solutions for the Diagnosis of Progressing Mental Models. Ifenthaler D., Pirnay-Dummer P., Spector J.M., eds. *Understanding Models for Learning and Instruction. Essays in Honor of Norbert M. Seel*. New York, Springer Publ., pp. 43-61. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-76898-4_3
- Ifenthaler D., Masduki I., Seel N.M., 2011. The Mystery of Cognitive Structure and How We Can Detect It: Tracking the Development of Cognitive Structures over Time. *Instructional Science*, vol. 39, iss.1, pp. 41-61. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11251-009-9097-6>
- Jonassen D.H., Beissner K., Yacci M., 1993. *Structural Knowledge: Techniques for Representing, Conveying, and Acquiring Structural Knowledge*. New York, Routledge Publ. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203052563>
- Kalinkina E.M., Poyarova T.A., Yablokova A.V., 2021. Uchet dinamiki kognitivnoy slozhnosti u podrostkov pri postroenii obrazovatel'nogo protsessa [Account of Cognitive Complexity Dynamics in Adolescents When Constructing the Educational Process]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], vol. 72, iss. 4, pp. 328-331.
- Kelly G., 1991. *The Psychology of Personal Constructs*. London, Routledge Publ. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203359037>
- Kholodnaya M.A., 2002. *Psihologiya intellekta: Paradoksy issledovaniya* [Psychology of Intelligence: Paradoxes of Research]. Saint Petersburg, Piter Publ. 272 p.
- Kraal A., Koornneef A., Broek P., 2018. Processing of Expository and Narrative Texts by Low-and High-Comprehending Children. *Reading and Writing*, vol. 31 (9), pp. 2017-2040.
- Krioni N.K., Nikin A.D., Filippova A.V., 2008. Avtomatizirovannaya sistema analiza slozhnosti uchebnykh tekstov [Automated System for Analyzing the Complexity of Educational Texts]. *Vestnik USATU*, vol. 11 (1), pp. 101-107.
- Mikk Ya.A., 1981. *Optimizatsiya slozhnosti uchebnogo teksta: V pomoshch avtoram i redaktoram* [Optimizing the Complexity of Educational Text: To Help Authors and Editors]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 119 p.
- Mustajoki A., 2006. *Teorija funkcionalnogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k jazykovym sredstvam* [Functional Syntax Theory: From Semantic Structures to Linguistic Means]. Moscow, Jaz. slav. kultury Publ. 512 p.
- Petrova A.A., Privalova I.V., Kazachkova M.B., Yessenova K.U., 2023. Specifics of Text Derivatives Propositions in Ontogeny. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 9 (1), pp. 136-152. DOI: [10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-9](https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-9)
- Petrova A.A., Privalova I.V., Kosova K.O., 2023. Discursive Designing of Autobiographical Memories in Speech Ontogeny: Longitudinal Survey. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27 (4), pp. 915-937. DOI: [10.22363/2687-0088-35914](https://doi.org/10.22363/2687-0088-35914)
- Petrova A.A., Solnyshkina M.I., 2021. Immediate Recall as a Secondary Text: Referential Parameters, Pragmatics and Propositions. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25 (1), pp. 221-249. DOI: [10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-221-249)
- Privalova I.V., Petrova A.A., 2023. Influence of Anxiety on Texts Retelling in Adolescents. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14 (4), pp. 1091-1106. DOI: [10.22363/2313-2299-2023-14-4-1091-1106](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1091-1106)
- Solov'ev V., Ivanov V., Solnyshkina M., 2018. Assessment of Reading Difficulty Levels in Russian Academic Texts: Approaches and Metrics. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems: Applications in Engineering and Technology*, vol. 34 (5), pp. 3049-3058. DOI: <https://doi.org/10.3233/JIFS-169489>
- Solnyshkina M.I., Kazachkova M.B., Ismaeva F.Kh., 2019. Abstraktnost / konkretnost kak lingvisticheskaya problema [Abstractness / Concreteness as a Linguistic Problem]. *Uchenye zapiski natsionalnogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*, vol. 2 (26), pp. 74-83.
- Shavelson R.J., 1972. Some Aspects of the Correspondence Between Content Structure and Cognitive Structure in Physics Education. *Journal of Educational Psychology*, vol. 63 (3), pp. 225-234. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0032652>

- Taber K.S., Keith S., 2000. Multiple Frameworks?: Evidence of Manifold Conceptions in Individual Cognitive Structure. *International Journal of Science Education & Training*, vol. 22 (4), pp. 399-417. DOI: 10.1080/095006900289813
- Templin M., 1957. *Certain Language Skills in Children: Their Development and Interrelationships*. Minneapolis, University of Minnesota Press. 208 p.
- Vvedenskaya N.M., 2021. Russkie diminutivy v vospriyatii odnoyazychnykh i dvuyazychnykh detey doshkolnogo i mladshhego shkolnogo vozrasta [Russian Diminutives in the Perception of Monolingual and Bilingual Children of Preschool and Primary School Age]. *Problemy ontolingvistiki – 2021: yazykovaya sistema rebenka v situatsii odno- i mnogoyazychiya: materialy ezhegod. Mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Ontolinguistics – 2021: Child’s Language System in a Situation of Mono- and Multilingualism. Proceedings of the Annual International Scientific Conference]. Saint Petersburg, Izd-vo VVM, pp. 17-23.
- Zimnyaya I.A., 2001. *Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel’nosti* [Linguopsychology of Speech Activity]. Moscow, Moskovskiy psikhologo-

sotsialnyy institut; Voronezh, NPO «MODEK». 432 p.

SOURCES

- Bogoljubov L.N., 2009. *Obshchestvoznaniye. 10 klass: uchebnyy dlya obshheobrazovaniya uchrezhdeniy: bazovyy uroven* [Social Studies. Tenth-Grade Level. Textbook for General Education. Basic Level]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 351 p.
- Bogoljubov L.N., 2013. *Obshchestvoznaniye. 5 klass: uchebnyy dlya obshheobrazovaniya uchrezhdeniy: bazovyy uroven* [Social Studies. Fifth-Grade Level. Textbook for General Education. Basic Level]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 127 p.
- Platform-Aggregator RuLingva. URL: <https://ifmk.kpfu.ru/laboratory/tekstovaya-analitika/>

DICTIONARY

- Babenko L.G., ed. *Eksperimentalnyy sintaksicheskiy slovar* [Experimental Syntax Dictionary]. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847>

Information About the Authors

Anna A. Petrova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory “Text Analytics”, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, petrova16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Irina V. Privalova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory “Text Analytics”, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, ivprivalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7740-2185>

Информация об авторах

Анна Александровна Петрова, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, petrova16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Ирина Владимировна Привалова, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, ivprivalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7740-2185>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.16>

UDC 81'42
LBC 81.055.1



Submitted: 01.02.2024
Accepted: 13.05.2024

ADDRESSEE AS A FACTOR IN DOCUMENT TYPE ADAPTATION

Marina V. Kosova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Mikhail K. Sheptukhin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The study is devoted to the effectiveness of business communication, provided by a number of intralinguistic and extralinguistic factors. The adaptation process is considered as the creation of a primary document, or a subtype within one type, taking into account the conditions of business communication, and primarily the characteristics of the addressees: their social and legal status; heterogeneity (scope, mass character) or belonging to a certain social group; absence or presence of shared competences; the nature of the information contained in the document and the way it is expressed. The adaptation process is shown to affect the document form, the compositional, substantive and speech organization of its text. Based on the material of two subtypes of the instruction, viewed as an organizational and legal document, which regulates various business processes, the parameters of the document that explicate its adaptation to the characteristics of the addressee are identified and described: the form as a specific implementation of the general document model; the compositional and meaningful structure of the text; speech organization, in particular the use of terminology, modality and speech tonality as a way of formatting the contents. The results obtained complement the available information about the documentary text as an object of linguistics, about the types of adapted texts, and their communicative capabilities.

Key words: adaptation, document, document text, instruction, addressability, addressee.

Citation. Kosova M.V., Sheptukhin M.K. Addressee as a Factor in Document Type Adaptation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 209-220. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.16>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 01.02.2024
Дата принятия статьи: 13.05.2024

АДРЕСАТ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ВИДА ДОКУМЕНТА

Марина Владимировна Косова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Михаил Константинович Шептухин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Исследование посвящено эффективности деловой коммуникации, обеспечивающейся рядом интралингвистических и экстралингвистических факторов. Особое внимание уделяется процессу адаптации как созданию первичного документа – подвида в рамках одного вида с учетом условий деловой коммуникации, и в первую очередь с учетом особенностей адресата: его социального и юридического статуса; неоднородности (широты, массовости) или принадлежности к определенной социальной группе; отсутствием или наличием общих компетенций; характера содержащейся в документе информации и способа ее речевого оформления. Показано, что процесс адаптации затрагивает формуляр документа, композиционно-содержательную и речевую организацию его текста. На материале двух подвигов инструкции – организационно-правового документа, регламентирующего различные процессы деловой деятельности, – выявлены и описаны параметры документа, эксплицирующие его адаптацию к особенностям адресата: формуляр как

конкретная реализация общей модели документа; композиционно-содержательная структура текста, организующая информацию; речевая организация, в частности, использование терминологии, модальная окраска и тональность как способ оформления содержания. Полученные результаты дополняют имеющиеся в науке сведения о документном тексте как объекте лингвистики, о видах адаптированных текстов, их коммуникативных возможностях.

Ключевые слова: адаптация, документ, документный текст, инструкция, адресатность, адресат.

Цитирование. Косова М. В., Шептухин М. К. Адресат как фактор адаптации вида документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 209–220. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.16>

Введение

Эффективность речевой коммуникации, достижение ее цели определяются рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Первостепенным из них является точная направленность речевого сообщения на адресата, реализующаяся в категории адресатности – свойстве текста эксплицировать представления адресанта о прогнозируемом адресате.

Это свойство значимо для любого текста, в том числе для документного, адресат которого имеет специфику: он может быть разным по социальному и юридическому статусу (вышестоящий, нижестоящий или равный адресанту; юридические или физические лица), неоднородным – широким, и даже массовым, или ограниченным, то есть принадлежащим к определенной социальной группе, индивидуальным (персонифицированным) или коллективным и др. Важность адресатности для документного текста позволяет рассматривать ее как особую категорию и во многом объясняет внимание к ней лингвистов, изучающих деловую коммуникацию.

Так, в диссертационном исследовании А.В. Полонского систематизированы языковые средства экспликации адресата в документах разных видов, выявлен широкий спектр разноуровневых единиц, которые содержат «прямую» и «косвенную адресатную семантику» [Полонский, 2000, с. 9].

Ученый отмечает, что прямую адресатную семантику на лексическом и морфологическом уровнях имеют местоимения 2-го лица, а также притяжательные местоимения, которые обозначают лицо как исполнителя коммуникативной роли адресата и «полностью формируются адресатной семантикой, и адресатная функция для них является конституирующей» [Полонский, 2000, с. 11]. Это гла-

голы 2-го лица изъявительного наклонения настоящего и будущего времени, значение которых ориентировано на адресата; глаголы повелительного наклонения, выражающие побуждение адресата; отдельные классы перформативных глаголов, использующихся как средство речевого контакта (подробно см.: [Полонский, 2000, с. 11–12]). Как показано А.В. Полонским, на синтаксическом уровне прямая адресатная семантика присуща побудительным предложениям, выполняющим функцию воздействия на адресата; вопросительным предложениям, требующим ответной реакции субъекта коммуникации; некоторым вводным конструкциям. На текстовом уровне прямая адресатная семантика эксплицирована в реквизитах документа «адресат», «наименование организации – автора документа», «текст документа», «резюмирование» (этот реквизит содержит перечень исполнителей документа или лиц, которые должны ознакомиться с документом) [Полонский, 2000, с. 14–15].

Косвенную адресатную семантику языковые единицы приобретают в контексте, в частности ее реализуют имена существительные и прилагательные, использующиеся в функции обращения как социально-маркирующий этикетный адресатный знак (*господин, товарищ, гражданин* и др.), или антропонимы (*Николай Андреевич!*) [Полонский, 2000, с. 11]. Кроме того, в круг языковых средств, эксплицирующих адресата, включаются единицы, не имеющие в системе языка даже косвенной адресатной семантики: социально-ролевые наименования (*начальник структурного подразделения, декан* и др.), эргонимы (*ОО «Ансей»* и др.), топонимы (*Отделение пенсионного фонда России по Волгоградской области*) и др. [Полонский, 2000, с. 16].

Предметом исследования ученых стала связь категории адресатности с другими ка-

тегориям, имеющими различный статус, – грамматической категорией лица; семантической категорией определенности / неопределенности; функционально-семантическими категориями персональности и модальности; прагмасемантической категорией вежливости и др.

Так, в работах Е.З. Киреевой рассмотрена категория модальности в документном тексте. С опорой на данное М.В. Ляпоном определение модальности, которая отражает «сложные взаимодействия между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью» [Ляпон, 2002, с. 304], Е.З. Киреева характеризует текст документа как продукт активной речевой деятельности субъекта, сложная коммуникативная единица, ориентированная на адресата, и их взаимоотношения адресанта и адресата как равнозначных участников коммуникации обуславливают реализацию в тексте документа целого диапазона модальных значений (см., например: [Киреева, 2020, с. 109]).

В ряде научных трудов в связи с категорией адресатности анализируется прагмасемантическая категория вежливости, план содержания которой связан с реализацией этических норм во взаимоотношениях коммуникантов. Категория вежливости обеспечивает этикетное оформление сферы взаимодействия в ситуации общения, выполняя регулирующую, контактоустанавливающую, воздействующую, гармонизирующую и презентационную функции. Использование средств выражения вежливости зависит от вида документа, цели общения, отношений между коммуникантами (см. об этом: [Формановская, 2006; Карабань, 2009]), ее реализация может быть обязательной (например, в деловом письме), факультативной (например, в инструкции по эксплуатации) или неуместной (например, в договоре, приказе, инструкции по делопроизводству).

Предметом научного осмысления становилось также взаимодействие категории адресатности с коммуникативной категорией понятности. Исследователи обращают внимание на то, что в обыденном сознании носителей языка документ представляется сложным текстом. Научные наблюдения позволяют говорить об объективной сложности, которая

обусловлена задачами, стоящими перед адресантом: в плане содержания – передать новую информацию, касающуюся той или иной сферы профессиональной или социальной деятельности людей; в плане выражения – представить информацию в принятой форме, в соответствии с канонами построения документного текста [Дьякова, 2016, с. 63]; и сложности субъективной, связанной с восприятием документа адресатом – понимание содержания документа, используемых в нем терминов требует специальных профессиональных компетенций.

Для достижения цели общения коммуникативное намерение автора должно согласовываться с характеристиками адресата [Арутюнова, 1981, с. 358]. Учет этих характеристик в деловой коммуникации определяет необходимость адаптации документа.

Термин «адаптация» используется в разных науках, для которых общим является понимание ее как «приспособление к условиям» (от лат. *adaptatio* – «приспособление», процесс приспособления системы к условиям внешней и внутренней среды) [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 12–13]. Специфика приспособления определяется конкретной научной сферой. В лингвистике адаптацией называют процесс создания вторичного текста, приспособленного к условиям его функционирования, которые задают пластичность, подвижность границ жанра [Клинк, 2019, с. 52]. Соответственно, под адаптированным текстом традиционно понимается вторичный текст, созданный в результате трансформации текста-источника в содержательном и/или формальном отношении, ориентированный на потенциальных читателей, которые в силу различных обстоятельств не могут должным образом истолковать текст-источник, построенный с учетом их фоновых знаний и запросов [Первухина, 2015].

Документный текст – особый объект лингвистического анализа. Его специфика заключается в тесной взаимосвязи формуляра документа (набора и последовательности расположения реквизитов) и речевого наполнения каждого из реквизитов, которое подчинено коммуникативной цели и реализует интенции автора, направленные на адресата. Каждый вид документа имеет свой формуляр, то есть

некую модель документа (модель определяется нами как вспомогательный объект, или система, заменяющая изучаемый объект, представленный в наиболее общем, схематичном виде [Белоус, 2023, с. 72]). Эта модель допускает вариативность, что связано с конкретными условиями деловой коммуникации. Исходя из сказанного, считаем возможным использовать термин «адаптация» применительно к процессу создания первичного текста – подвида документа в рамках одного вида – с учетом условий коммуникации, и в первую очередь с особенностями адресата.

Важным параметром, характеризующим адресата, является его ограниченность принадлежностью к определенной социальной группе (группу, как правило, характеризует «однородность», наличие у ее членов общих компетенций) или неоднородность (в этом случае обычно адресат широкий и имеет разные компетенции).

В современной деловой коммуникации используются подвиды документов одного вида, которые предназначены широкому адресату, например потребителям разнообразных услуг, и адресату «ограниченному», например специалистам той или иной сферы деятельности [Карабань, 2008, с. 97]). Широкого и «неоднородного» адресата имеют, например, законы, положения, правила, инструкции. В качестве примера документов, направленных ограниченному адресату, приведем клинические рекомендации, предназначенные для специалистов-медиков – врачей, фельдшеров, медсестер, парамедиков и др., выполняющих общие в рамках группы профессиональные функции и имеющих соответствующие компетенции. Следовательно, можно говорить об «однородности» адресатов в рамках таких групп и о различии групп между собой, а потому клинические рекомендации не являются одинаковыми для всех специалистов-медиков. Это обуславливает потребность в создании адаптированных текстов. Задача их авторов состоит в вариативном, иногда упрощенном изложении одной и той же специальной информации (см. об этом: [Ромашова, Романова, 2020]).

Распространенность подвидов документов, имеющих разного адресата, в различных сферах социальной жизни и их недостаточная

изученность определяют необходимость исследования процесса адаптации вида документа, выявление параметров, эксплицирующих направленность на адресата.

Материал и методы

Исследование выполнено на материале инструкции – одного из активно используемых в современной управленческой и делопроизводственной практике видов организационно-правовых документов, которые «содержат положения, основанные на нормах административного, трудового и других отраслей права, и обязательны для исполнения» [Маркова, 2009, с. 53].

В специальных лексикографических источниках инструкция определяется как «правовой акт, издаваемый в целях установления правил, регулирующих организационные, научно-технические, технологические, финансовые или иные специальные стороны деятельности организаций, их структурных подразделений, должностных лиц и граждан» [Янковая и др., 2014, с. 35]; как «письменный документ, в котором излагается порядок осуществления какой-либо деятельности или порядок применения положений законодательных и иных нормативных актов» [Кабашов, Асфандиярова, 2009, с. 65].

В лингвистике инструкция характеризуется как «прескриптивный директивный речевой акт, оформленный через письменный канал речевой коммуникации, цель которого – снабдить адресата указаниями о ходе выполнения действий» [Кедрова, 1991, с. 58]; речевой жанр, который «представляет собой формально-содержательную инвариантную модель текстов с общей коммуникативной целью (или с общей коммуникативной функцией) давать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия» [Рехтин, 2005, с. 3]. Из этих определений следует, что, устанавливая порядок действий, регламентируя процессы деловой деятельности, инструкция выполняет регулирующую функцию. При этом в зависимости от условий коммуникации директивность проявляется по-разному: как долженствование, обязательность, рекомендация, сообщение информации с целью направить адресата на совершение определен-

ных действий и т. п., в тексте она может быть эксплицитной или имплицитной.

Обратимся к подвидам инструкций, использующихся в высшем учебном заведении, которые направлены ограниченному принадлежности к определенной социальной группе адресату (Должностная инструкция профессора...), широкому адресату (Инструкция № 4...) и регламентируют разные процессы деловой деятельности.

Цель исследования – определить параметры документа, эксплицирующие его адаптации в соответствии с фактором адресата.

Для достижения данной цели использовались методы описательного, сравнительного и документоведческого анализа (подробно о последнем см.: [Косова, 2016]).

Характеризуя указанные подвиды инструкций, рассмотрим их композиционно-содержательную структуру и речевую организацию текста.

Результаты и обсуждение

Должностная инструкция профессора

В специальных лексикографических источниках этот подвид инструкции характеризуется как «нормативный правовой акт, определяющий статус должности, а также должностные обязанности и ответственность» [Янковая и др., 2014, с. 29]; «нормативный документ, регламентирующий деятельность работника» [Кабашов, Асфандиярова, 2009, с. 64]; документ, направленный «на поддержание властных и административных отношений, что во многом определяет речевое поведение его автора» [Лобанов, 2003, с. 11].

Адресат рассматриваемой инструкции принадлежит к ограниченной социальной группе – это должностные лица, имеющие соответствующие общие профессиональные компетенции. Данный документ регламентирует процесс выполнения профессиональных обязанностей лицами, занимающими должность профессора.

Практика составления документа может несколько различаться [Кулько, 2007, с. 20; Лопатникова, 2007, с. 13], при этом формуляр регламентируется ГОСТом и включает следующие реквизиты: «герб», «наименование

организации-автора документа», «наименование вида документа», «дата документа», «регистрационный номер документа», «гриф утверждения документа», «заголовок к тексту», «текст», «подпись», «печать». Реквизиты «герб», «наименование организации-автора документа», «гриф утверждения документа», «подпись» и «печать» указывают на условия функционирования документа, его локальность; реквизиты «заголовок к тексту» и «текст» – на адресата и регламентируемый процесс. Формуляр данного подвида документа адаптирован к адресату и к условиям коммуникации.

В научной литературе отмечается, что структурирование документов, как правило, ясное и объективное: «Документный текст характеризуется дробным объемно-прагматическим членением, которое обусловлено стремлением облегчить работу с ним» [Токарев, 2016, с. 77]. Так, структура текстов для большинства инструкций унифицированная и статичная [Канащук, 2011, с. 19]. Текст инструкции является малоформатным [Кондрашкина, 2018, с. 82], стандартизованность упрощает процессы его создания и понимания [Рехтин, 2005, с. 16]. Композиционно-содержательная структура текста организует представленную в нем информацию в нескольких общих положениях; функции; должностные обязанности; права; ответственность; взаимоотношения или связи по должности разделах [Кулько, 2007, с. 20]. Чтобы активизировать внимание адресата, адресант передает, информацию с помощью графического (структурно-рубрикационного) выделения; используется «особая – индивидуальная в каждом конкретном случае композиция текста, отражающая последовательное, методичное предъявление адресату значимой, с точки зрения составителя, информации» [Ширинкина, 2021, с. 116].

Текст рассматриваемой нами инструкции состоит из пяти содержательных разделов: 1. Общие положения; 2. Требования. 3. Должностные обязанности. 4. Права. 5. Ответственность. Его структурно-рубрикационное деление четко и логически последовательно представляет информацию о том, каковы обязанности профессора.

Обращаясь к речевой организации текста, отметим, что лексическое ядро любого

документного текста составляют термины, номинирующие понятия его предметного поля. Знание терминов адресатом является необходимым условием понимания содержания документа. В связи с этим в тексты документов некоторых видов, например в законы, положения, регламенты и др., принято включать «терминологический словарь» – список базовых терминов и их определений. Кроме того, в документах, предназначенных широкому адресату, с целью передать информацию доступным, понятным языком, допускается замена термина на близкое, синонимичное общеупотребительное наименование, имеющее разговорную и даже сниженную окраску. Такой способ используется, например, в памятках, созданных органами исполнительной власти с целью разъяснить адресату правовые положения, привлечь внимание широкого адресата (об этих документах см. о них: [Ширинкина, 2021, с. 114–115]).

В тексте должностной инструкции профессора содержится терминология, номинирующая понятия сферы образования, которую можно объединить в несколько тематических групп (далее – ТГ):

– ТГ «Субъекты образовательного процесса»: *ректор, заведующий кафедрой, профессор, проректор по направлению деятельности, сотрудники кафедры, старшие преподаватели, ассистенты, аспиранты, обучающиеся* и др.;

– ТГ «Структурные подразделения»: *Ученый совет университета; Ученый совет института; институт, кафедры, методическая комиссия* и др.;

– ТГ «Организация учебного процесса»: *преподаваемые дисциплины, курируемые дисциплины, авторские курсы, семинары, совещания, конференции, международные конференции, самостоятельная работа обучающихся, повышение квалификации преподавателей, методы и средства обучения, учебные занятия, научно-исследовательская работа, экзамены, зачеты, учебная, научная, профориентационная, воспитательная работа* и др.;

– ТГ «Документы»: *федеральные и локальные правила внутреннего трудового распорядка, индивидуальный план*

работы, учебные программы, рабочие программы, учебно-методические комплексы;

– ТГ «Профессиональные компетенции»: *формы и методы обучения и воспитания; основы педагогики, физиологии, психологии; методика профессионального обучения; методическая, научно-методическая, научно-исследовательская работа; экология, право, социология; профессиональные навыки* и др.

Терминология, которая используется в тексте, не поясняется: она известна адресату, профессиональная идентичность которого включает компонент «знания и умения ученого, профессиональные компетенции» [Арнаутова, 2023, с. 21].

Модальность и тональность текста рассматриваемой инструкции характеризуют способ речевого оформления информации.

Отметим слабую директивность текста данного документа. Содержание документа представлено преимущественно в модальности «информирования», для чего используются глаголы настоящего времени несовершенного вида, обозначающие обычное, повторяющееся действие. Так, в разделе 3 «Должностные обязанности» при их описании в 33 пунктах перечисляются действия, обозначенные глаголами несовершенного вида в форме настоящего времени: *профессор подчиняется...; в своей деятельности руководствуется...; выполняет...; осуществляет...; читает...; обеспечивает...; руководит...; привлекает к выполнению...; создает условия...; разрабатывает и актуализирует...; присутствует...; оказывает методическую помощь...; контролирует...; вносит предложения...* и т. п.

Модальность долженствования эксплицирована в разделе 2 «Требования», однако непосредственный экспликатор этого значения – модальное слово *должен* в сочетании с инфинитивом – используется только в начале перечня: *Профессор должен знать...*, далее указываются необходимые профессиональные компетенции.

В разделе 4, где перечисляются права профессора («Права»), реализуется модальность констатации: *профессор имеет право...*

Тональность данного текста можно охарактеризовать как нейтральную: он выдержан в рамках официально-делового стиля и не содержит эмотивно окрашенных единиц.

Таким образом, адресат должностной инструкции профессора ограничен принадлежностью к определенной социальной группе, имеет общие профессиональные компетенции; документ регулирует процесс выполнения субъектом его профессиональных обязанностей; реквизиты документа информируют о локальности документа, адресате и регламентируемом процессе деловой деятельности; структура текста четко и логически последовательно организует информацию; текст характеризуется модальностью информирования и нейтральной тональностью, что обусловлено передаваемой информацией, должностным статусом адресата, традицией коммуникации в научном коллективе образовательного учреждения.

Инструкция «Об общих мерах по противопожарной безопасности»

Данный документ регулирует процесс реализации мер противопожарной безопасности.

Адресат этого документа широкий – весь коллектив образовательной организации: профессорско-преподавательский состав, обучающиеся, другие сотрудники, администрация, студенты и др. В тексте указывается, что *Инструкция является обязательной для всего профессорско-преподавательского состава, обучающихся, административно-управленческого персонала университета, а также привлеченного ремонтно-строительного персонала других предприятий (подрядчиков)*. За обеспечение мер противопожарной безопасности несут ответственность *ректор, проректор по эксплуатации имущественного комплекса, главный инженер, руководители структурных подразделений*; за соблюдение этих мер – все сотрудники и обучающиеся.

Формуляр данной инструкции включает следующие соответствующие нормативу реквизиты: «герб»; «наименование организации-автора документа», «наименование вида документа», «дата документа», «гриф утверждения документа», «заголовок к тексту»,

«текст документа», «гриф согласования документа», «подпись», «печать». Как и в инструкции рассмотренного выше подвида, реквизиты «герб», «наименование организации-автора документа», «гриф согласования документа», «подпись», «печать» – информируют об условиях функционирования анализируемого документа (о локальности). Формуляр адаптирован к адресату и к условиям деловой коммуникации.

Композиционно-содержательная структура текста инструкции «Об общих мерах по противопожарной безопасности», как и должностной инструкции профессора, четко, логически последовательно организует представленную в нем информацию. Текст включает три раздела: 1. Общие требования пожарной безопасности. 2. Организационные мероприятия по обеспечению пожарной безопасности. 3. Требования пожарной безопасности при содержании помещений и территории; документ включает также раздел «Приложения».

В рассматриваемом тексте используются графические средства выделения важной информации, в частности полужирным шрифтом выделены номера телефонов должностных лиц, по которым нужно звонить в случае необходимости: *по городскому – 01, по мобильному – 010, единый номер вызова экстренных служб – 112*, указаны номераотовых телефонов ректора, проректора, начальника охраны. К тексту прилагаются рисунки, демонстрирующие устройство огнетушителя и правило его использования. Эти графические средства формируют своеобразный прагматический потенциал текста, способствуют упрощению восприятия данных, их адаптации для широкой аудитории [Ширинкина, 2021, с. 116].

В тексте инструкции используется терминология, номинирующая понятия сферы образования и формирующая несколько тематических групп:

– ТГ «Субъекты образовательного процесса»: *сотрудник, обучающийся, профессорско-преподавательский состав, административно-управленческий персонал, ректор, проректор эксплуатации имущественного комплекса, руководитель структурного подразделения*;

– ТГ «Структурные подразделения вуза»: *кафедра, лаборатория, отделы*;

– ТГ «Организация учебного процесса»: учебно-лабораторные и научно-исследовательские работы и др.

Большую часть терминологии составляют единицы, номинирующие понятия предметной области «Пожарная безопасность». Выделим тематические группы таких единиц:

– ТГ «Происшествия»: *пожар, возгорание*;

– ТГ «Мероприятия»: *противопожарные мероприятия, противопожарный инструктаж, эксплуатационные испытания*;

– ТГ «Предметы, инвентарь»: *пожарные гидранты, пожарные машины, пожарный инвентарь, средства пожаротушения, внутренние пожарные краны, пожарные щиты, огнетушители, таблички-указатели, пожарные краны внутреннего пожарного трубопровода, пожарный рукав, стволы, кровля здания, огневые установки, электрические приборы*;

– ТГ «Помещения»: *подразделение пожарной охраны, пожарные лестницы ограждения, крыши зданий и сооружений, проходы, выходы, коридоры, тамбуры, лестницы, корпуса, эвакуационные выходы, кафедры, лаборатории, отделы, службы, чердаки, технические этажи, подвалы, чердачные помещения, первые этажи помещений, служебно-бытовые помещения, складские помещения, пульт охраны*;

– ТГ «Вещества и материалы»: *легковоспламеняющиеся жидкости, горючие жидкости, горючие газы и вещества, сгораемые материалы, огнезащитный состав, бензин, керосин, горючие ткани*.

«Текст должен быть информативным для адресата, что предполагает не просто предоставление некоторого количества информации в тексте, а отбор составителем инструкции лишь той информации, которая будет адекватно воспринята адресатом, будет нести для него новое знание, соотноситься с его предшествующим опытом и при этом отвечать замыслу адресата» [Кондрашкина, 2018, с. 84].

Среди терминов есть единицы, семантика которых должна быть понятна всем адресатам: *система противопожарной безопасности, противопожарный инструктаж, пожар, возгорание, экстренная служба, план эвакуации, эвакуационные выхо-*

ды, пожарная машина, пожарный инвентарь и оборудование, пожарные щиты, огнетушители, проходы, выходы, коридоры, тамбуры, лестницы, эвакуационные выходы, чердачные помещения, технологические этажи, служебно-бытовые помещения, пропитка огнезащитным составом; бензин, керосин.

В то же время функционируют единицы, известные только специалистам: *электрическое оборудование, пожарные гидранты, средства пожаротушения, пожарные краны, противопожарный водопровод, пожарные краны внутреннего противопожарного трубопровода, рукава и стволы, перекачка рукавов, скатка, эксплуатационные испытания; наружные пожарные лестницы и ограждения; легковоспламеняющиеся жидкости (ЛЖ), горючие жидкости (ГЖ), горючие газы и вещества, решетки должны быть распахнутыми; органы Госпожнадзора; сгораемые конструкции и материалы; другие огнеопасные жидкости; огневые установки, горючие (сгораемые) ткани, пожароопасные работы, система пожарной автоматики и др.*

Некоторые из таких специальных единиц получают в тексте пояснение, что обусловлено направленностью на адресата-неспециалиста, то есть необходимостью лексически адаптировать текст: *решетки на окнах первых этажей помещений должны быть распахнутыми, открывающимися наружу; оборудовать стены, окна помещений горючими (сгораемыми) тканями; заряд (двуокись углерода); тушить очаг с наветренной стороны (чтобы ветер или воздушный поток был со спины); следите, чтобы потушенный очаг возгорания не вспыхнул снова (не поворачивайтесь к нему спиной)*. Функцию пояснения выполняют заключенные в скобки фрагменты текста, а также придаточные предложения. Кроме того, к рассматриваемой инструкции прилагается рисунок устройства углекислотного огнетушителя с обозначением его частей, названных терминами: *корпус, сифонная трубка, заряд, двуокись углерода (CO₂), запорно-пусковое устройство, рукоятка, рычаг, пробка, чека, раструб*.

Содержание документа, необходимость строгого выполнения адресатом действий оп-

ределяют реализацию модальных значений, эксплицирующих ярко выраженную директивность текста:

– модальность долженствования: *во всех корпусах **должны** быть вывешены планы эвакуации; помещения **должны** содержаться в чистоте; отходы **должны** собираться в специально отведенных местах; пожарные гидранты **должны** находиться в исправном состоянии; подходы к гидрантам **должны** быть доступными; подступы к пожарному инвентарю **должны** быть всегда свободными; инструкция является **обязательной** для...; сотрудники и обучающиеся **обязаны** не допускать действий, приводящих к пожару; сотрудник **обязан** привести в порядок рабочее место; ответственный **обязан** проконтролировать...*;

– модальность запрета: *курить в помещениях запрещено; ЗАПРЕЩАЕТСЯ (вынесено в разделе Требования и написано заглавными буквами полужирным шрифтом): производить перепланировку; применение сгораемых конструкций; загромождать..., применять бензин, оставлять огневые установки...; хранение горючей жидкости разрешается из расчета суточной потребности и др.*

В аспекте тональности текст данного документа можно охарактеризовать как эмоционально напряженный, императивный. Такая тональность выражена с помощью ограничительно-усилительной частицы *только*: *Все сотрудники допускаются к работе **только** после прохождения противопожарных инструктажей*; формы инфинитива без модального слова: *при пожаре **звонить** по телефону 01*; лексических единиц с семантикой правонарушения: *лица, виновные в нарушении данной инструкции, несут уголовную, административную, дисциплинарную и иную ответственность*; повторением определительных местоимений *все, каждый*: *ответственность несет **каждый** сотрудник и обучающийся*; *все сотрудники и обучающиеся обязаны*; *все сотрудники и обучающиеся допускаются...*; *со **всеми** сотрудниками и обучающимися определяется порядок*; *во **всех** корпусах университета должны быть вывешены плакаты*; ***каждый** сотрудник обязан*;

наречий *всегда, постоянно*, подчеркивающих постоянность, обязательного действия: *подходы в пожарным гидрантам должны быть **всегда** доступными для подъезда пожарных машин; подходы к пожарным гидрантам должны быть **всегда** доступным для подъезда пожарных машин; подступы должны быть **всегда** свободными, окна чердаков... должны быть **постоянно** закрыты*; наречиями с семантикой срочного действия: *в случае обнаружения неисправности **немедленно** сообщить...*

Обратим внимание, что в наименовании двух из трех разделов используется существительное «требования» – действие, выражающееся в настойчивой, категорической просьбе выполнить что-либо.

Таким образом, адресат данного документа широкий, имеет разные профессиональные компетенции; документ определяет действия адресата в экстремальной ситуации; формуляр документа, реквизиты информируют о локальности документа, адресате и регламентируемом процессе деловой деятельности; структура текста четко и логически последовательно организует информацию; текст характеризуется модальностью долженствования и необходимостью, императивной тональностью.

Заключение

Проведенный анализ показал, что направленность на адресата эксплицируется комплексом параметров, которые определяют формуляр документа, композиционно-содержательную структуру и речевую организацию текста. Фактор адресата определяет адаптацию документа, то есть процесс создания первичного документа – подвида в рамках одного вида, реализации модели в условиях конкретной документируемой ситуации и связанной с ней коммуникацией. Процесс адаптации демонстрирует подвижность и гибкость документа, обеспечивает возможности его эффективного использования в разных ситуациях деловой деятельности.

Полученные результаты дополняют имеющиеся в науке сведения о документном тексте как объекте лингвистики, о видах адаптированных текстов, их коммуникативных возможностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнаутова Н. Р., 2023. Ученый и его профессиональная идентичность // Лингвистика и образование. Т. 3, № 2. С. 16–26. DOI: 10.29039/2712-9519-2023-2-16-26
- Арутюнова Н. Д., 1981. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 40, № 4. С. 356–367. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1981/04/814-356.htm>
- Белоус Е. С., 2023. Моделирование процессов управления документированной информацией. Волгоград : ВолГТУ. 128 с.
- Дьякова А. А., 2016. Объективная и субъективная сложность документных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 1. С. 63–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.7>
- Кабашов С. Ю., Асфандиярова И. Г., 2009. Делопроизводство и архивное дело в терминах и определениях : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука. 296 с.
- Канашук С. А., 2011. Структурные, стилистические и коммуникативные особенности традиционных текстов дискурса инструкций // Вестник Томского государственного университета. № 344. С. 18–21.
- Карабань Н. А., 2008. Речевой жанр инструкции // Известия Волгоградского государственного технического университета. Т. 7, № 5. С. 96–98.
- Карабань Н. А., 2009. Категория вежливости в официально-деловых текстах (на материале деловых писем). Волгоград : ВолГТУ. 116 с.
- Кедрова К. С., 1991. Коммуникативно-прагматические особенности инструкции // Коммуникативный аспект языка: процессы и единицы. Л. : РГПУ. С. 54–62.
- Киреева Е. З., 2020. Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) // Научный диалог. № 8. С. 108–122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-108-122
- Клинк Е. И., 2019. Принципы построения модели жанра имиджевой статьи: адаптивность и иерархичность // Языки и литература в поликультурном пространстве. № 5. С. 49–54.
- Кондрашкина Е. Ю., 2018. Прагмалингвистический потенциал инструктивного текста // Научный диалог. № 7. С. 81–92.
- Косова М. В., 2016. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 1. С. 7–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>
- Кулько О. И., 2007. Документоведение. Кадровая документация : учеб.-метод. пособие. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 86 с.
- Лобанов И. Б., 2003. Принципы построения инструктирующего текста в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 23 с.
- Лопатникова Е. А., 2007. Делопроизводство: образцы документов с комментариями. 4-е изд., испр. М. : Омега-Л. 319 с.
- Ляпон М. В., 2002. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая Рос. энцикл. С. 303–304.
- Маркова Ю. Е., 2009. Составление и оформление организационно-распорядительной документации : учеб. пособие. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого. 115 с.
- Первухина С. В., 2015. Адаптированный текст: развитие понятия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 1 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptirovannyi-tekst-razvitiye-ponyatiya>
- Полонский А. В., 2000. Категорияльная и функциональная сущность адресатности (на материале русского языка в сопоставлении с польским) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел. 40 с.
- Рехтин Л. В., 2005. Речевой жанр инструкции: полевая организация : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 19 с.
- Ромашова О. В., Романова Н. А., 2020. Лингвистическая репрезентация пациент-ориентированного подхода в лечебном процессе (на материале клинических рекомендаций) // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. № 2 (2). С. 95–107.
- Токарев Г. В., 2016. Документный и художественный тексты в аспекте реализации их признаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (30). С. 77–81. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.9>
- Философский энциклопедический словарь, 1983. М. : Сов. энцикл. 840 с.
- Формановская Н. И., 2006. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М. : УРСС : КомКнига. 156 с.
- Ширинкина М. А., 2021. Категория адресации в памятках органов исполнительной власти // Глобальный научный потенциал. № 2 (119). С. 114–118.
- Янквоя В. Ф., Бельдова М. В., Банасюкевич В. Д. и др., 2014. Словарь видов и разновидностей управленческой документации. М. : ВНИИДАД. 81 с.

ИСТОЧНИКИ

- Должностная инструкция профессора от 12.10.2020 № 1587 / Волгоградский государственный университет. Не опубликовано.
- Инструкция № 4 об общих правилах противопожарной безопасности от 01.10.2020 / Волгоградский государственный университет. URL: <https://volsu.ru/upload/medialibrary/54a/Инструкция%20об%20общих%20мерах%20по%20противопожарной%20безопасности.pdf?ysclid=m0feqq8pt4289194122>

REFERENCES

- Arnautova N.R., 2023. Uchenyy i ego professionalnaya identichnost [Scientist and Their Professional Identity]. *Lingvistika i obrazovanie* [Linguistics & Education], vol. 3, no. 2, pp. 16-26. DOI: 10.29039/2712-9519-2023-2-16-26
- Arutyunova N.D., 1981. Faktor adresata [Addressee Factor]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 40, no. 4, pp. 356-367. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1981/04/814-356.htm>
- Belous E.S., 2023. *Modelirovanie protsessov upravleniya dokumentirovannoy informatsiyey* [Modeling of Documented Information Management Processes]. Volgograd, VolgGTU. 128 p.
- Dyakova A.A., 2016. Obyektivnaya i subyektivnaya slozhnost dokumentnykh tekstov [Objective and Subjective Complexity of Document Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 1, pp. 63-70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.7>
- Kabashov S.Yu., Asfandiyarova I.G., 2009. *Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo v terminakh i opredeleniyakh: ucheb. posobie* [Record Keeping and Archival Business in Terms and Definitions. Textbook]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 296 p.
- Kanashchuk S.A., 2011. Strukturnye, stilisticheskie i kommunikativnye osobennosti traditsionnykh tekstov diskursa instruktivnykh [Structural, Stylistic and Communicative Features of Traditional Instructional Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], no. 344, pp. 18-21.
- Karaban N.A., 2008. Rechevoy zhanr instruktivnykh [Speech Genre of Instructions]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 7, no. 5, pp. 96-98.
- Karaban N.A., 2009. *Kategoriya vezhlivosti v ofitsialno-delovykh tekstakh (na material delovykh pisem)* [Category of Politeness in Official Business Texts (Based on the Material of Business Letters)]. Volgograd, VolgGTU. 116 p.
- Kedrova K.S., 1991. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti instruktivnykh [Communicative and Pragmatic Features of the Instruction]. *Kommunikativny aspekt yazyka: protsessy i edinitsy* [Communicative Aspect of Language: Processes and Units]. Leningrad, RGPU, pp. 54-62.
- Kireeva E.Z., 2020. Faktor adresata v tekste ofitsialnogo dokumenta (na material ukazov gubernatora Tulskey oblasti, izdannykh v svyazi s rasprostraneniem Covid-2019) [Addressee Factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid-2019)]. *Nauchnyy dialog*, no. 8, pp. 108-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-108-122
- Klink Ye.I., 2019. Printsipy postroyeniya modeli zhanra imidzhevoy statyi: adaptivnost i iyerarkhichnost [Principles of Constructing a Model of the Image Article Genre: Adaptability and Hierarchy]. *Yazyki i literatura v polikulturnom prostranstve* [Languages and Literature in a Multicultural Space], no. 5, pp. 49-54.
- Kondrashkina E.Yu., 2018. Pragmalingvisticheskiy potentsial instruktivnogo teksta [Pragmalinguistic Potential of Instructive Text]. *Nauchnyy dialog*, no. 7, pp. 81-92.
- Kosova M.V., 2016. Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskikh issledovaniyakh: sodержanie i tseli [Documental Analysis Method in Linguistic Research: Content and Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 1, pp. 7-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>
- Kulko O.I., 2007. *Dokumentovedenie. Kadrovaya dokumentatsiya: ucheb.-metod. posobiye* [Documentation. Personnel Documentation]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 86 p.
- Lobanov I.B., 2003. *Printsipy postroyeniya instruktivnykh tekstov v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of Construction of the Instructional Text in Russian Language. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don. 23 p.
- Lopatnikova E.A., 2007. *Deloproizvodstvo: obraztsy dokumentov s kommentariyami* [Office Work: Sample Documents with Comments]. Moscow, Omega-L Publ. 319 p.
- Lyapon M.V. Modalmost [Modality]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ., pp. 303-304.
- Markova Yu.E., 2009. *Sostavlenie i oformlenie organizatsionno-rasporyaditelnoy dokumentatsii: ucheb. posobie* [Preparation and Execution of

- Organizational and Administrative Documentation. Textbook]. Tula, Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo. 115 p.
- Pervukhina S.V., 2015. Adaptirovannyi tekst: razvitiye ponyatiya [Adapted Text: Development of the Concept]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], no. 1 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptirovannyi-tekst-razvitiye-ponyatiya>
- Polonskiy A.V., 2000. *Kategorialnaya i funktsionalnaya sushchnost adresatnosti (na materiale russkogo yazyka v sopostavlenii s polskim): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Categorical and Functional Essence of Addressability (Based on the Material of the Russian Language in Comparison with Polish). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Orel. 40 p.
- Rekhtin L.V., 2005. *Rechevoy zhanr instruksii: polevaya organizatsiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech Genre of the Instruction: Field Organization. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Barnaul. 19 p.
- Romashova O.V., Romanova N.A., 2020. Lingvisticheskaya reprezentatsiya patsient-orientirovannogo podkhoda v lechebnoy protsesse (na materiale klinicheskikh rekomendatsiy) [Linguistic Representation of the Patient-Oriented Approach in the Treatment Process (Based on Clinical Recommendations)]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Yazykoznanie* [Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics], no. 2 (2), pp. 95-107.
- Tokarev G.V., 2016. Dokumentnyy i khudozhestvennyy teksty v aspekte realizatsii ikh priznakov [Features of Document and Literary Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (30), pp. 77-81. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.9>
- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], 1983. Moscow, Sov. entsikl. Publ. 840 p.
- Formanovskaya N.I., 2006. *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects]. Moscow, URSS Publ., KomKniga Publ. 156 p.
- Shirinkina M.A., 2021. Kategoriya adresatsii v pamyatkakh organov ispolnitelnoy vlasti [Category of Addressing in Memos of Executive Authorities]. *Globalnyy nauchnyy potentsial* [Global Scientific Potential], no. 2 (119), pp. 114-118.
- Yankovaya V.F., Bel'dova M.V., Banasyukevich V.D. et al., 2014. *Slovar vidov i raznovidnostey upravlencheskoy dokumentatsii* [Dictionary of Types and Varieties of Management Documentation]. Moscow, VNIIDAD. 81 p.

SOURCES

- Dolzhnostnaya instruksiya professora ot 12.10.2020 № 1587* [Professor's Job Description Dated October 12, 2020, No. 1587].
- Instruktsiya № 4 ob obshchikh pravilakh protivopozharnoy bezopasnosti ot 01.10.2020* [Instruction No. 4 on General Fire Safety Rules Dated October 1, 2020]. URL: <https://volsu.ru/upload/medialibrary/54a/Инструкция%20об%20общих%20мерах%20по%20противопожарной%20безопасности.pdf?ysclid=m0feqq8pt4289194122>

Information About the Authors

Marina V. Kosova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Mikhail K. Sheptukhin, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, mikhailsheptukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0857-2422>

Информация об авторах

Марина Владимировна Косова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Михаил Константинович Шептухин, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mikhailsheptukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0857-2422>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.



The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

